

АНДРЕ НОРТОН

ПОИСК

ВО

ВРЕМЕНИ

АНДРЕ НОРТОН

АНДРЕ НОРТОН

**ПОИСК
ВО ВРЕМЕНИ**

**РИПОЛ
ДЖОКЕР
1993**

ББК 84.7 США
Н 82

Серия «ДЖОКЕР»
Фантастические романы
Серия основана в 1992 году

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник.
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Лебедева Я.Л.
Саломатов А.В.

Художник
Атрошенко С.П.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

Компьютерный набор
Ильин А.А.
Шкарин К.В.

Три интереснейших романа известной писательницы Андре Нортон посвящены путешествиям во времени. В них моделируются и оживают удивительные экзотические миры: Атлантида, Империя ацтеков, миры, существующие в других временах. И везде герои-путешественники преодолевают трудности, обретают новых друзей, сражаются с врагами.

Романы написаны в традициях фантастики Андре Нортон, где добро всегда побеждает зло.

Н 4703040100-025 без объявл.
070219-93

ISBN 5-87012-025 - 2

© РИПОЛ, Джокер, 1993
© Перевод Т.Романовой, 1993
© Оформление С.Атрошенко, 1993
© Составление серии К.Андронкина, 1993

**ОПЕРАЦИЯ
«ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»**

Глава 1

— Атлантида? Сказка! — Человек у окна обернулся. — Не можете же вы всерьез... — уверенно начал он, но эта уверенность угасла, потому что лицо собеседника не изменило выражения.

— Вы видели пленки первых трех заходов? Разве они похожи на продукт чьего-то воображения? Вы сами следили, чтобы были приняты все меры против обмана. А говорите — сказка. — Спокойный седой мужчина откинулся в кресле. — Хотел бы я знать, что лежит в основе некоторых наших традиционных легенд. Уже давно доказано, что скандинавские саги, некогда считавшиеся вымыслом, на самом деле являются летописями исторических путешествий. Многие из нашего фольклора искажены. Скажем, драконы... Были времена, когда по земле ходили бронированные драконы...

— Но до появления человека! — Харгрейв отошел от окна и выставил вперед подбородок, как бы готовясь к битве, пусть даже словесной.

— Вы никогда не задумывались, почему некоторые легенды живут веками, рассказываются снова и снова? Дракон, пожирающий людей...

Харгрейв улыбнулся.

— Я часто слышал, что настоящий дракон предпочитал на обед нежных девушек, если только какой-нибудь доблестный рыцарь не заставлял его копьём и мечом сменить мнение.

Фордхейм засмеялся.

— Но драконы, несмотря на свои диетические пристрастия, твердо удерживались в фольклоре всего мира. И их подобию некогда странствовали по земле.

— Во времена, повторяю, предшествующие появлению самого примитивного нашего предка.

— Насколько мы знаем, — поправил Фордхейм. — Я говорю о том, что определенные типы сказок очень устойчивы. Когда мы основали этот проект — и вы знаете причины этого — нам нужна была исходная точка. Атлантида — одна из самых прочных наших легенд. Она настолько стала частью нашего наследия, что, я думаю, ее вообще принимали за реальность...

— И все основано на нескольких фактах, которые использовал Платон, чтобы обосновать некоторые свои аргументы...

— Допустим, что Атлантида когда-то существовала, но не в этом мире...

— Где же? На Марсе? Взорвалась и оставила кратеры в пустыне?

— Как ни странно, согласно легенде атланты случайно взорвали себя, в общем, что-то в этом роде. Нет, здесь, на этой планете. Вы слышали о теории альтернативной истории? Всякое важное историческое решение ведет к образованию двух альтернативных миров.

— Фантастика! — воскликнул Харгрейв.

— Так ли? Допустим, что это факт и что в одной из этих альтернативных временных линий существует Атлантида, а в другой — драконы частично совпадают по времени с человечеством.

— Даже если бы это было так, откуда нам знать об этом?

— Справедливо. Мы можем быть отделены от этих линий целой сетью важных решений. Однако предположим, что, когда мы были ближе к ним, произошла некоторая утечка — может, появились даже индивидуальные проходы. У нас есть вполне достоверные рассказы о странных и необъяснимых исчезновениях из нашего мира и об одном-двух необычных людях, появившихся здесь при весьма странных обстоятельствах. А легенда об Атлантиде настолько правдоподобна, что захватывала воображение целых поколений, и мы взяли ее в качестве контрольной точки.

— Как именно?

— Мы вложили в Ибби все материалы на эту тему, известные современному миру — от сообщений геологов, измеряющих океанские глубины в поисках возможных гряд затонувшего континента, до «откровений» служителей культа. И Ибби выдал нам взамен уравнение.

— Вы хотите сказать, что установили поисковый луч?

— Именно. И мы видели результаты на пленках. Они получены по расчетам Ибби. И вы согласитесь, что они не имеют никакого сходства с нашим временем и местом.

— Да, пожалуй. И где они снимались?

— Прямо здесь, на ландшафте, который вы видели. Сегодня мы поставили на десятиминутный пробег, самый продолжительный, на какой можем решиться. Исходным пунктом мы взяли курган.

— С ним все еще затруднения?

Фордхейм нахмурился.

— Появилась газетная статья о том, что мы хотим скрыть курган, чтобы построить дополнительную лабораторию. Весь этот шум поднял Уилсон — вечный противник правительственных специалистов. Он устроил крестовый поход «Спасите наш исторический холм» главным образом для того, чтобы выступить место в городских газетах и досадить проекту. В прошлом году он начал распространять слухи, что мы заняты каким-то жутким экспериментом, который сотрет с карты

весь округ. Затем он начал предупреждать об опасности для людей, хотя прекрасно знал, что все это — чушь. Но дело в том, что «Спасите наш исторический холм» не так хорошо звучит для возбуждения интереса, как «Смотрите, яйцеголовые собираются взорвать нас». Сейчас его кампания уже идет на убыль. Тем не менее курган является хорошей отправной точкой, потому что он древнее, чем другие ориентиры поблизости.

— А что, если вы наткнетесь на строителей курганов вместо атлантов?

— Ну что же, тогда у нас будет дополнительный набор пленок для привлечения внимания к проекту, хотя для нашей реальной цели лучше те, что у нас уже есть.

— Да, — согласился Харгрейв. — А если эта работа... если мы сможем пробиться сами?

— Тогда мы перехватим ресурсы, такие богатые, какие и не снились этой эпохе. Мы нырнем туда, опустошим и захватим большую часть богатств нашего мира. Точно так же, как сейчас мы стараемся ограбить любое другое место. Ну, пойдем посмотреть Атлантиду?

Харгрейв засмеялся.

— Увидим — тогда и поверим. Одна картинка дороже целого тома слов. Дайте мне хорошую пленку, чтобы показать в Вашингтоне, и я сумею увеличить поток ассигнований. Ладно, покажите Атлантиду.

* * *

Погода была удивительно мягкой для начала декабря. Рей Осборн расстегнул ворот кожаной куртки. Сапоги бывшего парашютиста-десантника мяли обтрепанные пучки последней в этом году травы. Осборна накрыла тень индейского кургана. Было раннее воскресное утро. Уилсон не ошибался, когда советовал именно это время. В заборе был пролом, как и обещал Уилсон. На виду было только одно здание — башенная часть секретной постройки. А на этой стороне кургана его, Рея, не увидят, даже если кто-нибудь стоит на посту.

Что они собираются строить, когда сроят курган бульдозерами? Что будут делать люди, когда вообще не будет свободного места? Рей повернулся к кургану, готовя камеру для снимков, за которыми его послали. Он нажал кнопку...

Мир сошел с ума, как если бы Рей нажал красную кнопку, вызывающую немедленную гибель. Он качнулся назад, ощутив нестерпимую боль в голове, боль, ассоциирующуюся с ослепившими его фиолетовыми вспышками. Тишина... Рей протер слезящиеся глаза, туман рассеялся. Он стоял, качаясь

как пьяный, и осматривался кругом ошарашенно и недоверчиво.

Рваная полоса расчистки, стоящая поодаль землеройная машина, даже сам курган — исчезли! Он был в тени, но не земляного кургана, а гигантского дерева, и дальше стояли другие такие же деревья!

Рей протянул дрожащую руку и ощутил грубую кору — она была реальной! Затем он побежал по мшистому коридору между деревьями чудовищного размера. «Назад! — требовала часть его затуманенного мозга. — Куда — назад?»

Через несколько минут он выбрался из сумрака этого невероятного леса на поросшую травой равнину. Он зацепился за торчащие из земли корни, упал и остался лежать, тяжело дыша. Скоро он заметил, что его палит жаркое солнце, слишком уж жаркое для зимы. Он поднялся на колени и осмотрелся.

Впереди была равнина, позади — лес. Ничего этого он раньше не видел. Где... где он? Вздрыгнув, хотя земля под ним была теплой, он заставил себя спокойно сесть. Он — Рей Осборн. Он собирался воскресным утром оказать любезность Лесу Уилсону — сделать несколько хороших снимков кургана для статьи, которую писал Лес. Снимки... В руках у него ничего не было. Где камера? Видимо, он уронил ее, когда это случилось. Что случилось?

Рей опустил голову в ладони. Он боролся с охватившей его паникой и пытался рассуждать логично. Но какой логике поддается такое? Минуту назад он был в разумном, обычном мире, а теперь он здесь. И где это — ЗДЕСЬ?

Он медленно поднялся и сунул трясущиеся руки в карманы. Идти назад. Он повернул голову, взглянул на лес и понял, что не может идти туда снова, во всяком случае, сейчас. Сердце его тяжело забилося, как только он подумал об этом. Почему-то эта открытая местность казалась ему меньшим из двух зол. Так что он пошел вперед и скоро обнаружил узкую долину, по которой бежал поток воды, а вокруг рос высокий кустарник. Когда он нашел тропу и начал спускаться вниз, вдруг раздался треск. Из зеленых зарослей, тянувшихся по склону, выскочила темная фигура. Острые копыта яростно били по стене оврага, бросая вниз землю и камни. Затем, видимо, сообразив, что здесь не подняться, создание вскинуло голову с оленьими рогами и повернулось к своим преследователям.

Рей вцепился в траву на краю, чтобы не соскользнуть. Преследуемое животное находилось прямо под ним, оно стояло, опустив голову и тяжело дыша. Рей не мог поверить в реальность всего этого. Лоси — если этот огромный зверь был лосем — не встречались в южном Огайо. У этого зверя рога

были не меньше шести футов, а сам он был значительно выше Рея — так же несоизмеримо огромен, как и деревья в лесу.

Из кустарника выпрыгнули косматые волкоподобные животные. Первое из них, увертываясь от рогов, вцепилось в переднюю ногу лося, явно не ожидавшего такого коварства. Остальные стремительно нападали и тут же отскакивали, прежде чем лось успевал защититься.

От созерцания этого боя Рей оторвал крик. Одно из существ мгновенно прекратило битву и ответило резким лаем. Тут же появились двуногие охотники. У них, казалось, не было ничего, что Рей мог бы назвать оружием, правда, у одного обнаружилась короткая металлическая палка. Он нацелил ее в горло лося, и из ее наконечника брызнул красный луч. Лось с мычанием поднялся на дыбы и упал вперед, подмяв одну из собак. Собаки бросились рвать все еще вздрагивающее тело, но охотники отогнали их.

Вытащив из ножен на поясе кинжал, один из мужчин приступил к разделке туши, а другой прикрепил поводки к обитым металлом ошейникам собак, в то время как третий завернул в тряпку огненосный жезл и спрятал за пазуху.

Все трое были среднего роста, но широкие плечи и тяжелые руки придавали им вид карликов. Жесткие черные волосы длиною до плеч были смазаны жиром и удерживались кожаным ремнем. Кожа — цвета среднего между медным и оливковым. Широкий толстогубый рот с крепкими желтоватыми зубами, темные глаза, крючковатый нос — таков был их облик.

Они носили сероватые туники из кожи, обработанной до мягкости ткани, одежда достигала середины бедер. Сверху были кожаные жилеты, обшитые металлом, сапоги на толстой подошве закрывали ноги до колен, но руки были голые, только с металлическими браслетами, усаженными тусклыми камнями. На широких поясах висели кинжалы в ножнах.

Рей скорчился, не пытаясь более совместить увиденное с реальностью. Сон. Конечно, это сон. Сейчас он проснется...

Одна из собак обнаружила его. Ее красные глаза нашли источник чужого запаха, попавшего в ее ноздри. Она с рычаньем натянула поводок. Кожаный плетеный ремень удержал ее. Через секунду она повторила рывок, и ремень лопнул. Но она, как и лось, не могла взобраться по стенке оврага. Растерянный Рей мог оказаться легкой добычей. Один из охотников с криком указал на него. Главарь выхватил жезл и прицелился. Рей повернулся было бежать, но что-то в нем застыло, и он не мог двинуться с места.

Неспособный пошевелить даже пальцем, он бессильно стоял и ждал, когда враги до него доберутся. С помощью

своего странного оружия они выжгли ряд ступенек в стенке оврага. Рей понимал одно: он не умрет сразу, как лось.

Они подошли к нему вплотную. Неподвижность лиц и недостаток видимых эмоций в их глазах вызывали беспокойство. «Маски, — подумал Рей, — довольно злые маски». С чувством ледяной тошноты он осознал, что перед ним нечто чужое, далеко выходящее за пределы его старого привычного мира.

Теперь они окружили пленника, рассматривая его. Главарь прервал молчание вопросом на гортанном шипящем языке. Рей не ответил, и челюсть мужчины угрожающе выдвинулась.

Он снова спросил, на этот раз на мурлыкающем, почти поющем звуке. «Другой язык», — догадался Рей. Его продолжающееся молчание, видимо, слегка обескуражило захватчиков.

Наконец главарь выкрикнул резкий приказ. Один из его подчиненных снял с пояса кожаный ремешок, шагнул к Рею, сложил вместе его бессильные запястья и крепко связал их. Все еще находясь под влиянием странного оружия, Рей вынужден был подчиниться. Его затрясло от отвращения, когда охотник к нему прикоснулся.

Главарь поднял жезл. Но из наконечника оружия не вышел луч, а просто Рей был как бы снова разморожен. Не оглядываясь, носитель жезла пошел прочь. Охотник, связавший Рея, слегка хлестнул пленника по плечам, приказывая идти следом. Отвращение Рея перешло в ярость не только по отношению к охотнику, но и ко всему бедственному положению, в котором он оказался. Он не знал, где он и почему, но чувствовал, что должен узнать и кому-то стократно воздать за это. В своей ярости он нашел силу и вцепился в нее, как тонущий цепляется за скалу среди бушующей реки.

Они прошли к обрыву и оказались у ступеней в стене. Связанный Рей не мог спускаться по этой лестнице, но даже теперь ему не хотелось ползти. Стражник ударил его плетью по ребрам длинным кинжалом, поощряя к движению, но на четвертой ступеньке Рей потерял равновесие, упал, проехал вниз в облаке пыли и гравия и закончил путь ударом о ствол молодого деревца, так что его ободранное лицо оказалось ниже его длинных ног.

«Конечно, — угрюмо думал он, — если это был сон, такой удар должен был разбудить его». Он почувствовал тупую боль в затылке. Беспомощный, неспособный встать, он лежал, ожидая волеизъявления своих пленителей.

Они спустились не торопясь. Наконец один из них подошел к нему и дал хорошего пинка. Когда Рей не встал после этого ободрения, двое поставили его на ноги. Резким толчком, от которого он чуть было не упал снова, его направили вперед.

Из порезанных камнями губ и подбородка сочилась кровь,

привлекая внимание мелких жалящих насекомых, которых он не мог отогнать, он только дергал головой почти до дурноты. Дойдя до лося, охотники привязали Рея к дереву, а сами продолжали свою мясницкую работу. Разрубив мясо, они накормили собак, а остальное завернули в зеленую кожу. Затем один, взяв немного внутренностей, потащил их по земле, оставляя красный след.

Отойдя на небольшое расстояние, он подошел к черному отверстию в склоне с песчаным холмиком внизу. Бросив внутренности, охотник взял прутик, сунул его в дыру и повертел там, а затем отскочил назад. Из отверстия хлынула волна крупных муравьев.

Другие охотники тем временем отвязали Рея и рычащих собак, и, взяв мясо, пошли вниз по ручью. Рей оглянулся на останки лося, они были похоронены под черным колыхающим муравьиным одеялом.

Позднее он прикинул, что они шли с час, прежде чем лощина превратилась в настоящую долину. Кустарник, рвавший его незащищенную кожу и оставлявший красные царапины на голых руках охотников, сменился чащею деревьев и полянками с высокой, по пояс, травой.

Страдания Рея возрастали почти с каждым шагом. Поцарапанное, искусанное лицо распухло, глаза сузились до щелочек. Постоянная боль в затылке распространилась на плечи и по спине. Связанные руки онемели. Однако он в какой-то мере приветствовал все эти мучения: они удерживали его от мыслей. Где он? Что произошло? Теперь он уже не верил, что это сон, хотя отчаянно цеплялся за эту надежду.

Долина резко перешла в побережье, ручей разлился миниатюрной дельтой по берегу моря. Моря?

Острый соленый воздух снова вызвал в Рее связанные мысли. Море? Среди континента? Он смотрел на бледный полумесяц песка с каким-то тупым ужасом.

Здесь никак не могло быть моря. Значит, это не его родной мир! Что за кошмар.

Оклик с берега заставил охотников ускорить шаг. Они тащили Рея с собой, подталкивая его с двух сторон. У края воды поднимался тонкий, как утренний туман, дымок от костра, и несколько темных фигур поднялись приветствовать охотников.

— Все еще говорите — сказка? — спросил Фордхейм, не отводя глаз от видеозэкрана.

Не получив ответа от Харгрейва, он оглянулся. Сдвинутые

брови придавали лицу Харгрейва воинственный, злой вид. Фордхейм и раньше наблюдал такую реакцию. На этот раз он радовался, что все сомнения были рассеяны.

— Правильно. Я видел кое-что — деревья, похожие на те, что на ваших других пленках.

— Деревья? — заторопился Фордхейм. — Вы когда-нибудь видели такие?

— Нет, — неохотно признал Харгрейв.

Фордхейм продолжал напирать.

— Таких деревьев, вероятно, нет в этой стране уже несколько столетий. Первые поселенцы сообщали о необходимости расчистки этой местности. Иногда они тратили несколько лет, уничтожая девственный лес, выкорчевывая пни и корни.

— Ладно, согласен, кое-что у вас есть, мы видели через этот луч участок совершенно неизвестной местности. Но перемещение во времена Атлантиды... Мне нужно больше доказательств, прежде чем я дам какие-либо рекомендации.

— Вы возьмете с собой пленки. Я говорил об Атлантиде только как о возможности — я же не обещал вам ее. Вы видели просто доколумбовый Огайо. У нас нет еще способа доказать или опровергнуть уравнение Ибби. Но вы должны признать, что начало впечатляющее.

— Я хочу увидеть фильм о том, за чем мы только что следили, — сказал Харгрейв. — Я хочу посмотреть, замечу ли я точку перемены при проходе луча.

— Подождите немного, сейчас установим.

Харгрейв стал еще более хмурым.

— Ради этого — сколько угодно. Я хочу видеть, что возьму с собой. Придется отвечать на кучу вопросов.

— Вот. — Фордхейм сел у проектора. — Здесь — мы. Здесь — срез...

Сырая земля под негреющим зимним солнцем, тень от бульдозера слева, подъем на склон кургана...

— Я-то видел перемену. Надеюсь, что фильм ее покажет. Фордхейм засмеялся.

— Гипноз? Не думаете ли вы, что я им занимаюсь? Что это даст? Если только вы не считаете, что я одержим своим хобби до полной потери здравого смысла. Мы впервые держали луч так долго, что у нас должна быть более детальная картинка.

Харгрейв уставился на экран.

— Когда вы сможете... — Он замаялся.

— Пройти линию сами? Мы ничего не знаем о передвижении. Нам понадобится куда большая мощность...

— Это отличные пиломатериалы. — Харгрейв смотрел на

громадный лес, вернее, на ту часть его, которую удержали для них луч и фильм. — Возможно, будет захвачена куча других ресурсов. Если смотреть на это, как на пустой мир...

— Да, практически так и будет. В предположении, что мы сможем открыть дверь в любое место, вроде этого, и перекачать ресурсы сюда. А сейчас — как вы считаете, какова будет реакция, когда вы сделаете представление комитету и объясните это?

— Они захотят удостовериться, что шансы пятьдесят на пятьдесят. Как по-вашему, скоро вы сможете поставить реальный эксперимент?

— Вы хотите сказать — послать кого-то? Не знаю. Мы работали два года, чтобы получить то, что вы видите сейчас.

Харгрейв улыбнулся и кивнул.

— Давайте ваши пленки. Я покажу им. Может быть, удастся дать вам хотя бы половину того, что вы просили.

— Щедро. Но, я полагаю, можно надеяться. — Фордхейм был внутренне удовлетворен своим полуобращением.

Они внимательно смотрели фильм. Харгрейв наклонился вперед. Вот рубец среза, курган. Затем мерцание и деревья. Но резкое восклицание Фордхейма оборвало гудение проектора.

— Ленгстоун, — позвал он оператора, — верните назад. Теперь пускайте медленнее. Видите, как раз перед изменением.

— В чем... — Харгрейв оборвал протест, взглянул на своего компаньона. Недавнее удовлетворение Фордхейма как рукой сняло.

В поле зрения снова показался срез холма.

— Слева от кургана... Вот здесь — смотрите.

Харгрейв увидел фигуру, с трудом различимую, но явно человеческую, стоявшую на пути луча. То, что выглядело мерцанием, когда фильм шел с обычной скоростью, теперь стало слепящей вспышкой. Затем появились деревья, и рядом с одним из них — человеческая фигура.

— Пошли! — Фордхейм бросился к двери с поразительной для его возраста и привычек скоростью. Харгрейв едва поспевал за ним через небольшую лужайку к автостоянке. Фордхейм рванул дверцу кара и втиснулся за руль. Харгрейв едва успел сесть рядом и хлопнуть дверцей, и они уже мчались по бетонной дорожке к воротам.

Охранник увидел их и, видимо, что-то сообразив, включил автоматику как раз вовремя. Харгрейв перевел дух с некоторым облегчением: Фордхейм все-таки не врезался в этот барьер, как, похоже, собирался.

К счастью, дорога впереди была пуста, так что они высо-

чили на нее с непозволительной скоростью. Но Фордхейм, видимо, вспомнил об осторожности, потому что замедлил ход, сворачивая в вырубку, где их стало немилосердно трясти на неровной дороге.

Затем директор выскочил из кара и побежал к кургану. Страх или возбуждение заставили его держаться на несколько шагов впереди Харгрейва, но когда последний обежал курган, он наткнулся на резко остановившегося Фордхейма. Директор держал в руке фотокамеру. Фигуры, которую они видели в фильме, здесь не было и в помине.

— Он исчез! — констатировал очевидное Харгрейв.

Фордхейм поднял мертвенно-бледное лицо от камеры.

— Он исчез, да — отсюда... — Он оглянулся через плечо на то место, где они видели деревья. И Харгрейв вздрогнул, понимая, каким образом тот человек исчез.

Глава 2

— Где он? — Харгрейв облек свою мысль в слова.

— Возможно, в Атлантиде, — еле слышно ответил Фордхейм.

— Но... но вы говорили, что тот лес — доколумбовой или даже более поздней эпохи, — возразил Харгрейв.

— Да, может быть, так. А может, и нет. Вы видели лес и фильм, а теперь видите это. — Фордхейм махнул камерой. — Тот бедняга шел, или возвращался, или просто пересек путь луча — считайте, как хотите — и мы его послали.

— Вы можете его вернуть? — Харгрейв отмел рассуждения, добираясь, как всегда, до реального факта.

— Понадобится по крайней мере четыре дня, а может, и больше, чтобы накопить энергию для нового луча. Все эти вещи требуют расчетов. Как вы полагаете, почему мы выбрали именно этот день и час для попытки? Это вам не кнопку нажать, чтобы дверь открылась. Здесь должна быть тщательная обработка кода. Четыре дня... — Он огляделся вокруг. — И мы не можем сказать, как там идет время. Он же не будет сидеть на месте четыре дня — он не имеет представления, что мы будем пытаться вернуть его назад. К тому моменту, когда мы будем готовы, он может уйти на много миль отсюда...

Харгрейв отвернулся от кургана и посмотрел на свежую расчистку.

— Но это надо сделать. И чем скорее мы примемся за дело...

— Конечно. — По тону Фордхейма казалось, что они стоят перед безнадежной задачей.

Харгрейв еще раз посмотрел на вырубку.

— Нет, это не Атлантида! — решительно сказал он.

* * *

Рей споткнулся и упал лицом в песок недалеко от очага, грубо выложенного из камней. Он выбился из сил и был доволен уже тем, что лежит, и не обращал внимания на охотников и тех, кто ждал их в этом лагере. Но его не оставили в покое.

Кривые ноги в сапогах из жесткой шкуры, на которой еще оставались клочки грубой шерсти, прошли мимо него. Затем носок сапога зацепил Рея и перевернул его лицом вверх. Человек носил такую же кожаную тунику, как у охотников, и юбку, сделанную из металлических полосок, лязгающую при движении. Вместо усиленного металлом жилета на нем были грудные и спинные пластины, сцепленные в одно целое, чтобы защитить его выпуклую грудь и плечи. Левую руку от запястья до локтя покрывал металлический манжет, а на правой руке было два драгоценных браслета.

Голова его была открыта, и длинные черные волосы раздувал ветер. На его локте висел шлем с крыльями летучей мыши. На поясе висел меч. Ростом выше охотников и не такой смуглый, он, казалось, принадлежал к другой расе. Лицо его покрывала та же маска без тени эмоции.

После долгого разглядывания он пролаял приказ, один из охотников развязал руки Рея и поставил американца на ноги. Офицер задавал вопросы, охотник отвечал, как словами, так и пантомимой, насчет пленника. Когда он закончил, офицер приступил к допросу пленника — широкий взмах рукой к западу и одно слово:

— Ну?

Рей покачал головой. Офицер, похоже, был встревожен этим ответом. Он нахмурился и указал на восток, произнес другое слово, которое Рей плохо расслышал. Внезапно американец понял: они хотят знать, откуда он пришел, и указал назад, где должен был находиться угрюмый утес. Он не ожидал реакции, которую вызвал его ответ.

Офицер прищурился, как кот, раздвинул в усмешке толстые губы, показав красноватые десны и желтые зубы, а затем разразился презрительным смехом. Его недоверие было совершенно очевидным.

Затем офицер велел другому охотнику повторить рассказ о захвате Рея. Это было сделано. Охотник указал на короткие

волосы Рея и дернул немытой после разделки туши лося рукой кожаную куртку пленника, привлекая к ней внимание офицера.

Тот сделал знак Рею снять куртку. Охотник обыскал ее карманы, достал носовой платок, записную книжку и запасную пленку.

Через несколько минут пленник дрожал голый на ветру, а вся его одежда лежала на песке. Охотники все еще обыскивали карманы, словно были уверены, что у Рея должен быть какой-то важный предмет. Один из охотников завладел его карманным ножом, другой вертел в руках его наручные часы, но после резкого приказа офицера положил их назад. Встряхнув носовой платок, офицер сложил на него все содержимое карманов Рея, завязал в узелок и положил в плетеную корзинку.

Рей повернулся к своей одежде, но рука офицера хлестнула его тыльной стороной и сбила с ног. Охотник бросил пленнику свернутую кожу. Горя от злости, Рей напялил на себя скудное одеяние вроде юбки, абсолютно не защищающее от холода и ветра. Интересно, что случится, если он попытается прыгнуть на офицера?

Пока его воображение рисовало ему некоторые удовлетворяющие его детали, стальные пальцы схватили его и развернули, оттянув его правую руку. На бледной коже предплечья был маленький синеватый кружок с расходящимися лучами, так и не стершаяся с годами юношеская попытка татуировки. Офицер оскалился, рассмотрел это, отбросил руку Рея и плюнул.

— Ну, — с уверенностью сказал он.

В новый мир пришла ночь. Судя по-всему, Рея собирались как-то использовать в будущем, потому что ему дали порцию жареного мяса лося. Затем его руки снова были связаны, лодыжки тоже. Один из мужчин набросил на него кожаное покрывало, когда он попытался зарыться в песок, чтобы согреться.

Где он? Почему-то сейчас это было важнее, чем как он сюда попал. Исторический курган, потом деревья, теперь он здесь. Индейцы? Но даже если путешествие во времени возможно не только в фантастике, это не индейцы. И моря в Огайо нет, и... и... Рей боролся с паникой, что снова поднималась в нем и понуждала бежать и вопить...

Ну, ладно, он не знает, где он и как сюда попал. Но самой главной проблемой сейчас были охотники и то, что они собирались делать с ним. Через некоторое время его усталый мозг оцепенел, как и его дрожащее тело, и он в изнеможении уснул.

На заре его разбудил резкий крик птицы. Под наскоро сделанной палаткой из плащей фыркал и двигался офицер, у погасшего костра клевал носом часовой. Значит, сон продолжался. Рей попытался сесть, но ремни жестко впились в тело. Раскапывая пяткой песок, он немного откатился, пока не коснулся плечом большого камня. Он осторожно поворачивался, чтобы принять сидячее положение.

Слабый розовый свет на востоке стусился. Серая птица ныряла в волнах в поисках завтрака. Часовой поднял голову, зевнул и шумно сплюнул в огонь, затем встал и со злой усмешкой взглянул на Рея. Ударом сапога он нагнул Рея вперед, чтобы проверить, надежно ли тот связан, а затем толкнул его обратно к камню. Выполнил эту свою обязанность, он отошел расшевелить огонь.

Рей потряс головой. Засохшая кровь и пыль залепили лицо. В горле и в висках тяжело стучал пульс. Хоть бы освободить руки!

Офицер выкатился из своей палатки и расстегнул пояс, державший его нижнюю туннику. Бросив одежду на латы, снятые перед сном, он побежал в воду, принялся плескаться там и вдруг закричал. Все остальные вскочили на ноги, крича и указывая в открытое море, где в сине-зеленом угадывалась черная тень.

Вернувшись, офицер обсушил тело и оделся, разразился градом приказов, в результате которых его люди засуетились. Один развязал лодыжки Рея и поставил его на ноги.

Корабль подошел. Он не напоминал ни одно судно, какое когда-нибудь видел Рей — хотя бы на картинках. Корабль остановился в полумиле от берега, из его узких боков высулись весла, и он понесся стремительно, как водяной жук.

Рей видел изображения римских галер, но у тех имелись также мачты и паруса, а у этого были только надстройки на носу и корме, покрытые крышей, служившей одновременно и верхней палубой. Шкафут был ниже, там работали гребцы. Острый нос был украшен ярко раскрашенной головой. На высоком шесте полоскался кроваво-красный флаг.

От этого гладкого необычного корабля веяло мощью и угрюмой эффектностью. Кто бы ни были люди, захватившие Рея, они явно должны были оберегать себя в этом странном мире.

Корабль встал на якорь, а через несколько минут на воду был спущен длинный бот. Весла ритмично взмахивали, и он быстро приближался к берегу, где ждал отряд охотников с узлами наготове.

Офицер разрезал ремень, связывающий запястья Рея, и взялся за рукоять меча многозначительно. Для удобства за-

хватчика пленник должен быть освобожден от пут, но будет дураком, если попытается бежать.

Команду бота составляли шестеро матросов и офицер. Они громко переговаривались с охотниками, пока прыгали через борт, чтобы подвести бот к берегу. Командир берегового отряда вытолкнул Рея вперед. По-видимому, этот пленник был гордостью отряда охотников, офицер на боте откровенно завидовал. Затем офицер-охотник указал вглубь страны и задал вопрос, на который другой ответил кивком.

Взяв на поводки собак, трое охотников ушли прочь, в то время как остальные отправились к боту. Рей влезал неуклюже: его руки и ноги онемели в путах, его втокнули между двумя сиденьями. Затем бот пошел обратно к кораблю.

Подойдя к борту корабля, они уперлись в него короткими веслами, пока им не спустили веревочную лестницу. Двое из берегового отряда поднялись, а затем лестница была предложена Рею. Он кое-как карабкался, стараясь не качаться и холодея при мысли, что может выпустить веревки и упасть, и тогда его зажмет между ботом и кораблем. Офицер из лагеря лез позади, нетерпеливо подталкивая Рея.

Пленник упал на полный народу шкафут, а офицер за ним вскинул руку, салютуя человеку в красном плаще. Этот красный плащ, похожий на пылающий уголь, бросался в глаза. Собственно, это был даже не плащ, а длинная мантия цвета свежей крови. Она покрывала высокого худощавого мужчину от горла до пяток.

Округлый, почти лысый череп, большие черные внимательные глаза, похожий на клюв крючковатый нос, выдающийся вперед подбородок. Человек, поглаживая челюсть коричневой рукой, поглядывал на офицера, рапортующего ему, и на Рея. Под испытующим взглядом этих тусклых черных глаз пленник вдруг почувствовал себя нечистым, словно по его телу проползло нечто грязное и скользкое. Охотники и их офицер были жестоки, но этот человек был чем-то, чего Рей не мог понять, чем-то полностью чужим родному миру Рея. Под этим взглядом Рей испытывал ужас и необходимость восстать против носителя красной мантии и всего, что этот человек представлял.

— Итак... Муриец...

Рей вздрогнул. Он не мог понять этих слов, однако понял. Или он «услышал» их непосредственно в мозге?

— Итак, муриец, ты, как и все ваши, восстаешь против Темного? Ничтожный последователь умирающего племени, ты думаешь, что мы не можем связать твою волю с нашей? Помни: Бык может выскочить из пламени. Кто способен противиться его воле?

Рей затряс головой — не в отрицании слов, а в усилии освободиться от головокружения и осознать, что несет в себе услышанное им. Кто такой Темный? Кто такой муриец?

Слабая тень скользнула по лицу мумии в красной мантии.

— Не пытайся увильнуть с помощью своих ничтожных хитростей. Ты прекрасно понимаешь, что тебе говорят. Иди вниз к своему товарищу и учись уважению.

Чтение мыслей? Ну, оно, наверное, часть этого дикого сна. Рей не сопротивлялся, когда трое воинов подошли к нему и потащили вдоль борта. В дальнем конце они распластали его на стене и закрепили железными скобами, вбитыми в обшивку.

Когда они ушли, он повернул голову и увидел, что у него есть компаньон по заключению. Другой пленник тоже был прикован и так близко, что пальцы их рук почти соприкасались. Он бессильно висел в скобах, голова упала на грудь, так что длинные волосы закрывали лицо. Внешне он резко отличался от экипажа корабля. Его кожа была не темнее, чем у Рея, и он был такого же высокого роста. Длинные пряди волос имели цвет полированной бронзы, но были спутаны и в одном месте запачканы кровью. Желтая туника, доходившая до середины бедер, свисала лохмотьями с одного плеча. Лохмотья удерживались на талии незнакомца широким, украшенным драгоценными камнями поясом. На поясе висели пустые ножны, показывающие, что человек когда-то был вооружен мечом. На ногах были высокие, как у охотников, сапоги, но гораздо лучшей выработки.

Рей подумал, что пленник без сознания. Но у них была общая беда. Он тихо свистнул, надеясь на ответ. Ему ответил слабый как вздох стон. Рей снова свистнул, и тот мучительно-медленно повернул голову.

Совершенством черт лица, испорченного теперь порезами и зеленоватыми синяками, незнакомец отдаленно напоминал греческую статую, как показалось Рею. Но сыны аргонавтов никогда не обладали такими высокими и широкими скулами и тяжелыми веками, полускрывавшими голубые глаза. Он ошеломленно смотрел на Рея, затем его разбитые губы заговорили. Сначала он задал вопрос на мягком наречии, которым однажды пользовались охотники. Когда Рей покачал головой, незнакомец был явно испуган.

— Кто ты, не знающий языка Матери-страны?

Опять телепатия! Рей старался не уклоняться. По крайней мере, на этот раз подобный контакт не походил на грязное вторжение.

— Рей. Рей Осборн... Пленник... — ответил он мысленно по-английски, но тот, казалось, понял.

— Откуда ты? Вспоминай, думай медленно, чтобы я мог читать из твоей памяти, видеть твоими глазами...

Рей послушно вспомнил свое путешествие от визита к кургану к необъяснимому лесу, к встрече с охотниками. И его снова охватила паника. Что произошло? Где он? В каком мире?

— Значит, есть путь... Можно пройти сквозь... Но я не узнаю
твоего времени.

— Моего времени? — переспросил Рей.

— Да, ты из далекого будущего — или из прошлого. Накалям известно, что человек может так путешествовать, хотя те, кто пытался — судя по вашим записям — не вернулись. Для тебя это произошло случайно, и это очень странно, потому что только ученые первого ранга думают о таких вещах, и то только после долгой тренировки.

Рей сглотнул. Этот незнакомец, похоже, без всякого удивления принял его безумное положение за возможное, поскольку знал, что это когда-то случалось. Пройти сквозь... Сквозь что? Во что? Куда? Если бы он знал куда — он мог бы закрепиться на чем-то, что имело бы смысл. Он задал первый вопрос, вылезший из запутанного клубка мыслей:

— Кто эти люди на корабле?

Ответ пришел быстро:

— Мы пленники атлантов — детей Темного. Видишь их знак? — Он подбородком указал на красный флаг над палубой.

Этого не могло быть. Атлантида никогда не существовала — это была всего лишь легенда о континенте, предположительно исчезнувшем в результате катастрофы еще до того, как был заложен первый камень Великой пирамиды. Эта сказка дала название одному из больших океанов родного мира Рея, но она была только сказкой.

— Почему ты думаешь, что плен помутит мой разум? — спросил незнакомец. — Я говорю правду. Мы пленники сыновей Баала, Темного Существа из Великого Мрака. И через пять дней корабль увидит утесы самой Красной страны...

— Это не может быть правдой! — запротестовал Рей. — Атлантида — миф, греческий миф.

— Насчет греческого ничего не знаю, но Атлантида, уверяю тебя, реальна, вполне реальна, ты сам увидишь, когда мы войдем в порт Пятистенного города. Так же реальна, как эти оковы, выкованные ее кузнецами и теперь держащие нас, как ненависть этого сына Баала, который командует капитаном этого судна, как удары, которые они наносят нам. Красные существа теперь правят ветром и волной Западного моря.

Это позор для нас, детей Пламени. Атлантида взбесилась. Она считает себя такой сильной, что выступает теперь против всего мира.

— Бред какой-то...

— Почему ты уклоняешься от истины? Ты бодрствуешь, ты живешь. Ведь ты чувствуешь, дышишь, видишь, как и я. Прими очевидность, поверь своим чувствам — ты пришел из своего времени и мира в наш. Ученые говорят, что человек без подготовки не может совершить такое путешествие, вот поэтому, наверное, ты сейчас и не можешь поверить правде.

— Не смею, — прошептал Рей. Рот его пересох, он дрожал, но не от холодного ветра, обдувающего его полунагое тело.

— Значит, ты из тех ничтожеств, что не могут управлять своими мыслями, своими страхами? — резко спросил незнакомец с некоторым презрением.

— Безумие... это безумие... — Однако Рей отреагировал на это презрение легкой вспышкой злобы, и она придала ему силы.

— Нет. Это случилось с другими. Я же сказал, ученые делали это...

— И никто не вернулся, — заметил Рей.

— Правильно. Однако, возможно, они не мертвы. Скажи, разве не правда, что ты еще жив? А пока человек жив, все возможно. Если бы мы добрались до города Солнца, там тебе показали бы истинные пути времени. Разве люди твоего века настолько невежественны и не знают, что время — великая змея, она поворачивается и свивается кольцами так, что одно время почти касается другого? Тогда человек может, при случае, пройти сквозь виток. Хотя ушедшие в такой путь не вернулись, наши исследователи смотрели сквозь другие времена и места. Они видели поля Гиперборей, которая отстает от нас на тысячи лет и теперь стала только легендой. Не бойся прошлого: смотри в будущее, потому что вокруг нас эти черные собаки Великого Мрака, и схватили нас здесь и теперь. А эта опасность хуже, чем любая, какую ты когда-нибудь встречал! — Теперь его слова в мозгу Рея были холодны и тверды. — Клянусь тебе в этом Пламенем!

Если он действительно попал в другое время, он полностью и совершенно одинок. И снова американец сражался с паникой.

— Они называли тебя мурийцем. Для тебя лучше быть мурийцем. Если они догадаются, что ты иной, тебя возьмут жрецы Великого Мрака...

— Что такое муриец? — спросил Рей.

— Сын великой Матери-страны, как я. Потому что я —

из дома Солнца в Матери-стране. Люди моего двора — меченосцы самого Ре Му.

— Мать-страна? — Запоминать, учиться всему, чему можно. Держаться факта, что это все правда, и всякое знание, какое он, Рей, получит, может послужить оружием или защитой.

— Страна далеко на западе, где, как говорят легенды, жизнь возникла снова из немногих семян после гибели Гиперборей. Му вызвал землю к жизни, и с ее берегов пришли четыре человека из народа Му, майяков, уйгуров и атлантов. Ре Му правил миром до тех пор, пока эти умники из Атлантиды не полезли в запретные знания и не попали под Тень — или, может, пошли туда по своей воле!

Их первый вождь — Посейдон был из Дома Солнца в Матери-стране. Но впоследствии род его вымер и народ выбрал собственного правителя. Он был силен волей и желанием власти и свернул с тропы жизни, чтобы атаковать стену между Тенью и вашей Землей. Эта стена была создана Пламенем для защиты человека от всего того, что ползает в темноте по ту сторону. Он упивался властью, как пастухи в холмах упиваются странными грезами от сока трамона.

И он не пожелал снова встать в Зале Ста Королей, чтобы получить слово Ре Му, а пошел своим путем...

Слушая, Рей забыл свой страх. Он держался за необходимость получить представление об этом новом мире, и тем воздвигал барьер против опасных мыслей.

— Так началось правление Баала, отца зла, ненависти, вожделения, всех тех мыслей и желаний, которые вредят человеку. Это началось тайно, под землей, в пещерах, а затем более открыто. Это охватило воинов, крестьян, моряков. Только Солнцeroжденный остался верен Пламени. В конце концов Солнцeroжденный был низложен, и Атлантида отделилась от Матери-страны.

— Здесь идет война?

Человек покачал головой:

— Пока нет. Мать-страна потеряла былую силу, щедро раздавая ее своим детям, и теперь стала почти пустой раковиной. Ее лучшие люди и ресурсы были отданы колониям. Но теперь Посейдон, внук того первого дьяволопоклонника, готов разорвать покрывало мира. Он ведет себя вызывающе — и по этой причине я здесь...

— Ты был захвачен в бою?

— Нет, я не имел такого удовольствия. Я был послан сюда, в Бесплодные земли, найти какие-либо тайные порты или укрепления атлантов, где их корабли могут скрываться в промежутках между набегами. Мы были в разведке на берегу и

попали в засаду, устроенную пиратами. Узнав мой ранг, они не стали убивать меня, а продали Красной Мантии за три меча, выкованные челебийцем, и четыре изумруда. Это, вероятно, больше, чем за меня дали бы на открытом рынке Сенпара проклятого, где Королева-Ведьма правит накипью всех наций. Это случилось сегодня на заре.

— Что они хотят сделать с тобой?

— Если я избежну алтаря Баала, то буду гнить в их башне — так они рассчитывают. В течение одного месяца исчезло три наших корабля, и никто из их экипажа не спасся. Но если Пламя будет милостливо ко мне... — Он вдруг замолчал.

Глава 3

Кто-то спустился по трапу в гребной отсек. Рей услышал лязг брони и стук сапог. Два охотника прошли мимо, неся в руках блестящий, гладко вычищенный череп с рогами — лосиний, наверное. Они положили свой груз на палубу и ушли обратно. Но офицер, шедший за ними, остался, чтобы покрыть череп тканью. До Рея дошло поспешное мысленное сообщение:

— Будь наготове, товарищ! Если ты будешь свободен, беги в угол палубы, в тень лестницы. Если я не смогу присоединиться к тебе, бросайся в море. Это будет куда лучше, чем то, что тебе предложит этот корабль.

Муриец усталился на офицера, и хотя атлант не поднимал глаз и вроде бы не знал, что на него так смотрят, он стал менее уверенным в движениях. Он споткнулся, а затем взглянул на пленников. Встретившись глазами с Че, он медленно выпрямился, двигаясь явно по принуждению.

Глаза мурийца держали его, и он шел к пленникам, медленно переставляя ноги. Остановившись перед Реем, он дернул железное кольцо, державшее правое запястье американца. Освободив руки Рея, атлант опустил на колено и снял кольца с его щиколоток. Все это офицер делал наощупь, не сводя глаз с Че. Рей был свободен. Он колебался не более секунды, прежде чем бросится в тень, как велел муриец. Там он оглянулся — атлант освобождал Че.

Вдруг офицер рывком выпрямился. Он потряс головой и неуверенно поднес руки ко лбу, Рей переминался с ноги на ногу, держась за поручни. Было ясно, что сила, державшая атланта в повиновении, ослабла. Сумеет ли муриец снова собрать свои силы? Может быть. Офицер снова потянулся к кольцу.

Затем он покачнулся. Установив равновесие, он ударил кулаком в лицо мурийца. Второй злобный удар рассек губы Че. Рей прыгнул, но не в море.

— Уходи! Стража...

Американец не дослушал приказа Че. Согнув руку в локте, он как крючком захватил горло офицера, оттащил назад и резко ударил в лицо. Когда атлант упал, Рей выхватил у него из-за пояса меч и опустил тяжелую рукоять на голову офицера.

— Уходи! — снова приказал Че.

Рей не ответил. Он оттянул кольца и, пользуясь лезвием меча как рычагом, открыл их.

— Пошли!

Они побежали в угол палубы. Че дернул дверцу.

— Это для огнемета. Будем надеяться, что отверстие достаточно широко для нас. Лезь! Ты умеешь плавать?

— Нашел время спрашивать! Умею.

— Тогда лезь. И постарайся как можно дольше оставаться под водой.

Рей прополз в узкий лаз, обдирая голые плечи, и оказался в воде. Руки и ноги его автоматически заработали.

— Давай! — оглянулся он.

Кровь стучала у него в висках, он должен вздохнуть, должен! Резкая боль опоясала его ребра. Как раз когда он подумал, что уже не выплывет, в его легкие хлынул воздух. Перед ним рассекало волны гладкое плечо, и он поплыл вслед за своим гидом. Мышцы спины болели, вода жгла лицо и царапины на плечах, он наглотался, и его тошнило. Но он плыл, хотя гребки его стали теперь неровными. Где берег? Он ничего не видел, кроме чего-то плывущего вдали.

Рей упрямо двигался вперед, держа голову над водой. Если бы отдохнуть! В груди покалывало, руки отяжелели.

Его колено больно стукнулось о грубую поверхность — камень. Под ногами вспучился песок. Из всех оставшихся сил он рванулся вперед, его поволокло волной. Рот и глаза были полны песка, он кашлял и отплевывался, но выполз из воды и лег ничком на берегу.

Но вот он пошевелился. Соль, въевшаяся в царапины на лице и теле, раздражала, и это привело его в себя. Солнце грело его, пока он кое-как приподнялся и огляделся.

Чуть дальше лежал Че, уронив голову на руки. Рей встал, слегка стряхнув налипший на тело песок, и подошел к мурийцу. Взяв Че за плечи, Рей попытался поднять его.

— Пойдем... нам лучше уйти, — прохрипел Рей. — Они пошлют бот и снова схватят нас. — Ему трудно было поверить в удачу.

— Нет надобности. — Че подчинился Рею и сел, глядя на море. — Сыны Баала уходят.

Рей прикрыл ладонью глаза от яркого света. По бокам судна плескались весла. Казалось невероятным, что атланты не сделали никакой попытки погнаться за сбежавшими пленниками, а уходили дальше.

— Почему?

— Потому, что идет охотник.

Рей посмотрел туда, куда указывал Че: далеко на горизонте показалась иглоподобная тень.

— Из нашего флота. Эти стервятники избегают прямой схватки с таким. Видишь, они сменили курс.

Корабль атлантов резко свернул к востоку. Если мурийский корабль пойдет своим теперешним курсом, между ними будет широкое, все увеличивающееся, пространство.

— Мурийцы погонятся за ними?

— Нет. Начинать атаку запрещено. Мы можем защищаться, если они нападут первые, но и только. Они не могут быть уверены в этом и удирают от равного им по силе врага, как крысы, когда фермер ставит факел на лугу. — Че засмеялся с некоторым удовольствием.

— Но почему здесь мурийский корабль?

— Он идет за нами.

— Как они узнали?

Че развел руками.

— Как я тебе объясню? Разве в твоём времени люди не знают обычных вещей? Как можно жить такими калеками? Однако ты, похоже, жил. Я мысленно позвал, как только меня схватили. Мои люди услышали и теперь идут.

— Мысленно позвал?

— Так же, как я говорю с тобой без слов. Кстати, тебе нужно выучить наш язык, потому что человек быстро устает, если все время пользуется внутренней силой для обычного разговора. А так мы можем знать о тех, кто знает нас и ждет нашего возвращения. — Он вздохнул и спросил: — Почему ты не сделал, как я тебе велел, а остался, когда мой контроль над атлантом ослабел?

Рей вспыхнул:

— А что, по-твоему, я должен был сделать? Бросить тебя и бежать?

Че внимательно посмотрел на Рея, но ничего не сказал. Через некоторое время он заговорил снова, но о другом:

— Видишь, жители Тени бегут со всех ног. Они не думают, что их будут преследовать, но все равно удирают, как скот от собак.

Весла больше не торчали из боков судна, но узконосый

корабль двигался к востоку с поразительной скоростью. Мурийский крейсер не изменил курса, чтобы помешать врагу. Он шел к берегу. Теперь уже был виден его оранжевый флаг.

— Сейчас они возьмутся за весла, — пробормотал Че.

Высунулись окрашенные в алый цвет лопасти весел, окунулись в воду и повели судно в более медленном темпе. Серебристо-серый корабль резал волны с величественной гордостью, хотя в глазах Рея он выглядел каким-то незаконченным без мачты. Дойдя до бывшей стоянки атлантов, он остановился и спустил бот, который быстро понесся к берегу.

Два человека прыгнули в воду по пояс, чтобы подвести бот к берегу. Рей осматривал прибывших с острым любопытством. Ясно, что эти высокие молодые люди не принадлежали к расе атлантов. У них была белая кожа, позолоченная загаром, цвет длинных волос варьировался от соломенного до красного дерева.

На них были кожаные туники, и каждый носил меч. Драгоценные камни сверкали на браслетах. Двигались они с такой легкостью и грацией, что Рей мысленно сравнил их с дзюдоистами, которых знал в своем мире.

Они отбросили всю свою величественность, когда подбежали к Че и ухватились за него, как если бы он был какой-то драгоценностью, которую они потеряли и не надеялись обрести снова. Поздоровавшись со всеми, Че обернулся к Рею. Не сводя с него глаз, он протянул пустую ладонь и что-то потребовал. Командир бота немедленно достал свой меч и вложил в руку Че. Муриец вонзил острие меча в песок между собой и американцем, затем взял правую руку Рея в свою и положил на рукоять меча.

Все еще пристально глядя на Рея, он запел, и люди, стоявшие позади него, подхватили песню. Затем офицер шагнул вперед с коротким кинжалом в руке. Он уколол запястья обоих мужчин, и тонкие струйки крови смешались на рукоятке меча.

— Этим я удостоверяю, что ты отныне мой брат по мечу и товарищ по щиту, новый сын двора моей матери, одной крови с моим домом...

Слова клятвы ясно горели в мозгу Рея. Он познал минуту колебания, ощущения, что принимая такое родство, он пойдет другим путем. Но, хотя его и укололо это сомнение, другая часть мозга сомнение отрицала и жадно тянулась к тому, что могло дать безопасность в чужом мире. Ждали ли от него какой-либо благодарности? Он видел, что это был какой-то официальный ритуал, который принесет — Рэй это чувствовал — больше ответственности, чем он мог предположить. Но он громко ответил:

— Да. — И он знал, что Че понял.

Во второй раз Рей оказался на корабельном боте. Но сейчас рядом с ним был Че. И он не был пленником — или был? В сущности, имел ли он выбор? Они поднялись по веревочной лестнице на палубу, полную людей, приветствовавших муррийцев, и спустились вниз, в большую каюту.

По стандартам своего века Рей мог бы назвать ее убранство варварским из-за яркости и щедрого использования драгоценностей. Стил был тем не менее выдержан. Рей никогда не видел ничего подобного, а он, как фотограф, кое-что понимал в искусстве.

Вокруг стен шли панели из черного дерева, инкрустированные замысловатыми рисунками, скомбинированными из драгоценных камней с блестящей краской или эмалью. Между ними висели длинные занавеси из блестящих тканей. Стол, тоже черного дерева, занимал противоположный конец каюты, с каждой стороны его стояли длинные скамьи, а во главе — кресло с высокой спинкой.

Каюту освещали два сияющих розовым светом шара в филигранной оправе. Цепочки, на которых они висели, покачивались от движения судна, так что свет, казалось, то усиливался, то убывал.

Пока Рей стоял и осматривался вокруг, Че подошел к столу и налил какой-то жидкости из графина в бокал на высокой ножке, одновременно слушая молодого офицера, которого он представил Рею как Хейна. Вдруг муриец уронил графин, и тот протестующе зазвенел. Че обернулся к Рею:

— Нам сообщают, что Северное море и Восточное закрыты. Это означает...

— Войну? — предположил Рей, подумав: «Тот или другой мир, то или другое время, но война, похоже, присутствует всегда».

Че кивнул:

— Если пожелает Ре Му, и когда пожелает. Но сейчас мы идем домой. — Он повернулся к Хейну, видимо, задавая еще вопросы.

Рей почувствовал ровную вибрацию сквозь стены и пол каюты. Он оперся рукой на инкрустированную панель, внезапно чуть не потеряв равновесие. Он смотрел на скамью как на более безопасное место, когда офицер сделал резкое движение: взмахнул рукой, как бы отражая удар, скривив рот словно от боли. Затем, поклонившись Че, он повернулся и вышел. Че печально посмотрел ему вслед.

— Ленор был его братом по мечу, и Ленор упал рядом со мной с кинжалом пирата в горле. С этого дня Хейна гложет печаль. Но этот долг не останется без оплаты. Мы вспомним о нем, когда встанем меч против меча с приверженцами Ба-

ала, и тогда посчитаемся. А теперь давай есть и пить, а потом спать, потому что человеку плохо быть усталым и с пустым желудком.

Они выпили вина из тонко сработанных бокалов и поели с блюд тоже искусной работы, хотя Рей более интересовался их содержимым. Насытившись, Рей поднял глаза на стену позади головы Че и увидел, что там панель в три полосы и на ней не просто декоративный узор, а карта!

Рей наклонился вперед, его дыхание участилось, когда его глаза обожали береговые линии на этой невероятной карте. Кое-что — очень немногое — было знакомо. Были два континента, северный и южный, и они были слабым напоминанием того, что было известно Рею. Миссисипи, Огайо, большая часть северо-восточной и южной части североамериканского континента оказались теперь под водой, в то время как Аляска вплотную примыкала к Сибири. Центральная часть Бразилии была окружена океаном. Взамен затонувших стран, знакомых ему, здесь были два новых континента — один на востоке, другой на западе, так что карта грубо напоминала ромб с земельными массивами в каждом углу.

Эта карта дала Рею более отчетливое представление о перемене, чем что-либо другое за прошедшие два дня.

— В чем дело? — Че поставил бокал и протянул руку. Рей не знал, что прочел муриец на его лице, но шок должен был в какой-то степени на нем отразиться.

— Да вот — карта!

Муриец оглянулся через плечо.

— Боюсь, что она больше декоративна, чем полезна, — заметил он.

— Тогда значит, это не ваш мир? — Американец вздохнул свободно.

— Наш, только на этой карте не обозначены пути кораблей. Но вообще-то она довольно точна. Смотри. — Че подошел к стене. — Вот Бесплодные земли. — Кончиком пальца он провел по оставшейся части северной долины Огайо. — Там бывают охотники и преступники, но постоянных поселений нет. Страна слишком сурова, чтобы привлечь кого-то, кроме тех, кто нуждается в диких местах для укрытия или для исследований. Мы сейчас примерно здесь. — Его палец двинулся ниже, в море. — Мы идем на юг, чтобы пересечь Внутреннее море. — Палец быстро перешел к Бразилии. — Это Майякс, союзник Матери-страны, сильный и богатый. Затем мы пойдем каналами в Западный океан, а там в Му. — Он показал на земельный массив на западе.

— А Атлантида на востоке, — сказал Рей скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Правильно. Значит, это сильно отличается от земель в твоём времени, раз ты испугался, увидев карту? Почему испугался?

— Потому что, — Рей с трудом подбирая слова, — трудно поверить, что человек идет по своим обычным делам по своей знакомой земле и вдруг оказывается в другом месте, где все не так. Все, что здесь обозначено, как море, — он в свою очередь подошел к карте, — для меня земля. И густонаселенная, со многими городами — слишком многими. Некоторые считают это распространение населения угрозой. И вот здесь тоже суша. — Он положил ладонь на море Бразилии. — А здесь нет ни Атлантиды, ни Му — только океан и разбросанные острова.

Он услышал вздох Че.

— Какое долгое, какое громадное время разделяет наши миры, брат! Такие перемены на лице планеты происходят нелегко. Ты говорил, что в вашем мире Атлантида — легенда. Значит, ей придет конец? Или это говорится о Му, Матери-стране?

— Есть рассказы об Атлантиде, легенды без всяких достоверных фактов. Говорят, она исчезла в океане от наводнений и землетрясений, происшедших от злых дел ее народа. Этот океан у нас называется Атлантическим из-за устойчивой старинной веры, что где-то под ним лежит Атлантида. А о Му я никогда не слышал.

— Что ты делал в своей северной стране? Ты был воином? Когда ты повалил атланта, ты воспользовался удивительным приемом, какого я никогда не видел.

— Какое-то время я был воином, затем у меня возникли семейные неприятности, и я понадобился дома...

— Понадобился дома... а теперь, когда ты не можешь вернуться домой?

Рей покачал головой:

— Нужда отпала. — Ему не хотелось думать об этом. — Я собирался вернуться в армию, когда это со мной случилось. По правительственному проекту были построены новые здания. — Он не знал, многое ли из этого поймет Че, но почувствовал необходимость высказаться. — Когда там начали расчищать местность, вышел спор из-за древнего индейского кургана. Люди возмущались, что его сравнивают с землей до того, как он будет по-настоящему исследован. Лес Уилсон, мой знакомый, пытался заставить строителей подождать. Он писал статьи насчет этого и хотел иметь несколько хороших фотографий кургана. Я обещал ему сделать их и как раз собирался снимать, когда вдруг оказался в лесу с такими огромными деревьями, каких отроду не видел. Вот и все. И я так и не знаю, что случилось и почему.

Че выглядел растерянно.

— Фотографию индейского кургана, — медленно повторил он, как бы окончательно запутавшись.

— В нашем мире есть такая машина — камера, фотоаппарат, — объяснил Рей. — Им пользуются, чтобы сделать рисунки предметов, это очень популярный способ для сохранения визуальных сведений. А индейцы — они были коренными жителями того северного континента. Мой народ обнаружил их, завладев землею, когда четыреста лет назад пришел с востока колонизировать континент. Какие-то древние племена, исчезнувшие еще до появления первых поселений моих предков, построили большие земляные курганы. Эти курганы остаются и сейчас, и мы их изучаем, чтобы побольше узнать о народе, который построил их.

— Если мир твоего времени такой старый, — медленно сказал Че, — там должны быть остатки от многих, очень многих исчезнувших народов, о которых вы можете узнать.

— Да, во многих местах есть развалины и древние могилы давно забытых цивилизаций. О некоторых из них мы знаем только по нескольким отдельным камням, которые говорят нам, что когда-то человек что-то здесь строил. Но и только.

— Тебе нравится поиск давно ушедших?

Рей пожал плечами:

— Я не археолог, но такие исследования — нечто вроде охоты за сокровищами. Я много читал об этом. У меня была куча времени для этого, когда я вернулся домой. — Он снова отогнал болезненные воспоминания.

— Брат, я мог бы сказать много слов, — произнес мурец, печально глядя на него, — но слова, как бы хороши они ни были, не могут прогнать мысли. Ты сейчас сражаешься на поле, где брат не может встать с мечом по правую твою руку или по левую, потому что эта битва только твоя. Но у каждого есть свое зло. Забудь об этом. — Он указал на карту. — Если можешь. И давай спать.

Рей последовал за ним за занавес, в маленькую кабинку, где стояли две койки. Че уже стаскивал с себя обрывки промокшей туники.

— Отдыхай, пока можно. Кто знает, что принесет с собой утро?

Рей неохотно влез в теплое гнездо мягких покрывал. Он закрыл глаза, но от мыслей не было покоя.

— Ну, что у вас? — Харгрейв тяжело опустился на стул. Темная щетина на подбородке подчеркивала тени под глазами. Он медленно моргал, словно силился держать глаза от-

крытыми и сфокусированными на том, что было почти вне пределов видимости.

— Теперь мы знаем, кто этот человек. Рей Осборн. Уилсон послал его сделать несколько снимков кургана. Он знакомый Уилсона и подрабатывает фотографом в местной газете.

— Газета! — взорвался Харгрейв. — Не хватало нам только, чтобы в это дело впуталась газета! Нам это нужно, как атомная бомба! — Он вытащил пачку сигарет и яростно отшвырнул ее, обнаружив, что она пуста. — Полагаю, что исчезновение Осборна уже пережигает телеграф на востоке и на западе.

— Нет еще. Нам чуточку повезло. Осборн должен был принести фото только утром. Я сообщил Уилсону, что мы их конфисковали, а Осборн находится под арестом за нарушение наших территориальных прав, — ответил Фордхейм.

— О, Господи, зачем? Это принесет нам кучу неприятностей, поднимется вопль насчет свободы прессы, и все будут кричать об этом.

Директор покачал головой:

— Нет. Все смирились с мыслью, что это секретная зона. Мы скажем, что Уилсон послал сюда Осборна, зная, что это закрытая территория, что Осборн пытался шпионить. Это даст нам время, так как Уилсон предупреждался и раньше насчет подрыва безопасности. К счастью, Осборн одинок.

— Подумаешь — одинок! Уилсон примется за его родню, расшевелит ее, и какой-нибудь юрист явится сюда лаяться в воротах.

— Нет, он совсем одинокий. — Фордхейм взял со стола лист бумаги и начал читать: — «Рей Осборн, сын Ленгли и Дженет Осборн. (Старинная семья здесь, в долине, но теперь нет никаких родственников, кроме дальних). Родился в 1960 году, значит, сейчас ему около двадцати. Год учился в колледже, затем завербовался в армию. Служил за морем шесть месяцев. Специалист по рукопашному бою и разведке, интересовался фотографией. Десять месяцев назад родители попали в автомобильную катастрофу. Отец погиб, мать тяжело пострадала. Красный Крест выхлопотал ему увольнение, так как за ней здесь некому было ухаживать. Он вернулся, взял работу на неполный рабочий день и смотрел за матерью-инвалидом. Месяц назад она умерла. Он говорил издателю газеты, что намерен вернуться в армию. Близких друзей не имел, армейская служба и болезнь матери прервали большую часть его прежних знакомств. Парень спокойный, много читал, бродил по окрестностям, делал снимки, кое-что из них продавал. Ни с кем не ссорился, относились к нему хорошо, но сильной привязанности, равно как и неприязни к нему в городке не было.»

Харгрейв сел прямее.

— Ну, если уж мы заслали человека невесть куда, нам повезло, что им оказался Осборн. Ни семьи, ни друзей, чтобы поднять шум. Я вот думаю... — Он уставился на стену, но явно не видел ее.

— Да? — поторопил его Фордхейм после долгой паузы.

— Вы сказали, что он говорил людям о намерении снова вернуться в армию. Я думаю, можно устроить, чтобы все думали, будто он уже сделал это. Подберем документы, и он наш человек, тогда мы сможем всю эту историю положить под сукно, пока не вытащим Осборна обратно. Он нам чертовски нужен. С тем, что он расскажет нам, Осборн представляет собой ценность большую, нежели двенадцать космических платформ и одна лунная станция. Мы вытащим его и выжмем до последнего словечка все, что он вынесет оттуда.

— Если сможем...

— Должны. Это приказ. Не огорчайтесь: нам пришлют любого специалиста, любой материал, какой нам может понадобиться для этой работы. Мы должны его вернуть. Понимаете ли вы, что мы теперь на пороге никогда не исследованных областей? И это принадлежит только нам!

— А если он умрет?

— Тогда нужно любым способом достать его тело.

— Мы, вероятно, скоро сможем снова направить луч. Но он открывает очень ограниченный район. Что, если Осборн ушел далеко? Нет никакой возможности выследить его...

Харгрейв ослабил узел галстука, так что тот повис петлей на его мятой рубашке.

— Кое-кто работает теперь в этом направлении, но другим методом. Вы открываете дверь, а они, может быть, сообразят, как найти человека в том времени. Но тут очень понадобится помощь леди Удачи!

Глава 4

Снились деревья, бег по заросшему мхом проходу между их громадными стволами... Его преследовали, но он не видел кто... Рей проснулся. За узким иллюминатором была ночь. Вторая койка была пуста, его товарищ ушел. На этот раз Рей проснулся в состоянии готовности, точно зная, где он, как будто в этом тревожном сне, который почти забылся, произошло какое-то примирение с фактом. Это было настоящее, и оно было так же реально, как ткань под руками, когда он приподнялся на койке.

Он потянулся к юбке, которую сбросил, когда ложился, но обнаружил другую одежду. Путаясь в незнакомых пряжках и застежках, он оделся, обул на ноги легкие сандалии и неумело завязал их ремешки вокруг лодыжек. Затем он вышел в большую каюту.

Розовый свет ламп стал сильнее с наступлением темноты. В каюте никого не было. Выйти на палубу или подождать? Минутная нерешительность заставила его взглянуть в зеркало, и он подошел ближе.

На него смотрел незнакомец, худой, с покрасневшей от солнца кожей и непокорными темными волосами. Светлосерая туника облегла тело, которое, несмотря на свою худобу, выглядело выносливым. Серебряные пряжки, плотно усаженные мелкими зелеными камушками, блестели на плечах, талию окружал пояс с узором из таких же камней. Рей вдруг оробел и почувствовал себя неважно. В зеркале отражался не Рей Осборн. И самоуверенность, с которой он проснулся, стала вянуть. Когда он резко отвернулся от зеркала, в каюту кто-то вошел.

Рей вытаращил глаза. Конечно, это был Че, но он уже не был оборванным пленником. Тело облегла красная с золотом туника, драгоценные браслеты украшали руки на запястьях и выше локтей. Пояс и ножны для меча сияли ледяным блеском. Длинные волосы были откинuty назад и скреплены металлическим обручем. Но на лице еще остались синяки.

Как и каюта с ее убранством, его пышный наряд имел в себе тот избыток цвета и орнамента, который в эпоху Рея считался бы варварским.

Мурiec засмеялся.

— Ты потрясен, брат? Неужели одежда так меняет человека? Эта форма положена мне по рангу. И на тебе наряд неплох. Когда твои волосы отрастут, ты будешь выглядеть настоящим мурийцем. Это одежда для свободнорожденного воина. А сейчас — за еду!

Че хлопнул в ладоши, и человек в простой тунике вошел с подносом. Мурiec махнул Рею, подзывая к столу, на котором уже стояли закрытые блюда и стаканчики. Рею было трудно опознать содержимое этих блюд. В прошлый раз он ел в тумане голода и усталости, зная только, что это пища, но сейчас он был более внимательным. Тут было тушеное мясо и блюдо с жарким, уже нарезанным на кусочки, лепешки с джемом и, наконец, торт с вином.

Когда они покончили со всем этим, мурiec вздохнул.

— У нас не хватает только свежих фруктов. Но они не могут храниться на борту много дней. Ты хорошо спал?

— Я видел во сне... — Рей и сам не знал, зачем он сказал это, и испугался резкости следующего вопроса Че:

— Что ты видел, брат? — Тут слышалась такая нотка приказа, что Рей с готовностью ответил:

— Деревья, такой лес, в каком я очутился, когда вошел в ваше время. Я бежал между ними, а позади...

— Что позади? — настаивал мурiec. — Что позади? — повторил он, поскольку Рей не сразу ответил.

Американец пожал плечами:

— Не знаю, только я бежал от него. Да какая важность? Это же только сон. — Он удивился, что Че, казалось, принимал это всерьез.

— «Только сон» — почему ты так говоришь, брат? Сны — это духовные зеркала для любого человека. Они предупреждают, они показывают ощущения, которых не знает наш бодрствующий мозг. Разве люди в твоём времени не думают о значении снов?

— Не совсем так. Во всяком случае, для меня вполне естественно увидеть то, что во сне я бегу от какой-то таинственной опасности в этом лесу, чем пытаться узнать, каким образом все это могло бы со мной случиться.

— Может быть, ты и прав, — сказал Че, но Рей подумал, что тот не выглядит убежденным. — Пойдем на палубу?

Он протянул Рею плащ, а себе взял другой. Полная луна висела над кораблем. Ее чистый свет время от времени перерезали облака. Весла были втянуты внутрь, парусов не было, но корабль быстро плыл. Рей сообразил, что постоянная вибрация в корабле происходит от каких-то механизмов. Че отошел к рулю, и Рей присоединился к нему.

— Что движет корабль, когда весла внутри?

— Вот это, — охотно ответил Че, направляясь вниз, на шкафут. В проходе между скамьями был полуоткрытый люк, и Рей заглянул в маленькую каabinку с металлическими стенками. Апо, помощник Че, двигал рычаги на агрегате, который гудел и жужжал, как живой, распространяя вибрацию.

— Наш энергетический приемник. Волны энергии передаются от станций на суше и улавливаются кораблем. Ближе к берегу или в гавани ими пользоваться нельзя, а некоторые старые корабли не могут их использовать даже во Внутреннем море. Там им служат весла. Каждому судну приписана определенная энерговолна и определенное время, если только не возникнет крайней необходимости.

Хейн подошел с сообщением. Рей начал находить свое незнание языка досадным, когда Че переводил ему:

— На западе корабль. Явно не наш, потому что на зов не отвечает. Это либо пират, либо атлант. Мы не будем пытаться больше говорить с ним, чтобы не вызвать нападения.

Его перебил крик Хейна. С поверхности волн изогнулся

вверх оранжевый свет. Че выкрикнул приказ, и тут же с носа их корабля взлетел зеленый луч. Свет на море затуманился и вспыхнул красным.

Че продолжал командовать. Рей попятился, чтобы дать дорогу людям, бежавшим в разных направлениях. Теперь их зеленый луч стал перламутрово-белым, превращая ночь перед кораблем в день, но оставляя сам корабль в темноте. Свет на волнах тоже стал белым.

Напряжение Че несколько ослабло.

— Это один из наших. Корабли атлантов не могут подделывать этот сигнал. Мы должны узнать его миссию и почему он задержался с ответом после зова.

Их луч стал серией вспышек. Когда другой ответил так же, Че перевел Рею:

— «Корабль флота «Огненная Змея» пострадал от шторма. Может идти только на веслах. Кто вы?»

— Сигнал им помогает, — сказал Че Хейну, и Рей, к своему удивлению, понял эти слова.

Снова вспыхнул далекий свет.

— «Корабль сильно поврежден. Мы не можем пройти Внутреннее море. Солнцорожденная Айна передает слова прощания...»

— Мы возьмем команду на борт, а затем потопим их судно, — сказал Че. — Нельзя скормливать калек волнам Красной страны! Не повезло леди Айне — потерять свой первый корабль...

— Женщина командует кораблем? — спросил Рей.

— Ну конечно. Все солнцорожденные служат Ре Му. Возможно, леди в один прекрасный день будет послана как его глашатай в какую-нибудь колонию, как она тогда будет приказывать флоту, если до этого не командовала кораблем? — удивленно сказал Че. — А у твоего народа не так, брат?

— Нет, по крайней мере, у моей нации.

— У нас очень много различий. Когда-нибудь мы сравним... С этой леди Айной из Дома Солнца в Уйгура я никогда не встречался, но слышал о ее мудрости и храбрости. И она уничтожит свой корабль своими руками, если это придется сделать.

Они поспешили вперед. Хейн все еще бросал вспышки света, временами получая ответ. Вдруг Че крикнул Апо, чтобы тот занялся приемником, затем он сказал Рею:

— Их заметил рейдер. Теперь вопрос в том, кто скорее доберется до корабля.

Волны кипели под острым носом корабля и расходились белой пеной. Люди стояли на палубе на боевых местах с большими щитами, мечами наголо, некоторые занимались машинами.

Теперь они уже видели «Огненную Змею», окутанную светом луча. Она низко сидела в воде, нижняя палуба была почти залита. А где-то в темноте подкрадывался убийца-рейдер.

Команды Че передавались от офицеров к матросам. Рей различал фигуры на качающемся судне, тени, пробегающие по его наклонившейся палубе. Маленькие лодки были спущены на воду. Затем они все, кроме одной, оттолкнулись, направляясь к кораблю Че. Че указал на оставшуюся.

— Эта ждет леди Айну. Она должна уничтожить свой корабль.

По палубе, залитой водой, метнулась светлая фигура и прыгнула в ожидающую лодку. Сильными ударами весел она отогнала маленькое суденышко от тонущего корабля. Прошла секунда тишины, при свете, все еще горевшем на опустевшей палубе, было видно стремительно несущуюся лодку. Затем вверх взлетел столб пурпурного пламени, залил небо и море вокруг недобрым алым светом. И «Огненная Змея» исчезла.

Первые спасенные уже перелезали через поручни корабля Че, и командир подошел поприветствовать их. Чужие громко выкрикнули какой-то клич и подняли руки в салюте. Затем появился офицер. Он наклонился, чтобы помочь следовавшей за ним леди, и солиджерожденная Айна шагнула на палубу.

Она была худощава, не очень красива, но держалась, по мнению Рея, как императрица. На темных волосах не было шлема. Жемчужная полоса на лбу, концы которой были вплетены в косы, указывала на ее ранг. На ней была туника до колен и латы.

— Приветствую тебя, лорд Че! — четко сказала она. Ее голос был низким, но приятным. — Поскольку «Огненной Змеи» больше нет, я прошу твоей милости для моих людей.

И снова, как это было ни поразительно, речь была понятна Рею, хотя он был уверен, что леди Айна не посылала ему менто-луча.

Че поднес пальцы ко лбу.

— Леди Айна, солиджерожденная Уйгур, тебе стоит только высказать свои желания. Этот корабль и его люди к твоим услугам.

Девушка засмеялась, утратив часть своего величия.

— Тогда давай уйдем, лорд Че, пока не случилось худшего. Красные создания унюхали нас, их привлек наш сигнал.

Че кивнул и отдал приказ. Леди Айна указала на своих офицеров.

— Это — Хик, это — Румаха.

Че в свою очередь представил своих людей. Потом рука мурийца легла на плечо Рея и подвела его ближе.

— Мой брат по мечу, Рей.

Леди Айна улыбнулась.

— Счастлива приветствовать вас, милорды, хотя очень хотела бы встретиться с вами в более удачное время и по более приятному поводу. Атлантида, похоже, идет на открытую войну.

— Да, наверное, потому нас и призывают обратно. Ты окажешь честь нашему судну.

Твердым шагом моряка она спустилась в большую каюту. Че подвел ее к креслу и предложил вина.

— Неужели правда, что они осмелились напасть на «Белую Птицу»? — спросила она, потягивая вино.

— Причиной этому, видимо, был данный нам приказ возвращаться. Если так, они примут на себя весь гнев Ре Му.

Она нахмурилась, вертя в пальцах бокал.

— Жители Тени узнают, что, хотя Мать и терпелива, терпению ее приходит конец. Они не скоро забудут — те, кто выживет — последующее наказание. Значит, правда, лорд Че, что ты был в плену у Красных? Мы получили такое известие.

Муриец в ответ вытянул руки. На запястьях еще были видны следы от оков.

— Десять дней пираты держали меня, а затем продали атлантам.

Она чуть не задыхнулась.

— Значит, это правда! Они посмели поднять руку на солнцорожденного, как-будто он какой-нибудь преступник или не имеющий дома! Как же ты сумел освободиться?

— С помощью Пламени, работая над их темным мозгом...

Ее глаза блеснули.

— Да! На это у них нет ответа, как бы они не старались. Против этого бессилён сам Баал. Значит, ты убежал...

— С помощью моего брата. — Он снова коснулся плеча Рея. — Потому что я был истощен и не смог держать власть до конца. Но брат освободил меня.

— После того, как ты первый освободил меня, — поправил Рей.

Когда Рэй заговорил, леди Айна переключила все внимание на него.

— Кто ты, что говоришь на чужом для нас языке? С какого корабля ты пришел, лорд Рей?

— Не с корабля...

— Откуда же? Я не знаю ни одной колонии в Бесплодных землях...

— Сквозь время, из далекого будущего. Я понимаю, что это звучит немыслимо, но, похоже, это правда. Другого объ-

яснения нет. Я был в своем собственном времени и вдруг очутился в лесу, а затем был захвачен охотниками-атлантами. Они взяли меня на свой корабль, где уже был Че.

Она пристально рассматривала его, как бы читая его мысли.

— Это правда. Наакали говорят в храмовых школах о таких путешествиях. Но никто из тех, кто решился на это, не вернулся. А ты не похож на нас — ты прошел долгий путь, но ты плохо выбрал время — или случай выбрал его для тебя.

Рей удивился, что она так спокойно приняла его невероятное объяснение. Какой прием оказали бы мурийцу, оказавшемуся в такой же ситуации, в родном мире Рея? Ему не хотелось об этом думать. Может, ему, Рею, еще повезло.

Леди Айна встала.

— Спасибо тебе за помощь, лорд Че. Теперь я должна послать рапорт Матери-стране. У тебя найдется каюта для меня?

Че раздвинул занавеси и показал на ожидавшую ее койку. Она вошла и на секунду остановилась, прежде чем задернуть занавес за собой.

— Удачи нам всем, начиная с этого часа.

И занавес опустился.

Через час Рей сидел плечом к плечу с Че на носу «Властелина Ветра». Их толстые плащи отсырели от брызг. Луна спряталась за облаками. И они знали, хотя и не видели, что где-то в темноте рейдер пытается перерезать им дорогу.

— Если бы мы решились напасть на них, они улепетывали бы от нас, как трусливые пожиратели падали на равнинах. Но сражаться, в то время как мы одни в море, было бы безумием. Насколько нам известно, это всего лишь разведчик флота. Они все бросятся на нас, как Кондоры Майякса, когда они собираются, чтобы убить пуму.

— А если разведчик нападет?

— Пусть попробует, — оскалился муриец.

Весь экипаж стоял с оружием в руках, когда они шли к «Огненной Змее». И теперь, хотя «Властелин Ветра» вернулся на свой курс, на палубе стояла стена щитов, машины были наготове, люди занимали боевые посты.

Приказ — и раздался слабый звон, по бокам скамей для гребцов поднялись экраны до уровня верхней палубы. Неподалеку от Рея вытянулась из бокса длинная метательная трубка, около нее хлопотали три матроса. Один из офицеров леди Айны подошел с рапортом.

— Да, все в готово, — сказал Че. — Люди леди Айны пришли к нам не с пустыми руками, а принесли свои огнеметы и установили их рядом с нашими. Нам стоит только послать сигнал. И тогда рейдер встретит достойный прием!

Че пошел на корму, Рей за ним. По пути мурiec проверял боевую готовность. Добравшись до задней палубы, он принялся шагать взад и вперед, крутя край плаща, пока ткань не порвалась. Рей вглядывался в темноту.

— Хоть бы они появились, — бормотал он.

Очень давно и очень далеко отсюда (ему легче было думать так о своем мире) его обучали для войны. Не такой, но сражения не так уж отличаются. И, подумав об этом, он уже знал ответ — ожидание было древнейшим оружием, им пользовалось множество людей в разных странах в течение столетий.

— Это как раз то, чего они так не хотят делать, — продолжил его мысли Че. — Они прекрасно знают цену вынужденного ожидания — ожидание до тех пор, пока бдительность не ослабнет. Вот тогда они пойдут в атаку. Мы должны следить без усталости. Если я когда-нибудь пройду через пять стен, которыми эти сыны Баала пользуются как щитами, и встречу с ними лицом к лицу, так чтобы они не смогли удрать — тогда будет заплачено за все ожидание, за каждую минуту этой ночи. Только вот облака скрыли луну — Солнце хочет, чтобы у нас утром был туман!

Рей взглянул на низкие облака.

— Это означает плохую погоду?

— Возможно. Пойдем-ка, посмотрим еще раз на переднюю палубу.

Через скамьи на шкафуте был положен настил, который составил новую палубу. Она была заполнена дежурными моряками. На носовой палубе люди стояли теперь по местам у метательной трубки и машин. Здесь было мягкое освещение.

— Пока ничего не видно, солнцeroжденный, — доложил дозорный.

— Не видно, — повторил Че как бы про себя. — Туман на заре будет, как ты думаешь?

Хейн высоко поднял голову, как бы пригнувшись к ветру, и взглянул на облака.

— Туман точно будет, солнцeroжденный. Возможно, дождь. Боюсь, что мы можем идти только в одном направлении.

Че ударил кулаком по поручням.

— Под прикрытием тумана рейдер подползет незаметно!

— Да, солнцeroжденный. Но и для нас это тоже прикрытiе — если удача будет благосклонной к нам.

Че резко повернулся.

— Именно так и должно быть. Они вытянут свою сеть и обнаружат, что она пуста, но мы ни в коем случае не должны недооценить их и думать, что удача целиком на нашей стороне. И я уверен, никто из них не вздохнет свободно до тех пор, пока берега Внутреннего моря не сомкнутся вокруг нас.

— Истинны твои слова, солнцержожденный. Атланты знают все хитрости отца всего Мрака, а зло расплодилось от него.

— Пусть так, — твердо и холодно сказал Че. — Даже если удача отвернется от нас и мы будем захвачены, в наших руках все же останется последняя, самая великая хитрость, которой можно воспользоваться только по нашему приказу. Солнцержожденная Айна указала нам путь сегодня ночью.

— Ты имеешь в виду — взорвать корабль? — спросил Рей.

— В этом случае мы пойдем к Солнцу с полным почетом, взяв с собой многих врагов на последний суд. Ни один корабль Матери-страны не должен попасть в их руки, пока жив хоть один человек истинной крови. И такой конец даст нам более чистый и быстрый переход из этого мира в тот, что и так даровали бы нам атланты, это мы хорошо знаем.

К ним подошла Айна.

— Ты на боевом посту, лорд Че?

— Ждем рейдера. Он придет, — сказал Че уверенно, кивнув на море. — Ты послала свой рапорт?

— Я сообщила о гибели «Огненной Змеи» и Великий одобрил мои действия. Ре Му шлет тебе благодарность и приказывает поспешить, потому что, если на нас нападут, помощь придет слишком поздно. Но затем что-то случилось, лорд Че, и это напугало меня. — Она говорила тихо, и Рей видел, как она вцепилась в свой плащ с такой силой, что побелели суставы ее пальцев. — Я была отрезана!

Че изумился.

— Что ты хочешь сказать?

— Мой контакт с Матерью-страной был прерван — и не по воле Ре Му. Такого никогда еще не случалось.

— Как прерван?

Она вздрогнула, словно ее перестал согревать плащ и ветер пронизал ее до костей.

— Как будто опустился черный занавес. Я мысленно спросила — ответа не было. Я ждала два круга на хранителе времени и попыталась снова. Ответа не было даже от берегового наблюдателя в храме Майякса!

Че молчал, и она добавила почти жалобно:

— Что это может значить?

Лицо мурийца почти застыло, как будто он так глубоко задумался, что не видел ни ее, ни окружающих. Она дотронулась до его руки, и он вздрогнул от этого легкого прикосновения.

— Что... что это? — снова спросила она.

— Это может означать, что атланты полезли в Проклятые материи, чтобы открыть секрет солнцержожденных, — сказал он.

Она отшатнулась, словно он сказал что-то чудовищное. Хейн громко вскрикнул. Но глаза Че блеснули.

— Они скоро будут жить по ту сторону мрака и холода! Как они рискнули? Но Ре Му должен был быть предупрежден, когда это случилось. Это означает, что мы не сможем ни с кем связаться и, если нам придется сражаться, мы можем рассчитывать лишь на свои силы и оружие.

Леди Айна в какой-то мере обрела свою прежнюю уверенность или сумела взять себя в руки.

— Может ли человек спорить с судьбой? Но мы должны быть достойными возложенного на нас. И никто не смеет говорить о поражении до того, как началась битва. — Она улыбнулась Че, как бы для того, чтобы он не счел ее слова упреком. — Я попробую еще раз, но если рейдер придет, прошу тебя вызвать меня. — Она ушла.

Че посмотрел на Рея.

— Похоже, ты и впрямь попал в сеть. Эта вражда ничего не значит для тебя. И для тебя куда безопаснее были бы пустые равнины Бесплодных земель, чем эти воды, когда из них выйдут Красные волки!

Он был совершенно прав: эта вражда не касалась Рея. Она началась за много тысячелетий до его рождения. Но все же было кое-что. Сначала это были только слова, обряд другого народа. Но теперь Рэй вспомнил об этом.

— Когда наша кровь смешалась на рукояти меча, ты сказал, что мы братья...

— Так и есть!

— Разве отсюда не следует, что мы разделим и сражение тоже! Вроде бы, я пришел сюда не по своей воле, но теперь я должен сделать выбор, и я его сделал. У меня нет больше родины, но есть друзья. Думаю, что есть.

— Об этом нечего и спрашивать, — ответил Че.

— И у меня также есть враги, — он показал на море, — оттуда. Я сделал выбор.

Че кивнул:

— Может, ты не пожалеешь об этом, брат.

«Аминь», — подумал Рей, но не сказал этого вслух.

Глава 5

— И так, они выключили наше радио, — сказал Рей, по-своему интерпретируя услышанное от леди Аины.

— Выключили... радио? — спросил Че.

— Ну да, вашу коммуникационную систему.

— Ты думаешь, это машина? — Че улыбнулся. — Я забыл, что ты очень мало знаешь о нас. Для общения с Ре Му

нам, солнцержожденным, не нужна машина. Во времена потрясений некоторые из его высших офицеров обучаются накаляками принимать мысли, так же как я могу читать твои. Именно так леди Айна, рапортовала о потере «Огненной Змеи». Это могут делать лишь те, кто рожден с такой силой, или же, кто обучен.

— Тогда каким образом атланты могли вмешаться в телепатическую связь? — спросил Рей.

— Это мы и должны узнать. Никто, кроме обученных мыслепосылу, не может это сделать, а всех таких мы знаем. По крайней мере, мы так считали до сегодняшнего дня. Мы знали, что у Красных мантий тоже есть что-то в этом роде, но мы не думали, что они могут вмешаться в истинный послыл. Оказывается, могут! Ре Му и Мать-страна ничего не узнает о нашей судьбе здесь, на севере, если мы не сможем пробиться в Майякс. За всю нашу историю такого никогда не случалось, и нам в голову не приходило, что это может произойти!

Небо на востоке медленно светлело, но только до серого тона, а холодный ветер пробивался даже сквозь теплые плащи.

— Туман и дождь, как предсказывал Хейн, — заметил Че. — Будем надеяться, что сынам Баала так же трудно увидеть нас, как и нам их. Пошли, поедим.

В каюте они нашли леди Айну, сидящую за столом. Ее лицо в розовом свете казалось осунувшимся. Она заставила себя улыбнуться, а затем покачала головой в ответ на беззвучный вопрос Че.

— Стены остаются, милорд. Если будем сражаться, то в одиночку.

Че тяжело опустился на скамью.

— Вполне возможно. Но, может быть, этого не будет, по воле Пламени. Давайте примемся за еду. — Он хлопнул в ладоши, вызывая слугу, и леди Айна выпрямилась в кресле.

— Корабли Матери-страны славятся своим провиантом. В Уйгуре нет таких лакомств, как в Му. Так, по крайней мере, говорили наши офицеры, которые бывали в Му по делам, — комментировала леди Айна.

— А где Уйгур? — спросил Рей.

Она удивленно посмотрела на него. Че подошел к карте на стене. Он поставил палец на раму и сдвинул его вправо, обходя часть Атлантиды. Налево осталась часть Му в Тихом океане, а за ней береговая линия азиатского материка, сильно отличающаяся от той, что знал Рей. Океан вошел далеко в то место, где должен был быть Китай, а часть пустыни Гоби и высокогорье будущего Тибета сформировали новый берег. На это и указал Че.

— Уйгур.

Леди Айна не сводила глаз с Рея.

— Как случилось, что ты не знаешь Уйгура?

— По тем же причинам, по каким я два дня назад не знал Му. Я же из другого времени. Там ничего не известно об Уйгуре.

— Но известно об Атлантиде, — медленно сказал Че. — Почему Красная страна вошла в будущее, как легенда, а все остальные — нет? Что они сделали, эти поклонники Тени, какой великий огонь зажгли они в своем времени, что тепло и дым его прошли через неисчислимые столетия?

Глаза леди Айны стали мрачными.

— Видимо, какое-то бедствие. Что знает твой народ о Красной стране, лорд Рей?

— Что это был континент, от которого в наше время остались лишь небольшие острова по краям океана, что континент погрузился в пучину из-за одновременного действия землетрясений и гигантского наводнения, которые явились наказанием за какие-то преступления его обитателей.

— Потерянная земля. А ее искали в ваше время, старались найти ее остатки?

— Искали очень тщательно и доказали, что Атлантида вообще никогда не существовала. Считается, что это просто легенда.

Вошел слуга с подносом, и они принялись за еду. Но Рей часто поглядывал на карту и удивлялся, почему нигде не найдено следов цивилизации, которые могли бы сделать легенду правдой. Мир, который он видел на карте, очень сильно изменился географически в его время. Лишь некоторые части остались теми же. И все же хоть какой-нибудь фрагмент высокой цивилизации должен был сохраниться.

— Рейдер на горизонте! — В дверях стоял Хейн.

Рей уронил ложку в чашу, разбрызгав содержимое. Че мгновенно выскочил на палубу.

— Вон там! — Хейн указал на темное пятно в тумане.

— По местам! — скомандовал Че.

Кто-то подошел к Рею, стоящему у поручней. Леди Айна. Она должна была остаться внизу, подумал Рей, но вспомнил, что она командовала таким же боевым кораблем и больше знала о таких делах, чем Рей.

Но рейдер, видимо, не заметил их, потому что не изменил курса, уходя в туман. Напряжение на «Властелине Ветра» не спало.

— Он вернется, — обещал Че. — Сейчас он, как пантера, идет по нашему следу. Видите — возвращается!

Че был прав. Острый нос корабля снова прорезал туман.

Он обошел кругом и стал ближе к «Властелину Ветра». Рею трудно было представить, что на этом темном корабле такие же люди, какие окружали сейчас его. Не было слышно ни звука, только плеск пенных волн. «Властелин Ветра» шел своим курсом.

Затем, как бы все время зная, что они здесь, и только играя с ними в кошки-мышки, рейдер сменил курс и пошел прямо на мурийское судно. Че спокойно скомандовал:

— Апо, держи вперед, что бы они не предприняли. Нам нужно избежать боя, Хейн. Пользоваться огнеметами только тогда, когда мы окажемся достаточно близко. Держи все наготове до моего приказа.

Офицеры рассыпались по своим постам. Хик и Румаха из экипажа леди Айны заняли свои места на шкафуте. Солдат-слуга вышел из кабины с тремя щитами красноватого металла и с длинными нарукавниками из того же металла. Че надел нарукавник на левую руку Рея и показал, как крепить на нем щит.

— Это защита против огнеметов, — пояснил муриец. — Как только увидишь черные трубки, какие у наших людей за поясом — прикройся щитом. Я не уверен, что у этого рейдера есть смерть-дыхание, рейдеры редко им пользуются. Будем надеяться, что у них его нет, потому что у нас от него слабая защита. — Взяв свой щит, Че пошел к рулю. — Еще сутки — и мы будем во Внутреннем море, свободные от всякого преследования.

Леди Айна повела плечами, как бы скидывая тяжелый груз.

— Тогда, — ответила она почти весело, — чего нам бояться? Мы, люди истинной крови, наверняка сможем удержать на это время подальше этих последователей Тени. Смотрите, даже сейчас они виляют, как бы боясь напасть, хотя приняли боевую позицию...

И в самом деле, темный корабль как бы оставался в нерешительности, хотя в искажающем, полускрывающем тумане это могло быть всего лишь иллюзией. Однако Рею показалось, что нос рейдера чуть двинулся в сторону, в то время как «Властелин Ветра» продолжал идти своим курсом. Леди Айна была права: продвижение врага замедлилось, корабль повернулся. «Властелин Ветра» прошел мимо и теперь почти скрылся в тумане.

— Они боятся нас! Они не смеют испытать мощь Матери-страны в открытом бою, — воскликнула девушка.

Че покачал головой, явно недовольный.

— Странно. По всем правилам они должны были напасть на нас и вдруг свернули.

— На что может рассчитывать какой-то рейдер против

корабля флота, готового к битве и желающего ее? — возразила она. — Капитан просто имеет здравый смысл. Они могут прятаться тут, высматривая, не пошлет ли им их Баал какую-нибудь выгоду, но не рискнут в открытую напасть на нас.

В течение следующих двух часов казалось, что она права в своей оценке ситуации — рейдер точно боялся напасть на мурийское судно. Он оставался на виду, в завесе тумана, шел за ним по пятам, но и только.

Хейн, однако, разделял сомнения Че. Время от времени Хейн поднимал голову от руля и почти рассеянно поглядывал на их непрошенного компаньона. Так продолжалось до тех пор, пока лучи полуденного солнца не пробились сквозь облака.

Че приказал подать людям еду на палубу, и сам тоже ел, оставаясь все время настороже.

— Может, они ждут ночи, и темнота благоприятствует им? — Че отряхнул пальцы.

— Давайте и мы ждать ее, — ответил Хейн. — Темная ночь — вещь неплохая. Может, сумеем скрыться...

— Нет! — Че скинул плащ. — Нет! Они идут!

Рейдер теперь приближался с большой скоростью. Рей вытащил меч, который дал ему Че, и с интересом разглядывал блестящее лезвие. Это оружие не для его рук. Он неумело держал его и задумчиво водил пальцем по острым краям. В конце концов он вложил меч обратно в ножны. Его голова, руки и умение драться послужат ему лучше. Но, несмотря на тренировку, он впервые участвовал в настоящей войне.

Команда готовилась к бою спокойно и уверенно. Рей позавидовал умению и ловкости моряков.

— Не забывай, что щит для защиты, — напомнил Че.

Рей кивнул.

Атака началась неожиданно, как тропический ливень. С носа рейдера вылетел зеленый луч, яркий даже на солнце, и ударил в борт «Властелина Ветра». Рей почувствовал запах гари.

— Слишком низко! — закричала леди Айна.

Дюйм за дюймом зеленый луч полз выше, туда, где ждали мурийцы. Айна схватила Рея за руку:

— Закройся щитом!

Рей взмахнул щитом и слегка пригнулся за барьером, который вдруг показался ему слишком легким и бесполезным. Луч заскользил по палубе, где они стояли.

Один из людей, обслуживающих смерть-дыхание, страшно закричал и конвульсивно откинул правую руку. На его голой коже расплывалось ярко-зеленое пятно. Матрос опять

закричал, отскочил от своей машины и упал на палубу неподалеку от Рея. Американец шагнул вперед, протянул руку, но Че схватил его за плечо и дернул назад.

— Нет! Мы ничем не можем помочь. Он уже мертв, а ЭТО будет атаковать другую живую плоть.

Человек взвыл еще раз и затих, другие отступили от его скорченного тела.

— Смотри! Поев один раз, оно ищет другую жертву! — прошипел Че.

Зеленое пятно больше ничем не напоминало луч света: оно стало материальным, с собственной хищной жизнью, оно сползло с руки мертвеца на настил, вытянулось в змею и двинулось вперед. Хейн наклонился над рулем, в его руке был кристалл грушевидной формы. Из кристалла вылетела искра и ударила прямо в светящуюся змею. Раздался оглушительный визг, и зелень исчезла, оставив на палубе черное пятно, от которого поднималась тоненькая струйка дыма.

— Это... Оно было живое! — выдохнул Рей.

— Но это не та форма жизни, какую знаем мы, — ответил Че. — Это их любимое оружие. Сейчас они пошлют змею снова...

Еще раз с рейдера вылетел такой же луч, нацеленный уже выше. Он ударил в щит Хейна и вцепился в него, как бы ища способ проникнуть через металлическую преграду. Затем луч отскочил, но только для того, чтобы ударить остальных, одного за другим.

Добравшись до Рея, луч навалился на него страшным весом, так что американец с удивлением отступил на шаг, прежде чем установил, что, в сущности, большой силы давления не было. Край щита был в контакте с его телом, а за этим краем что-то вертелось, извивалось, пыталось найти какую-нибудь щелочку в металле и добраться до Рея. Затем оно ушло. Луч пополз по металлическому экрану, защищающему шкафут и идущему до передней палубы. Но другой жертвы луч так и не нашел.

Однако «Властелин Ветра» не предпринял контратаки, и это удивило Рея. Судно не отклонялось от курса и не снижало скорости. Рейдер теперь несколько отстал, как если бы установка луча замедлила его ход. Но после провала первого удара рейдер подготовил второй, который пришел с шумом, подобным дождю.

Рей посмотрел вниз. У его ног торчали две металлические стрелы, еще дрожавшие от удара. Хейн кричал: такая же стрела торчала из его плеча. Че бросился к рулю.

— Выпустить смерть-дыхание! — приказал он.

Один из матросов рядом с Реем установил трубку на под-

ставку, в то время как его напарник вставил в нее шар неприятного желтого цвета.

Желтый шар молниеносно взлетел в воздух, окружился над рейдером и упал на его носовую палубу. Поднялось облако ярко-желтого дыма. Рейдер быстро повернул, но дым уже стелился по его палубе, и скоро плотное облако окутало корабль целиком, вплоть до ватерлинии.

Че передал руль одному из матросов.

— Это было сделано вопреки всем приказам, исключительно по необходимости, — сказал он. — Как у тебя дела, Хейн?

Офицер бессильно склонился к Рею, который поддерживал его. Лицо его под морским загаром приобрело зеленоватый оттенок. Металлическая стрела, видимо, несла какой-то смертельный яд.

— Пусть другой выполняет мои обязанности, солнцeroжденный. Я...

Он всем телом навалился на Рея, и американец отбросил щит, чтобы положить Хейна на палубу. Че обнял Хейна за плечи, поддерживая его голову.

— Не скорби обо мне — я иду к Солнцу. Зажги свечи от Пламени... за... — Его голова бессильно склонилась на руки Че, и мурiec нежно коснулся его покрытого потом лба. Затем он взглянул на рейдер, который нырял в волнах, как если бы на его руле не было твердой руки.

— Вы заплатите, дети Тени! Клянусь в этом Пламенем! Я клянусь, что цена крови Хейна будет взыскана в самом Пятистенном Городе! Пусть не в этом году — но это будет!

Рей помог ему завернуть мертвого офицера в плащ. Матросы в это время проворно вытаскивали из трюма металлические стрелы, стараясь не касаться обесцвеченных кончиков. Для матроса, умершего от зеленого огня, и для Хейна этот бой был последним.

— Солнцeroжденный! Посмотри!

Они отошли от неуправляемого рейдера, оставив его мотаться по волнам. Но теперь корабль, повинаясь чьей-то опытной руке, снова шел вперед, хотя и не с прежней скоростью.

— Как это могло случиться? — воскликнула Айна. — Смерть-дыхание должно было убить всех на борту!

— Видимо, у них есть защита, о которой мы ничего не знаем, — ответил Че. — Но похоже, что они только покалечены. Если они вызовут сигналом другой свой корабль...

— Да, — откликнулась леди Айна, — это может быть. Видите, они ползут, но все-таки не отстают от нас.

«Властелин Ветра» далеко опередил рейдер, но тот упрямо шел позади, тем же курсом. Покалеченная собака явно не

бросила охоту. И в этой настойчивости было что-то сверхъестественное.

Под затянутым облаками небом ночь наступила рано. Молчаливое судно атлантов все еще преследовало их, хотя, видимо, не имело ни желания, ни сил снова вступать в бой с «Властелином Ветра». Мурийцы включили белый бегущий свет, но никакого ответа не получили. Во всяком случае, их собственная иллюминация разливалась по волнам и давала им уверенность, что вражеский отряд не подберется к ним незамеченным.

Рей протер уставшие глаза. Как и все, он не отцепил щит, хотя тот казался все тяжелее.

Где-то завтра они, как говорил Че, войдут во Внутреннее море и смогут надеяться на помощь, если она понадобится, из портов залива.

У руля лежали Хейн и матрос, зашитые в боевые плащи, готовые к погребению на заре. А темный молчаливый враг все еще следовал за «Властелином Ветра».

Леди Айна ушла вниз, а Че взялся за руль. Рей еще никогда до такой степени не уставал — по крайней мере, так ему казалось. И он неохотно признавался себе — никогда так не боялся. Рукопашный бой — даже на мечах — человек может вынести. Но ползучий зеленый живой огонь и дождь отравленных металлических шипов не имели ничего общего с войной, к которой Рея готовили. Его пальцы

согнулись, как бы обхватывая винтовку — оружие далекого будущего. Потом гранаты — он мысленно составлял список того, что хотел бы иметь теперь вместо бесполезного меча, грузом висевшего на бедре.

Наконец Че передал свой пост другому и сказал:

— Пойдем отдыхать.

В каюте леди Айны не было. Рей снял щит и промокший плащ. Че упал на скамью и наклонился над столом, опустив голову на руки.

Рей откинулся к стене и закрыл глаза. Еще секунду назад он ничего не желал, кроме как закрыть глаза, уснуть и забыть обо всем. Но теперь, закрыв глаза, он увидел... деревья! Ряды деревьев, поднимающихся к небу. Их ветви начинались на много футов выше головы Рея. Между деревьями метались тени. И глубоко внутри Рея устало шевельнулось слабое беспокойство. Он чувствовал гаснущее желание пройти под этими ветвями глубже в тень деревьев. Где-то там были ворота — прорыв в ткани времени, и, если он их найдет, он вернется...

Стало темно, стволы, ветви и беспокойные тени слились в одно целое. И желание Рея вернуться к воротам исчезло. Он наконец уснул.

В кабинете директора было теперь пять человек вместо двух. Один из пяти привлек всеобщее внимание.

— Я ничего не могу обещать вам, джентльмены. Психологика — такая же экспериментальная программа, как и ваша «Операция Атлантида».

— Я знаю, — сказал Фордхейм, — что существует сотня разных экспериментальных программ...

— Скажите — тысяча, и вы будете близки к истине, — сказал говоривший первым.

— Ладно, пусть тысяча, доктор Бартон. Но скажите мне вот что: кто-нибудь знает, что надо делать — во всей полноте?

— У них есть рапорты...

Фордхейм устало улыбнулся.

— А кто их читает? Вероятно, только некоторые комитетчики. Но кто-нибудь составил полную картину?

— Вероятно, нет, пока снова не случится нечто вроде этого события и не возникнет острая необходимость, — сказал Бартон.

— Итак, правильно ли я вас понял, доктор Бартон? Вы считаете, что можете найти способ повлиять на нашего человека, чтобы он вернулся к отправной точке? Какой-то ментальный процесс? В предположении, что Фордхейм откроет снова свою дверь, или через что там вы хотите вызвать его? — нетерпеливо спросил человек в генеральском мундире.

— Уберите слово «можете», генерал Колфикс, — ответил Бартон. — У нас есть кое-какие результаты. Но это зависит от испытуемого и от обстоятельств. В нашу пользу то, что этот Осборн внезапно оказался в ситуации, к которой он совершенно не подготовлен. Согласно сведениям о нем, — он поднял бумаги, но не взглянул на них, а обвел глазами всех людей в комнате, — он совершенно не имеет представления о том, с чем ему придется встретиться. Однако Осборн, как говорят, был «одиночкой», и это означает, что он, вероятно, достаточно самостоятелен, чтобы не впасть сразу в панику. Что он сделал или хочет сделать со своим перемещением отсюда — никто не может угадать. Мы можем лишь сравнивать его с животными, над которым мы ставили эксперименты.

Может быть, он мечтает о точке вхождения, о возвращении — если он способен полностью осознать, что случилось. Если так, наша задача относительно легка. Если он так испугался, что бежал, подгоняемый паникой — тогда мы попробуем телепатические воздействия. Я надеюсь, в той временной эре он единственный отсюда. Во всяком случае, пред-

положив, что он не ушел слишком далеко, мы можем надеяться подобрать образец призыва настолько созвучный его типу, как мы этот тип себе представляем, что он вернется обратно.

— Во всем этом куча «если», — комментировал генерал Колфикс. — Я бы сказал, не надежнее ли послать отряд...

— Допустим, вы провели свой отряд, — прервал его Фордхейм, — в дикую местность, какой, вероятно, был североамериканский континент четыре тысячи лет назад. Нелегко будет охотиться там за одним человеком. Если доктор Бартон может вызвать его обратно...

— Опять «если»! Почему вы думаете, что местность должна быть совсем другой?

— Вы видели фильм, — просто ответил Фордхейм. — Вы видели что-либо подобное в Огайо? Такие деревья...

— ...росли столетиями, я полагаю, — ответил Колфикс. — А если машинка доктора не работает?

— Будьте готовы к этому! — Харгрейв моргал покрасневшими глазами. — Возможно, мы никогда не увидим Осборна снова, он вполне мог умереть сразу после того, как был снят фильм. Мы не уверены, что кто-нибудь может пережить такое путешествие. Даже если мы не найдем его, то рано или поздно пошлем исследователей. Может быть, мыслелуч доктора поможет при следующей попытке, если не работает с Осборном.

— Когда вы будете готовы? — спросил Бартон Фордхейм.

— Мы не получили ничего меньше по размеру, чем переносная рация, так что нам придется все делать заново. Ничего точно сказать вам не могу. Мы будем работать круглые сутки и срезать все углы, какие сможем, но это, по крайней мере, несколько недель.

— Несколько недель! — повторил генерал Колфикс. — Что случится за это время с Осборном? Если он вообще еще жив!

Глава 6

Рей проснулся и некоторое время лежал, пытаясь сосредоточиться на том, что было во сне — на чем-то важном. Но оно уже забылось. Над ним стоял Че, едва видимый в сером свете пасмурного дня.

— Восход, — сказал мурнец, как если бы это утверждение имело какой-то скрытый и важный смысл.

Американец встал, морщась и разминая затекшие мыш-

цы, и пошел за Че на верхнюю палубу. Туман и облака исчезли. Океан вокруг был гладким, насколько это допускало ему вечное движение волн. Небо на востоке было розовым и золотистым. На палубе лежали два трупа...

Че помедлил.

— Хейн, мой друг... — И пошел к поручням. Матросы подняли доски, на которых лежали трупы. Весь экипаж, включая Рея, стоял по стойке смирно, как на смотре. Флаг на корабельной мачте был приспущен.

— Море, — заговорил Че, и голос его креп с каждым словом, — наше древнее наследие, раскройся теперь для своих сыновей. Они честно выполняли свои обязанности и теперь отдыхают. Укрой их тела, в то время как их души будут в безопасности во дворце Солнца...

Доски наклонились. Рей услышал вздох леди Айны. Затем взошедшее солнце позолотило волны, и «Властелин Ветра» поплыл дальше.

Ночью и в предрассветном мраке за ними шла черная тень рейдера. Рей почему-то надеялся, что она исчезнет с новым ясным утром, и даже удивился, что она все еще здесь, точно в границах видимости. Это тревожило. Рейдер не подходил ближе, может быть, не мог. Но команда мурийского судна продолжала стоять наготове и внимательно наблюдать.

Разговоры прерывались долгими паузами.

— Все неправильно! — Че оперся на поручни и стоял, вглядываясь в преследователя. — Они мертвые, должны быть мертвыми. Корабль управляется мертвыми!

Леди Айна прикусила губу, как бы удерживая ненужные слова. Но Рей ответил:

— Ты, вероятно, прав, ты знаешь силы, которыми управляешь. Но пока рейдер не подходит ближе... — Он тоже чувствовал, как терзает нервы эта все время присутствующая тень на море, которая не приближалась и не отступала, но оставалась угрозой, худшей, чем можно было себе представить.

— Да, пока рейдер не подходит ближе, — как эхо повторила леди Айна. — А мы, вероятно, уже вблизи морских ворот Майякса. Ты знаешь, лорд Че, я никогда не видела Матери-страны. Как и лорд Рей, я окажусь в чужой местности, когда мы войдем в гавань Города Солнца. Он похож на Уйгур? — болтала она, пытаясь словами скрыть

свою тревогу.

Че галантно вторил ей, намеренно отвернувшись от рейдера.

— Нет, он совсем другой. Уйгур расположен в горах и узких долинах, а в Матери-стране широкие поля по берегам

рек. Город лежит в устье одной такой реки. Иногда жители делают маленькие кораблики и пускают их по воде. Люди поют, арфы играют...

Леди Айна вздохнула.

— Это в мирное время. Да, она сильно отличается от нашей продуваемой ветром страны, где стада диких лошадей бегают по окраинам, за которыми преступники сражаются с людьми-зверьми и дьяволами, чтобы сохранить жизнь Уйгура и свои собственные...

— Значит, дьяволы Тьмы все еще существуют? — спросил Че.

— Шкура и длинные клыки одного были доставлены вместе с данью шкурами за месяц до отплытия «Огненной Змеи». Иногда наши юноши охотятся на них. У меня есть кинжал с рукояткой из зуба дьявола. Но этот дьявол был убит моим отцом в юности. Они живут в горах, по одиночке, и спускаются только в тяжелые годы, когда голод вынуждает их охотиться в нашей стране.

— Так. А в Му говорили, что все дьяволы давно убиты и остались только в сказках, какими пугают детей. Дьяволы, Рей, в какой-то мере похожи на человека, но волосатые и с большой головой. Ходят на двух ногах. У них длинные изогнутые клыки. Они всегда живут высоко в горах, в диких местах. Охотятся по ночам. И на снежных горах оставляют громадные странные следы...

— Снежный человек, — вспомнил Рей.

— Они есть и в твоём времени? — спросила леди Айна.

— Тоже легенда. В стране, которую вы называете Уйгур, в мое время находятся высочайшие горы мира. Ваших дьяволов замечали, видели их следы, но ни одного не убили и не поймали.

— Очень странно, — медленно сказала леди Айна. — Дьяволы в ваше время известны, а такая страна, как Му — забыта. А еще что осталось?

— Скажи, — вмешался Че, — почему одно остается, а другое забывается? Дьяволы и Атлантида — почему они остались?

День был безоблачный и яркий. Стало теплее, так что они сняли плащи. Над ними появились птицы, в основном синезеленые. На поверхности плавали темные водоросли, а один раз из воды высунулась рыба морда, как бы разумно оглядывавшая проходивший корабль.

— Дельфин! — воскликнул американец.

Леди Айна посмотрела в указанном направлении.

— Морской танцор, — поправила она. — Значит, их ты тоже знаешь, лорд Рей?

— Да. Мы узнали, что у них высокий интеллект, и изыскиваем способы общения с ними.

Она переводила взгляд с дельфина на Рея и обратно.

— Известно, что морские танцоры дружелюбны, что они помогают пловцам в трудную минуту и находятся под защитой Солнца. Ни один человек не смеет поднять на них руку, повредить им. Но они живут в море, а мы на суше и немного плаваем в воде. Этот мир закрыт для нас.

— Да, у вас нет субмарин, нет масок для подводного плавания и аквалангов, таких водяных легких...

Че внимательно слушал.

— Значит, твой народ нашел средство, чтобы морские глубины открылись человеку? Какое?

Рей, как умел, описал действие субмарины, рассказал, как люди его эры не только опускаются в глубины, но и с помощью водяных легких могут бродить там.

— Как удивительно! — вскричала леди Айна. — Путешествовать под водой! Поистине, ты живешь во время чудес, во времена, когда человеку открыт весь мир! Нас учили, что как только угроза войны будет уничтожена, то у нас тоже так будет.

— Войны до сих пор с нами, — ответил Рей. — Очень многому мы научились только потому, что надо было либо защищаться, либо нападать. Нет, мой век далек от золотого...

— Какого золотого? — спросила леди Айна.

— Человеческий род оглядывается назад, на Золотой век, когда не было войн и все было мирно и счастливо...

Че хмуро улыбнулся.

— Когда был такой век, брат? В наше время, которое для вас легенда? Нет, ты сам видишь. В дни Гипербореи? У нас есть свои легенды, и они говорят только о смерти и бедствиях, возникших от человеческой алчности и злобы. Если и был золотой век — где его искать? В прошлом — нет! Нас учили смотреть в будущее.

— Которое в мое время темно, — ответил Рей.

— Лорд! Сигнал!

Они повернулись к юго-западу, куда указал дозорный. На фоне послеполуденного неба поднимался белый луч, прочерчивая линию на голубом.

— Сигналы башни внешних ворот, — сказал Че.

— Похоже, что мы в конце концов выиграли забег, — сказала леди Айна.

Рей углянулся — рейдер был еще виден, но едва-едва, как если бы он остановился.

«Вот что, — подумал Рей, — держало нас в напряжении: ожидание последней атаки со стороны этой зловещей черной тени».

Леди Айна глубоко вздохнула.

— Воздух стал чище, потому что они уходят. Теперь будем смотреть вперед, а не назад. Будущее ждет нас.

Началась суматоха. Металлические стены, загораживающие шкафут, упали. Военные машины были укрыты. Впереди, на узком мысу, уходящем в море и заканчивающемся острыми зубьями скал, стояла высокая башня.

Че отдал приказы.

— Пойдем прямо, — сказал он своим спутникам. — Я не буду останавливаться в Мануа, а пойду прямо в канал. Смотрите, они узнали нас и салютуют флагом.

Белые залпы взлетели с вершины башни, затем опустился и снова поднялся флаг. Ветер развернул его на минуту, и Рей увидел его эмблему — восходящие лучи солнца на зеленом поле.

Они обошли рифы, взяли курс на запад и мельком увидели другой мыс на юге. На нем стояло приземистое, похожее на огромную землянку строение. Че улыбнулся. Напряжение сошло с его лица.

— Теперь мы внутри. Давайте поедим и выпьем с удобствами.

Был еще день, когда они вернулись на верхнюю палубу. Че без усталости ходил взад и вперед, мало обращая внимания на других.

— Теперь мы плывем не одни, — указала на море леди Айна. — Вон идет торговый корабль с зерном из Матери-страны, а за ним корабль Северного Флота. Некоторые из них были вызваны сюда, пока Северное море не будет вновь безопасно, а другие работают в этих водах. Внутреннее море всегда безопасно — штормы севера и капризы южных бурь здесь неизвестны.

— Почему они свернули? — спросил Рей.

Два корабля впереди изменили курс и освободили проход для «Властелина Ветра».

— Потому что мы вывесили это. — Подошедший к ним Че указал на свой флаг, на его полное солнце, гордо сиявшее на малиновом поле. — На башне знают, что мы везем важные известия, и отдали приказ дать нам открытую воду.

Когда стемнело, свет был направлен на этот флаг, продолжавший заявлять о необходимости быстрого прохода. То же приглашение действовало и на следующий день, хотя они шли по переполненным судами каналам вокруг гавани Мануа. Эту столицу имперской провинции Рей видел только с моря, но ее высокие башни и пирамиды производили впечатление хорошо развитой цивилизации.

В эти дни он обнаружил, что овладел языком Матери-стра-

ны. Во всяком случае, он легко понимал все, что ему говорили, а сам только чуточку запинаясь на шелкающих согласных и смазанных гласных. Он практиковался, как мог, а Че давал ему еще уроки языка атлантов.

С первой задержкой они встретились у каналов Западного моря. Рей отметил, как все здесь отличается от континента его времени. Хребет Южной Америки должен в будущем стать острым гребнем Анд, а сейчас с палубы «Властелина Ветра» виднелись только небольшие округлые холмы за портовым каналом города.

На борту началась толчея — приходили и уходили чиновники. Но наконец с формальностями было покончено, и киль «Властелина Ветра» скользнул в воды другого моря.

— Благодарение Солнцу, наконец-то мы свободны! — Че отвернулся, не желая смотреть, как отплывает последний портовый чиновник. — После всего случившегося мне не нравятся задержки, и я не собираюсь подчиняться портовым крысам.

— Ре Му... — начала леди Айна.

— Да, ему-то мы должны сказать правду, не скрывая ни одного слова. А правда неприятная. Ре Му, возможно, найдет, что мы могли бы поступить лучше. Но у нас нет его мудрости. И я впервые командовал...

— Ай, но ты хоть вернулся со своим кораблем, — вставила леди Айна.

— Что бы ни случилось, судьба не сердилась так на меня, как на тебя. Но в провале нет бесчестья, если человек сделал все, на что способен.

— Какое синее море, — сказала она вдруг, как бы решив сменить тему. — У берегов Уйгура оно серое и очень темное на севере, где оно омывает Бесплодные земли.

— Почему вы зовете их Бесплодными? — спросил Рей. — Места дикие, это верно, но они не бесплодные. Там леса... — Он остановился, подумав о высоких и темных, но живых деревьях.

— Вероятно, из-за того, что там нет колоний, — ответил Че. — Для нас, жителей Матери-страны, они, похоже, запретны — будто хранящиеся там секреты не для глаз человека.

— А в твоё время это ведь не так? — спросила леди Айна. — Расскажи нам об этих землях.

Рей рассказал им о множестве заполненных людьми городов, о перенаселении на Земле, о больших магистралях, аэропортах, о полетах в космос...

— Вы хотите управлять Луной, лететь на другие планеты! — восторгался Че. — Человек может сделать так много... Однако ты говоришь, что все это грозит катастрофой.

— Да. Чем больше машин делает человек, тем больше от них смерти. Машины поднимаются в небеса, падают, и люди в них гибнут, или же они сеют смерть, и женщины и дети умирают в своих домах. Люди повсюду говорят о мире на планете, но нарушают все законы, которые сами же создали. Одни имеют больше богатств, чем могут сосчитать, а другие умирают, не имея ни куска хлеба. Вот так...

— Так было всегда, — задумчиво сказала леди Айна. — Однако мы все еще люди — одни добрые, другие злые, А ты когда-нибудь поднимался в небо?

— Да.

— На что это похоже?

— Вроде плавания. Можно видеть мир внизу или затеряться в облаках...

— Мне бы понравилось, — сказала Айна. — Как было бы хорошо, если бы ты привез такую птицу с собой...

Рей засмеялся.

— Есть много вещей, которые я мог бы привезти, и они были бы очень полезны, но я никогда не подумал бы о самолете.

— Наакали могли бы сделать такую птицу, — заметила леди Айна. — Надо посоветовать им заняться этим.

Че испугался.

— Никто не может советовать наакалям. Они сами решают, какие тропы мудрости будут открыты нашим ногам.

— Услышав слова лорда Рея, они должны будут пойти по этой тропе, — настаивала она.

Ее настойчивость, видимо, раздражала Че.

— Рей скажет наакалям, да. Они пожелают услышать его, когда узнают о его появлении. Но советовать им мы не можем.

— Кто такие наакали? — быстро спросил Рей, заметив, что леди Айна готовится возражать.

— Жрецы Пламени, стражи древней мудрости, искатели новых знаний, учителя человечества. Они путешествуют по колониям, распространяют знания. О многом они говорят только Ре Му и, может быть, немногим солнцерожденным, тем кто неболтлив и правильно заботится о знаниях. Так почтили мою мать, когда она после смерти моего отца стала дочерью храма.

— Я войду в храм, когда моя судьба на море будет кончена, — сказала леди Айна.

Че улыбнулся.

— Это ты сейчас говоришь, миледи. Но я готов поспорить, что через год ты позовешь какого-нибудь воина к своей правой руке. И тогда мы больше не услышим о храме.

Ее глаза вспыхнули и губы искривились.

— Уж не имеешь ли ты власти читать будущее, как накали и те, кто прошел Девять Таинств? — Она отвернулась и ушла во внутреннюю каюту.

Рей вопросительно посмотрел на Че. Тот все еще улыбался.

— Все женщины время от времени говорят, что мы для них ничто, и они предпочитают силы храма. Но все это быстро забывается, когда приходит время для свадебных браслетов.

— Мы еще далеко от Му?

— Мы войдем в гавань перед наступлением ночи и будем спать в доме моей матери. Я не думаю, что нас вызовут на аудиенцию до завтра, но леди Айна, наверное, пойдет ночью.

Через час раздался радостный возглас: «Земля!» Были вытасщены весла и гребцы заняли свои места. Один из офицеров стал отбивать ритм на маленьком барабане, и они гребли дружно и привычно-легко.

— Полиция гавани. — Че указал на подплывающий к ним легкий бот.

— Что за корабль? — окликнули с бота.

— «Властелин Ветра» Северного флота под командой солнцорожденного Че с важными известиями для Ре Му.

— Проходите.

Полицейский бот направился встречать тяжело двигающегося «торговца».

Овальная гавань была полна судов. Тяжелые торговцы, величавые пассажирские корабли, корабли Флота, баржи и рыбацьи шхуны качались на якорях.

За гаванью поднимался террасами город, не город — мечта, белый блестящий металл, радужные тона стен и башен, поднимавшихся выше и выше. Дома и дворцы, которые Рей видел издали, казались, по сравнению с этими, грубыми хижинами какой-нибудь окраинной деревни.

— Это — сердце нашего мира. Что ты о нем думаешь, брат? — спросил Че. — Он сравним с городами твоего мира?

— Не думаю. По размерам — да, но не по красоте.

Они вошли в док, и Че передал командование своему помощнику. Почетная стража отсалютовала им мечами, когда они высаживались. Офицер стражи сказал Че:

— Ты быстро прошел, солнцорожденный.

— Три дня от Внутреннего моря, — с некоторой гордостью ответил Че.

— Хорошее время, милорд. Леди Айну ждут носилки. А вы, милорд, во двор леди Эйе?

— Да, — нетерпеливо сказал Че.

Леди Айна шагнула к ним.

— Похоже, наши пути расходятся, милорд. Друзьям и

соратникам не обязательно церемониальное прощание. До новой встречи, и да хранит вас Пламя. — Она приветственно подняла руку и исчезла со своим эскортом, затерявшись в толпе. Офицер остался.

— Какие будут приказания, солнцержожденный?

— Дай нам побыстрее пройти.

Офицер направился вперед, расчищая в толпе дорогу. Рей пошел бы медленнее, чтобы увидеть все, что можно, но Че торопил его. Два или три поворота с одной шумной улицы на другую — и они попали в более тихое место. Здесь тоже были повозки, лошади, ломовые телеги, но много и пешеходов. Яркие цвета, разные виды одежды, представители различных рас мелькали перед глазами Рея, и ему казалось, что город вобрал в себя большую часть этого мира. И он мечтал разобраться в том, что видел, слышал и ощущал в свободное время.

Че свернул в тихий узкий переулок, догнав сопровождающего их офицера, и остановился перед дверью в стене слева.

— Большое спасибо за компанию и помощь, милорд. — сказал он в то время, как дверь уже открывалась под его резким толчком.

Рей заколебался на мгновение, а офицер улыбнулся.

— Все мы знаем лорда Че. Он хороший сын леди Эйе. Отдыхайте в свете Пламени, милорд. — Он отсалютовал и ушел.

Рей вошел в большой сад, закрыл за собой дверь, которую Че оставил открытой. Там были пальмы, цветы и бассейн, выложенный мрамором. Возле него росли папоротники и отражались в спокойной воде. Возле бассейна Че остановился и взглянул на Рея.

— Она идет.

Женщина, пересекавшая лужайку, не поднимала глаз и казалась погруженной в свои мысли. Она была одного роста с Че, ее кожа была почти такая же перламутровая, как жемчуга на ее шее и платье, белые волосы спускались до пояса толстыми, перевитыми жемчугом, косами. Но Рей видел только спокойную красоту ее лица.

Воспоминание шевельнулось в нем, и он не мог удержаться от того, что сделал затем: он повернулся и пошел обратно к красной двери в белой стене. Он шел слепо, видя не то, что было здесь, а то, что было в его мозгу. Дверь не ответила на его толчок, и он с силой ударил по ней кулаком.

— Сынок...

Не слово, а только мысль, как было с Че при их первой встрече. И непонятно, как хлынуло исцеление, отогнавшее воспоминание. Повернуться он не решался. Его кулак в последний раз ударил упрямую панель двери. Он не хотел, он не мог повернуться и увидеть...

— Рей.

Его собственное имя, но сказанное не тем голосом, который он боялся услышать, а другим. Его рука упала.

— Рей...

Этот зов требовал повиновения, и Рей не мог не подчиниться. Он неохотно — ох, как неохотно — повернулся и увидел глаза, полные сострадания и заботы. Они смотрели в него, точно видя все то, что он пережил в последние месяцы. Эти глаза проникли через барьер между этим миром и его собственным. Он был уверен, что они знали...

— Рей, — послышалось в третий раз, и это был не призыв к вниманию, а только приветствие. И рука на его руке — он сознавал это, как и эти всезнающие, всевидящие глаза — тянула его назад, в сад, и каким-то образом одновременно притягивала к другой двери, невидимой, но ощутимой. На время Рей освободился от своего мира.

Глава 7

— Проснись!

Рей открыл глаза. Он дрожал от холода, от внутреннего оледенения, хотя лежал не на снегу, но и не на ложе, на котором уснул.

На полу перед ним расстилались яркие полосы лунного света, такие яркие, что слепило глаза. И под его голыми ногами был холодный пол. Почему он стоял здесь, положив руки на дверной засов? Он не имел никакого представления об этом и чувствовал только полное замешательство.

— Проснись! — снова приказал негромкий голос позади Рея.

Он повернулся и увидел фигуру в мантии с капюшоном, наполовину скрытую тенью, наполовину освещенную ярким лунным светом. Рука поднялась и отбросила капюшон. Перед Реем стояла леди Эйе. Она протянула к нему руку, на раскрытой ладони которой лежал шарик, горевший чистым белым светом, на секунду ослепившим Рея.

— Пойдем... — Голос ее был едва слышен. Она повернулась, как бы зная, что он повинует, и бесшумно пошла по освещенному луной залу к полуоткрытой двери.

Там она положила свой светящийся шарик на маленький треножник, и свет тут же разгорелся, осветив комнату с ее стульями, кушеткой и столом, заваленным полотняными свитками.

— Сюда! — Она указала ему на стул у стола, и Рей сел. Он все еще дрожал от холода.

Леди Эйе налила вина в белую чашу в форме цветка и добавила туда несколько капель жидкости из маленького, длинной в палец флакончика.

— Выпей! — Она сунула чашу в руку Рея.

И снова Рей повиновался. Жидкость во рту была теплой и становилась теплее, пока он глотал ее. Когда он поставил опустевшую чашу на стол, леди Эйе подошла к нему и положила руки на его плечи, заставляя его встретиться с ней глазами.

Это было... это было, как будто все унесено силой власти, какую нельзя ни понять, ни контролировать. Слабое инстинктивное сопротивление Рея тут же ушло. Он не знал, чего она хочет от него, но она явно ждала от него какого-то ответа.

Наконец она разорвала контакт, ее пальцы перестали давить на его плечи. И только тогда Рей осознал, как крепко его это держало.

— Что? — Он впервые рискнул задать вопрос, даже не зная твердо, о чем он хочет спросить. Как он попал в этот зал? Чего она хочет от него?

— Ты шел спящий, — сказала она, — ведомый какой-то силой. Я изучала природу этой силы, откуда бы она не исходила.

— Ходил во сне? Но...

— Ты хочешь сказать, что раньше этого не делал. Это правда, насколько я знаю. Послушай, сын мой. Ты знаешь, что я в храме и поэтому обучена. Твое время во многом поглощается на материальные вещи, на знания, опирающиеся на то, что человек может видеть, слышать, осязать или ощущать. У нас другое учение, которое не так легко проявляется. Оно имеет дело с невидимым, неслышимым, с тем, что только косвенно ощущается, но не задерживается в чистом свете дня. Но ты не нашей крови и не из этого мира, и многое из того, что есть в тебе, ново для нас. Возможно, у вас есть силы, каких мы не знаем, хотя мы знаем многое. Силы, которых мы не понимаем, могут согнуть твою волю. Когда кто-то из моего народа ходит во сне, это знак, что он под контролем. Это может быть злом, и жертва должна подвергнуться очищению в храме...

— Как — под контролем?

— Движимый чужой волей. И такую вещь делают сыны Тени:

Рей покачал головой.

— Я не атлант. Я сказал Че и тебе правду.

Леди Эйе кивнула.

— Это я знаю. Для человека их храма прикосновение Тени, как сажа на человеческом лице. И если бы тобой завла-

дели против твоей воли, я бы узнала это, когда минуту назад «читала» тебя. Но что-то толкнуло тебя идти, в то время как другая часть твоего мозга оставалась спокойна. Это важно узнать. Может быть, твое собственное время все еще держит твой дух и требует тебя. А может быть...

— Что?

Все это звучало правдоподобно, пока она говорила, хотя его обучение и подготовка делали его вопрос не более весомым, чем лунный свет в зале.

— Что-то еще стремиться воспользоваться тобой. Когда тебя пленили атланты, один из их Красных Мантий смотрел на тебя, так? И те, кто взяли тебя, отдали ему то, что было на тебе, когда они захватили тебя. Таким образом, у него есть твое мысленное изображение, и вещи, которые ты носил на теле. Сильный враг может сделать с этим очень многое. Но если это так, ты на некоторое время в безопасности. Точно сделанное твое изображение послужит для того, чтобы ты не был больше мишенью для такого исследования и вторжения. Люди нашего храма поработают для тебя!

— Но... Ведь это колдовство! Оно же нереально! Можно втыкать в куклу иголки и воображать, что страдает враг, но ведь это — чушь!

Она так шумно и резко вздохнула, что Рей поднял глаза.

— Что ты знаешь о куклах, иглах и желании зла?

Теплота исчезла из ее голоса, сменившись отчуждением и недружелюбностью.

— В мое время — это сказки, в которые разумные люди не верят.

— Вот как? Ну, так они просто дураки. Древняя власть, вероятно, почти забыта, но некоторые силы приходят на зов и делают зло. Не презирай старые сказки, человек из другого времени, потому что в их основе лежат факты. В мире существуют свет и тьма, и люди склоняются к тому или другому. Если они хотят платить, а каждое требование имеет свою цену, к ним приходит знание и возможность им пользоваться, в зависимости от степени обучения. Те, кто не имеет знания, видят несколько материальных предметов и думают, что все дело в них. Не понимая, они боятся и бегут в страхе от того, что лежит за этими игрушками. А в то же время эти вещи отнюдь не игрушки. Прислушайся и поверь. Насмешка может стоить тебе жизни!

Помимо воли Рея, на него эти слова произвели впечатление. Она безоговорочно верила в то, о чем говорила, и он должен был принять это как часть этой жизни.

— Значит, ты думаешь, что жрец атлантов пытался направить меня на некий путь. А зачем?

— По тем причинам, которые ты и сам перечислишь, если подумать. Ты вовсе не глуп. Во-первых, ты новый элемент, попавший в старый конфликт во время кризиса. С таким всегда следует обращаться осторожно.

— Но я человек без особых способностей.

Она несколько утратила свою отчужденность.

— Один человек, нарушивший баланс, повернет течение истории по новому руслу. То, что ты несешь в мозгу, может оказаться полезным тем людям, с которыми ты решишь быть. Это одна причина, чтобы наложить на тебя мысленный контроль, хотя попытка сделать это в истинной цитадели Солнца показывает невероятную дерзость. Во-вторых, ты среди нас, мы тебя приняли, и ты можешь стать для них глазами и ушами. Нет, — видимо, она правильно прочла его чувство, — не надо сердиться. Для них было бы выгоднее сделать тебя настоящим шпионом. Возможно, — она снова нахмурилась, — я поступила неправильно. Может быть, лучше было бы следить и ждать...

— Увидеть, куда я пойду? — Он понял ее мысль. — Если я сделаю это снова...

Леди Эйе покачала головой.

— Сейчас ты не пойдешь, по крайней мере, в течение нескольких дней. Разве я не сказала тебе, что сделано твое изображение, чтобы освободить тебя от злого влияния? Но жрецы храма узнают больше, чем я. А сейчас, — ее руки снова легли на его плечи, но на этот раз она побуждала его встать, — ты вернешься в постель, будешь хорошо спать и проснешься утром отдохнувшим и спокойным.

«Может, эта встреча была во сне», — думал Рей, поворачиваясь на кушетке и чувствуя горячие лучи солнца на голове и плечах. Нет, она была в его мозгу во всех деталях, со сновидениями так не бывает. Это было как бы предупреждением.

— Эй! — сказал входя Че. — Вставай, брат. Нас ждет не только пища, но и прекрасное утро!

Они выкупались в бассейне с серебряным песком на дне и фантастическими чудовищами, вырезанных по стенкам. Потом надели шелковые туники.

— Волосы у тебя отрастают, — заметил Че. — Это хорошо. Свободнорожденный воин не стрижется, как слуга. — Он расчесал свои длинные волосы и закрепил их сзади заколками с драгоценными камнями.

Леди Эйе уже сидела за столом на террасе над садом. Она крошила маленькую лепешку и бросала на каменный пол ярким птицам, смеясь над их жадностью. Она протянула руку как Че, так и Рею, и американец постарался скопировать грацию мурийца, когда целовал ей руку.

— Прекрасное утро, сынки. Но его нельзя провести по желанию...

— Вызов? — быстро просил Че.

— Именно. Во дворец. Может быть, позднее мы сможем показать Рею город.

Но американцу показалось, что она строго смотрит на него. Может, она все еще думает, что он угроза — угроза всему этому, бессознательный шпион в их среде? На небе не было ни облачка, но тень холода, охватившего его прошлой ночью, прошла по его спине.

Че начал быстро учить его тому, что требовал придворный этикет, и Рей заставил себя сосредоточиться на его словах. Похоже, что мурийский император жил скромно, и полуофициальная встреча, на которую Рея позвали, не станет суровым испытанием, но форму все равно следовало соблюдать.

Через минуту леди Эйе прервала сына:

— Рей, Ре Му не похож ни на одного человека из нашего мира, и, я думаю, из вашего тоже. Он в самом деле особенный, избранный солнцeroжденный: во время обучения он подвергался таким испытаниям, которые обычный человек не может вынести. Наше правление не переходит от отца к сыну, как это иногда бывает в меньших королевствах, но к лучшему человеку из следующего поколения, после тщательного отбора из всех солнцeroжденных. Тот, кто сидит на троне Солнца, действительно один из нас, он доказал свое право держать в руках всю власть. Не смущайся перед ним: он видит правду и фальшь много глубже, чем всякий другой, и честный человек с добрым сердцем не должен испытывать страха в его присутствии.

Как следовало воспринимать ее слова? Как попытку успокоить или как предупреждение? Кто знает. Но отступить некуда, а он, Рей, насколько ему известно, честен. Рей вдруг испугался собственных мыслей. При чем тут его честность? Предупреждения, колдовство — нужно немедленно выкинуть их из головы и сосредоточиться лишь на том, что произошло. У него был откровенный рассказ, и каждое слово в нем — правда.

Они сели в занавешенные носилки. Такой способ передвижения не нравился Рею, но был продиктован обычаем. Тут был эскорт из дворца — расчищал путь и следил, чтобы их путешествие совершалось как можно скорее. Когда носильщики наконец поставили носилки, они оказались во внутреннем дворе. Перед ними была лестница, по которой леди Эйе повела их. Рей держался шага на два позади нее слева, а Че — справа. Поднявшись, она назвала часовому пароль, и он посторонился, пропуская их в зал.

В дальнем конце его висел занавес цвета слоновой кости, а перед ним находился серебряный гонг с серебряным же молотком. Леди Эйе дважды ударила в гонг, и, прежде чем стихло эхо, из-за занавеса послышался голос:

— Входи, Эйе, дочь моя, с сыном сына моего брата и иноземцем издалека.

Они вошли в большую комнату, где ни драгоценные камни, ни металл не нарушали гладкость стен и пола из слоновой кости. Центр сводчатого потолка открывался в небо, и прямо под отверстием внизу сидели четыре человека. Вместо ярких шелков, какие Рей видел ранее, трое были в белых мантиях с откинутыми капюшонами, вроде той, что была на леди Эйе прошлой ночью. И эти люди были стары, сторблены, их волосы были так же белы, как и мантии.

Четвертый человек сидел чуть поодаль. Он был в желтой тунике, с поясом из того же красноватого металла, что и щиты, защищавшие людей в битве. На голове его была корона в виде солнечного диска, увенчанного девятиглавой змеей.

Леди Эйе опустилась перед ним на одно колено, Че и менее проворный Рей последовали ее примеру.

— Приветствую тебя, Эйе. И тебя, Че. — Темно-голубые глаза правителя большей части мира повернулись к Рею. — И тебя тоже, иноземец, совершивший такое далекое путешествие. Идите сюда. — Он поднялся со стула, повел их в другой конец комнаты, где стояли скамьи из слоновой кости с шелковыми подушками, и велел им сесть.

— Леди Эйе много рассказывала нам... — начал он.

Рей не мог отвести взора от императора. Эти синие глаза — такие же, как у леди Эйе — казалось, видели не то, что было перед ними, а то, что составляло внутреннюю сущность вещей и событий. Эти глаза были старыми, очень старыми и мудрыми такой мудростью, какой американец никогда не встречал в своем времени. Однако императору было вряд ли больше пятидесяти.

Император посмотрел на Че.

— Ты почувствовал, что тот рейдер был странным судном?

— После того, как двое из моего экипажа были убиты, мы выпустили смерть-дыхание. Оно окутало весь корабль, но он все равно шел за нами, как будто люди на его борту не умерли.

Один из наакалей подвинулся ближе и сказал:

— По нашей науке, от этого оружия нет защиты. Значит, они обладают мудростью, какой у нас нет.

— Если так, боюсь, что они заплатили за нее такую цену, которая в дальнейшем страшной тяжестью ляжет на них, — ответил Ре Му. — Они еще пожалеют... — Он сделал паузу и чуть заметно улыбнулся. — Ты поступил правильно, Че. А

теперь... — Его глаза снова обратились к Рею. — Я думаю, ты уже оказал нам некоторую услугу, человек из будущего, когда освободил Че из рук атлантов. Может быть, твои силы вне пределов нашего знания, может быть, они чужды нам. Но почему ты связал свою судьбу с Му?

— Мой собственный мир для меня потерян. Что касается помощи Че — так он первый помог мне. А насчет другого — не знаю. — Он помолчал. — Смогу ли я вернуться в свое время?

Ре Му повернулся к жрецу, и наакаль ответил высоким тонким голосом:

— Как юность приходит к нам во сне, так и мы сами посещаем другие времена духом — так могло бы быть. Но идти в теле — это другое дело. Никто из наших, кто отважился это сделать, не вернулся.

— Я думаю, что эту истину ты должен принять, — сказал Ре Му, его глаза проникали в Рея все глубже и глубже, и через некоторое время он добавил: — Твое имя — Рей — похоже на наше слово, означающее власть Солнца, это могущественный знак. Скажи, что ты думаешь о корабле атлантов, который должен был стать мертвой скорлупой, а, однако, шел за вами?

— Я думаю, что это было зло.

— В этом все с тобой согласны. Я тоже считаю, что он содержит зло. А встретив новое зло, о нем следует хорошенько подумать. — Ре Му замолчал, и когда заговорил снова, голос его звучал официально: — Пусть этот юноша числится солнцержожденным, как сын нашего дома. На нем будут обязанности его положения, потому что, скажу тебе, мой сын, наши обязанности перевешивают наши права. И, может быть, наш мир покажется тебе грубым. Изучай его, как можешь, так же как и он будет изучать тебя.

Аудиенция была окончена, и они были отпущены. Выйдя в другой зал, вдали от императора, Рей пытался понять, какова была причина такого воздействия на него Ре Му. Не мурийская манера держаться, как бы хороша она ни была, не какая-то великая мудрость его слов, дело не в том, что Ре Му делал или говорил, а в том, что присутствовало за этим, как громадный волнующийся плащ, который заставлял благоговеть перед императором и чтить его.

Они вернулись к носилкам и ожидающему их эскорту. Леди Эйе улыбнулась.

— Поскольку мы теперь свободны, я бы предложила отправиться на рыночную площадь, чтобы Рей увидел деловой центр города.

Похоже, теперь уже можно было откинуть занавеси но-

силок, поскольку Че сделал это и дал возможность Рею смотреть на город. Улицы были широкие, хорошо вымощенные, с цветниками, с каменными оградами и небольшими деревцами. На площади они остановились, и леди Эйе с благодарностью отпустила носилки и эскорт.

Рей видел в толпе людей, одетых более просто, чем он и его спутники, но никого не было в лохмотьях, как не было и никого ниже средней упитанности.

— Продавцы цветов. — Леди Эйе указала на лотки, затопленные буйством красок.

Че подошел к одному лотку, через минуту вернулся с букетиком, издающим сильный, сладкий запах, и поднес его матери. Она понюхала цветы.

— Почему дыхание весны не растет в нашем саду? Пламя знает, сколько раз мы пытались вырастить этот цветок, ухаживали за ним, холили, но он всегда погибал. Тайна, которую не разрешат и наакали. А сейчас, — она дотронулась до руки Че, — с меня причитаются подарки по случаю вашего возвращения. Самое время их выбрать.

— Нас все еще приветствуют? — засмеялся Че. — Ну что ж, воспользуемся этим. Куда пойдем, миледи?

— К Крафити, я думаю.

Они прошли мимо продавцов цветов и вышли на улицу, сплошь состоящую из открытых лавок. Солнце играло на товарах, разложенных на подносах. Рей никогда не видел такой выставки драгоценностей и теперь глазел в изумлении, отставая от своих спутников. Некоторые камни были оправлены в незнакомый ему красный металл, и он спросил Че, что это такое.

— Орихалк. Он состоит из золота, меди и серебра, но в какой пропорции — это секрет кузнецов.

Один из торговцев встал, приветствуя леди Эйе.

— Истинно Пламя милостливо сегодня ко мне, если солнцерожденная леди и ее сын лорд пожелали посетить мою бедную лавчонку.

— Да, Крафити, если ты хочешь показать свои шедевры, то лучше не испытывай наше терпение. Я слышала о некоем украшении...

— Пусть солнцерожденная соблаговолит сесть, и ей принесут все, что она захочет. Ахейм, — обратился он к помощнику, — принеси корону ста десяти.

— Сейчас мы увидим настоящую красоту, — сказал Че Рею шепотом. — Крафити — большой мастер, и его агенты привозят ему лучшие камни во всем мире.

Появился помощник с подносом из эбенового дерева. На его черной поверхности стоял бюст женщины в натураль-

ную величину тоже из черного дерева, и на ее голове была корона.

Сетка из розового жемчуга предназначалась для зачесанных назад волос, а со лба поднималась девятиголовая змея из таких же жемчужин, некоторые из которых были величиной с ноготь большого пальца Рея. Леди Эйе коснулась пальцем змеиной головки и сказала:

— Ты умеешь искушать. Теперь, когда я увидела это, я не успокоюсь, пока корона не будет моей.

— Конечно. Разве я, делая это, не думал о солнцержожденной? Я еще никому не предлагал эту вещь. Если бы ты не пожелала взять корону, я бы разобрал ее и использовал бы жемчуг по-другому.

— Она моя. Вели принести ее в мой двор. А сейчас покажи мне браслеты, потому что я должна сделать подарки по случаю возвращения воинов, служивших в далеких краях. — Она улыбнулась Рею. — Такой у нас обычай — делать небольшие подарки тем, кто вернулся из трудных путешествий. Выбери один из этих браслетов и носи на счастье.

Рей в замешательстве посмотрел на кучу браслетов с драгоценными камнями.

— Выбери сама для меня, это же твой подарок.

Она снова улыбнулась, и он понял, что она довольна.

— Тогда этот. — Она показала на браслет, вырезанный из черного янтаря в форме девятиглавой змеи с бриллиантовыми глазами. — Змеи — носители мудрости, а в ней нуждаются все люди. Кроме того, этот браслет отличен от всех.

— А этот? — спросил Крафити, показывая браслет из молочно-белого нефрита, сделанный по тому же рисунку, только с рубиновыми глазами.

— Тогда этот для тебя, Че, если он тебе нравится!

— Как он прекрасно сделан! — быстро сказал Че.

— На внутренней стороне напиши имена, — приказала торговцу леди Эйе. — На черном — «Рей», на белом — «Че», и пришли их вместе с короной.

— Будет сделано, солнцержожденная.

Рей посмотрел на лежавшие рядом браслеты, контрастирующие друг с другом. Он подумал о том, что змей, как видно, здесь почитают и не предубеждены против них, как в его время.

Браслет был прекрасен, настоящее произведение искусства и к тому же подарок друзей. Но почему-то... Он и сам не знал почему, ему хотелось бы оставить браслет там, в лавке, чтобы его купил и носил кто-нибудь другой. Словно бы в этой черной полоске содержалось зловещее обещание.

Рей быстро вскочил, осознав, что его ждут. Леди Эйе внимательно наблюдала за ним.

— В чем дело? — спросила она чуть-чуть резковато.

— Ничего. Контраст черного и белого еще больше привлекает глаз.

Она взглянула на браслеты.

— Да, ты прав. И это все?

— Все, — твердо ответил он. Он не хотел больше думать о предчувствиях — в этом мире они возникают слишком уж легко.

Глава 8

Хотя жизнь в доме леди Эйе была, возможно, роскошной по внешнему виду, она отнюдь не была праздной. Задачей Рея было учить мурийскую грамоту, чтобы читать книги-свитки. И это было нелегким делом. За это время Рей начал замечать, что некоторые стороны мурийской жизни не так открыты ему, как эти свитки, в которые он погружался.

Леди Эйе надолго исчезала по храмовым обязанностям. Храм был единственным большим зданием в городе, куда Рея не приглашали. Рей считал, что храм — сердце страны. Почему же ему его не показали?

«Может, просто упущение?» — подумал он однажды утром, разглядывая в окно пышную зелень снаружи. Но вскоре он услышал несколько слов из разговора Че с матерью, из которых понял, что Че собирается в храм на особую церемонию, посвященную погибшим в море.

Однако Рею ничего не было сказано насчет этого.

Не ходил ли он снова ночью, откликаясь на то, что леди Эйе считала зовом чужой воли? Если да, то он об этом не знал. Может быть, его держат под подозрением и поэтому не берут в святилище, которое почитают?

Солнце было символом их верховного божества. Это было легко понять: солнцепоклонство — была древнейшая из всех религий. Но было еще и Пламя, о котором они время от времени упоминали, оно также было знаком религиозного обряда и силы.

«Итак, — думал Осборн, — его держат в определенных границах, приглашают только на прогулки по городу, на рынок, в порт с Че и однажды позвали на увеселительную поездку по реке вместе с гостями леди Эйе из города».

Рей откладывал в памяти все, что видел: чтобы обдумать, но у него всегда было неприятное чувство, все время усили-

вающееся, что ему показывают лишь внешнюю сторону вещей, а все, что реально делалось в этой стране, было от него скрыто. Несмотря на дружеское обращение с ним, он все-таки оставался чужаком.

— Милорд...

Он так погрузился в свои мысли, что вздрогнул, услышав это обращение. И в нем тут же возникло подозрение: может, он никогда не остается один? Он оглянулся на слугу.

— Да, Темпро?

— Милорд, посланец от Великого.

— Леди Эйе и лорд Че ушли...

— Посланец хочет говорить с тобой, милорд. Он пришел очень поспешно.

Королевский посланец к нему.

— Впусти его.

Но Темпро уже исчез, и через минуту на его месте стоял человек в форме дворцового стража.

— Солнцержожденному приветствие. Великий просит твоего присутствия в Зале Неба.

Рей кивнул. Мысли его спутались, и он забыл, как полагается отвечать официально. Он пошел за стражем к носилкам. Как только он сел, занавеси были опущены, так что он ничего не видел, и его никто не видел. Почему? Его воображение предложило кучу ответов, каждый из которых был более диким, чем предыдущий. Носильщики бежали крупной рысью, что свидетельствовало о спешке.

Он услышал окрик часовых и тихий ответ сопровождающего. Затем они свернули с шумной улицы на сравнительно тихую. Наконец носильщики остановились и поставили свой груз.

Рей вышел, но не в тот двор с фонтанами, где был в прошлый раз. Он оказался в узком пространстве между двумя высокими стенами. Никакие растения не нарушали строгости этой белой каменной протяженности, которая вызывала угрюмую настороженность. Прямо перед Реєм была дверь в башню.

Дверь не была такой гладкой, как белые стены. Приглядевшись, Рей увидел на ней золотые буквы и символы. Но, несмотря на его настроение и терпеливое изучение мурейского, он не мог прочесть их, да и посланец-офицер стоял в дверях и торопил Рея.

— Великий ждет! — сказал он с нетерпением. — Наверх.

Он посторонился, пропуская Рея на лестницу, которая вилась вокруг внутренней стены башни. Американец поднимался один — офицер остался внизу.

Внутренняя часть башни была на удивление проста, как

будто ее сознательно скопировали с более древнего и грубого образца архитектуры тех времен, когда человек строил из неотесанного камня и учился мастерству в процессе постройки. Лестница вела прямо в пустую комнату шириной во всю башню. Снова витая лестница вверх, через вторую пустую комнату и третью. Затем Рей оказался в самой верхней секции. Его ожидали не только Ре Му, но и двое наакалей. В стене за ними выделялись непрозрачные овалы, расположенные через равные промежутки, явно не окна, потому что солнечный свет не проникал через них, а помещение освещалось шарами, поставленными на треножники возле каждого из трех сидений. В остальном комната была так же пуста, как и нижние.

Рей преклонил колено, чувствуя себя неуклюжим дураком, но следуя дворцовому этикету. Но почему-то никто его не приветствовал: вместо того они смотрели на него испытующе, и его недовольство возросло. Создавалось впечатление как от заседания суда, инквизиции, хотя за Реем не было преступлений, за которые бы следовало отвечать.

— Это правда, — заговорил Ре Му. — Ты вызван сюда не из-за чего-либо, совершенного в прошлом, а для грядущего действия.

Рей растерялся.

— Ты думаешь, что я собираюсь повредить вам каким-нибудь образом?

«Так и есть: подозрение леди Эйе. Не зря она предчувствовала недоброе», — подумал Рэй.

— Нет, ты можешь сделать нам благо, а не зло! — ответил Ре Му. — Расскажи ему, Уча.

— Дело в том, — начал наакаль, — что люди Атлантиды и в самом деле закрыли проходы мысли, чего никогда не делалось с тех пор, как страна и живые существа вышли из ила морского после гибели Гипербореи в безднах.

В Матери-стране всегда были люди, умевшие мысленно общаться с подобными себе в колониях. Таким способом Ре Му отдавал приказы вице-королям других земель. Теперь же мы можем так говорить только с пограничными постами Майякса, но не дальше. Те, кто добровольно захотел уйти из нас в Тень, поставили барьер, и никто из нас не может его пробить. А мы должны знать, ради спасения Матери-страны, какие гадости они замышляют за этим барьером.

Ре Му наклонился вперед, и снова всезаполняющая аура, бывшая, казалось, его частью, его плащом, захлестнула Рея, американец не знал, было то по воле императора или происходило само собой.

— Итак, мы не можем пробить этот барьер. Но есть очень малый шанс, что это можешь сделать ты. Ты пришел из времени, где у народа совсем другие мысли и силы. То, что является преградой для нас, для тебя, возможно, не помеха. Захочешь ли ты помочь нам и постараться увидеть, что делают наши враги?

— Ты имеешь в виду... послать меня в Атлантиду? — медленно спросил Рей.

— Не телом, нет, только мысленно, — ответил наакаль Уча.

— Такое путешествие, — добавил Ре Му, — вполне безопасно. Ах, — он остановился, внимательно глядя в глаза Рея, — я вижу, ты очень мало знаешь о мозге и его силах. В твоём времени сила основана на других принципах, так что ты не можешь освободить то, чего не понимаешь и не контролируешь. О многом ты и не подозреваешь. Но ведь ты уже разговаривал мысленно. Когда-нибудь ты научишься и будешь пользоваться внутренней силой, как все солнцорожденные. Но я понимаю твои колебания, поскольку для тебя это нехоженные дикие места без проложенных троп.

«Я нужен им, — подумал Рей. — Они будут бережно обращаться со мной, как с необходимым инструментом. И это правда, что я общался мысленно с Че и с другими, и вреда от этого не было. Однако...»

Леди Эйе предупреждала его — может быть, он уже был проверен, как инструмент... С другой стороны...

— Нет! — Ре Му снова прочел его мысли. — Подумай, разве мы рискнули бы пользоваться тобой, если бы сомневались? Доказательство этого ты сейчас получишь.

Второй наакаль достал из-под своей мантии кристалл, точно такой же, какой держала в руке леди Эйе в ту ночь, когда Рей ходил во сне.

— Возьми его в обе руки и приложи сначала к сердцу, а потом ко лбу.

Жрец не протянул кристалл, а бросил, и Рей поймал его в послушно сомкнутые ладони. Кристалл был не холодным, как ожидал Рей, а чуть теплым. Рей прижал его к груди, а затем, по жесту наакаля, ко лбу.

— Теперь верни его.

Наакаль протянул руку, и Рей бросил шарик обратно тем же способом, как и получил. Шарик слабо заблестел, но во всем остальном не изменился. Все трое, взглянув на шарик, кивнули.

— Никто, запятнанный Тенью, не мог бы этого сделать, — сказал Ре Му. — Ну, что ты выберешь? Это дело должно быть добровольным.

— Как я узнаю, на что смотреть, если попаду туда? — спросил Рей.

— Тебя пошлют именно туда, куда надо, и мы увидим все, что хотим, твоими глазами, — ответил император.

— Когда?

— Сейчас. Отсрочка опасна.

Рей облизал губы. Да или нет? Он не сомневался, что они твердо знают, что хотят сделать. Но он должен был принять решение. Ну, что ж, поверим им, раз это так важно.

— Идет, — поспешно-ответил он, вдруг испугавшись, что так и не решится выполнить их просьбу.

Наакали встали. От прикосновения к стене плита повернулась и открыла бассейн с искрящейся водой. Рей разделся и погрузился в воду, которая покалывала тело. Когда он купался, на него одели мантию, такую же, как у остальных, белую, и посадили в кресло, на котором раньше сидел Ре Му. Теперь император стоял позади Рея, плотно закрыв ладонями его глаза.

— Смотри на черный занавес перед тобой, — приказал мурийский правитель.

Внезапно Рей ясно увидел занавес, черный, плотный, падающий тяжелыми складками.

— Иди через него! Вперед! — прозвучал приказ в его ушах.

Рей повиновался. Он ощутил в пальцах гладкую ткань занавеса, ощутил его вес, когда откинул, чтобы пройти. Затем он вцепился в занавес в ужасе, потому что вокруг него вдруг заметалось обжигающее пламя.

— Назад! — слабо донесся до него взволнованный голос императора.

Рей качнулся вперед. Ход был открыт и обещал избавление от невидимого Рею огня. Он нырнул туда и очутился на свету.

Он стоял в конце длинного зала с колоннами. Красные стены были полускрыты тенями. На стенах были фрески в приглушенных тонах, очень детальные. Только демоны из ада могли придумать и изобразить такое. Рею было тошно смотреть, и он попытался отвернуться, но другая воля, контролирующая его действия, заставляла его разглядывать весь этот ужас, как будто оценивала всю непристойность и жестокость изображений.

Пока Рей шел в тени за колоннами, он обнаружил, что он находится здесь не один. За черным каменным алтарем и вокруг него

стояла группа людей, поглощенных каким-то действием. Они монотонно пели. Рей не понимал слов, но встал за ко-

лонной, чувствуя что тут происходит нечто такое, чему он должен быть свидетелем.

На алтаре изогнулась золотая статуя. У нее была бычья голова с широко расставленными рогами, неуместными в соединении с человеческим телом. Вокруг статуи парило мрачное черное облако. Без большого удивления Рей понял, что это Зло, присущее мыслям того, чьим символом была статуя.

У алтаря стояли пять человек. Двое в красных мантиях, с лысыми черепами, похожие на того атлантского жреца, которого Рей видел на корабле, они явно были служителями этого мерзкого бога. Третий был в воинских доспехах, четвертый — в богатой мантии и со множеством драгоценностей. У него был маленький круглый рот с бледными губами, похожий на присоску осьминога. Маленькие глазки глубоко сидели в складках жирной кожи. Рей тут же почувствовал ненависть и отвращение к нему.

Пятый человек лежал на нижней ступеньке алтаря. Он был раздет и связан — беспомощный пленник. Но из него как бы исходил свет, который Рей истолковал как отражение отчаянной храбрости. По его волосам и цвету кожи Рей догадался, что это муриец.

Пение кончилось. Один из жрецов двинулся к пленнику, мрачный отблеск пламени играл на ноже в его руке.

— Негодяй! — Пленник плюнул в Красную Мантию. — Му встанет против всех вас и вашего дьявольского бога!

Тело пленника выгнулось от удара и застыло. Второй жрец уже собирал хлынувшую кровь в чашу. Чаша передавалась из рук в руки по кругу, и люди пили из нее.

Рей замутило. Он боролся с волей, державшей его здесь, пока наконец его не отпустили. Ужасный зал исчез. Теперь Рей стоял высоко на стене над гаванью, забитой кораблями. Он оставался тут некоторое время, словно все внизу тщательно изучалось его глазами, хотя он видел в картине внизу лишь беспорядочную суету, скопление кораблей разных форм и размеров.

Затем гавань исчезла, и Рей оказался в другом зале, на этот раз во дворце, а не в храме... Хотя стены здесь были тоже из красного камня, но зал был оформлен в других тонах, и на стенах его висели гобелены с изображением фантастических сюжетов.

Человек в драгоценной мантии, которого Рей видел у алтаря бога-быка, сидел на троне в окружении придворных. Над всем собранием парило мрачное облако. Рей знал, что это парение духа, и не удивился своей способности видеть это. Перед Посейдоном — потому что этот человек не мог быть

ником другим — была группа пленников, крепко скованных мурийцев.

Слабо и далеко, как бы с громадного расстояния, Рей слышал слова правителя. Зрение Рея было много резче, чем слух.

— Вы остались одни. Ваша Мать-страна оставила вас нам. В эту ночь кровь вашего капитана утолила жажду Баала. Му теперь — шепотка пыли на подоле нашей мантии, и мы стряхнем ее, чтобы она развеялась по ветру. Вы еще увидите это...

Один из пленников откинул голову назад, чтобы смахнуть с лица спутанные волосы.

— Творящий зло! Му будет жить вечно! Его руки всегда над нами. Если по его воле мы должны умереть для блага других, то мы умрем. Ты, отродье мрака, думаешь, что хоть один сын Му станет делать зло по твоему приказу?

Посейдон улыбнулся жестокой улыбкой.

— Так, — его голос стал таким тихим и далеким, что Рей едва различал слова, — ты все еще говоришь, надменно выпрямив шею, говоришь с вызовом. Ладно, я не убью тебя сейчас. Я приберегу тебя, чтобы твои ноги горели, когда тебя заставят бежать по углям, оставшимся от Му.

— Мать-страна не так легко падет и не от твоих рук. Если ты веришь тому, что сказал, то ты круглый дурак! — быстро ответил пленник.

Жирные щеки Посейдона потемнели и как бы набухли от злости.

— Увести их в ямы.

Воля снова вызвала Рея, когда он бросил последний взгляд на уволаскиваемых пленников. На этот раз он оказался в лавке торговца, вроде тех, какие посещал на рынке мурийского города.

— Не довольно ли нам стоять в стороне от торговцев Му? — сказал человек, поднял кружку, отпил и деликатно прикоснулся к губам квадратиком льняной ткани.

— У Матери-страны великие силы, — с сомнением ответил один из его компаньонов.

— Да! — Торговец выпил снова и облизал губы. — Но разве жрецы Баала знают меньше?

Затем Рей попал в верхнюю комнату башни или высокого здания, он решил, что это так, поскольку из окна виднелись проблески света далеко внизу. Впервые с тех пор, как Рей прошел через ворота времени, он оказался среди предметов, близких его эпохе. Это явно была лаборатория. За столом в углу сидели два атланта в красных мантиях.

— Нам нужен человек для корма, — сказал один. И хотя Рей сидел близко, он опять слышал плохо и как бы издалека.

— Один будет. Мурийский пленник. Пусть встретит объятия Преданного, как и весь его род в будущем! — Лисье лицо жреца засияло от нетерпения, похожего на голод, и облако зла над его головой стало еще темнее. Его напарник смотрел на свои руки, лежавшие на столе, и на его длинном лице выражалось сомнение.

— А что, если мы откроем ворота, а закрыть не сможем? Иной раз я боюсь, что мы зашли слишком далеко и слишком поспешили...

— Разве господин Тени не станет защищать свое добро? День Пламени теперь на закате.

Какое зло они тогда творили, Рей не запомнил. Если кто-то наблюдал за этими людьми его глазами, то он милосердно вымел это из мозга Рея, прежде чем тот снова оказался у черного занавеса. Он еще раз прошел через огонь, пока не ощутил в руке ткань занавеса, а затем, больной и измученный, открыл глаза в комнате башни Му. Непрозрачные отверстия в ее стенах напоминали слепые глаза...

Перед ним стоял Ре Му, он был взволнован и не скрывал этого. И накали выглядели так, точно видели неминуемую гибель и не имели от нее никакой защиты. Усталость Рея легла на его плечи тяжелым грузом, как болезнь.

— Итак, вот что они делают: открывают ворота, на которые ни один человек не должен посягать... — прошептал Ре Му. — Разве они не знают, что вызванное Зло в конце концов всегда оборачивается против предполагаемых хозяев? Вызвать его можно, а вот загнать обратно — гораздо труднее. Мир тем, кого они послали к

Солнцу! А тебе, — сказал он Рею, потянувшись, чтобы плотнее запахнуть мантию вокруг плеч Рея, — тебе мы обязаны безмерно, потому что, если бы мы не узнали своевременно их дел, это могло бы привести к нашей гибели.

— Что делалось в той лаборатории?

— Скажи спасибо, что ты не помнишь. Мы должны идти — готовить отчет. Воспоминания об увиденном в той лаборатории тяжелым грузом лягут на наши души до тех пор, пока мы не успокоимся в наших гробницах-нишах. Они совершили грех, которому нет прощения, и расплата будет ужасна. Уча, принеси воды жизни...

Старший наакаль протянул императору чашу с искрящейся водой. Обняв Рея за плечи, мурийский правитель поддерживал его, пока он не выпил всей жидкости. Когда она проходила по его горлу, Рей почувствовал прилив жизненных сил и энергии.

— Ты должен отдохнуть. Мы проследим, чтобы твой сон был без сновидений. А потом отправим тебя домой...

Сон уже смежил веки Рея. Он едва сознавал, что наакали принесли мат, положили на пол, что сам Ре Му помогал уложить его на мат. Однако несмотря на желание уснуть, Рей вздрогнул, когда непрощенные воспоминания о том, что он видел — или думал, что видел — всплыли в его мозгу. Чья-то рука коснулась его лба, были сказаны слова на непонятном ему языке, и видения исчезли, остался только сон.

Когда он проснулся, над ним струился мягкий свет. Овалы, которые не были окнами, содержали в себе свет, и он заливал комнату. Кто-то зашевелился, Рей медленно повернул голову. Даже это легкое движение потребовало усилия воли. Леди Эйе улыбнулась ему.

— Мне сказали, что ты сделал, и я пришла, чтобы о тебе заботился кто-то из твоего собственного дома.

Глаза Рея закрылись помимо его желания. «Из твоего собственного дома». Но зачем ему мурийский дом? Это не его мир и не его время, и он здесь чужой...

Деревья, высокие, как башни Му поднимались из земли. И между ними мелькали тени, выстраивавшие запутанный лабиринт. Где-то там... дальше, дальше... Он должен идти дальше...

— Рей! Рей!

Этот голос пришел точно издалека, как голоса атлантов во сне, но он был повелительным, он требовал, он настаивал, чтобы Рей услышал его и остановился между деревьями в неведомой дали.

— Рей!

Его схватили за руки. Он попытался вырвать их, но не смог.

— Вернись!

Это зов был не слабым, но громopodobным, и в нем была такая сила, что Рей съежился, ожидая удара молнии.

— Вернись! — снова раздалась команда, как будто о неповиновении не могло быть и речи.

Рей открыл глаза. Рядом с ним стояла на коленях леди Эйе. Это ее руки держали его. А за ней стоял старый наакаль, положив пальцы на ее плечи, словно это должно было связать их.

— Встань! — скомандовал ей наакаль, убрал руки с ее плеч и наклонился над Реем. В его руках неизвестно откуда появился хрустальный шар. Свет от стенных панелей, казалось, устремился к шару, чтобы превратиться в сверкающее облако, окутавшее Рея. Он снова закрыл глаза. Деревьев больше не было, не было и необходимости что-то искать... Был только исцеляющий сон.

Глава 9

Длинноногая птица бежала по песку и, роясь во водорослях, оставленных приливной волной, искала пищу. Она уже позавтракала маленьким скатом и предвкушала другие находки. Обойдя скалу, она заверещала и повернула обратно.

Рей, потревоженный этим криком, поднял голову и оглядел маленькую бухточку. Бабочка с металлически-синими крыльями, порхавшая над его головой, только что улетела. Бухта была пустынной. Рей и хотел этого. В каком-то смысле он был всегда одинок. Несмотря на теплый прием мурийцев, между ними и Реем всегда был барьер, было ощущение, что все это нереально, по крайней мере, для него.

Что в конце концов случилось с этой страной и народом? Какая мировая катастрофа изменила все лицо планеты, разделив ее на части суши и моря, известные в его время? Бежали ли остатки мурийцев в другие земли, или были захвачены на островах, которые стали вершинами гор, поднявшихся среди равнин Му? В таком хаосе цивилизация должна была быстро погибнуть. Выжившие впали бы в дикое состояние, и исчезло бы все... Могли остаться только легенда. Короли Му, наверное, стали полубытыми богами дегенерировавших племен.

Что сейчас — первые дни Му или последние?

Бесплодные земли были его землей — если что-нибудь здесь могло быть связано с ним. Когда-нибудь... Когда-нибудь он, может быть, вернется туда.

Жадная птица, обманутая неподвижностью Рея, рискнула вернуться. Последив некоторое время за американцем, птица заторопилась к другой скале на другой стороне бухточки.

Она бросилась обратно с диким криком, и Рей услышал плеск, словно кто-то двигался по мелкой воде. Он надеялся, что сюда не придут, и никто не пришел, но голоса пришельцев он слышал хорошо благодаря каким-то акустическим особенностям скал. Одна фраза привлекла внимание американца:

— Храм Баала празднует ночь середины года. Рисковать шеей ради Му? Если они верят в это, они дураки. Я бы советовал им освободиться самим, как это сделала Атлантида. Выгнать солнцeroжденных. Не захотят уходить — что ж, пусть встретятся с Баалом. Как я понимаю, он умеет находить для таких применение. — Говоривший захохотал.

— Значит ты плывешь на восток? — спросил другой голос.

— На третий день, считая от этого дня, а может быть, раньше, если успеем. Это мурийское дурачье не спрашивает

моих морских полномочий — зачем им? Я всего лишь торговец зерном из Уйгура, направляющийся к окраинам Майякса и проделавший такой же путь два года назад. Они знают меня по одежде. Одно только плохо: в этом городе живет одна из этих проклятых солнцeroжденных — леди Эйе, она знает меня в лицо. Я был в ее доме до дела тайных кораблей, когда получил пять лет. Если она увидит меня здесь, на запретной территории, она сообщит об этом солнцeroжденным — к Балу, вот что говорю!

— Как же ты пройдешь мимо восточной стражи, чтобы добраться до своих друзей?

— Это мое дело. Дай мне сведения, которые добыл, и я спокойно унесу их, не бойся. Не в первый раз мне носить такое. И твои братья в Тени будут рады мне.

— Я не рискну слишком долго заниматься разведкой, в храме есть запретные отряды, они защищены. У этих опекаемых Пламенем жрецов есть способы читать не только поверхностные мысли. Хорошо, что меня вообще приняли, пусть даже учеником.

— Ты узнаешь то, что нам нужно, — с угрозой сказал первый голос. — Мы знаем, что они недавно каким-то образом проникли сквозь занавес Тьмы. И они обнаружили Преданного. Ты должен узнать, как они это сделали и какую защиту планируют, — это жизненно важно. А теперь уходи, пока никто не спросил, почему того, кто пошел к постели больного отца, видели на взморье с торговым капитаном из Уйгура.

— Видели? — В этом крике послышался страх. — Ты же сказал, что это безопасное место, где можно встретиться, не боясь быть обнаруженным.

— Полностью безопасных мест нет, дурень! В наших делах всегда есть элемент риска. Если ты не веришь этому, то ты хуже чем дурак. Никогда не забывай, что ты ходишь по веревке над ямой с огнем, несмотря на свой охранный талисман. А теперь уходи!

Рей пополз по песку к скале, но только увидел со спины белую мантию наакаля на одном и кожаную куртку на другом, куртка когда-то была синей, а теперь выцвела и покрылась белыми пятнами от соленых брызг. Простой, без гребня шлем скрывал волосы, и со спины человек был похож на любого капитана маленького торгового судна.

Когда они скрылись за утесом, Рей встал, стряхнул с одежды песок и попытался вспомнить, где ближайший сторожевой пост на дороге. Он наверняка прошел мимо него, когда шел сюда.

Когда он выбрался на дорогу, тех двоих и след простыл.

Пара слонов скрыла их, подняв облако пыли, верховой с рогом королевского курьера торопился обогнать тяжело нагруженных животных.

Все путешественники останавливались у внешних ворот города, чтобы стража их пропустила. Древний обычай, забытый, но недавно возродившийся, был теперь источником недовольства и ропота со стороны тех, кто не видел смысла в такой задержке.

— Имя и ранг? — спросил Рей солдат хриплым голосом человека, который задавал этот вопрос пятьдесят раз за этот час, и, без сомнения, задаст его еще пятьдесят раз в час следующий.

— Солнцорожденный Рей из дома леди Эйе.

— Проходи. — Но солдат уставился на него с неприкрытым удивлением. Видеть солнцорожденного, прогуливающегося в одиночестве, без эскорта, было настолько необычно, что это вызывало удивление.

Рей спешил, не зная, что солдат уже доложил о нем своему старшему. Цитадель... Рей должен быть там как можно скорее. Он снова назвал себя часовому у внешней стены дворца.

— Солнцорожденный Рей с важным сообщением для Ре Му!

Он вошел во внутренний двор с фонтаном и, после некоторого ожидания, был проведен к императору в зал аудиенций. Ре Му ждали здесь не только наакалы, но и воины, которые с удивлением смотрели на американца. Но Ре Му сделал Рею знак подойти.

— Тот, кто пришел в такой спешке, должен нести какое-то важное известие.

Рей искоса взглянул на офицеров, и мурийский правитель жестом показал, чтобы те отошли.

— Можешь говорить.

Американец быстро изложил все, и лицо Ре Му стало жестким.

— Ты хорошо сделал, что быстро пришел к нам с этим. Ты можешь описать этих людей и их лица?

— Нет, Великий. Могу только сказать, что один был в мантии наакаля, а другой — морской офицер из Уйгура. Думаю, что узнал бы их голоса, если бы услышал снова.

— По твоим словам, леди Эйе знает моряка. Это помощь. А вот ученый...

Один из наакалей зашевелился и сказал с холодной яростью:

— Будь уверен, мы найдем изменника и узнаем искусство, которое он применил, чтобы стражи Пламени не открыли его.

То, что мы узнаем из его уст, будет быстро передано тебе, господин Пламени.

— А моряк останется на нас. Будь готов, солнцeroжденный, вернуться сюда и помочь в опознании его. А пока можешь оставить нас.

Рей вернулся в дом леди Эйе. Его подмывало пойти в порт и найти там уйгурского моряка в запятнанной синей куртке. Но уже наступали сумерки, и здравый смысл подсказывал, что силы закона, пущенные в ход, будут куда более эффективны, чем любые его дилетантские попытки.

— Рей! Где ты был? — Че шел по садовой дорожке. — Мы искали тебя.

— Я ходил на взморье... — Рей замялся. Рассказать Че? А почему бы и нет? С него никто не брал обещания молчать. Он поднялся на террасу и нашел хозяйку дома уже за столом.

— Извините, — сказал он поспешно. — Я не думал, что уже так поздно...

— Но, я думаю, — выражение ее лица изменилось, — у тебя есть лучшее извинение... Так или нет?

— Вот что... — он вторично рассказал всю историю. — Затем я сообщил об этом Ре Му.

— О, Пламя! Изменники в городе! — воскликнул Че.

— В самом храме! Но как ало могло так хорошо притворяться, что вошло туда незамеченным! — Голос леди Эйе был таким дрожащим и неуверенным, какого Рей еще не слышал.

— Наакаль сказал, что они найдут его. — Рею стало не по себе от ее горя. В предыдущие дни она была так уверена в себе, что казалась надежной поддержкой во всех случаях жизни.

— Тем, кто перейдет дорогу наакалям, — заметил Че, — жизнь покажется не настолько приятной, чтобы они желали держаться за нее долго. Их можно почти пожалеть.

— Нет! — резко сказала мать. — Нет жалости к тем, кто сознательно искажает Свет, чтобы служить Мраку, к тем, кто знает Добро, но по своей воле служит Злу. Он выбрал Тень, так же как и атланты.

— Теперь я думаю, мы стали на шаг, а то и на два ближе к дню, когда флот двинется на восток, — сказал Че, как бы радуясь этой мысли.

Рей вспомнил о своем путешествии во сне — а был ли это сон? Для Че битва может быть делом черного и белого, победы Добра над Злом. Муриец всегда так говорил об этой битве, когда, в редких случаях, вообще говорил о будущем. Но была еще лаборатория в башне атлантов и то, что было стерто из памяти Рея. Теперь ему очень хотелось вспомнить

это, потому что воображение может исказить факты, а когда он пробовал что-то вспомнить, в нем пробуждался дикий ужас.

— У них, кажется, новое оружие, — сказал Осборн. — Странное оружие.

Че искоса глянул на него.

— Не могу задавать вопросы, но ты говоришь так, будто знаешь.

Хотя ему не приказывали держать свой сон в секрете, он инстинктивно никому ни о чем не рассказывал о своем визите в башню. И Че впервые коснулся этого.

— Я не уверен, в том, что знаю, если вообще что-нибудь знаю, — сказал Рей. Он сказал правду, но был уверен, что Че воспринял это как уклончивый ответ.

Че пожал плечами.

— Неважно. Если тебе приказано молчать...

Рей заколебался. Ему почти не за что было держаться в этом мире — только Че и его мать, леди Эйе были ему по-настоящему дороги. Что, если он утратит даже то малое, что имеет? Но прежде чем он успел заговорить, слуги принесли ужин, и разговор перешел на мелочи дня.

Американец ел то, что перед ним поставили, не слишком разбираясь во вкусе и запахе — он был голоден. Но через некоторое время он заметил, что леди Эйе едва дотронулась до блюд, предложенных ей. Наконец она встала и подошла к краю террасы, вглядываясь в освещенный город за стеной сада.

— Долго ли это продлится? — спросила она тихо, но отчетливо. — Мы переживем эту войну — так сказали нам храмовые предсказатели. Но рано или поздно придет конец. Может быть, не при нашей жизни и даже не при жизни наших внуков, но мрак будущего поглотит нас. И ты говорил, Рей, что в твоё время о нас не знают. Атлантида пропадет, и человечество хоть смутно, но вспомнит о ней. Му уйдут — и даже легенды не останутся. Море покроет обе наши страны, и из глубин его поднимутся новые земли с новыми народами, не знающими закона. И всё начнется сначала. Из пришлых орд возникнут нации, будут новые города, новые учения, новые сражения... Но нет конца беде, войне и злу. Ведь так?

Рей кивнул:

— Так.

— Ты говорил, что в твоё время люди высаживаются на Луну, достигают других планет. Но они не могут победить войну, могут только нести ее дальше и дальше, может быть, когда-нибудь и на звезды. И что в этом хорошего?

— Ничего хорошего, — согласился Рей, — но...

— Но, — подхватила она, — это в натуре рода человеческого — то война внутри нас, то снаружи. И пока мы не победим самих себя, мы несем Зло, куда бы мы ни пошли. Возможно, мы положим черные окровавленные пальцы даже на свет звезд. Но такие мысли посылает в наш мозг Тень и заставляет нас верить, что всякая борьба бесполезна, что сдать-ся легче. Мы выступим против Атлантиды, чтобы в этом времени и месте Тень не покрыла землю — нашу землю. Му состарилась, Майякс и Уйгур старятся, Атлантида гниет от зла. А что такое Бесплодные земли, Рей?

— Великие равнины и лес... — Рей замолчал, вспомнив лес, этот лес. — Деревья.

— Деревья? — переспросил Че, и Рей понял, что, видимо, сказал это вслух.

— Такие деревья, каких в мое время нет, — объяснил он. — По крайней мере, в этой части страны. Эта местность, я думаю, не благоприятна для людей. — Он осознал, что разгадал какую-то часть тайны. Это правда, лес не приветствует человека, противится ему, старается изгнать чужого.

— Однако это твоя страна, — сказала леди Эйе.

— Она будет ею. Теперь же она не для человека, пока он не победит ее.

— Когда-нибудь победит, — уверенно сказала она.

Вошла Лисса, горничная леди Эйе.

— Посланец из Цитадели. Солнцорожденные лорды должны явиться немедленно.

— Идите с миром. — Леди Эйе протянула обоим руки. — Хотя я думаю, что у нас осталось очень мало мира, а это самое драгоценное из всего, что мы имеем.

Носилок на этот раз не было, только взвод охраны. Звон мечей о доспехи резко звучал в тишине пустынных боковых улиц, но потерялся в шуме главной дороги.

Ре Му сидел на троне в аудиенц-зале, но из придворных были только два наакаля и отряд воинов. Экскорт Рея и Че отсалютовал обнаженными мечами, и звон металла заставил стоявшего перед троном человека бросить на пришедших злобный взгляд.

Ре Му принял их коленопреклонение.

— Скамью для солнцорожденных!

Два воина выставили вперед узкое сиденье для двоих. Мурийский правитель взглянул на стоявшего перед ним человека.

— В твоём разрешении говорится, что ты плывешь с зерном на западные окраины Майякса.

— Так, Великий.

Рей удивленно посмотрел на человека. Это был изменник из Уйгура, Рей мог бы поклясться в этом.

— Твой родной порт — Чен-Чель?

— Так, Великий.

Он был моложе, чем предполагал Рей. И в нем была какая-то уверенность — то ли привычка к опасностям, то ли безрассудная решимость не сдаваться врагам до конца.

— Сколько лет ты плавал во Флоте?

— Пять, как обычно, Великий. Я не солнцeroжденный, чтобы гулять по палубам только три...

«Нет, не привычка, — решил Рей. — Этот человек знает, что для него все кончено, но он умрет, сражаясь. Теперь он бросал открытый вызов».

— Ты слышал о некоем Сидике?

— Ну. Он офицер Флота, осужденный за кражу общественных доходов.

— Приговорен к пяти годам. Однако он теперь ходит здесь по улицам. Ты видел его?

— Зачем загадки, Великий?

Один из стражей шевельнулся, как бы намереваясь умерить нахальство пленника, но легкий жест императора удержал его на месте. Глаза Ре Му блеснули, лицо же осталось спокойным.

— Никаких загадок. Ты был опознан, как Сидик, солнцeroжденной леди Эйе, у которой были причины хорошо знать тебя.

— Она права. Кто я такой, чтобы спорить с солнцeroжденной? Продай меня на открытом рынке, согласно закону.

Рей удивился: почему человек из Уйгура ведет себя так дерзко? Может, он думает, что его обвиняют только в побеге от наказания, и не подозревает, что о нем знают больше? Но разве стал бы сам Ре Му судить такой мелкий случай? Неужели Сидик не догадывается, почему его привели сюда?

— Лорд Рей!

Американец вздрогнул и тут же встал, повинувшись жесту императора.

— Ты слышал когда-нибудь голос этого человека?

— Да, Великий. Это тот самый, о котором я говорил.

— Поклянись в этом?

— Да, Великий.

Ре Му жестом велел Рею сесть. Если Сидик и заподозрил самое худшее, он был достаточно тверд или достаточно тренирован, чтобы не показать этого.

— Предатель!

Сила этого слова пробила броню Сидика. Он побледнел, и даже его морской загар не скрыл этого.

— Твой соучастник выдал все ваши планы. И теперь он получает достойную награду от тех служителей Пламени, которых он пытался замарать одним своим присутствием в храме. Мы знаем, зачем ты явился сюда. Ну, жалкий дурак, пришел тебе Баал на помощь? Поднимут ли хоть один меч в твою защиту его обманутые последователи? Говори свободно, и, может быть, сострадание умерит правосудие...

Может, минутой ранее Сидик и дрогнул, но сейчас он снова закрылся щитом самоуверенности или понимания безнадёжности своего положения.

— Если я должен умереть, я умру. Но от меня мало что узнают...

— Да? — Ре Му чуть заметно улыбнулся.

Рей вздрогнул, увидев эту улыбку. Не хотел бы он, чтобы ему так улыбались...

— Ты пойдешь с наакалями.

По лицу человека из Уйгура прошла тень, но тут же исчезла.

— Ладно, я пойду с наакалями, но пока могу, придержу язык.

— Ты — Зло и добровольный слуга Зла. И мужество твое только для Зла. И это сейчас, когда есть люди, страдающие ради блага многих. Солнце Му решает, — голос Ре Му стал церемонным, — да будет так!

Сидика увели. Проходя мимо Рея, человек из Уйгура пристально взглянул на него.

— Придет день — ты вспомнишь меня, солнцерожденный. — Он произнес этот титул с презрением. — Баал знает тех, кто помог умереть его верному слуге. И его храм увидит тебя. Я знаю это, потому что у нас иногда бывает прозрение перед смертью! — Он скрипуче засмеялся, когда солдаты потащили его прочь.

Человек вскочил, глядя ему вслед.

— Он видел... он видел тебя в Красном Храме. Человек перед лицом смерти иногда говорит правду о будущем. Но, может статься, что ты войдешь туда воином-завоевателем, а не пленником!

— Мы были слишком благодушны многие годы, — прервал его Ре Му. — Еще один день — и эти изменники были бы вне нашей досягаемости. Возможно, мы сумеем узнать побольше от Сидика, потому что ученик был робок и лишь недавно завербован ими.

Он, казалось, погрузился в свои мысли и забыл об окружающих. Рей надеялся, что его отпустят, поскольку он сыграл свою роль, но этого не произошло. Текли долгие минуты, в

зале стояла тишина, нарушаемая лишь слабым звяканьем, когда какой-нибудь воин менял позу. Чего они ждут? Рей завожился на скамье. Он хотел рискнуть и привлечь к себе внимание, чтобы быть избавленным от этого бессмысленного ожидания. Ему казалось, что даже в этом белостенном зале есть тени, они сгущаются и ползут к трону, как будто наступившая ночь несла угрозу.

Занавес на двери раздвинулся: вошел стражник, отсалютовал императору и протянул исписанную табличку. Ре Му прочел и поднял глаза.

— Сидик лично неизвестен тем, кому он служит. И вечером, перед тем, как он был взят, ему запретили рисковать общением с ними. Лорд Рей, что он сказал тебе, когда его уводили?

— О своем предвидении, что я буду в храме Баала.

— Что будешь... но не как попадешь туда. Благодарю всех известных тебе богов, что он видел только часть правды.

Че шагнул вперед.

— Великий, этот Сидик неизвестен своим хозяевам на востоке, и они некоторое время не будут искать его. Но может ли кто-нибудь из нас занять его место, чтобы войти в сердце вражеской страны?

— Те, кто посылает шпионов, должны быть готовы и встречать таковых, и, вероятно, делают это куда лучше нас. Что ты думаешь об этом, Уча? Рассмотрим это?

— Так сказали звезды.

— Тогда... — Че почти не дышал, — позволь мне предложить себя для этой роли.

Ре Му медленно покачал головой.

— Не будем спешить с решением. Посмотрим, посмотрим...

— Великий, — сказал старший наакаль, и голос его упал до шепота, так что никто, кроме Ре Му, ничего не расслышал. Рей увидел, что император кивнул.

— Лорд Че, наша воля заключается в том, чтобы ты искал на картах Бесплодных земель гавани, которые могут дать хорошее укрытие любому разведчику из флота.

— Слушаюсь, Великий.

— А ты, лорд Рей, пойдешь с А-Камо, чтобы записать все то, что ты слышал от Сидика.

Младший наакаль отошел от трона и подождал, пока Рей подойдет. Они вышли через другую дверь в коридор, где почти никого не было — возможно, подумал Рей, это уже личные покои Ре Му. Он внимательно посмотрел на своего провожающего и увидел в его руке сияющий кристалл. Затем из кристалла вырвался яркий луч, ослепивший Рея.

Глава 10

—... Сидик из Уйгура, из дома леди Ма-Лин, сын ее маршала, некоего У-Вала. В день своего пятинадцатилетия ты был отправлен во флот для обучения, служил под...

Имена, множество имен кружились в голове Рея. Голос монотонно бубнил о деталях жизни некоего Сидика. Рей пытался заткнуть уши, отключиться, но обнаружил, что не может. Этот голос держал его в напряжении, и то, что он вкладывал в мозг Рея, уже не могло быть стерто, он заставлял Рея запоминать все мелочи жизни Сидика. Рей не мог открыть глаз, но ощущал руки на своем теле, что-то мокрое и холодное, странные запахи.

— Тебя взяла мурийская стража, но ты сумел освободиться, взвалив ответственность за измену на ученика Р-Чина, ты сказал, что тот подходил к тебе и просил вывезти его из Му, но ты отказался. Экипаж «Режущего Волны» тоже будет обработан. Слушай приказ: через два часа после того, как ты бросишь якорь у пограничного поста У-Ма-Чель, ты должен тайно сойти один на берег, идти по изгибу бухты к северу, пока не дойдешь до двух очень больших пещер возле островных скал. Там ты будешь ждать маленького бота. Тот, кто командует им, скажет: «Восток поднимается», а ты ответишь: «Запад падает». Ты взойдешь на бот и сделаешь то, что должно быть сделано.

«Что и почему?» — Он попал в сеть, из нее не вырваться.

— Месяц ты будешь наблюдать и делать то, что тебе приказано. Затем в течение трех дней корабль флота, замаскированный под фруктовщика с юга, остановится вдали от гавани Пятистенного Города. На нем будет флаг чумы, чтобы никто не подходил к его борту. Ты должен, если сможешь, добраться до него не позднее четвертого дня. Ты понял?

Рей не понял, но его голова сама собой кивнула.

— Ты Сидик из Уйгура!

Рей открыл глаза. Он смотрел в зеркало на человека с желто-коричневой кожей и черными волосами, падающими жирными прядями на лицо, которое каким-то чудом стало старше и грубее, чем собственное лицо Рея.

— Вот твоя одежда.

Из-за зеркала протянулась рука и указала на сверток на столе. Там было грубое белье, кожаная куртка и юбка, когда-то бывшие синими, но теперь выцветшие и покрытые пятнами соли. От них пахло потом и морем. Вместо сандалий — морские сапоги из шкур, с небольшой бахромой сверху из оставленной на шкуре шерсти, широкий медный браслет для

запястья. Кроме того, там были простой меч с кожаной черной рукоятью и бронзовый шлем без гребня.

— Сделали, что могли, — сказал голос позади Рея, но в зеркале за его плечом никто не отразился. — Не забывай сутулиться, когда идешь, ты с дальних границ, манерам тебя не учили. Что ты делаешь? — Голос стал резким и встревоженным.

Рей провел ладонью по правой руке, а затем правой ладонью по левой. Он не сразу мог вспомнить, что ищет. Черное... да, это было черное! И он носил это здесь, и это было важно для него!

Он снова попытался бороться с туманом, охватывавшим его мозг.

— Черное... — В зеркале он увидел, как его губы выговаривают это слово. — Черный браслет... мой!

Внезапно он мысленно увидел браслет отчетливо, как в зеркале. Черный браслет принадлежал ему. Он не двинется с места, пока ему не отдадут его! Он был стоек в своем странном упрямстве, словно это как-то могло защитить его.

За его спиной возникло движение, но в зеркале опять ничего не отразилось. Теперь он смог повернуться, хотя и с трудом, поскольку тело не хотело повиноваться ему.

За ним стояли трое: один — офицер, судя по одежде, второй — в тунике слуги, он занимался ящиком с горшочками и бутылочками, на плече висело полотенце с желто-коричневыми пятнами, напоминавшими новый цвет кожи Рея, третий — наакаль. В руках жреца было то, чего желал Рей — черный браслет из змей с бриллиантовыми глазами. Рей потянулся к нему.

— Это выдаст его первому же атланту, который увидит его. Ни один торговец не носит такое сокровище. — Офицер двинулся, чтобы помешать Рею. Но наакаль смотрел на Рея.

— Не знаю. Он так сильно желает этого, что отказать ему будет нелегко. Зачем тебе это, сын мой?

Для Рея эта черная полоска была теплой, живой вещью. Она была нужна ему, он должен иметь ее — она принадлежала ему, и ее не могут отнять у него!

— Мое! — Его голос был близок к рычанию, рука потянулась к кинжалу за поясом. Весь мир сузился до браслета и необходимости получить его.

Сражаться за браслет не пришлось, потому что наакаль, все еще глубоко, пронзительно вглядываясь в Рея, протянул ему браслет, другой рукой сделав офицеру знак отойти.

— Этому есть причина, хотя ни он, ни мы пока не знаем ее. Только не носи его открыто, сын мой.

Рей почувствовал холод браслета. Да, носить его опасно. Его надо надежно спрятать... Очень надежно. И он положил его за пазуху.

— Теперь слушай. — В голосе жреца была такая власть, что Рей невольно взглянул ему в глаза. — Возможно, ты подумаешь, что в эту ночь мы сделали тебе зло. Но время и судьба не оставили нам выбора в час нужды. В Матери-стране нет человека, которому можно было бы придать сходство с Сидиком и этим открыть ворота, закрытые для наших глаз. Мы выяснили, что Тень не является барьером для тебя, ведь ты прошел в их тайное место. Следовательно, мы снова вынуждены положить руку на то оружие, которое ты дал нам. И вот еще что: под властью Пламени мы читали предсказание звезд. Хотя смерть будет висеть как облако над тобой, как плащ на твоих плечах, она не потребует тебя. И это так и будет, потому что в твоих голых руках больше силы, чем в вооруженных любым мечом. Мы пользуемся теперь тобой без твоего согласия, потому что мы вынуждены так поступить. Ты, вероятно, ненавидишь нас за это. Но все-таки... — Он сделал паузу. — Иди с миром и благословением, девятикратным благословением Пламени. — Руки наакаля поднялись, как будто он вытянул что-то невидимое из воздуха, собрал в ладони и поднял их над американцем.

Офицер шагнул вперед.

— Твой корабль отплывает на рассвете. Через десять дней ты, вероятно, будешь на месте встречи. Проходя через канал, оставайся под палубой — скажешь, что тебя лихорадит. Твой помощник будет за капитана. Ну, пошли.

Вероятно, уже начиналось утро, когда Рей вышел из дворца с офицером и двумя стражниками сзади. Он понимал, что убежать не может. Нечто, наложенное на него в Цитадели, заставляло его идти и будет дальше двигать им, как шахматной фигурой, пока он не выполнит то, что от него ждут. Сейчас его разум оцепенел и отупел, погрузился в туман сразу после выигранной им маленькой битвы за браслет. У него больше не было ни искры возмущения.

Они пришли в порт, к судну с зерном. С темной палубы их окликнули. Рей заморгал в свете фонаря.

— Капитан, — приветствовал его моряк, — все готово...

Это его помощник, Ра-Пан, подсказало что-то внутри Рея.

— Отплываем на заре, — ответил он.

— Есть, капитан.

Офицер из Цитадели и стражники не стали задерживаться и ушли не простившись. Рей встал у поручней. За гаванью лежал город. Только кое-где горел свет. Город еще спал. Вер-

нуться... Рей нахмурился. Даже подумать об этом тяжело. Он — Сидик из Уйгура. Ни о чем, кроме этого, он не должен, не смеет думать.

Наступил рассвет. Ра-Пан прошел по палубе. Рей повернулся к нему с уже готовыми словами:

— Я плохо себя чувствую. Командуй за меня.

Помощник не нашел в этом ничего удивительного. Рей опустился в маленькую темную каюту. Он лег на койку, принадлежащую Сидику. Он старался заснуть, но в его мозгу крутились мысли и воспоминания Сидика, и это делало американица и в самом деле больным. Он встал и напился затхлой воды из кувшина, потом все-таки уснул и спал без сновидений.

Он проснулся от холода. Деревянная дощечка с двумя кукурузными лепешками и ломтем мяса ждала его на столе в каюте. Он с трудом проглотил хлеб, но запах мяса вызвал в нем тошноту, он оставил его и вышел на палубу. Дул сильный ветер. Они были в открытом море. Ра-Пан был за рулем. То, что знал Сидик о корабле и его матросах, заговорило в нем, и он удостоверился, что команда была каким-то способом подготовлена, чтобы принять его за своего истинного капитана. Но Рей легко мог сделать какую-нибудь ошибку и вызвать подозрения. Он посмотрел на восток. Где-то там, вдали, лежала Атлантида. А он даже не знал, что будет там делать, когда доберется — если доберется. Однако он был также уверен, что не сможет сделать ни единого движения, которое не привело бы его к Атлантиде.

Когда они проходили через канал, им пришлось долго ждать своей очереди, и Рей провел три дня в дурно пахнущей каюте. Затем они вышли во Внутреннее море.

— Мы остановимся в Мануа, — заметил Ра-Пан однажды вечером. Это был не совет, а утверждение. В Рее тут же проснулось предупреждающее чувство. Это не планировалось. Рей пришел к убеждению, что ради самосохранения нужно повиноваться вложенным в него приказам.

— Нет. Пойдем в У-Ма-Чель.

Ра-Пан нахмурился.

— Так никогда не делалось.

Может, контроль наакалей над командой дал трещину? Если так, команда могла восстать.

— Мало ли что не делалось. — Рей попытался смотреть на уйгура тем же подчиняющим взглядом, каким смотрели жрецы. Он хотел убедить Ра-Пана, что это было правильно, иначе они рассчитаются с ним, Реем, еще до начала выполнения им его миссии. — Ты отказываешься подчиняться моим приказам? — резко спросил он.

Помощник, похоже, пытался отвести глаза, но не мог, и только провел языком по губам.

— Мы всегда останавливались в Мануа.

Кажется, в голосе помощника была нотка неуверенности. Рей надеялся, что была. Но теперь его больше всего тревожило, чтобы Ра-Пан или кто другой не задавал вопросов.

— А нынче остановимся в У-Ма-Чель! — твердо сказал он.

Ра-Пан кивнул, все еще глядя на Рея.

Американец следил за командой. Он ел только то, что пробовал помощник, спал, держа меч под рукой, и старался спать как можно меньше.

Через семь дней они были у восточного входа в океан. Хорошей погоде тоже приходил конец: ночью небо было облачным. Рей стоял у поручней, пытаясь увидеть свет маяка. Что-то давило ему на грудь, под туникой. Он нащупал браслет. Во всем мире есть только один, похожий на этот.

Кто сказал это? И когда? Белый браслет, принадлежащий кому-то, кого Рей когда-то знал. Он достал браслет и вертел его в руках, силясь вернуть память. Бриллиантовые глаза горели искрами.

— Ай...

Рей сжал браслет в руке. Рядом с ним стоял Ра-Пан. Тупость ушла из его глаз. Он смотрел на сжатые пальцы Рея, как будто мог видеть сквозь плоть и кость.

— Чего тебе? — спросил американец. — Ты должен быть у руля.

— Я подошел спросить, войдем ли мы в порт сегодня ночью, — сказал Ра-Пан, не сводя глаз с рук Рея.

— Разве я не говорил уже? Иди на свой пост!

Помощник поплелся назад. Рей опять вздрогнул. Он едва не нарвался на неприятности на сей раз.

— Сигнал из форта, капитан! — Дозорный указал на вспышки с берега. — Они желают знать ваши намерения!

— Ра-Пан, — Рей увидел в этом шанс, — иди, ответь им.

Он думал, что помощник будет возражать, но уйгур повиновался и сел в лодку с двумя матросами. Рей поспешно приготовился. Он спустил за борт маленькую шлюпку и поплыл за Ра-Паном вдоль береговой линии.

Звуки голосов на берегу испугали его.

— Цена шестимесячного жалования, и он носит это под туникой. Кто узнает? Убить его или обобрать и отдать жрецам Баала. Они, может, даже заплатят за него.

Последовал тихий неразличимый ответ, а затем резкое возражение.

— Сидик? Нет, это какое-то их проклятое вмешательство. Это не Сидик, верно говорю. Они поставили на его место кого-то своего. За это известие мы получили жирную награду на востоке!

Рей перестал грести. Итак, меры, предпринятые к Ра-Пану, теперь перестали действовать. А оставлять этого человека в тылу — нет! Теперь Рей видел их — тени на белом песке. Они спорили. Один гребок веслами, чтобы придвинуться достаточно близко... а их всего двое...

Он сделал этот последний гребок, вложив в него всю свою силу. Бросив весла, он выпрыгнул на песок. Тени быстро обернулись, один пригнулся, в рук. второго блеснул меч.

— Думаю, вам не придется торговаться с Баалом этой ночью! — крикнул Рей.

Остановившись, он схватил горсть песка и бросил в лицо меченосцу. Затем кинулся на другого и ударил ребром ладони. Его враг не был подготовлен к такому стилю боя.

Человек коротко вздохнул и упал. Рей инстинктивно пригнулся и обернулся, готовый встретить нападение человека с мечом. Он стремительно налетел на врага, и оба упали. Затем Рей услышал тошнотворный треск черепа о скалу, а сам встал невредимый, только тяжело дыша. Один моряк лежал у скалы, другой вытянулся на песке.

Рей подошел к нему, взял его руку, пощупал пульс. Пульса не было. Рей поднял инертное тело, оттащил к другому и засыпал обоих песком. Были у них сообщники или нет, во всяком случае, Рей выиграл какое-то время.

Нельзя было оставить эту бухту, не приняв некоторых мер предосторожности! Рей послал свою лодку дрейфовать вверх дном. Он очень давно изучал способы ведения таких боев, но не помнил, чтобы когда-нибудь приносил смерть своими руками. Он с трудом шел по песку, отыскивая какие-нибудь признаки скал, отмечавших место встречи. Он все сильнее мерз, однако не свернул с дороги. Не было возврата к личности, которой, как он чувствовал, он был до того, как информация о Сидике из Уйгура была введена в его мозг.

Холод усиливался, а он оставил свой плащ в лодке, запутанный вокруг сидения — безмолвный ответ на вопрос, что случилось с капитаном Сидиком.

Он обогнул мыс, и перед ним возникли две остроконечные скалы. Он облегченно вздохнул. Это явно и было место встречи. Но если так, он пришел рано: никто его не ждал.

Рей сел у скалы и принялся смотреть на море. Сегодня он убил своими руками. Они убили бы его, вероятно, не здесь и не в этот час, но куда менее милосердным способом, выдав его атлантам. Рей смутно вспомнил о человеке, лежавшем на

алтаре в храме с красными стенами и ожидавшем смертельного удара. Это могло быть и его уделом, а могло быть и хуже.

Он вздрогнул и отодвинулся от скалы. По воде до него донеслись звуки, похожие на слабый скрип весел в уключинах. Рей подошел к воде. Через полосу прибоя шла лодка с двумя фигурами на борту.

— Восток поднимается, — полушепотом сказал гортанный голос.

— Запад падает, — полушепотом же ответил Рей.

— Давай уходить. Крысы Му настороже, а мы слишком близко к форту.

Рей забрался в шлюпку.

— Хорошо, что ты поторопился, — сказал атлант. — Их патруль часто здесь шляется, и мы бы не рискнули оставаться долго. Ты один?

Может быть, они что-нибудь подозревали? Но накали не предупреждали его...

— Меня выдали...

— Кто... И... за тобой следили?

— Ра-Пан. Мой помощник. Мурийцы купили его, — сим-провизировал Рей. — Но он мертв.

— Вот как? Хорошее дело.

Гребец работал быстро и уверенно. Они уже оставили мыс далеко позади. Морской воздух был здесь еще холоднее. Рей, как ни старался, не мог удержать дрожь. Во мраке перед ними возник остроконечный корпус корабля. Они причалили, и в руки Рея была брошена веревочная лестница. Он вскарабкался на палубу. Света не было, даже защищенный палубный фонарь не горел. Видимо, тут и в самом деле боялись быть замеченными. Затем один из людей со шлюпки схватил Рея за руку и потащил.

— Давай вниз.

Они спустились по трапу и прошли мимо полотнищ кожного занавеса в главную каюту. Окрашенные в красный цвет стены были увешаны поразительной коллекцией оружия. Пол в черно-белую клетку был попорченным и грязным. Пахло пролитым вином, немытыми телами.

Кроме того, здесь в углу валялась также и куча, можно сказать, добычи, корабль, похоже, был рейдером. На столе стояли как металлические блюда, так и грубые глиняные. На скамьях лежали шелковые занавеси, смятые и испачканные, сам стол был прекрасной вещью из черного дерева с инкрустацией из серебра и слоновой кости, но изрезанный и поцарапанный.

Провожатый Рея бросил плащ на скамью и налил вина из резного графина в шербатый стакан.

— Опрокинь. Ночь холодна. Мужчине нужно немного огня, чтобы тот пробежал по жилам.

«Неужели моя дрожь была так заметна?» — подумал Рей. Ему оставалось только надеяться, что ее припишут холодно-му ветру. Он выпил и задохнулся, но обратил это в кашель. Над краем стакана он изучал своего хозяина. Атлант был на дюйм-два ниже его ростом, с широкими плечами и толстыми руками, толщина которых как-то уравнивалась размерами брюха. Длинные руки заканчивались огромными волосатыми лапами-кистями.

В отличие от мурийцев, лица которых всегда были гладкими, у атлантов была черная борода. Обильное применение жира придавало этой растительности форму клина, касающегося верхней части груди. Губы были страшно толстые и красные, такие яркие, что казались накрашенными.

Хоть атлант и щеголял роскошной бородой, но, сняв шлем, продемонстрировал почти лысый череп — лишь на макушке была единственная прядь волос, тоже жирная и обвивающая верх коричневого черепа.

Он усмехнулся, показав желтые зубы, и погладил себя по шелковой тунике, запятнанной жиром. Его позолоченный пояс, как подумал Рей, явно не предназначался для такого брюха: пояс застегивался цепочками, что удлиняло его на несколько дюймов.

— Добро пожаловать на «Черный Ястреб», брат. Я капитан Тейн. Люди Му не имеют причин относиться ко мне благосклонно, хотя пожива сейчас хилая, все торговцы торчат под защитой во Внутреннем море.

Рей поставил стакан и сделал жест, чтобы его наполнили снова.

— Я Сидик из Уйгура.

— Ну-ну. Но ты моряк. Разжалованный офицер Флота? Они присоединяются к нам время от времени. Как поживает Мать-страна в эти тяжелые дни?

Рей вынужденно засмеялся.

— А ты, похоже, был раньше рейдером, капитан. Му наконец начинает просыпаться. Я вовремя удрал.

Капитан Тейн кивнул.

— Да, я всегда говорил, что мурийцы слишком уж доверчивы, но не могут же они быть совсем слепы. А теперь, Сидик: снимай-ка ты эти мокрые лохмотья. — Он подошел к сундуку и вернулся с новой одеждой.

— Хорошее барахло. Мы взяли его с корабля, который захватили в Северном море, прежде чем он успел сообщить своим. Принадлежало какому-то офицеру. Он встретился с Баалом, как я слышал.

Неохотно, но стараясь не показывать неудовольствия, Рей стал одеваться и украдкой спрятал в одежде свой драгоценный браслет.

— Ложись, если хочешь. — Тейн указал на койку. — Мы увидим землю только завтра.

Он вышел, оставив Рея одного. Выбрав наименее вонючую койку, Рей устало вытянулся на ней. Он так далеко зашел — что ждет его в следующий час, на следующий день?

Глава 11

В эту ночь Рей не видел во сне деревьев — но наблюдал сцены, которые удивительно накладывались одна на другую, так что он одновременно был и зрителем, и участником. Он был Сидиком из Уйгура и переживал прошлые годы. Но он был также и другим, стоящим в стороне и наблюдающим за Сидиком, потому что ему было необходимо узнать и запомнить все, что делал и что представлял собой Сидик.

Крик «Земля!» наконец разбудил Рея. Он полежал с минуту, чувствуя, что не отдохнул. Затем послышался топот ног на палубе, приглушенные приказы. Тейн говорил, что они высадятся завтра: видимо, Рей долго спал.

Он медленно поднялся. На стуле лежала просоленная одежда Сидика, теперь сморщившаяся и еще более выцветшая от вчерашнего купания. Но все-таки Рей охотнее носил бы ее, чем одежду мертвеца. Выходя на палубу, он все еще застегивал пояс с мечом.

— Хулла! — Капитан Тейн был за рулем. — Ты видно, крепко устал, друг, раз спал так крепко несколько часов. Ну, желаешь увидеть Красную страну? Баал был милостив к нам, послал попутный ветер. Прозакладываю пять монет, что мы войдем в гавань еще до ночи. И я на этот раз буду рад бросить якорь там. Крысы Му стали внимательнее, а зубы у них острые... — Он ухмыльнулся и подошел ближе к поручням, чтобы сплунуть в море. — Добычи мало, торговцы не идут в Северное море. Но служба Посейдона обещает нечто большее, чем только драки без добычи. Хорошо бы только, поскорее они сбылись эти золотые обещания. Надеюсь, друг, ты не повторишь эти слова в безобразное лицо Хроноса — Посейдона. Мы, северные волки, не присягаем ему на верность, разве что иной раз соглашаемся объединиться с ним. Мы хотим не просто обещаний. Ну, а что ты скажешь о каравае хлеба и еще чего-нибудь, чтобы набить брюхо — да не той

черной дряни, пахнувшей пылью и тараканами, какую получаешь на кораблях Хроноса...

Он повел Рея назад в каюту. Пища, хоть и поданная в разнообразной посуде, была куда лучше той, что ел Рей после отъезда из Му. Похоже, хороший стол был слабостью капитана Тейна и его гордостью.

— Я думал, — Рей отодвинул другое блюдо, которое поставил перед ним капитан Тейн, — что ты служишь во флоте Атлантиды.

— Во флоте? Я, Тейн? Ну нет, я свободный капитан. Сейчас в гавани Пятистенного города с десятков таких людей. Но только сейчас, заметь, только сейчас. В других местах сейчас ничего не ухватишь, а у Посейдона большие планы. Но над нами нет хозяина: мы ссоримся с толстопузыми торговцами и с мурийцами, которые держат меч между нами и теми, кого мы хотим взять. Однако они говорят так же громко, как Хронос, рассказывающий о нашей добыче в Красной стране, что мы должны бы остаться в Му. Они держат свои обещания. Но Му не получит никого из нас. Теперь, когда мы должны выбрать сторону, мы идем в гавань атлантов. Здесь у нас есть свободный город Санпар. Хронос посылал своих эмиссаров поговорить с нами откровенно, насколько он способен говорить откровенно. Мы хорошо знаем, что человек должен смотреть прямо перед собой, по сторонам и оглядываться назад, когда он идет по Красной стране. Но Хронос нуждается в нас, так что мы подняли его знамя — все время поглядывая, чтобы никакая тень не потянулась к нам с берега. Мы не любим Хроноса. Он имеет привычку приказывать то так, то этак. Давно известно, что нужно иметь в этом отношении некоторую глухоту. И он посылает людей к Баалу или к этому дьяволу, приходящему по зову Красных Мантий — Преданному.

В лесу Бесплодных земель встречаются странные волки, вроде нас: так же рычат, принохиваются, показывают клыки, но не нападают, чтобы не погибнуть самим. Страх и ненависть равно влияют на судьбу. Вот мы и ждем, наблюдаем и готовим клыки на тот случай, когда Хронос вообразит, что он сильнее всех.

— Десять ваших кораблей?

— Десять, и на каждом койка для тебя, друг, если пожелаешь. Мы можем брать моряков, которые не клялись в верности Красной стране. Скажу в качестве предупреждения, Сидик, что такой человек, как ты, найдет в Хроносе щедрого хозяина, и ты, может быть, останешься надолго у него на службе. Но когда ты пресытишься запахом страха в его прекрасном дворце, приходи к морским волкам. Предупреждаю

тебя: ты хоть кровью потей, служа ему, придет день, когда он вышвырнет тебя, не дав и серебряной монетки в награду, а то и пошлет к Баалу. Когда ему нужен корабль, он называет мой, потому что я имею некоторый вес среди свободных капитанов, а если меня захватят мурийцы, он улыбнется и не прольет ни капли вина, чтобы утолить жажду моей голодной души.

Мы возвращаемся: значит, в какой-то степени его игра проиграна. Известия, которые ты везешь, должны быть очень ценными, чтобы он не был разочарован. Но помни: приходи к нам, если тебе понадобится убежище.

— Почему ты мне это предлагаешь? — удивился Рей. — Ты ничего не знаешь обо мне.

Тяжелые плечи капитана поднялись и опустились в выразительном движении.

— Почему? И сам не знаю. Наверное, потому, что ты молод и такой же моряк, как и мы. Я не люблю ни Баала, ни воров в Красных Мантиях, которые каркают в его храмах. А может, потому, что я хотя бы такой малостью нарушу планы Хроноса. Слышишь? — Они услышали шум на палубе. — Иди наверх. Похоже, я выиграл свой заклад, и мы входим в гавань.

Рей жадно вглядывался в главный порт Атлантиды, находившийся в широкой бухте с узким входом. Дальше лежал город, не ярко освещенный, как мурийская столица, а темный, с темными стенами.

— Владения Хроноса. Говорят, что их нельзя штурмовать из-за пяти стен и трех каналов. Однако, — Тейн снова усмехнулся, — этого никто еще не проверял. Дайте мне сотню хороших мечей и пару улыбок судьбы, и... тогда мы, возможно, доказали бы ложность этого утверждения.

Рей глянул на волкоподобную команду на палубе. Ему показалось, что в их взглядах, устремленных на береговую линию, отражается жестокий голод.

— Я уверен в этом, — ответил он.

Тейн захохотал.

— А Хронос не уверен. Не забудь, приходи к нам, если понадобится.

Рейдер продолжил путь среди массы кораблей и встал на якорь в глубине гавани, где швартовались торговые корабли. Спустили маленькую шлюпку, два матроса сели в нее. Рей кивнул капитану:

— Пусть Солнце... — Он резко смолк, поняв, что память сыграла с ним дурную шутку. Его рука потянулась к мечу, хотя у него не было никакого шанса на победу.

Но капитан рейдера только остро взглянул на него.

— Придержи язык, Сидик. Ты слишком долго пробыл в мурийских землях. Если здесь услышат такое пожелание, тебя сначала убьют, а потом будут задавать вопросы. Давай проваливай! Но не забывай, что мы здесь...

Рей растерянно перелез через поручни. Он смиренно сидел в лодке, глядя по сторонам, но мысли его были заняты капитаном Тейном. Необычная настойчивость, с какой он приглашал Рея в случае беды — откуда она? Судя по всему, рейдер куда охотнее бы его продал, как только уловил намек, что Сидик больше или меньше того, чем кажется. Подозрительность была теперь необходимостью для Рея, доверчивость могла слишком дорого ему обойтись.

У причала стоял человек в простой броне.

— Откуда ты, чужеземец? — спросил он несколько наглым тоном.

— Уйгур, — кратко ответил Рей.

— Твое имя не Сидик?

— Возможно.

— Если ты Сидик, то пойдешь со мной, — сказал солдат, — если же нет, то узнаешь, что небезопасно играть в игрушки с теми, кто тебя ждет.

Атлант пошел сквозь толпу, и Рей заторопился за ним. Неподалеку возвышалась стена, сложенная из красного камня. Они прошли вдоль нее до ворот. Подвижная решетка с острыми зубцами поднялась. Солдат что-то сказал стражнику, и их пропустили на узкий мост через канал, в котором шумела вода.

Мост заканчивался у других ворот, на этот раз в белой стене. Второй мост вел к черной стене и затем к мосту через третий канал. Атлант сказал:

— Видишь ворота Атлантиды? Это хорошо придуманная защита. Если враг захочет пройти, ворота закроются и все мосты поднимутся. Нет такой армии, что могла бы пробиться через эти укрепления.

Рей вспомнил похвальбу Тейна, что с сотней хорошо подобранных ребят он дал бы возможность жителям города поинтересоваться на этот вопрос. Рею эта защита показалась слишком грозной для врагов, вооруженных лишь тем оружием, какое он видел.

После третьего канала они прошли еще через двое ворот и наконец очутились в городе. Здания были трех цветов: красного, черного и грязно-белого и выглядели так, словно их строили с учетом возможного использования в качестве укреплений.

По улицам ходили атланты. У них не было ни белой кожи, ни высокого роста мурийцев, и среди них было очень много

вооруженных. Они тихо переговаривались на своем гортанном языке, как бы опасаясь быть подслушанными даже своими ближайшими соседями. Город Хроноса имел собственный запах, не имеющий ничего общего с нормальными запахами перенаселенного города. Это был запах страха. Рей и сам не понимал, откуда он знал это, но был уверен, что так оно и есть.

Провожатый привел его на большую площадь. Прямо перед ними были остатки когда-то величественного храма из белого мрамора. Теперь он, казалось, был намеренно ободран и изуродован. Рей заметил, что атланты избегают близко подходить к этому храму. Перед широкими ступенями, ведущими туда, где когда-то было возвышение, стояли два столба, укрытые пыльной и рваной тусклой малиновой тканью.

Солдат засмеялся и указал пальцем:

— Видишь храм Пламени, построенный теми, из Му? Наши служители Баала обращались с ним несколько небрежно с того дня, когда наш Темный вошел в свой собственный храм.

— А почему столбы обернуты? — спросил Рей.

— Об этом говорить запрещено. — Солдат быстро огляделся по сторонам. — Пошли.

Он ускорил шаг. Но, идя через площадь, они должны были пройти близко от покалеченного храма, и тогда атлант снова указал — на сей раз на изломанную линию вдоль одной стены на высоте груди человека. Камень здесь был в коричневых пятнах.

— Здесь мы поставили солнцeroжденных и тех, кто служил им. Они не кричали, даже когда смерть брала их. Они страшно упрямы, эти солнцeroжденные. Их детей отдали Баалу, и говорят, даже малыши не плакали. Мужество у них есть, но и только. А мужество не послужило им ни плащом, ни щитом против воли Баала. Теперь их нет, кроме нескольких в яме, да тех, кто отдан жрецам...

— А что будет с теми, кто в яме? — Рей старался не глядеть на стену, отгоняя картину, нарисованную его воображением после слов солдата.

— Иногда их вытаскивают и допрашивают. Посейдон держит их для какой-то цели. Пошли, уже поздно. — Помолчав, он спросил: — Скажи-ка, ты был в Му, человек из Уйгура. Эта Мать-страна в самом деле так богата, как рассказывают?

— По-моему, да.

— А солнцeroжденных там много?

Рей подумал, что есть шанс посеять семя сомнения.

— Очень много. И у них там сильная власть. Это их древняя родина.

— Хронос обещал нам их женщин, когда мужчин пошлют

к алтарю Баала. Мы нападём на Му, и никакая власть и сила не помогут им. Все их богатства будут нашими, а те, кто не из солнцорожденных, будут нашими рабами. Так обещал Баал! — В голосе солдата слышалась полная уверенность.

Пальцы Рея согнулись, как бы собираясь схватить солдата. Воспоминания уже не были такими туманными. Многого пробилось сквозь корку воспоминаний Сидика, с тех пор как Рей вошел в этот город. Подумать, что леди Эйе и леди Айна подвергнутся...

— Вряд ли это будет так легко. Я видел мурийцев, они хорошие воины, это тебе не ребяташки, которых легко смахнуть с дроги.

— Ах, но у них нет Преданного, — заметил солдат. — Вон внизу храм Баала.

В конце широкой улицы стояло громадное здание из красного камня. Рей лишь мельком взглянул на него, перед тем как они свернули на другую улицу и подошли к дворцу Посейдона. Здесь атлант передал Рея офицеру стражи и ушел.

Рей и офицер пошли по длинным темным коридорам, где узкие окна-щели в толстом камне располагались далеко друг от друга и очень высоко, потом вверх по узким винтовым лестницам. В этом месте, погруженном в тень, было сыро и холодно и нечто вызывало необъяснимую дрожь. Это была скорее угрюмая крепость, чем дворец. Наконец они пришли к невысокой арке, выходящей во двор под открытым небом. Офицер возвестил:

— Человек из Уйгура.

Рей сделал шаг, твердо зная, что это серьезное испытание для него, и малейшая ошибка, вроде той, что он допустил перед Тейном, будет означать его смерть. Он — Сидик и должен быть только Сидиком. Другого выхода для него нет.

— Ну, где он, где он? — спросил кто-то раздраженно. — Вели ему показаться, Мегос.

— Иди, человек из Уйгура! — послышался резкий голос. Рей шагнул в свет заходящего солнца.

— Ты опоздал, — сказал первый голос.

— Была задержка, грозный Лорд, — осторожно ответил Рей.

— Иди! Иди сюда!

Рей подошел к золотому ложу и быстро встал на колени, склонив голову и надеясь, что он выглядит полностью униженным и испуганным слугой.

— Подними глаза! Дай мне посмотреть, что ты за человек, Сидик из Уйгура.

Это был Хронос, Посейдон Атлантиды, именно таким Рей

видел его однажды в гипнотическом сне... Нет, сейчас об этом вспоминать опасно.

Маленькие глаза сверкали на жирном обрюзгшем лице под бахромой тщательно завитых и надушенных волос; жирные руки двигались заученными жестами, время от времени поднося к пухлым губам какое-то лакомство с блюда, стоявшего на маленьком столике у локтя правителя. У ложа стоял жрец в красной мантии, с голым черепом и ярко блестящими глазами. Рей подумал, что жрец более страшен, нежели Посейдон, слугой которого он считался.

— Пожелает ли Грозный выслушать слова своего раба? — спросил Рей по установленной форме, которая была внедрена в него.

— Он обязательно должен говорить, Мегос? — спросил Хронос жреца.

— Наверное, это было бы неплохо для экономии времени, Грозный. А затем, если ты найдешь необходимым, он может повторить свой рапорт перед советом.

— Тогда говори, человек из Уйгура.

— Следуя приказам, данным твоему рабу, я путешествовал в Му, — начал Рей. Слова шли так легко, что видимо, тоже были вложены в его мозг заранее, чтобы он не сбился при допросе.

Посейдон повертелся на подушках.

— Да, да, — нетерпеливо сказал он. — Какова их защита?

Слова снова пришли к Рею ниоткуда.

— Все прибрежные форты укреплены и резервы мобилизованы. Флоту приказано набрать больше людей, оснастить новые корабли и крейсировать в западных морях...

— Все это нам известно, дурак! У тебя нет ничего более важного для наших ушей? Как насчет того дела, о котором тебе велели особо разнюхать?

— Твой раб подкупил молодого ученика храма. Он кое-что знал...

— Ну, что же? Они знают о Преданном?

— Да, наакали пробили занавес Тьмы и видели Преданного... — Рей говорил свободно и уверенно, но не понимал, зачем наакали выдают через него свою тайну.

Хронос поднял жирный кулак и ударил им по подушке.

— Так... — Он с обидой взглянул на жреца. — Ты говорил, что занавес непроницаем, а оказывается, это вовсе не так. Значит, у наакалей больше власти, чем...

— Грозный! — Рука Красной Мантии сделала предостерегающий жест, указывая на Рея. Но если жрец не желал обсуждать эти дела сейчас, то его венценосный хозяин не был в настроении молчать.

— Значит, у этих наакалей больше власти? — повторил он, и голос его стал визгливым и резким.

— Как я говорил тебе, Грозный, — ответил жрец спокойно и рассудительно, — ни один мозг, рожденный от Му, не мог бы добраться до нас. Но мы кое-что сообразили. Если они проникли в храм...

— Если! — перебил его Хронос. — Они явно сделали это. А ты... — он обратился к Рею, — узнал, как они планируют защититься от Преданного? Что сказал об этом тот щенок жрецов?

— Грозный Лорд, он мог открыть только, что это луч черного света. — Откуда пришли эти слова? Рею хотелось закрыть руками рот, заглушить свой голос. Но что сказано — то сказано, и голос этот был больше не его — им пользовался чей-то мозг извне. И в американце проснулся новый страх. — Ученик был раскрыт и взят раньше, чем узнал больше. Твоего раба вовремя предупредили, и он убежал.

— Луч черного света, — задумчиво произнес Мегос.

— Ты слышал о таком? Что это? — спросил Хронос.

— Надо посмотреть в записях, — уклончиво ответил жрец. — Что еще ты можешь сказать нам? — Он явно желал отвлечь внимание Хроноса от этого предмета.

— Уйгур волнуется, Грозный, — услышал свой рапорт Рей. — Эта страна не законная дочь, чтобы броситься на защиту Матери-страны, как та рассчитывает...

— Хорошо! Хорошо! — Хронос удовлетворенно хмыкнул. — Вот видишь, — снова обратился он к жрецу, — семя, так заботливо посеянное нашими агентами, уже начало прорастать и скоро даст плоды. В назначенный день Му станет созывать союзников, и никто не ответит. Страна останется одна, созревшая для нашего захвата.

— Скажи-ка, — снова задал вопрос жрец, — слышал ли ты, пока был в Му, разговоры об иноземце, вошедшем в милость к Ре Му? О человеке не из Му, а откуда-то издалека, имеющем какие-то странные силы?

— Разговоры такие есть. — Рей все еще был в полном подчинении у воли, что послала его сюда. — Но за достоверность твой раб не может ручаться. Люди говорят, что Ре Му и наакали вызвали для своих нужд эту силу из другого мира.

Хронос резко приподнялся, и подушки посыпались на пол.

— Неужели правда? Такое может быть? — Он снова повернулся за ответом к жрецу.

— Кто знает, Грозный? — отозвался тот. — Слухи разносят многие, но очень немногие из них знают хоть каплю истины. Однако это логично: у нас есть помощь, и она идет из неизвестного нам мира, может, наакали тоже призывают

какую-нибудь силу таким образом. Это согласуется с прорывом занавеса — они могли кого-то вызвать для этой цели.

— А может такой вызванный оказаться сильнее нас? — допытывался Хронос.

— Мы вызвали из Тьмы, они — из Света, если такое в самом деле произошло. Как можно сказать, кто сильнее, пока они не встретятся в открытом бою? Пусть кто угодно встанет под знамена Му, у нас есть Преданный, и его род встанет за Атлантиду. Ты ничего больше не знаешь насчет этого? — спросил он Рея.

— Нет, сын Баала. В городе шепчутся, но как ты сам сказал, такие шепотки, может, и не содержат тени правды.

— Но и их достаточно, чтобы подготовить нас. Человек из Уйгура, ты хорошо поработал для нашего дела. Не так ли, Грозный?

Он, казалось, оторвал властителя от глубокого раздумья.

— А-а-а, да, да. Ты можешь идти. Офицер снаружи покажет тебе комнату, приготовленную для тебя.

Рей на коленях отполз назад и поднялся только у двери. Быстро взглянув, он увидел, что Посейдон и жрец о чем-то шепчутся, и подумал, что Мегос успокаивает своего царственного хозяина.

Глава 12

Рей перегнулся через подоконник. Здесь, в верхнем этаже дворца, окна были не такими узкими, как в нижних помещениях. Хотя снаружи была ночь, гавань сияла светом, а Рей был достаточно высокого роста, чтобы видеть причалы за стенами.

Где-то там, внизу, был рейдер, привезший его сюда. Рей задумался о настойчивости капитана Тейна и неожиданном предложении предоставить Рею в случае необходимости убежище на борту. Почему капитан говорил это, да еще несколько раз?

Комната была голая, очень бедно обставленная. Посейдон, похоже, не слишком нежно обращался со своими верными слугами с окраин. Четыре красные стены, пыльный пол, полуманная кушетка и скамейка. Даже одежду Рея — и ту взяли и дали ему черную броню из металла на коже — форму младшего офицера на службе атлантов. По крайней мере, его хоть не заперли, чего он почти ожидал. Надев черный плоский шлем, он вышел в тихий коридор. Казалось, эта часть дворца не слишком часто посещалась, и это вполне подходило Рею.

Он спустился в нижний коридор, лучше освещенный и более оживленный. В дальнем конце праздно сидели на скамьях солдаты и младшие офицеры. Он слышал их голоса, временами смех, у него не было желания составить им компанию, но несколько слов привлекли его внимание.

— Мурийцы! Да, вечером. Редкое развлечение в аудиенц-зале в течение часа.

Мурийские пленники! Рей должен увидеть их. Это еще одно проявление воли, которая взяла над ним верх во время его встречи с Хроносом. Борьба с ней не было возможности.

Гулко ударил гонг. Атланты быстро вскочили с мест и поспешили на зов. Рей незаметно пристроился к хвосту отряда.

Они вошли в красный зал, который Рей видел в своем путешествии во сне, и Хронос снова сидел на золотом троне. Рей вытянулся за одной из колонн, приняв неподвижную позу стражника и надеясь, что это пройдет незамеченным. Посейдон поднял скипетр — символ власти, который даровал Му первому лорду Атлантиды, правившему здесь, на востоке — бронзовый трезубец. Голоса стихли.

— Пусть выступят вперед Двенадцать Дающих Закон!

Голос Хроноса казался слабым и дрожащим в огромном зале, ему не хватало величественности, к которой Посейдон, бесспорно, стремился. Двенадцать мужчин заняли свои места по шестеро с каждой стороны трона.

— Слушайте, люди Атлантиды, волю Посейдона, любимца Баала. На третий день месяца Конца Ветров, через двенадцать дней от сегодняшнего флот Атлантиды поплывет к так называемой Матери-стране. Она будет открыта нашему огню и мечу. Так сказано, и пусть так будет записано...

Двенадцать человек подняли руки.

— Это так же и ваша воля, глашатаи провинций? — спросил Хронос.

— Да, Грозный, — ответили они как один.

— Да будет так. И слово закона не может быть изменено. Все в зале запели в ответ:

— Это будет законом, и слово закона не может быть изменено.

Хронос чуть наклонился вперед. Бледный язык облизал оттопыренные губы, как будто властитель готовился попробовать какое-то новое замечательное лакомство.

— Привести мурийских крыс, которых мы уже поймали в сети!

Рей наблюдал за шеренгой солдат, входивших с другой стороны зала, между ними было десять человек, скованных цепями. Пленники с трудом держались на ногах. Они были

выпачканы липкой зеленой слизью и брели, поддерживая друг друга. Но когда их поставили перед Хроносом, они не приветствовали его и, насколько могли, гордо вскинули головы.

— Похоже, вы еще не утратили силы духа. Видимо, наше гостеприимство чересчур щедрое! — хихикнул Хронос.

Один из пленников ответил хрипло, чувствовалось, что лишения пригасили силу его голоса:

— Что ты хочешь от нас, фальшивый властитель?

— Может, ты теперь готов сказать, что властитель не фальшивый, а истинный, и поклянешься в верности...

Рей знал, что это не настоящее предложение, а просто жестокая шутка. Муриец уже качал головой.

— Мы предлагаем свободу и честь любому, кто присоединится к нам. — Хронос продолжал улыбаться.

— Честь? — Насмешливый ответ мурийца хлестнул, как кнут.

Одутловатые щеки Посейдона побелели.

— Так, — с явной злобой сказал он и замолчал. Мегос дернул его за рукав. Хронос кивнул ему.

— Ах, Мегос. Да, да, я вспомнил. Тебе, кажется, нужны люди для твоей лаборатории?

Рей услышал быстро заглушенный вздох одного из пленников. Все остальные молчали.

— Мегосу и Баалу нужны люди, сильные люди. Можешь взять этих, Мегос. Они, похоже, сильны, если у них хватает воли стоять так дерзко перед нами. Возможно, я приду посмотреть, что ты сделаешь с ними. Я бы сказал, что это очень увлекательно.

Теперь Рей понял, зачем его послала сюда управляющая им воля. Но что он может сделать один? Сейчас — только следить и ждать, не пошлет ли судьба какой-нибудь подходящий случай. Но надеяться только на удачу слишком рискованно.

— Вот! Они идут этой дорогой. Рей стоял как статуя в тени колонны и смотрел, как проходили мимо стражники и пленники. Он улучил момент и пошел за ними. Он думал, что вряд ли кто-нибудь из стражников заподозрит его. Их дело следить за теми, кого они ведут, а кто может оказать помощь пленникам в собственном дворце Хроноса?

Вверх по лестнице, ну да, это путь в то крыло здания, где расположена комната Рея. Он быстро поднялся, вошел в комнату и притаился за полуоткрытой дверью — удобный пункт наблюдения, откуда был виден отряд, находившийся теперь в конце коридора. Вот... Они втокнули пленников в комнату, поставили часового...

Рей схватил с кушетки покрывало и стал ждать, когда солдаты уйдут. Затем он вышел из своей комнаты в нишу следующей. Из поясного кармана он достал две квадратные металлические монеты и бросил их на пол. Они громко зазвенели, ударившись о камень, и часовой пошел к ним.

Рей ударил его ребром ладони в то место горла, которое не защищали ни шлем, ни броня. Он подхватил падающего атланта и уложил его на пол с минимумом шума... Затем обернул неподвижное тело покрывалом, отволоч в свою комнату и запер там бесчувственного человека.

Затем он поспешил к двери, которую перед этим охранял часовой, и открыл ее. Муриец, говоривший в аудиенц-зале, устался на него.

— Что тебе? Кто ты?

— Тихо! — Рей занялся их цепями, пользуясь ключом, взятым с пояса часового. Но муриец отдернулся.

— Фальшивая надежда — новая попытка. Не поддавайтесь, товарищи!

— Я освобожу вас, — разозлился Рей. — Надо действовать быстро, времени на споры нет.

— Кто ты?

— Из Му.

— Легко сказать, да нелегко доказать.

— У тебя есть шанс проверить меня. Или ты хочешь ждать милостей Мегоса? — спросил Рей. — Раздумывать нет времени.

— Он прав, — сказал один из пленников. — Выйдя из этой комнаты со свободными руками, мы, по крайней мере, будем уверены, что снова нас возьмут только мертвыми. Для меня и такая надежда хороша!

— И она всего одна. Даже если мы достигнем гавани — там нет корабля. А бежать вглубь страны — совсем глупо.

Рей вспомнил о Тейне. Хоть и слабая, но все-таки надежда.

— Может, и будет корабль. Пошли!

Все вышли в коридор. Вождь мурийцев остановился и подхватил упавший меч часового.

— Кто-нибудь знает внутренние переходы в этом дворце? — спросил Рей. — Я прибыл сюда только сегодня...

Один вышел вперед.

— Меня посылали сюда раньше, но Мегос не воспользовался мной. — Он не мог сдержать дрожь, сотрясавшую его скелетоподобное тело. — Я могу довести до внешних ворот.

— Веди!

Они шли крадучись, прислушиваясь. Их провожатый не пошел по лестнице, по которой они поднимались раньше, а

повел их в боковой коридор, а затем вниз по узкому пролету, неожиданно упиравшемуся в дверь.

— Это комната охраны Мегоса, — прошептал проводник. — Там, наверное, солдаты...

Рей оттолкнул мурийца. По виду он был из дворцовой стражи, так что мог войти. Он открыл дверь. Там было трое, они с удивлением посмотрели на него.

— Эй, вы! — тоном приказа крикнул он. — Пошли! Мурийские пленники сбежали!

Двое стражей разинули рты. Третий спросил:

— Как?

— Откуда я знаю? — с нетерпением ответил Рей. — Приказано идти и ловить их.

Стражник прищурился.

— Гонга тревоги еще не было...

— Прошло еще мало времени. Да и будем ли мы предупреждать беглецов, чтобы они быстрее бежали? Пошли!

Двое послушно встали и пошли к двери. Третий же обернулся и потянулся к гонгу. Рей ударил его резко и точно. Он не стал смотреть, как падает его жертва, а быстро повернулся и ударил ближайшего к нему стражника, сбив его с ног, и в то же время мельком увидел, как муриец с мечом напал на того стражника, что был уже в дверях. Через мгновение все мурийцы были уже в караульной и принялись раздевать стражников. В комнате были еще доспехи, видимо, принадлежащие другой смене, так что более половины пленников вскоре оказались в униформе атлантов.

Когда они были готовы, Рей сказал:

— Теперь изобразим отряд. Я — датор, командую вами, мы идем в гавань сдать рабов на корабль флота. У нас есть еще одно поручение: арестовать капитана Тейна с рейдера Северного моря, заподозренного в измене. Пока мы идем, вы, — он кивнул тем, кто не имел доспехов, — пленники. Готовы ли вы на такую попытку?

— Готовы, лорд! — решительно ответили все, и тон ответа не сулил ничего доброго тем, кто встанет у них на дороге и рискнет задавать вопросы.

Рей сдернул гонг со стойки и взял его с собой. Двух потевших сознание стражников крепко связали, а убитого положили за дверь, где его не сразу увидят.

Они вышли в коридор, и Рей поразился. Эти люди несколько не походили на воинов Хроноса, но вдруг преобразились и стали ими! Длинные волосы были забраны под шлемы, лохмотья заменила форма, а их лица плохо различались при недостаточном освещении. И двигались они, как военный отряд.

С вернувшейся самоуверенностью Рей отдал приказ идти вперед. Между воинами качались четыре пленника с якобы связанными за спиной руками. Отряд вышел во внутренний двор, и тут в первый раз они увидели часового. Рей пожелал сам себе держаться уверенно.

— Кто идет? — спросил часовой у ворот, когда Рей подвел свой отряд к portalу. Это был не главный вход во дворец, а боковой, куда советовал идти мурийский проводник.

— Датор Сидик, по слову Посейдона, — ответил Рей. Рот его был сух, поэтому слова звучали тихо и грубо, что, кажется, было естественным для атлантов, Рей только боялся, не услышит ли стражник дикие удары его сердца.

— И куда?

— Дело в гавани. Не должен ли я кричать во все горло о своем деле? — Рей позволил себе подпустить в голос чуточку злости, почти уверенный, что им придется пробиваться с боем. Но страж махнул им, чтобы проходили.

Они быстро пошли дальше. Рею хотелось пуститься бегом, он каждую минуту ждал криков или звона гонга позади. Гонг, унесенный из помещения охраны, он выбросил в кусты сразу за воротами.

Была ночь, и городские улицы опустели. Но беглецам предстояло миновать пять стен и три канала. Надеяться, что поразительная удача не покинет их, было явной глупостью, и Рей сказал об этом мурийцам.

— Дело в том, — ответил ему старший из пленников, — что они ждут зла снаружи, а не изнутри, и пока нет тревоги из дворца... А, ладно, — пожал он плечами, — сделаем, что сможем.

Они миновали разоренный храм Пламени и вышли наконец к воротам первой стены. Рей подошел к часовому.

— Кто идет?

Рей был уверен, что часовые не слишком удивились, увидев отряд.

— Датор Сидик по приказу Посейдона.

— С какой целью, датор?

Никаких признаков тревоги, ничего похожего, что это необычно для стражников.

— Сдать рабов на корабль в гавани. А также арестовать капитана рейдера.

— Есть табличка разрешения, датор?

— Ну. Вот она. — Рей сделал еще шаг.

— Так точно, датор.

Рей шагнул еще ближе, как бы к свету, и протянул руку. Офицер пошел ему навстречу. Рей быстро ударил, затем подхватил падающее тело и быстро повернул его. Длинный кин-

жал, мгновенно выхваченный из-за пояса, был приставлен к горлу атланта.

— Давай! — услышал он тихий приказ мурийца, и люди отряда бросились на стражников. Те упали, едва успев приглушенно вскрикнуть. Муриец отдал еще один приказ, и упавшие были оттащены в сторону, чтобы их не было видно. Муриец вернулся к Рею.

— Ты думаешь воспользоваться этим типом?

— Он может стать нашим ключом.

Муриец откинул назад голову бесчувственного пленника.

— Он же без сознания.

— Он придет в себя, — ответил Рей. — Но давай пойдем дальше.

Они прошли ворота, закрыли их за собой и заклинили. Рей стал шлепать пленника по лицу, а один из мурийцев — плескать воду на атланта. Наконец тот тяжело вздохнул и открыл глаза. Рей быстро зажал ему ладонью рот. Кинжал снова уколол горло атланта.

— Ты пойдешь, — медленно сказал ему Рей, стараясь, чтобы до того дошло каждое слово, — и будешь делать то, что мы тебе скажем. В этом случае ты останешься жив. Поступишь иначе — и для тебя уже неважно, что произойдет с нами, потому что ты этого не увидишь. Понял?

Человек коротко кивнул.

— Ладно. — Рей опустил руку с кинжалом и развернул пленника так, что они встали рядом, но позади атланта оказался вождь мурийцев с кинжалом, наставленным тому в спину.

— Вперед, — скомандовал Рей.

Они шли ко вторым воротам, и по пути Рей полупшепотом отдавал приказания пленнику. Сможет ли и захочет ли он повиноваться — это они увидят со временем. Но атлант, несомненно, понимал, что имеет дело с людьми, которые выполняют свою угрозу.

— Кто идет? — окликнули из вторых ворот.

Пленник откашлялся и ответил:

— Датор Во-Хан. Есть приказ провести этого датора и его отряд в гавань.

Мгновение молчания, и Рей услышал легкий стон Во-Хана, который получил небольшой укол.

Если у часового и были сомнения, то он их не высказал. Возможно. Во-Хан как раз и мог быть ключом. Но, даже пройдя вторые ворота, Рей знал, что не вздохнет свободно, пока они не будут в доках.

Мост. Третьи ворота. Мурийцы шли, Во-Хан исправно играл роль ключа. Второй мост, четвертые ворота. Слишком

уж все хорошо идет. Что-то заставило Рея встревожиться. Можно ли надеяться уйти?

Последний мост и вдали — последние ворота. Все еще никакой тревоги, свободный проход под предводительством Во-Хана. Но хорошо, что они не слишком надеялись на судьбу: на полпути по узкому проходу над темной водой атлант вдруг навалился всем телом на Рея и завопил. Американец имел только секунду времени, но он ее использовал: почувствовав напряжение тела атланта, Рей рванулся вперед, упал, и атлант вместо того, чтобы столкнуть Рея, перелетел через него и с криком упал в воду. Мурийский офицер перескочил через ноги Рея и бросился к воротам. Рей услышал крик позади, и мост под ним задрожал. Часовые задних ворот, видимо, стали поднимать мост, чтобы раздавить беглецов спускающейся решеткой.

Рей пополз вперед на четвереньках, не тратя времени на то, чтобы встать на ноги. Затем его схватили за плечи и вытащили на уже поднимающийся пролет моста.

Половина отряда уже сражалась у ворот, этим она расчистила путь остальным. Поскольку мосты предназначались для удержания атакующих, а не для ловли беглецов, там, где мост опускался, существовал высокий выступ-площадка, на которой люди и прыгнули.

Они пробились через ворота и только тогда услышали звон гонга тревоги. Выйдя на дорогу к порту, они пустились бегом.

— Куда? — спросил муриец.

— Все умеете плавать?

В темноте послышался смех.

— Мы что — не с Флота?

— Тогда — в воду!

Они бежали по выющейся тропе мимо тюков и ящиков на пристани. Рей один раз остановился, чтобы сориентироваться, увидеть приметы военного корабля, которые он запомнил, как ориентир на пути к якорной стоянке Тейна.

— Стражники!

Рею не требовалось предупреждения: он слышал топот и крики.

— В воду!

Они сбросили доспехи, те, кто изображал галерных рабов, были уже в воде и ждали остальных. Море было холодным. Рей задохнулся, как только вода сомкнулась вокруг него. Затем он поплыл, зная, что мурийцы следуют за ним. Но к тому времени, когда они добрались до болтающейся лестницы на борту корабля, он совершенно заledenел. На секунду он остановился — и потому, что любое усилие было ему трудно, и потому, что он ждал знака от вахтенного на палубе. Но

долго ждать было опасно, так что он полез вверх и осторожно перебрался через поручни на палубу.

— Стой спокойно, красавчик! — Свет фонаря упал на обнаженное лезвие и черную тень, державшую его.

Рей узнал голос.

— Капитан Тейн!

— Клянусь глубоководной змеей, что это так называемый Сидик из Уйгура! — пришел ответ, но лезвие не отклонилось в сторону.

— Пришел по твоему приглашению, капитан...

— И с доброй сворой собак по пятам, — фыркнул Тейн. — А еще с чем?

Крики в доках были слышны даже с такого большого расстояния.

— Какие змеинные яйца ты высиживал, человек из Уйгура, и почему это касается меня?

— Почему это касается тебя, я не знаю, — решительно ответил Рей, — но ты предлагал мне убежище. Ты можешь послать нас обратно в руки стражей Хроноса, но предупреждаю: это будет нелегко. Или же, — он сделал паузу, прежде чем сделать выстрел наугад, — ты можешь жить дальше, чтобы провести своих людей во дворец Посейдона с обнаженной сталью в руках.

— Так, лихо ты разбираешься с рейдером и хорошенький конец ты ему подготовил. Эй, кто вы такие, чтобы лезть на мою палубу без приглашения? — заворчал он на мурийцев, перелезающих через поручни. Они вставали позади Рея, у каждого был меч — они не бросили мечи в доках вместе с доспехами.

— Дело сделано, капитан! Окажи мне услугу и будешь иметь мощную поддержку...

— ...Му, — сказал неуверенно капитан. — А что Му предложит мне в награду за то, что я потащусь чуть ли не на другой конец мира?

— Внесение в списки вооруженных сил, прощение прошлых грехов, шанс на добычу в Атлантиде...

— Ты имеешь власть сделать все это?

Рей достал драгоценный браслет.

— Возьми это и этих людей в Майякс и ты получишь то, что я обещал.

— Ты очень уверен в себе...

— И в тебе, — смело сказал Рей. Настало время, когда следовало пользоваться даже самым диким шансом, потому что другого не было.

Свет фонаря блеснул на клинке, когда капитан прятал меч в ножны. Затем Рей услышал смех Тейна.

— Клянусь железными когтями Баала, если ты вывел из города десять мурийцев, то я могу постараться вывезти их из гавани. И, по воле морского бога, твои люди замолвят за меня слово в Майяксе до того, как меня утопят бывшие недруги.

— Они будут говорить за тебя.

— А ты?

Рей положил руку на лоб и потер его. То, что он чувствовал, не было настоящей болью, это было холодное и четкое знание, что он не может участвовать в прорыве Тейна. Воля, которая привела его на дороги Атлантиды, все еще не оставляла его.

— Я не сделал того, зачем приехал, — сказал он медленно, зная, что говорит правду.

— Но вернуться — это значит встретить верную смерть, — запротестовал мурийский вождь.

— У меня нет выбора, — тихо сказал Рей. — Когда ты придешь — если придешь — снова в Мать-страну, скажи им там, что они и в самом деле сделали из меня оружие, чтобы оно служило им.

— Если ты должен остаться, — прервал его Тейн, — иди к парусному мастеру в кабаке в конце третьей пристани. Назови ему мое имя. Это может дать тебе некоторые шансы.

— Мы вернемся за тобой... — начал один из мурийцев.

Рей покачал головой.

— Мы нуждаемся там, в Му, в десяти мечях и в людях, владеющих ими, а также в сведениях, которые вы собрали о городе и его укреплениях.

— Тяжело признавать, что это правда, — согласился предводитель мурийцев. — Но запомни: когда ты вернешься в Мать-страну, у тебя будет десять преданных воинов, ожидающих знака встать под твоё знамя, милорд. И пусть свет Пламени освещает тебе любую тропу, по которой ты пойдешь!

Рей повернулся к веревочной лестнице и заторопился обратно, хотя вполне мог угодить прямо в руки слуг Баала.

Глава 13

Рей вцепился в свою под пристанью. Он слышал голоса, но слишком приглушенные, чтобы можно было отчетливо разобрать слова. Он уже знал, что охотники ушли. Из своего укрытия он не мог видеть рейдер. Сумел ли Тейн выйти в море? Да и пытался ли? Переход капитана на сторону Му совершился так легко, что внушил Рею подозрения. Может, Тейн только и ждал ухода Рея, чтобы дать сигнал людям

Посейдона взять бежавших мурийцев? Но если у него был такой план, зачем он отпустил Рея? Он мог бы получить большое вознаграждение.

Может, считают, что он, Рей приведет к другим мурийцам в городе? Но он же никого не знает, и Тейн сам дал ему контакт. Впрочем, у парусного мастера его может ожидать стража...

Он съжился в своей щелке, но не мог удержать дрожи. Дрожал он не только от холода в своей промокшей тунике. Зачем он вернулся — или его вернули? Каким-то образом в его мозг ввели приказы в то время, когда превращали его в Сидика. И этих приказов он не понимал.

Движение наверху прекратилось. Он из осторожности поплыл не к ближайшей набережной, где его взяли бы сразу, а дальше, к западу. А теперь куда? Вернуться в город было бы так же мудро, как подойти с поднятыми руками к первому встречному стражнику. А он так устал, что не хотел ничего, кроме темного угла, чтобы заползти туда и, может быть, немного поспать.

Он опять спрятался, и его новое укрытие было столь тесным, что Рей даже сомневался, сумеет ли он сбежать, если на него нападут врасплох. Лучше вылезти наружу — будет хоть слабый, но шанс. Он неуклюже двигался вдоль берега, перемещаясь от одной сваи к другой, а под ним плескалась вода. Он часто останавливался и прислушивался к шуму наверху и к звуку весел в гавани.

После некоторого колебания он подтянулся и вылез на пристань. Там были навалены тюки, он заторопился к ним и заполз в щель между ними. Здесь он был защищен от ветра, но все равно дрожал. Потом он, видимо, задремал, потому что в щелях между тюками вдруг посветлело, и он услышал топот ног. Утро? Пришли докеры?

Рей выполз из своего укрытия, готовый нырнуть в маслянистую воду, если понадобится. В первый раз он оглядел свое тело, пытаясь сообразить, как он будет выглядеть, если его кто-нибудь увидит.

Когда они все прыгали в воду, он оставил на набережной куртку, шлем и латы стражника. Теперь на нем была только нижняя туника, и она была так измазана, что напоминала рабочую. Сапоги... но он не мог отказаться от них. Может, они не так уж сильно похожи на часть униформы?

Вооружен он был только кинжалом. Он внимательно осмотрел свои руки. В этих местах, где ничего не знают о боевых искусствах его родного мира, его руки были лучшей защитой, чем сталь.

Он был голоден, но старался не думать о еде.

— Шевелись, медуза! Не думаешь ли ты, что груз можно двигать одним взглядом! — Крик сопровождался резким щелчком бича.

Рей вздрогнул, готовый соскользнуть в воду, но затем отполз к концу ряда тюков и выглянул. По пристани шла рабочая команда под свист кнута надсмотрщика. Рабы, подумал Рей. Если не считать того, что у них были веревочные сандалии, а у него сапоги, в остальном он мало отличался от них, этих согнувшихся от непосильного труда угрюмых работяг. Если он присоединится к такому отряду, пройдет ли он незамеченным? Вполне может быть, что надсмотрщики внимательны и быстро заметят одного лишнего, когда рабов и так немного. Нет, лучше не рисковать.

Он пробежал в конец пристани и нашел место, откуда можно было вылезти на набережную. Там из повозки выгружали ящики, и подходили грузчики, чтобы унести их. Рей ждал в тени удобного случая выбраться. Затем он заметил тощего человека, лицо которого чуть ли не наполовину заросло бородой. На нем была рваная туника, он тоже старался не попадаться никому на глаза и украдкой поглядывал то на ящики, то на человека, выгружавшего их. Затем он метнулся к концу шеренги рабочих как раз вовремя, чтобы взять один из ящиков. Но вместо того, чтобы идти за людьми, он кинулся наутек с ящиком в руках. Этот дерзкий поступок дал Рею удобный случай.

— Держи вора!

Американец не знал, насколько правильно было кричать в данных обстоятельствах, но надзиратель ответил таким же криком. Несколько человек побросали груз и бросились вдогонку за бегущим. Рей побежал с ними, как бы участвуя в охоте за человеком, который лавировал между повозками и грузчиками. Затем Рей увидел симпатичный дверной проем и юркнул в него как тень. Дверь подалась под его рукой, и он вошел.

Здесь было темнее, чем снаружи в это раннее утро. Скверно пахло, так что Рея замутило. Он пошел вперед, стараясь не шуметь. Откуда-то доносились слабые звуки — хрип, скрип, в здании явно кто-то жил. Но Рей прошел до конца коридора, никого не встретив. Там была еще одна дверь, закрытая на щеколду, и он с бесконечными предосторожностями открыл ее.

За дверью оказался узкий переулок, вымощенный булыжником. Рей оглянулся по сторонам. Человеческий род не изменился за столетия! Некоторые запахи были несколько более экзотичны, чем в его время, но и только. Наверное, это ход через какие-то трущобы.

В этот переулок выходили окна. Но смотрел ли кто-нибудь в них и мог ли заинтересоваться им?.. В таких районах люди обычно занимаются своими делами и не видят и не слышат ничего, что их не касается.

Он пробирался через кучи мусора и булыжника и уже был близок к выходу, когда вдруг застыл на месте. Стон? Да, конечно, стон, и он шел из-за полустгнившей корзины, доверху набитой мусором. Рей подошел ближе и пнул ногой отвратительное гнилье.

Уже через пару секунд он пожалел о своей глупости: из-за корзины выскочил человек и кинулся на него с ножом. Хорошо знающий тактику рукопашного боя, Рей отразил эту самонадеянную атаку. Его рука сомкнулась вокруг запястья нападающего и отбросила того к стене... но он чуть опоздал.

Рей прижал руку к боку. К счастью, удар пришелся не в сердце. Он чувствовал, как теплая кровь струится под туникой. Но сейчас он не решился осматривать рану. Боли пока нет.

Он поднял нож, выпавший у человека, и толкнул носком сапога неподвижное тело. Напавший, как видно, ударился головой о стену...

Когда тело откатилось от удара ногой, стало заметно, что голова слабо держится на шее. «Так и есть, — подумал Рей, — сломана шея». Атлант был молод, почти мальчишка, и очень худ, кости выступали под желтой прыщавой кожей. Туника его была лучше, чем у портовых рабочих. На убитом был пояс с серебряными бляшками, с которого свисал кошелек. На пальцах — два кольца, в одном ухе серьга. Вор и, видимо, удачливый. Возможно, этот трюк срабатывал у него в прошлом. Стон, чтобы привлечь внимание незадачливого прохожего, быстрая атака, а затем — уход с добычей от любопытного или дурака.

Рей крепче прижал руку к боку. Рану начало жечь. О ней следовало позаботиться. Он опасался заражения. Откинувшись к стене, он осмотрел порез, который оказался неглубоким, скорее досаждающим, чем действительно внушающим опасения. Нельзя было только допустить, чтобы кровотечение ослабило его, или чтобы пятна, темневшие на его тунике, привлекли чье-нибудь внимание.

Выбора не было. Рей принялся за дело. Скоро он вышел из переулочка в одежде, прибавившей ему уверенности. Сапоги, которые могли выдать его, исчезли. На нем была коричневая одежда мертвого вора, а под ней полоса, оторванная от нижней туники, которой он туго забинтовал порез. Похожая на мокасины обувь вора была чуть велика Рею, но это лучше, чем если бы она была мала. И у него теперь был кошелек с

серебряными монетами. Не осталось ничего, что связывало бы Рея с Сидиком из Уйгура...

Звук тяжелых шагов позади... Рей заметил, что прохожие оглядываются, а кое-кто бросился в дверные проемы. Он подумал, что разумнее последовать их примеру, но не сделал ошибки — не оглянулся посмотреть, что именно заставило их прятаться.

Удача и нос привели его в таверну. Там пахло прокисшим вином и стряпней. Один раз Рей уже чувствовал, что смесь острых запахов вызывает у него тошноту, но сейчас он хотел хоть чего-нибудь поесть. Дверь помещения открывалась на улицу, по которой маршировал отряд стражников Посейдона. Они остановились у входа, и Рей понял, что удача покинула его, враги сейчас проверят его. Он быстро огляделся.

В помещении было три стола со скамьями с каждой стороны. Вдали была вторая дверь, откуда и пахло едой. Посетителей было двое, кроме Рея.

Один выглядел так, словно собирался пробыть здесь всю ночь: он навалился на край стола, уронив голову на руки. Он сопел и похрапывал, и это говорило о том, что он погружен в сон, вызванный опустошением многих кружек вроде той, что лежала перед ним на столе. Его пальцы все еще вяло держали ее.

Второй сидел за другим столом, напротив Рея. Он был в такой же просоленной морем куртке, в какой Рей играл роль Сидика. Он сосредоточенно ел, набивая рот хлебом после каждой ложки. Но Рей заметил быстрый взгляд, брошенный им на солдат снаружи, и подумал, что обедающий не так заинтересован едой, как хочет показать.

Из внутренней комнаты вышла женщина. Ее волосы были переплетены кожаными ремешками и подняты вверх в гротескной имитации замысловатой прически, которую носили дамы при дворе Посейдона. На ней было платье, зашнурованное спереди до талии, висящее мешком и неровно обрезанное до середины икр. Платье когда-то было ярко-оранжевым, но теперь вылиняло полосами и было все в пятнах. Лицо женщины, пухлое, жирное, контрастировало с тощим телом, на руках от самых плеч были надеты медные браслеты, а в одной ноздре висела позолоченная серьга.

Она облокотилась о стол перед Реем и спросила:

— Что будете есть?

Голос был жалобный, слова звучали невнятно, так что Рей просто догадался, о чем она спрашивает.

— Еды... Вина... — Он затруднялся, не зная, какие блюда можно заказать в таком месте. Затем он указал на тарелку

обедающего мужчины: — Что-нибудь вроде этого, если готово.

Она что-то проворчала, и это можно было принять как за утверждение, так и за отрицание. Тем не менее она двинулась к внутренней комнате, но не успела дойти до дверей: раздался резкий звук, и все повернулись к входу.

Там стоял датор стражи, а за ним — двое из его отряда. Была в нем хвастливая надменность человека, знающего, что он не встретит сопротивления. Он ударил мечом в ножнах по столу, требуя внимания.

Сейчас это случится, подумал Рей. Он прикинул расстояние до двери во внутреннюю комнату, но женщина стояла на дороге. К тому же, он не был уверен, что там есть другой выход. Он мог сам себя загнать в ловушку.

Женщина провела тыльной стороной руки по губам и улыбнулась.

— Вина лордам?

— Не надо твоего дерьма, — ответил датор. — Эй, ты, — обратился он к моряку, — кто ты и откуда?

Человек проглотил то, что было во рту.

— Риссак, матрос с «Морской Лошади». А в чем дело? Я бывал в этом порту много раз, еще до того, как у тебя выросли волосы на подбородке...

— Такие острые языки укорачиваются ножом, — ответил датор, но не повел дело дальше, а повернулся к Рею: — А ты?

— Ран-Син, — симпровизировал Рей, — с севера.

— Встать! — приказал датор.

Рей встал. Может, обогнуть стол или перепрыгнуть через него и броситься на улицу? Нет, отряд ждет там, и без сомнения, готов остановить любого подозрительного типа, которого спугнет их командир.

Но, к его удивлению, датор не приказал задержать его. Датор только оглядел американца с ног до головы и с головы до ног. Возможно... Возможно, он ищет детали, данные в описании, и у Рея было преимущество, так как он обменялся одеждой с мертвым вором.

— А его? — спросил один из стражников, указывая на спящего.

Датор махнул головой.

— Ничего похожего...

Да, Рей оказался прав: у них есть описание. А датор, похоже, был из тех, кто обращает внимание только на детали, идущие из официальных источников. Но откуда они знают, подумал Рей, когда стражники ушли, что кого-то надо искать? Если капитан Тейн выполнил свою часть сделки, поче-

му же не считать, что бежали все, или, по крайней мере, все попытались добраться до Северного моря?

С другой стороны, капитан мог обмануть его — таксе вполне допустимо. Или, наконец, Тейн мог попасться, его корабль захватили и из допроса пленников установили, что Рей все еще на свободе в районе набережной. Лучше предполагать самое плохое.

Но что он должен делать? До сих пор не пришло никакого приказа от захватившей его воли. Почему этот невидимый, неслышимый руководитель, так глубоко введенный в Рея, что с ним нельзя бороться, привел его обратно? Для чего-то большего, чем игра в прятки с людьми Посейдона — это уж точно.

Женщина ушла на кухню и теперь вернулась с подносом. Там стояла миска с тушеным мясом, ломоть хлеба и кружка со скверно пахнущим вином или, скорее, со скверно пахнущей водой, которая в этом заведении считалась вином.

Рей достал монету из кошелька вора и увидел, что глаза женщины слегка расширились. Он не положил монету на стол, как предполагал сначала, а держал в пальцах, так что виднелся только краешек.

Женщина заискивающе улыбнулась, как до этого улыбалась датору.

— Желаете что-нибудь еще, милорд?

— Комнату, где человек может отдохнуть в одиночестве.

— Отдохнуть, — повторила она. — Да, мы, пожалуй, можем найти вам такую. — Глаза ее передвинулись с его лица на край монеты, а затем обратно. Она указала подбородком на заднюю комнату. — Туда и наверх по лестнице. Возьмите комнату за синей занавеской.

Рей кинул монету. Женщина сгребла ее ладонью и мгновенно спрятала. Он взял поднос и пошел, стараясь не торопиться, чтобы не вызвать подозрений.

Комната за синей занавеской была второй от верхней площадки головоломного пролета лестницы. В кухне было двое, наблюдающих, как он поднимается — вторая женщина, чем-то похожая на ведьму официантка, и горбатый мужчина, резавший какие-то овощи и так низко склонившийся над ними, что, казалось, он рисковал обрезать свой собственный подбородок.

За синей занавеской было помещение, напоминавшее клетку. Там не было ни стола, ни стула, только постель — соломенный тюфяк, висящий над грязным полом на раме с четырьмя ножками — и полка на стене, где стоял кувшин. Окно было закрыто ставнями. Рей поставил поднос на полку и подошел открыть окно. Оно долго не поддавалось, но с помощью кинжала ему все-таки удалось открыть ставни.

В нескольких футах от окна была глухая каменная стена — видимо, соседнего дома. Рей посмотрел вниз: между стенами шел узкий проход, более чем наполовину заваленный мусором, полным ловушек для ног того, кто попробовал бы воспользоваться этим проходом для бегства. Но все-таки Рей почувствовал некоторое облегчение от сознания, что открытое окно близко.

Он сел на край грязного, вонючего тюфяка и стал есть. Еда имела странный вкус, горячая и излишне наперченная — видимо, так готовили, чтобы посетители покупали больше выпивки. Но голод Рея она утолила, и он съел все, даже вытер миску корочкой хлеба.

Затем он откинулся к стене, чтобы подумать. При его свидании с Хроносом давящая над ним воля диктовала ему все, что он говорил. Он остро чувствовал это тогда. И он был больше чем уверен, что спасение мурийцев было запланировано, даже если детали бегства в пути придумал он сам. Следовательно, есть причины, по которым он еще здесь. Но что оставалось сделать?

Долго ли он должен ждать, когда его подтолкнут к выполнению каких-то обязанностей? Его негодование по поводу такого управления не было больше горячим, оно чуть тлело в нем. Однако пока не настало время встретиться с теми, кто послал его сюда, он должен подавлять это чувство. Человек, ослепленный злобой, легко совершает ошибки.

Рей уставился в окно.

— Ладно, — сказал он, — я здесь, и я жду. Если я буду ждать слишком долго, со мной, возможно, покончат, и то, что вы хотите от меня, останется несделанным. Придите ко мне и дайте намек. Чего вы хотите от меня?

Он усердно пытался думать об этом, хотел молча выкрикнуть свои вопросы, как будто мог дотянуться через три моря до мозга наакаля или Ре Му, или кого-то другого, кто руководил им.

Рею показалось, что камни стены потемнели. Деревья! Он закрыл глаза и снова медленно открыл их. Он как бы смотрел в перевернутый бинокль. Ряды деревьев — все крошечные. Однако его мозг говорил ему, что на самом деле они высокие, как башни...

Нет! Это не ответ! Он крепко зажмурился. Деревья тут ни при чем. Он не должен их видеть, не должен о них думать...

— «Приди». — Он думал о той воле, словно она была радиопередачей на прерывающейся частоте, и он мог ловить ее только изредка. Он опустил голову на сжатые кулаки. — «Приди, — умолял он, — дай мне знать, что я должен делать! Дай мне знать, пока не поздно!»

Фордхейм держал в руке полоску перфорированной бумаги.

— Значит, Бартон поверил, что это решение вопроса?

— Не вытягивайте, не сгибайте, не рвите, — произнес Харгрейв. — Полагаю, что нам следовало бы теперь пользоваться любым видом черной, белой, красной, зеленой или голубой магии, но я отказываюсь согласиться, что человек может превратиться в уравнение! Откровенно говоря, я не хочу этому верить. Это... Это просто ужасно!

— Не человек, нет, — поправил Бартон. — Ты требовал уравнения, пригодного для определения типа мозга, чтобы мы могли установить, каким должен быть вызывающий прибор-искатель. Это уравнение дал нам ваш собственный компьютер, точно так же, как раньше снабдил вас уравнением для поиска Атлантиды.

— А оно вообще не могло быть правильным! — вспыхнул Харгрейв. — Мы видели и засняли только лес, помните? Я поверю в Атлантиду, когда увижу хоть какое-нибудь доказательство.

— Ну ладно, никто не настаивает, что это обязательно Атлантида, — ответил Фордхейм. — Но доктор Бартон прав. Мы заложили сведения и получили уравнение: мы воспользовались им и получили то, что вы видели сами, то, что мы засняли. И там мы потеряли человека. Логично предположить, что он не остался до сих пор на том месте, где вышел. И если это сработает...

— Если сработает, — подчеркнул Харгрейв.

Фордхейм провел руками по лицу. Он устал, так устал, что ему трудно было сделать лишнее движение. Когда он, в сущности, спал? Он даже не мог вспомнить.

— Это не все, что нам надо, — сказал Бартон. — Вы должны это понять. У нас есть факты его армейской биографии, сведения от людей, знавших его, справки о здоровье и тому подобное. Я вовсе не уверен, что прибор сработает, но это лучшее, что мы можем сделать. Для больших шансов нам нужно бы иметь диаграмму его поведения, другие сведения, относящиеся к периоду хотя бы двухлетней давности...

— Поскольку у нас ничего этого нет, — слова Фордхейма звучали невнятно от усталости, — мы попытаемся работать с тем, что есть. Чудеса иной раз случаются...

Харгрейв пожал плечами.

— Начинаю думать, что генерал Колфикс прав. Послать поисковый отряд...

— И потерять его тоже? — спросил Фордхейм. — Нет, до тех пор, пока у нас нет полной уверенности в успехе.

Он снова взглянул на полоску бумаги, которая, по мнению компьютера, достоверно описывала человека — живого, дышащего, ненавидящего, любящего человека. Описывала ли? Они не будут в этом уверены до тех пор, пока их попытка не увенчается успехом и Рей Осборн не вернется из леса гигантских деревьев в свой собственный мир в ответ на призыв ученых.

Глава 14

Опасность? Рей поднял голову и внимательно прислушался. Из коридора не доносилось ни звука. Он встал и бесшумно подошел к окну. Там никого не было. Но он чувствовал чей-то пристальный взгляд, казалось, стоит только повернуть голову, и он увидит в углу комнаты человека.

Это чувство сопровождалось желанием быть на открытом месте, и Рей не мог более противиться ему. Ему казалось, что стены готовы сдвинуться вокруг него и лишить необходимого для дыхания воздуха. Над ним нависла такая аура угрозы, какую он ощущал разве что в страшном сне. Хотя он еще помнил об осторожности, он сознавал, что не может больше быть в этом временном убежище, что его вытряхивают отсюда, как мышь из корзины. И это чувство не было связано с принуждением, что держало его в порту атлантов — это, он был уверен, исходило от врага. Но это было также нечто такое, с чем нельзя было бороться.

Ладно, он уйдет отсюда. Иначе — если давление будет продолжаться, он просто станет громко кричать, пока его враги не придут взять его.

Повинуясь необъяснимому приказу, уступая, он все-таки сохранял какую-то собственную волю. Он сможет хотя бы бороться, скрываться, бежать! Если бы только знать, зачем он оставлен здесь! Тогда у него была бы цель и причина держаться.

Не направиться ли ему к парусному мастеру, о котором упоминал капитан Тейн? Конечно, нет никаких причин верить в добрую волю капитана рейдера, но в этом была хоть тень надежды!

Он вдруг повернулся и дотронулся до бока. Рана была достаточно чувствительной, и он поморщился. Он снова осмотрел рану. Она покрылась коркой, и если сохранилась незараженной, заживление уже началось.

Рей снова подошел к окну и осмотрел проход внизу. Высунувшись как можно дальше, он увидел, что налево, к фасаду таверны нет выхода, только высокий забор, создававший тупик. С другой стороны, возможно, был выход. Он быстро сдернул простыню — единственную, как он обнаружил — и привязал ее конец к ножке постели. Веревка не слишком длинная, но достаточная, чтобы нормально приземлиться. Затем он вылез в окно, покачнулся над мусором, выпустил простыню и упал, как его учили падать, чтобы не получить увечья. Только на таких уроках никогда не приходилось приземляться на свалку.

Пробив верхний слой мусора, Осборн с силой ударился о что-то более жесткое. С минуту он лежал в куче, чувствуя стреляющую боль в боку, и гадал, не сломал ли он ребра.

В конце концов он выбрался из кучи отбросов. Придерживаясь за стену, чтобы не оступиться и не увязнуть в грязи, начал осторожное путешествие к фасаду таверны. Если шум от его приземления и встревожил обитателей других верхних комнат, то, похоже, не возбудил их любопытства.

Узкий проход доходил до конца здания, но высокий забор из гнилых досок перегораживал его и справа тоже. Глухая стена другого дома тянулась дальше.

Он обошел вонючую лужу гниющих отбросов и подошел к углу забора. Он так рвался к свободе, в пространство, где можно было бежать, что бил ногами и рвал плохо державшиеся доски, пока наконец не вылез в переулок, очень похожий на тот, где он встретил вора.

Рей оглянулся. Если он не ошибался, то, судя по наводке, парусная мастерская должна была оказаться где-то слева.

Вдалеке работал человек. Он рылся в мусоре, переворачивая отвратительные кучи длинной палкой с крючком, время от времени вытаскивая что-то и складывая в мешок, который волочил за собой. Рей увидел сначала только руки, тонкие как палки и такие изможденные и грязные, что они утратили всякий цвет. Чем ближе Рей подходил к мусорщику, тем меньше тот казался человеком. Когда Рей подошел к нему примерно на расстояние длины его поисковой палки, мусорщик, с неожиданным для такого ходячего скелета проворством, взмахнул этой самой палкой, чтобы зацепить и сбить с ног Рея, высунув из лохмотьев голову и визгливо хихикая.

Тренированные рефлексy Рея еще раз спасли его: он увернулся, а мусорщик, потерявший равновесие, когда его оружие не встретилось с ногами Рея, как и должно было быть, отступил, качнувшись, на два шага.

— Яахх! — Первый промах не удержал нападающего от второй попытки.

Однако Рей не стал приближаться к этому существу. Вор был все-таки человеком, а это создание настолько утратило все человеческое, что внушало отвращение. Рей пнул мешок, в который существо собирало свой урожай, и снова уклонился от удара. Существо попятилось, зацепилось за мешок и упало, визгливо завывая. Рей убежал.

Он тяжело дышал, когда добрался до конца переулка. Переулок был узким, едва ли шире раскинутых рук Рея, и выходил на оживленную улицу. По ней шли тяжело нагруженные подводы, они шли в порт и возвращались пустые. Правили ими люди в униформе; на каждой подводе ехало по несколько стражников. Рей снова прижался к стене, так чтобы казаться неприметной тенью, и стал наблюдать, сначала без интереса, пока не отдышался, а потом с некоторым вниманием.

По его догадкам, на корабли флота грузили боеприпасы. Готовились к решительному наступлению на Майякс или на Му. Конечно, сначала они должны были напасть на Майякс, прежде чем взять — или пытаться взять — Му. Как же Хронос надеялся вовлечь весь остальной мир в открытую войну, если нет способа захватить Му, идя на восток, а не на запад? Рей ни разу не видел полной карты этого мира. Как насчет Африки? Существует ли этот континент в этом веке, и если да, то кто управляет им? Плохо, что он знает так мало о таких важных вещах.

Он ушел из таверны, ускользнул от нападения мусорщика, но не избавился от ощущения наблюдения за собой, оно и теперь подгоняло его, заставляло двигаться.

Любое необычное поведение здесь наверняка встревожило бы стражников на подводах. Рей пошел, держась стен зданий слева, ведущих к гавани. Если... если воля, держащая его здесь, пожелает вернуть его в город, может быть, эти телеги помогут такому возвращению. Он осматривал их, стараясь не показать излишнего интереса, и изыскивал способ спрятаться на одной из возвращающихся телег.

Похоже, что на это не было надежды — по крайней мере, днем. Рей дошел до перекрестка и очутился перед широкой улицей, напоминающей хребет с ребрами-пакгаузами с одной стороны. Он шел мимо повозок, стараясь идти ровным шагом, не сгибать плечи под взглядами возчиков и стражников, и каждую минуту ожидая услышать крики или почувствовать укол стали.

По переулку он двигался вдоль гавани. Сейчас он был у ее западного конца и начал высматривать мастерскую парусного мастера или винную лавку, что было одно и то же.

— «Стой!»

Рей не сразу сообразил, что услышал эту команду не ушами, а мозгом. И с ней пришло принуждение к повиновению.

Да, его остановили. От удивления он остановился так внезапно, что на него налетел прохожий и, обернувшись, проорчал что-то на жаргоне, которого Рей почти не понимал.

— «Иди!» — Снова полная уверенность в том, что Рей должен повиноваться, что у него нет иного выхода, кроме как подчиняться этому приказу.

Помощи не было. Он знал, что зов этот идет не от воли, державшей его здесь. Когда он повиновался этому призыву вопреки своему желанию, он знал, что та воля съезживается, гаснет, словно два воздействия не воспринимались им одновременно.

— «Иди!»

Куда идти? Мозг его не знал этого, но контролируемое тело, кажется, хорошо знало. Он шел на восток, не торопясь, размеренно, как шел раньше, и никак не мог освободиться от влияния, заставляющего его передвигать ноги.

Улицы были узки, и Рей с трудом пробирался среди людей, телег, животных, грузов. Он прошел мимо таверны, в которой побывал недавно, шел, шел...

Вокруг было множество ярких красок — туники мужчин, попоны и вьюки животных, но Рей выделил красное пятно, которое, казалось, пылало внутренним огнем. И оно ждало его... Его сознание было пленником в клетке плоти, и она, эта клетка, двигалась по команде одушевленного красного столба... Нет, это не столб, а мантия глубокого кровавого тона, и носящий ее — не просто человек.

Страх живет во всех людях от их рождения до смерти. Много мелких страхов преследуют человека, бывают и не мелкие, заставляющие его съезживаться в пыли или бежать прочь с воплем. Страх может стать побудителем действия, врагом при сражении или уничтожить здравый смысл и подчинить себе рассудок. Рей думал, что много раз встречался со страхом прежде, но такого страха, как сейчас, он не испытывал никогда!

— «Иди!»

Он шел. Выбора не оставалось: ни один трюк, изученный им в родном мире, не мог помочь ему. Он был загипнотизирован этой ужасающей аурой страха, тянущего его за собой...

Их разделяло всего несколько футов — его и Красную Мантию с замкнутым лицом, на котором не было ни торжества, ни жажды битвы. Воля жреца была сосредоточена только на нем одном: задержать и захватить, что он и делал.

Рей разглядывал худое лицо с крючковатым носом, острым подбородком, и оно казалось ему знакомым. Затем жрец

поднял руку, и на запястье его блеснула полоса, приковавшая внимание Рея. Браслет с часами, — констатировала какая-то малая, сохранившая свободу, часть мозга Рея. Часы? Здесь? ЕГО часы, которые у него отняли атланты в самом начале его невероятного приключения. Значит... Значит, это Красная Мантия с того корабля.

Рука с часами сделала непонятный жест. Боль взорвалась в голове Рея, и он упал от удара, нанесенного воином, подошедшим сзади.

* * *

Рей лежал в темноте, на твердой и такой холодной поверхности, что от холода и сырости у него болели кости. Он хотел поднять руку, чтобы ощупать пульсирующую болью голову, и услышал скрежет металла, почувствовал рывок за запястье, предостерегающий его от попыток двигаться.

— Проснулся наконец, друг? — раздался в темноте голос. Казалось, прошло долгое время, пока эти слова приобрели какой-то смысл для Рея. — Я уж думал, что здесь лежит пустой каркас, а ты удрал...

— Кто... кто ты? — Рей взглянул в направлении, откуда звучал голос, но в кромешной тьме ничего не было видно.

— Такой же, как ты, пленник, ожидающий развлечений Хроноса! Пусть его кости сгниют раньше плоти и его душа, навеки бездомная, воет в ветрах!

— Ты мурiec? — Рей попытался немного приподняться, но снова упал, потому что боль в голове усилилась и стала нестерпимой.

Человек издал короткий смешок, хотя в этом мрачном месте смех был явно неуместен.

— Нет, я атлант по рождению, но не друг ни Хроносу, ни его приближенным. А ты?

Рей замялся. Кто он? Подсадка? Может быть.

— Я приехал из Му.

Что он мог ответить, не раскрывая большего, что о нем уже знали?

— Что ты имеешь в виду? Это высадка? Война?

— Пока еще нет.

— Но, возможно, скоро будет? Это приятно услышать тому, кто томится здесь уже пять лет.

— Здесь? — Рей не мог поверить. Как мог человек в этой норе определять время или вообще сохранить разум?

— Нет. В этой камере я недавно. В темноте, когда всегда ночь, не считаешь дней. Но еду приносили восемь раз... До того, как меня притащили сюда, я был наверху, где в камеры

приходит день и даже иногда солнце. Однако, что происходит за этими стенами, я не знаю.

— Атлантида выступает против Му.

— Это давно назревало. В течение ста лет жрецы Баала искали магию, которая дала бы им такую возможность. Пять лет назад они приблизились к вершине З. Люди шептались...

— Но как случилось, что ты еще жив?

Снова короткий смехок.

— Храбрый Хронос, видимо, боится за себя — он верит в древние пророчества. Есть такая кровь, которую он не может пролить, пока он не настоящий властелин мира — а это будет нескоро. И он не убьет истинного держателя Трезубца, поскольку давно предсказано, что это наведет на страну ярость моря.

— Что ты имеешь в виду?

— Предполагалось, что линия истинных Посейдонов угасла сто лет назад, но это неправда, потому что дочь последнего Посейдона, не желая принять в мужья человека, выбранного жрецами Баала, бежала в горы, распуслав слух, что умерла. Там она обменялась браслетами с капитаном своей стражи, тоже солнцорожденным, как и она. Я прямой потомок этого союза, и Хронос это знает. Он убил всех солнцорожденных, которых сумел захватить, разрушил храм Пламени, но ударить ножом меня не смеет. Звезды говорят — и даже жрецы Тени об этом знают, — что Атлантида будет существовать только до тех пор, пока в ней есть истинная кровь Посейдонов. Он держит меня под рукой, но убить не может.

— Но ты верен Му?

— А как же иначе? — просто сказал тот. — Я из дома Солнца в Атлантиде, сын не может идти против матери. Хронос не солнцорожденный, это одна из причин, почему он ненавидит их лютой ненавистью. Но теперь я скажу, друг, пусть Солнце подгоняет корабли Му, ибо я не могу поверить, что они будут ждать, пока псы Тени нападут первыми...

— Надеюсь, что они придут, — ответил Рей, но подумал, что он делает в этой ссоре, которая к нему не относится? Ему оставалось только надеяться, что произойдет чудо, которое спасет его от участи, уготованной для него Атлантидой, но сильно рассчитывать на это не следовало.

— Ну, друг, а что насчет тебя? Тебя привели сюда совсем недавно. Ты говоришь, что ты из Му, однако при свете их факелов я разглядел, что ты не похож на жителей Материстраны.

— Меня зовут Рей, и я из Бесплодных земель.

— Разве там организовали колонию?

— Я не из народа Му, но Ре Му даровал мне титул солнцeroжденного, — медленно сказал Ре.

Даровал? Нет, усыпил подозрения Рея и сделал его своим орудием или чем-то еще, для чего чужая воля управляла им здесь. Воля... Рей внезапно осознал, что она ушла от него. Либо ее отогнала сила Красной Мантии, затянувшая его напрямиком в плен, либо ушла сама, потому что он больше не был нужен.

— Бесплодные земли, — повторил его собеседник. — Молчи, идет стража!

Резкий щелчок — и на стене появился овал света. Рей попытался защитить ладонью глаза, когда вошли два стражника с факелами.

— Привет, собаки Хроноса! — крикнул сокамерник Рея. — Как дела? Напали на вас люди Му, или вы еще готовите свою грязную черную магию в надежде, что она защитит вас от стали Му.

Рей повернул голову. Неподалеку от него к стене был прикован истощенный молодой человек, с его веселым голосом не сочетались глубокие складки вокруг рта красивой формы. В длинных черных волосах светилось серебро.

Один из воинов, ворча, поставил на пол флягу с водой и бросил несколько кусков темного хлеба. Его напарник вставил факел в железное кольцо на стене, и оба стражника ушли.

— Хотел бы я знать, что это означает. — Пленник указал на свет. — Замышляют какую-то пакость. В этой тюрьме допрашивают даже камни стен. Хронос ничего не делает без цели. Он многому научился у Мероса. — Молодой человек дотянулся до куска хлеба и передал его Рею. — Ешь, пока можешь, друг. Хронос обожает эксперименты: вдруг он захочет посмотреть, долго ли мы проживем, не имея ни крошки хлеба? Ты назвал себя, позволь и мне сделать то же: я — Уранос. Ешь только половину, — посоветовал он, когда Рей стал жевать безвкусную дрянь, — лучше иметь немного сегодня, чем ничего — завтра. Хронос вынашивает в своем бесформенном черепе какой-то план, не обещающий нам ничего хорошего. Он боится нас, не только потому, что я — это я, ты тоже чем-то напугал его, иначе он не поместил бы нас вместе. Обещание звезд может не спасти меня...

— Я встретил одного человека, капитана рейдера, который клялся, что мог бы взять этот город, если бы имел подходящих людей, несмотря на все стены и каналы, — тихо сказал Рей, не зная, почему ему это вспомнилось.

— Это можно сделать. Стены Хроноса таят в себе секреты. Он обеспечил эти стены такой защитой, что они стали загадкой даже для него.

— Что ты имеешь в виду?

— Комнаты и подземные переходы, где нога человека не тревожила пыль уже целые столетия. Я слышал легенды об этом, и твой капитан, наверное, тоже. А может быть, он знает нечто большее, чем легенды. Если он найдет такой путь, сердце города будет открыто ему. Этот капитан предан Теням или нет?

— Теперь нет, как я надеюсь. Он отплыл с бежавшими мурийскими пленниками на борту.

— Тогда, — улыбнулся Уранос, — возможно, у Хроноса появятся незваные гости. Хотел бы я видеть его лицо, если это случится. Впрочем, я думаю, что и эта ночь будет для него неприятной.

— Почему?

— Я подозреваю, что нас подслушивают и наши слова будут скоро переданы Хроносу.

— Слушают? — Рей воззрился на стены.

— Годы его гостеприимства дали мне острый слух. Это случается не в первый раз. Теперь начнется суматоха, проверка подземных ходов. Шепни предупреждение в ухо труса — и он будет чувствовать, что нож уже втыкается ему в горло. Но здесь сотни переходов, в основном давно заложённых, он все равно никогда их не обнаружит. Так что он будет потеть от страха...

— А что если он найдет правильный ход и поставит там засаду? — Рею подумалось, что его сокамерник чересчур оптимистичен.

— Это уж как захочет судьба, но я почему-то думаю, что этого не случится. Разве можно человеку изменить линии, начертанные на его лбу при рождении, или будущее, предсказанное звездами? Я верю, что буду жить и править здесь...

Помимо своей воли, Рей был тронут искренней верой атланта. Неужели эти люди и в самом деле видят будущее или хотя бы часть его? Однажды леди Айна говорила, что они видят будущее **ВООБЩЕ**, но что их решения могут изменить его.

— Почему ты так уверен?

Уранос посмотрел на него, и взгляд его вдруг стал твердым и пристальным.

— Если ты прошел Первые Мистерии, положенные по твоему возрасту, как ты можешь спрашивать? Что ты за человек? Ты сказал — из Бесплодных земель, солнцeroжденный по милости Ре Му, но не колонист. Кто ты?

— Человек не из этого времени.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я родился в мире далекого будущего и пришел сюда сквозь время. Как и почему — не знаю.

Уранос некоторое время молчал. Рей подумал: поверил бы он сам, если бы такую историю рассказали ему?

— Так значит, наакали тоже послали зов, а ты ответил на него и пришел?

— Нет, я пришел случайно.

И он в нескольких словах рассказал все.

— Но ты, может быть, никогда не вернешься?

— Этого я не знаю. Я даже не знаю, будет ли у меня какое-нибудь будущее через час, через день. Если судить по теперешним обстоятельствам, то, скорее всего, нет.

Уранос покачал головой.

— Быть готовым к беде — это хорошо, но ты пока не отталкивай будущее, мой друг. Давай отвлечемся немного и дадим кое-что послушать тем, кто подслушивает. Расскажи мне о своем мире... Нет, дай я сначала покажу тебе мой... — И он заговорил о своих юношеских годах в горных долинах, о том, как он ловил и объезжал лошадей на равнинах. — Друг, ничего нет в мире прекрасней скачущей лошади, когда ее длинная грива развеивается по ветру, а копыта бьют, как военные барабаны. Моряки говорят о кораблях, охотники о лосях, а мое сердце полно лошадьми. Не я ли вел Огнедышащего к победе пять раз! Расскажи... — сказал он после паузы, но тут же сделал резкий жест в сторону двери. — Опять идут, — сказал он шепотом.

И Рею показалось, что вошла какая-то злая тень, затуманила свет факела и нависла над ними.

Глава 15

На этот раз в сопровождении стражников появился жрец.

— Приветствую тебя, брат Тени, — обратился к нему Уранос, в то время как стражники отделяли их цепи от колец в стенах. — Чего ради слуга Баала вздумал беспокоить нас?

Жрец перевел взгляд с Рея на Ураноса и пристально взгляделся в него. Рей подумал, что никогда не видел столь холодных и оценивающих глаз. Жрец, не отвечая Ураносу, сказал стражникам:

— Выводите их.

Им было трудно держаться на ногах. Короткие цепи так стягивали щиколотки, что при ходьбе сводило мышцы спины

и бедер. Толчки стражников погнали спотыкающихся пленников в узкий коридор.

— Они считают нас могучими героями, — заметил Уранос. — Видишь, брат, послали восемь воинов и жреца, чтобы вывести нас!

Если он пытался задеть атлантов насмешкой, то стражники не обратили на это внимания. Наоборот, солдаты плотнее окружили их и заставили идти быстрее за торопящимся жрецом. Они шли вверх и вниз по темным переходам. И Рей подумал, что эта крепость похожа на гигантскую паутину с Хроносом в центре. Затем они вошли в более широкий и лучше освещенный коридор и остановились перед металлическим занавесом.

Стражники двигались неохотно, не сводя глаз с занавеса. Рей догадался, что они были очень недовольны, когда их послали сюда. Жрец положил правую руку на завесу, и она открылась. С явным облегчением воин толкнул Рея следом за Красной Мантией, другой так же толкнул Ураноса.

Два ожидающих жреца схватили их цепи с ловкостью, свидетельствовавшей о долгой практике, и Рей не успел оглянуться, как его руки были крепко стянуты цепью за спиной.

— Вперед! — скомандовал жрец, который привел их.

Они прошли через пустую комнату в другую со стенами цвета засохшей крови. В комнате было единственное широкое кресло, вырезанное из куска черного камня, не слишком удобное с виду. Но сидящий на нем, по-видимому, чувствовал себя так же хорошо, как Хронос на своих подушках. Там восседал Мегос. У него был пресыщенный, но хищный вид, как у грифа на бойне.

Он улыбался, если легкий изгиб его тонких губ можно было назвать улыбкой, и чуть наклонился вперед, чтобы лучше слышать то, что шептал ему на ухо третий жрец. Но когда его глаза остановились на пленниках, подобие улыбки превратилось в широкую, злобную ухмылку.

— Итак, милорд солнцерожденный, ты все-таки пришел ко мне, — сказал он Ураносу. — Помнишь ли ты прошлую встречу, когда я говорил тебе о воле Баала, а ты отказался меня слушать? В тот день ты сам отрезал себя от будущего, Уранос. Ты жалеешь об этом?

Уранос высоко поднял голову.

— Мегос, ты считаешь себя сыном Баала на Земле. Интересно, согласна ли с этим Тень? Я убежден, что ты играешь свою роль так же старательно, как любой рожденный от плоти и крови, потому что иначе такое Зло не могло бы войти в твой мозг. Если ты собираешься снова умолять меня...

— Умолять тебя? — ТЕБЯ? — Верховный жрец засмеялся

холодным тонким смехом. — Мегос не просит дважды. Да теперь это и не имеет значения. Теперь ты послужишь для другой цели.

— Это уж как решит Солнце. Будущее постижимо только в храме...

— В гробнице Баала...

— Не думаю. В этом городе все еще стоит другой храм.

Улыбка Мегоса исчезла. Глаза его горели.

— Пламя давно погасло. Ты платишь долг...

— А я скажу тебе, Мегос, что в конце концов платить придется тебе. И это будет такая оплата, какой еще не видел мир.

Лицо Ураноса изменилось, и можно было поверить, что он заглянул в будущее и прочел там достаточно, чтобы высказать это не как угрозу, а как пророчество.

— А ты не считаешь, что ты насекомое, на которое слуга Баала может наступить сандалией и даже не заметить, что раздавил? Смеешь ли ты говорить так со мной — властелином мира под Тенью?

— Что если Хронос услышит твои слова, Мегос? Он ведь считает себя властелином мира.

Улыбка вернулась на хищное лицо жреца.

— Хронос? Что такое Хронос? Когда дело будет сделано, орудие можно выбросить или сломать, и, когда я найду нужным, я растопчу Хроноса в пыль, в ничто. Не думай обращаться к Хроносу.

Теперь засмеялся Уранос:

— И я опять скажу, Мегос, Хронос может не согласиться с твоими словами. Я думаю, ему передадут их, и тогда ночью в твоей спальне может оказаться гость со стальным клинком, знающий, как пользоваться им бесшумно.

Но Мегос продолжал улыбаться.

— Это все неважно и, уж конечно, не касается тебя.

— Тогда зачем ты послал за нами, сын ямы?

— Как всякий человек, я иногда развлекаюсь. И меня интересуют азартные игры. Мой друг Конт, — он кивнул на жреца, который что-то шептал ему, — бился со мной об заклад на любопытное кольцо из Уйгура, которое, по слухам, дает его владельцу какие-то странные силы, из-за вмешательства которых я не смогу в течение семи дней сохранить живым человека, который подвергнется в лаборатории некоторым изменениям. Я горжусь ловкостью своих работников и желаю выиграть это кольцо. Вот я и подумал обо всех пленниках в этих стенах и выбрал тебя...

Ураноса нельзя было сломать, но он был достаточно потрясен, чтобы сказать:

— Дьявол!

— Так меня называли и другие, прежде чем они прошли в ту дверь. — Верховный жрец указал на отверстие в дальнем конце комнаты. — Но позднее они благословляли меня, когда я даровал им смерть — много, много позднее. Ты силен, Уранос, и этот парень выглядит таким же. Я думаю, что выиграю заклад.

Он встал, и ледяные когти жреца, стоявшего за Реем, вцепились в его плечи, толкая вперед. Мегос сделал два шага, повернулся и сказал:

— Теперь я истинный сын Тени. Мне пришло в голову, что, может быть, Баал скажет свое слово. Вы оба сделаете выбор между черным и белым камнями. Тот, кому мой господин пошлет черный, выиграет мой заклад, а тот, кому достанется белый, подождет некоторое время. Да, так будет правильно.

Он засмеялся, и другие жрецы вторили его смеху. Конт взял чашу и демонстративно положил в нее два камня, черный и белый. Мегос поднял руку.

— Положи два белых. Если выйдут они, я буду знать, что Баал желает этих людей для себя. Воля Тени — наше высшее желание. Конт будет тянуть за Ураноса. А Пат-Тен — за чужеземца. Тяни, Конт.

Мегос взял чашу и поднял ее выше уровня глаз жреца. Рука Конта нырнула в чашу и раскрылась, показав на ладони белый камень.

Пат-Тен бросил свой камень на пол, и он подкатился к ногам Рея. Он тоже был белым.

Мегос прервал молчание:

— Наш господин сказал. Пусть все будет по его воле.

Жрецы хором повторили его слова. Но Рей задумался. Не иначе — какой-то трюк. Почему Мегос сначала угрожал, а потом отступился? Может, и в самом деле выбор камней случаен, а Мегос достаточно суверен, чтобы не пренебречь им, поскольку уверен, что сам Баал вел руки жрецов?

— Уранос, — верховный жрец подошел ближе, — что ты предпочитаешь: алтарь и нож, или... — он сделал паузу: — ...объятия Преданного?

— Не имеет значения, как именно солнцeroжденный воин встретит смерть, раз он сделает это под Пламенем. Умирает тело, а не дух. И в смерти я побеждаю, как ты знаешь, тех, кто выбрал тропу Тени. Алтарь этого дьявола, ты сказал о Преданном...

— Я говорил о дьяволе? — повторил жрец. — Ты употребляешь неподходящие слова, говоря о вещах, о которых мало знаешь, Уранос. Когда Преданный появится, ты будешь

призывать свое Пламя, но оно не придет на твой зов. Тогда ты начнешь умолять о смерти, но она придет в свое время и по своей воле. И ты — тоже! — Верховный жрец в первый раз взглянул на Рея. — Уведите их в храм, чтобы они были под рукой, когда пробьет их час!

Их снова вели по темным коридорам. Иные были так темны, что люди шли как бы через бесконечную ночь. Один раз Рей увидел струйки маслянистой влаги на стенах и скользкие следы, оставленные безымянными жителями этих подземных ходов.

Они поднимались по ступеням все выше и выше, по крайней мере, прошли еще два уровня. Затем вышли в коридор с красными стенами, освещенный факелами, которые были размещены на стенах через одинаковые интервалы, и, наконец, в зал с фресками, которые Рей видел во время своего гипнотического путешествия.

— Мы в храме Баала, — заговорил Уранос впервые после того, как они оставили Мегоса. — Видишь, брат, как господин Тени выставляет свои грязные развлечения перед глазами своих последователей?

Рей лишь мельком взглянул на непристойные изображения и отвел глаза.

— Молчать! — Один из провожатых жестоко хлестнул Ураноса по губам. — Время для болтовни, для воплей и для призыва давно утасшего Пламени еще настанет. Говорят, солнцорожденные не умеют просить пощады. Но это потому, что солнцорожденные еще не встречались с Преданным. Ручаюсь, что ты наконец заорешь так же громко, как последний мурiec, который попал в объятия Преданного, Того, Кто Ползет!

Пленников втолкнули в маленькую боковую комнату, цепи снова прикрепили к кольцам в стене, затем жрецы ушли.

— Какова цель Мегоса? — спросил Рей, когда они остались одни. — Разыграл он с этими камнями или действительно верит, что их выбрал Баал?

— Кто знает? Если разыграл — это не вполне понятно, мне кажется. Хотел бы я знать, что такое этот Преданный.

Рей решил, что не хотел бы этого. Он прислонил голову к стене, и прежние мысли всколыхнулись в нем с былой силой. Зачем накали держали его здесь, в центре вражеской страны? Какова была задача, которую он не выполнил? С тех пор как Красная Мантия вызвал его на набережную, он чувствовал в себе странную пустоту. Ушла сила сама или была побеждена могуществом жреца атлантов?

Зачем он здесь?

Сознание Рея словно отделилось от его тела...

Его окружают холодные, равнодушные камни, он потерял, на этот раз не в лесу гигантских деревьев, но в таком месте, которое он не мог бы описать, где его сознание беспомощно мечется без всякого контроля с его стороны. Да, он потерял, как ничто не могло бы потеряться.

Затем... Его растерзанный, измученный рассудок, подавленный страхом близкого небытия был схвачен... удержан... повлечен в другом направлении... волей!

Рей вернулся в свое тело. Плоть его покалывало, под кожей распространялось тепло, как было однажды от искрящейся воды в мурийской Цитадели. В нем снова твердо укрепились воля, она ожидала — только он не знал, чего именно.

— Брат!

Рей повернул голову. Уранос подкатился, насколько позволяла длина цепей, и пытался коснуться его вытянутой рукой. На лице его читалось изумление и внимание.

— Что с тобой? — спросил он, встретившись глазами с Реєм.

— Теперь все в порядке, — ответил Осборн и почувствовал, что говорит правду. Вместе с волей пришла уверенность в себе. Однако осторожность была необходима.

— Ты... ты словно бы выходил из своего тела, — прошептал Уранос.

— Но я вернулся... И так же... — Он замаялся.

— Да?

— Я думаю... Слушай! — Его голова была по-прежнему прислонена к стене, и ему казалось, что сквозь камень проходит звук, очень глухой и далекий.

Атлант повернул голову и приложил ухо к стене.

— Похоже на морской прибой, — сказал он через некоторое время.

— Что это?

Им не дали долго размышлять: вернулись жрецы и сняли со стенных колец цепи. Когда пленники вышли в большой зал храма, слышанный ими звук стал яснее, резче, как если бы какое-то акустическое устройство здания улавливало и усиливало его. Теперь он превратился в рев. Уранос повертел головой.

— Это... Это битва! — выкрикнул он вдруг.

«Му? Но каким образом? — спрашивал он себя. У Матери-страны явно не могло хватить времени, чтобы собрать армию и привести ее прямо в центр вражеской страны. Но может ли он быть уверен в этом?»

— Это хорошо. — Уранос взглянул на жреца, державшего его цепи. — Хорошенько смотри теперь за крыльями своей Тени, брат ямы. Когда танцует Пламя, все тени пропадают.

А Мать-страна, очищая землю, никого не оставит, чтобы при-крыть вашего темного бога...

Жрец снова ударил Ураноса.

— Баал не взлетит, как перо на ветру. Преданный заставит тебя забыть обо всем, кроме тебя самого, и скоро!

Уранос сплюнул кровь с разбитых губ.

— Позаботься о себе. Теперь собираются духи убитых! Ты думаешь, они не ведут своих мстителей, не кричат на ваших улицах о конце правления Баала? Говорю тебе! Пятистенный город исчезнет с лица Земли, и даже имя его не сохранится в памяти людей. Баал снова должен будет искать яму, из которой он выполз, и те, кто служил ему, будут поставлены перед Светом, которого они боятся больше, чем меча. То, что вы вызвали, станет не слугой, а хозяином, прежде чем его вернут в его собственное место!

Он говорил без угрозы, но с уверенностью, как пророк, полностью убежденный, что знает ближайшее будущее.

Жрец снова замахнулся, но не ударил: рев несколько утих, и теперь они слышали топот, словно кто-то бежал по коридорам. Жрец в бронзовых латах и со шлемом на сгибе локтя поспешно выбежал из-за колонн.

— Мурийцы... — выпалил он. — Они потопили наши корабли у входа в гавань и сделали так, что две горящие галеры вклинились во флотилию. На севере они высадили другую армию, и пастухи на равнинах присоединились к ней. Мегос велел тебе отвести эту падаль к пирамиде, чтобы показать мурийцам, что сила, которую мы можем выпустить, пожрет их.

«Вот зачем ты был послан!» — сказала воля в Рее. Он был частью битвы, в которой должен быть оружием.

Рей слегка успокоился и смирился с этой мыслью, пока жрецы подгоняли его и Ураноса вперед. Люди, одетые наполовину в жреческие одежды, наполовину в воинские, сомкнулись вокруг них и вытащили из храма.

Они слышали грохот, видели огонь за стенами и каналами, он распространялся из порта. Улицы города были заполнены солдатами, так что отряд из храма шел медленно. Все испытывали шок — Рей чувствовал это. Атланты не ожидали этого удара. Как мурийское войско сумело появиться здесь так быстро и так неожиданно? Видимо, мурийцы захватили своих врагов врасплох и закупорили атлантов в их же собственном городе.

Похоже, уже рассвело, но небо было мрачным от темных туч. Один из стражей обратил на это внимание пленников.

— Видите, ваше Солнце закрыто. Баал натянул на нас защитное покрывало в день битвы!

Уранос столкнулся с Реем, и Осборн заметил, что тот глубоко дышит, с жадностью втягивая в легкие загрязненный городской воздух. Затем Рей вспомнил, что его собрат по плену долго не выходил из камеры, для него этот воздух был свежим и давал ощущение свободы.

— Нас ведут к западной стене. Вот пирамида, — заметил Уранос.

Это было сооружение из чередующихся красных и черных блоков, очень темное под мрачным небом. Наверху была квадратная платформа, возвышающаяся на несколько десятков футов над примыкающей к зданию стеной. На платформе стояла небольшая группа людей, ожидавшая пленников.

Лестница наверх была очень крута. Рей дважды оступался, но стражники подхватывали его и волокли вперед.

Рядом с Мегосом на платформе стоял Хронос в золотой парадной мантии, без шлема и доспехов. Хронос не взглянул на пленников, когда их почти втащили на платформу: он грыз ногти на коротких пальцах и смотрел вдаль — не на дым и огонь над гаванью, а на далекие, низко спускавшиеся тучи. С невероятной скоростью по ступеням поднялся офицер.

— Грозный, — отрапортовал он, — вошедшие в город из разрушенного храма снова оттеснены назад.

Хронос повернул голову. В уголках его толстых губ виднелись белые пятна слюны. Глаза были дикими и, казалось, не видели ничего вокруг. И Рей понял, что этот предполагаемый властелин мира умирает от страха!

— Убить! Убить! — визжал он. — Пусть будет кровь и пожар, чтобы никто не ушел! Не возвращайтесь, пока не принесете их головы — каждого и всех!

Офицер проходил мимо Рея, и Осборн заметил, что лицо его искажено и измучено, словно известия, принесенные им, были плохими и он рапортовал о поражении, а не о победе.

Хронос опять смотрел на тучи, откуда шел звук, напоминающий то далекое бормотание ужасного, яростного прибора, который Рей слышал в храме и который был не злобой моря, а грохотом великой битвы.

Мегос отдал приказ:

— Поставьте их к столбам и привяжите покрепче.

Платформа, на которой они стояли, была окружена крепкими столбами, бывшими на несколько футов выше Рея и Ураноса.

Мегос подошел проверить, как привязаны пленники, и обратился к Хроносу:

— Все готово, Грозный. Прикажешь начать?

Его манеры внешне были раболепны, но за ними таились

презрение и злоба. Хронос неохотно оставил свой наблюдательный пункт. Его пальцы были прижаты к колыхающемуся брюху, словно его грызла боль. Но он все-таки нашел в себе силы для насмешек над Ураносом.

— Ха! Истинная кровь умрет — Атлантида падет — не так ли говорили древние? Но те, кто говорил, не знали Преданного! — Он посмотрел на Рея. — Сидик из Уйгура, если ты тот, кого наакали вызвали из другого мира, то мы сейчас увидим, на чей зов откликнулись более могущественные силы. И я думаю, что ты слабее, поскольку Федурсумел вызвать тебя, творя магию с вещью, бывшей когда-то на твоём теле. Это доказывает, что ты не из страшных Потусторонних Существ, с которыми мы имеем дело. Так что стань пищей для более сильного и этим помоги ему привести сюда своих родственников.

Кое-что из сказанного им имело смысл, но далеко не все. Похоже, атланты знали или догадывались, кто он, и думали, что он является средоточием неведомой силы — но разве это правда? Рей пытался вновь войти в контакт с волей, державшей его, но ответа не получал.

— А те, вдали, — Хронос махнул рукой, — могут ясно видеть?

— Да. У них есть стекла для дальновидения, и они навешены на нас.

— Тогда начинай. Чего ты ждешь? Или это опасно для нас? — Посейдон отступил к лестнице.

— Нисколько, Грозный. Преданный не обернется против своих хозяев. Приготовить их для объятий!

Стражники подошли к Рею и сдернули с него рваную тунику, расплосовав ее так, что он остался голым до пояса. Один достал свой кинжал и сделал два разреза крест-накрест на груди Осборна. Выступила кровь. Разрезы были неглубокие, и Рей не мог догадаться о их цели. Точно так же был отмечен и Уранос.

— Уходите! — разрешил Мегос, и стражники-жрецы проворно ушли с этого зловещего места. Хронос отодвинулся к самому краю платформы. Было ясно, что, несмотря на заверения Мегоса, Посейдон не хотел приближаться к своему главному оружию.

Мегос держал коричневую чашу такой грубой выработки, как будто ее только что слепили из грязи. Он бросил в нее кусочки слабо тлеющих углей, взятых из жаровни. Поставив чашу между столбами, он раздул угли и бросил на них горсть черного порошка.

Заклубился коричневый дым, такой зловонный и едкий, что Рей закашлял и по его щекам потекли слезы. Казалось,

все нечистое и мерзкое в городе собралось в горсти порошка, брошенной в огонь.

Дым рассеялся, но тошнотворный запах еще висел в воздухе. Хронос спустился на одну ступеньку лестницы. Но Мегос улыбался, и Рей подумал, что если останется жив, то всю жизнь будет помнить эту улыбку.

— Зло не торопится отвечать на твой зов? — спросил Уранос. — Пока ты сотворил только страшную вонь. Что дальше, Мегос?

— Смотри перед собой, Уранос. Как раз сейчас Тот, Кто Ползет, идет за нашими жертвоприношениями, и запах может взбудоражить его настолько, что он откроет дверь всей своей родне! — ответил жрец.

Рей смотрел на камень, на который указал жрец. Там была какая-то странная тень. И она росла! На его глазах она обретала форму и плоть, как будто вытягивала материю из камня, на котором покоилась. И, увеличиваясь в объеме, она приобретала плотность. Она больше не была тенью.

Глава 16

Весь мир сузился до этой тени, которая не была уже тенью. Жирные бока раздувались все больше, голова раскачивалась — на этой голове не было и следа глаз, она качалась и качалась, словно пытаясь уловить какой-то звук. Затем появились черно-зеленые рога, меняя контур головы. Ног не было, но внизу раскрылась зияющая пасть, которая ритмично сжималась складками и разжималась, колыхалась и вздрагивала; два щупальца с язвами присосок непрерывно шевелились. Существо, в основном черного цвета, было испещрено тусклыми и ядовито-зелеными пятнами. Вонь от него шла непереносимая.

«Гигантская улитка, но без раковины, слизняк», — подумал Рей.

Само по себе существо не вызывало тошноты, оно вызывало лишь брезгливость.

Мегос вышел вперед, и то ли на звук его шагов, то ли на его голос голова чудовища повернулась. Длинная шея вытянулась, рога сильно заколыхались.

— Ищи свою жертву! — скомандовал жрец. — Кровь капает, чтобы вести тебя. Ищи свою добычу.

Существо подняло голову выше. Рей хотел закрыть глаза, но не смог. Одна-две секунды — и порезы на теле его и Ураноса приведут к ним существо.

Рога продолжали колыхаться в разные стороны, как бы улавливая запах крови. Затем существо опустило голову и сгорбилось, как улитка в движении. Плавно, как поток грязной воды, оно заскользило к пленникам.

Оно выбрало. Рей это видел. В этот момент его ужас был так велик, что парализовал его — потому что выбран был он, Рей. Продвинувшись немного, существо скорчилось, припав к полу. Рогатая голова снова поднялась, проверяя запах. Вонь была ужасна. Рей уже хотел, чтобы существо поторопилось — скорей бы конец. Но оно ждало, как будто наслаждаясь, в предвкушении пиршества, отвращением и страхом жертвы.

Затем оно снова двинулось, и от него нельзя было скрыться. Скрыться нельзя... А что можно? То ли Рей Осборн подумал сам, то ли чужая воля шевельнулась в нем. А если... Что «если», он не знал, но отчаянно ухватился за это «если», как человек, попавший в зыбучие пески, хватается за нависшую над ним жалкую ветку. Он почувствовал что-то такое в себе, что могло помочь борьбе.

Черное... Ползучее существо из Мрака... Чернота. Чем бороться с черным? Если... Светом! Белые стены храма в Му, белые мантии наакалей, белое... Пламя! Но ведь огонь красно желтый... Нет! Белое Пламя слепящей чистоты. Белое! Ему, Рею, грозила смерть, и не только ему, а всему человеческому роду! Он собрал всю волю, все силы и приготовился к защите. Белое Пламя!

А существо из бездны боялось Пламени — Рей почувствовал, что оно приостановилось, ощутил вспышку его недовольства, которая и вызвала задержку. Голова задергалась из стороны в сторону. Теперь существо прервало молчание — Рей услышал тихий жалобный звук. Да было ли это вообще звуком?

Пламя... Вспыхивающее Пламя, оно движется и создает стену перед этим существом. Оно здесь — Рей реально видел его теперь — белое Пламя, которое могло бы спалить ему глаза, но не касалось его. И воля в нем росла и крепла... Так вот почему... Он был инструментом, через который на чудовище воздействовала чужая воля! Он не думал об этом, борьба целиком захватила его.

Существо снова немного осело, и его жалобный писк перешел в визг. Страх... Страх чудовища возрастал! Рей должен воспользоваться этим страхом, как укротитель зверей пользуется хлыстом, чтобы предупредить нападение. И он как кнутом хлестал чудовище своей мыслью:

— Назад, безымянное Зло, назад в мир, где тебе положено жить! И сюда, в этот мир, не возвращайся! Назад, в грязь, принадлежащую тебе!

Но существо не отступало, а лежало на прежнем месте, качая головой то в одну сторону, то в другую, как будто билось о стену. Рей понял, что Мегос держит существо, используя свою силу, и толкает его вперед. Рей дрогнул. Преданный сгорбился,

двинулся. Пламя... Пламя было здесь...

И снова улитка остановилась. Раздался злобный вой. При-
нуждаемое Мегосом существо все качалось, крик его стал громче. Но на этот раз Рей выдержал натиск. Надолго ли его хватит?

Молчаливая борьба продолжалась. Мегос и его создание Мрака старались найти какую-нибудь лазейку в защите Рея, и это безмерно утомляло его. Он устал. Существо двинулось, остановилось, двинулось снова.

— Брат, отдай ему мое тело! — услышал Рей слабый, далекий голос. — Отдай ему мое тело, и выиграешь время...

— Нет! — Рей собрался с духом. Он дрожал от усталости и чувствовал, что только цепи, прикованные к столбу, удерживают его на ногах. Преданный полз...

— Вперед! — командовал Мегос.

— Назад! — приказывал Рей.

Шум... Крик...

Защита Рея была прервана. Преданный прыгнул. Американец попытался восстановить барьер, но опоздал. Щупальце скользнуло по его телу, присоски жадно впились в кровавые порезы. Рей сжался, но не мог вырваться из этого мерзкого объятия.

Пламя, Пламя... Но здесь не было Пламени, способного остановить обезумевшее от жажды крови существо. Рей еще не сдался! Он требовал от воли накалей помощи и поддержки.

Он высоко поднял голову.

— Приди, — говорил он этой воле. — Будь сейчас со мной!

И если она сделала его слугой и оружием, то теперь, перед лицом ужасной смерти, он отринул это. В него вливалась, после минутного, видимо, от растерянности, сопротивления, сила, какой он никогда еще в себе не чувствовал.

Отвратительная плоть, давящая на него, дрогнула. Медленно, причиняя мучительную физическую боль, щупальца отпали, чудовище неохотно, сопротивляясь, отползло назад. Мегос ослабил свое давление. Он слишком поздно увидел, что случилось.

— Пламя! — Рею казалось, что он выкрикнул это вслух. Это был его собственный приказ воле, которой он овладел. — Пламя!

И оно снова появилось. Пляшущее, ослепительное Пламя.

— Держись! Люди Му поднимаются по лестнице!

Ничего не значащие слова. Во всем мире для Рея существовало только Пламя, сотворенное из мысли, его нужно держать, держать, держать...

Преданный крутился, шипел, но отступал от Пламени. С лестницы слышались крики.

— Держись! — снова воскликнул Уранос. — Продержись еще немного, брат!

Мегос был в отчаянии. Рей чувствовал, что мощь жреца угасла. Мегос был силен, может быть, очень силен, но если он и победит, ему сначала придется выдержать бой — настоящий бой...

Верховный жрец метался по платформе, его мысли, резкие и быстрые, как удары молний, били по ужасному существу. Преданный отступал, корчился, извивался, вновь полз вперед...

Пламя уменьшилось. Не дух Рея, но его тело устало. И снова щупальца сомкнулись вокруг него.

— Рей! Рей! — кричал кто-то.

Рей пытался призвать волю, но ее не было больше...

Белый огонь... Опять Пламя? Рей поднял голову. Нет, только луч, коснувшийся рогов Преданного. Преданный корчился. Щупальца отпали, раздирая плоть Рея. В голове его гудело, он видел все как сквозь туман.

Зазвенела сталь, и Рей упал, освобожденный от оков. Кто-то

подхватил его и бережно опустил на пол. Рей увидел расплывающееся лицо. Че... издалека и из очень далекого прошлого... Че...

— Пре... Преданный... — Рей хотел предупредить и подумал, что его слова — всего лишь едва слышный шепот. Но голубые глаза поняли, губы искривились в улыбке, холодной, как зимний шторм.

— Смотри, брат. — Мурiec поднял руку. В его ладони был кристалл, вспыхивающий радужным светом. Из его центра вырвался луч белого света. Че снова направил его на рога существа и оттолкнул ползуна назад, потому что тот не мог увернуться от луча.

Мегос стоял позади, лицо его исказилось, утратив все человеческое — его сила — Рей чувствовал это — была направлена на них, на Преданного. Но чудовище вышло из-под его контроля.

— Дьявол! — взвизгнул Мегос.

— Пьющий кровь, — ответил Че. — Посмотри теперь на этого зверя. Я думаю, он голоден. Когда вы его вызываете,

его, наверное, нужно как-то кормить? Смотри — вот расплата!

Преданный, как бы потеряв терпение, бросился, но не на мурийца, а на жреца. Его щупальца обвились вокруг Мегоса. Жрец вырвал одну руку и стал отталкивать отвратительное скользкое тело. Его кинжал погрузился в черную кожу, но, извлеченный, не оставил на ней и следа. Преданный ел....

Голова Рея упала на руку Че. Он сам был слишком близок к такому концу, чтобы смотреть на это теперь. Но муриец не отвел глаз и, когда чудовище наконец хотело повернуться в поисках новой жертвы, Че ударил его лучом.

Раздался визг. Че продолжал поддерживать Осборна. Затем муриец поднял кристалл в последний раз.

— Готово, — сказал он. — Теперь мы уничтожим исполнителя.

Рей снова взглянул. На камне лежала растрепанная кучка грязных лохмотьев — все, что осталось от жреца. Над ним распростерлось чудовище и тихо пело. Рей почувствовал его удовлетворение, как раньше чувствовал ярость Мегоса.

Свет превратился в острый луч. Создание перестало петь, и его удовлетворение сменилось недовольством и тревогой. Оно визгливо завывало. Луч изменил цвет: из белого стал розовым, а затем красным. Потом он зарыбил, как если бы подпитывался из невидимого источника.

Преданный извивался, корчился, его визг стал так высок, что человеческое ухо уже не воспринимало его. Затем существо стало таять. Контур его тела расплылись, из-под него медленно вытекала черная лужа. В воздухе стояла тошнотворная вонь.

Че все еще направлял луч на корчащийся ком. Создание еще раз сделало отчаянную попытку защититься: голова его поднялась, тело напряглось, оно как бы собиралось броситься на мурийца, но свет крепко связывал его.

Так оно и погибло, бесформенное тело превратилось в зловонную лужу, которая тоже была истреблена лучом. Затем на платформе раздались крики, им вторили с улиц внизу.

— Город пал, — сказал Че. — Жители побросали мечи и просят пощады. А теперь давай осмотрим твои раны, брат.

Другой муриец опустился на колени возле Рея. Знакомое лицо... Ну да, это был предводитель освобожденных им пленников!

— Ты? Значит, Тейн выполнил обещание?

— Конечно, лорд, больше того... — начал тот, но Че покачал головой.

— Потом расскажешь. — Он наложил мазь на раны

Рея. — Теперь завернем тебя в плащ и отнесем на руках к наакалям как можно скорее.

— Лорд, — заговорил один из мурийцев, держа руку на плече Ураноса. — Как насчет этого атланта?

— Че, — Рей собрал все оставшиеся силы, — это настоящий Посейдон Уранос. Тоже их пленник. Выслушай меня...

— Мы освободим его.

Рея завернули в плащ. Вторгшийся сюда отряд был невелик — восемь мурийцев и четверо дико выглядевших людей, наверное, с корабля Тейна. Уранос опустил на колени перед Реєм.

— Высший воинский салют тебе, товарищ. И спасибо тебе, что ты вспомнил обо мне. Вон атланта взяли — не думаю, чтобы нашелся хоть кто-нибудь, кто заступился бы за него.

Рей посмотрел в указанном направлении: два мурийца связывали руки Хроноса.

— Он пленник...

— Да. Его держали здесь ненависть и трусость. Он хотел быть свидетелем нашего конца и боялся битвы внизу. Теперь его игра проиграна, и я думаю, он не обрадуется тому, что последует за этим.

Рей слушал с сонной отрешенностью. Мазь, наложенная Че на его раны, уняла боль, и он чувствовал себя странно легким и опустошенным. Воля снова ушла — на этот раз, как он считал, с благой целью. Все вокруг было неясным, словно нереальным. Он остался жив, Преданный — кем бы он ни был — исчез, взяв с собой Мегоса. А Хронос сам стал пленником.

— Похоже, нам на некоторое время придется остаться здесь. — Че вернулся от лестницы. — Идти по улицам сейчас пришлось бы с боем: отдельные группы отчаянных не хотят сдаваться. — Он присел на пятки возле Рея, снял с руки черный браслет и надел на вялую руку американца. — Это было, в каком-то смысле, нашим ключом к городу.

— Как?

Прикосновение браслета произвело на него удивительное действие. Он снова ясно и четко стал видеть мир.

— Капитан Тейн привез его, и мурийцы говорили за него. А Тейн знал внутренний город и ходы в нем и провел отряды.

— Как я и говорил, — прокомментировал Уранос. — Здесь были секреты, о которых Хронос ничего не знал и которые не исследовали даже Красные Мантин.

— Но... — Рей погладил браслет пальцами другой руки, — каким образом войска Му могли оказаться здесь так быстро?

— Спроси Ре Му, спроси наакалей, спроси тех, кто считал,

что мы слепы и не подготовлены к опасностям. Легионы Уйгура вышли с востока, а наш Флот из Майякса. А я, воспользовавшись своим правом, плыл с Тейном в авангарде.

— Каким правом?

Че удивился.

— Как — каким? Разве ты не мой брат по мечу? Ре Му сказал, что ты уже на службе в Красной Стране, значит, и я должен был идти туда. Я думаю, мы поставили рекорд. Смотри, — он показал красные волдыри на ладонях, — даже офицеры садились на весла, когда было нужно. Тейн командовал, я, по сравнению с таким опытным в рейдах капитаном, всего лишь первогодок-меченосец. Он знает это побережье лучше всех. Однажды его преследовало сторожевое судно, от командира которого он не сумел откупиться, и вот Тейн случайно натолкнулся на очень интересное место. Это был узкий проход в утесах, такой небольшой, что нельзя было и думать, что он приведет куда-нибудь. Но там оказалась полоска мели и пещера, а в ней туннель, видимо, прорубленный в незапамятные времена. Туннель шел под городом к нижним помещениям Храма Пламени... Мы высадились там ночью. Один отряд остался ждать Флот, чтобы провести людей. Тейн клялся, что сыны Тени так надеются на свои стены и каналы, что будут уже практически побеждены, когда мы появимся в самом центре города. И я думаю, он был прав. На заре мы захватили одну Красную Мантию, и он, кажется, принял нас за духов убитых солнцерженных, потому что откровенно сказал нам, что Мегос собирается вызвать Преданного и хорошенько накормить его. Природа этого чудовища такова, что он может в этом случае привести из своего собственного мира других таких же чудовищ, и перед таким оружием мы не устоим. Мы думали, что это случится в храме Баала, и стали пробиваться туда. Только позднее мы увидели, что происходит здесь, и поняли свою ошибку. В стенах действовали легионы Уйгура и с ними те атланты, которым никогда не нравилось правление жрецов Великого Мрака. Сопrotивляющихся выбивали с одного участка за другим, а в это время через проход в храме в город входило все больше людей...

— А это? — Рей указал на кристалл.

— Изделие наакалей, но у них таких всего несколько штук. Этот был послан мне как раз перед тем, как я вошел в проход. Нас предупреждали, что мы должны очень близко подойти к чудовищу и только тогда пользоваться кристаллом. Но, Рей, мы видели дважды, как это создание зла отступало, а ведь ты был прикован и безоружен!

— Я был уверен, что никто не сможет сделать такого, а

он сделал! — вмешался Уранос. — Он отогнал этот ползучий ужас своей волей и не подпускал его близко.

— Нет, — сказал Рей, все еще поглаживая браслет, прикосновение к которому как будто связывало его с этим местом и временем, — я сделал то, что было в меня вложено: я вызвал Пламя...

— Пламя? — спросил Че.

— Белое Пламя, — повторил Рей, снова впадая в странное состояние отрешенности.

— Неумирающее Пламя, — сказал Че. — Но... но это не для человека, потому что человек не может смотреть на него! Истинно, щит Матери-страны поднялся над тобой!

— Когда-то это Пламя горело в святилище алтаря в этом городе, — сказал Уранос.

— Но этого никогда не будет снова, — ответил Че.

— Что ты хочешь сказать? — спросил атлант.

— Ре Му приказал: после того, как город будет взят, полностью разрушить его, чтобы и название его не сохранилось в людской памяти. Потому что здесь открыли ворота между двумя мирами, которые никогда не будут родственными. Нельзя, чтобы Преданный и его родичи ходили тут свободно.

ДВА МИРА... НИКОГДА НЕ БУДУТ РОДСТВЕННЫМИ. Эти слова привлекли внимание Рея.

— А народ? — быстро спросил Уранос. — Что будет с жителями этого города?

— Те, кто несут Зло, должны пожать плоды своего Зла и расплатиться за него. Остальные будут высланы в глубь страны. А флот Атлантиды исчезнет из морей мира.

— Равнины внутри страны богаты, там царят спокойствие и мир, — заметил Уранос. — Может быть, величие снова придет к нам.

— Говорят, что так будет, — печально согласился Че. — Потому что с течением времени Мать-страна падет. Впоследствии Атлантида будет править сушей и морем. Хронос мечтал добиться этого сейчас, но так случится в далеком будущем.

— И это время тоже пройдет...

Че кивнул.

— Тоже пройдет.

— А что придет потом?

— Поднимутся новые страны, и среди них твоя, Рей.

— Долгое время, очень долгое, — сказал Рей. — Много стран, много правителей. Вавилон и Крит, Египет, Греция, Рим и многие другие. Даже в мое время мир все еще разделен на множество стран и наций, и все они время от времени воюют.

— Война против Баала и Тени кончена навсегда. — Че встал и снова пошел к лестнице.

— Теперь, пожалуй, можно идти, — сказал он, вернувшись. — В храм.

Рей попытался сесть, но не смог, он закрыл глаза, в то время как его каким-то образом спускали по лестнице. Дважды им пришлось отбивать небольшие атаки, пока они дошли до разрушенного храма. Боль снова вернулась к Рею. Каждый шаг людей, несших его на импровизированных носилках, отдавался в его груди. Но, наконец, они пришли под разбитую крышу, и один из наакелей поспешил к ним. Рея опустили на ложе из множества циновок и мурийский жрец начал осмотр.

— Как он? — спросил Че.

— Поправится. Возвращайся к своим обязанностям, сын мой. Твой брат по мечу в безопасности.

Рей вздрогнул.

— Да, это больно, — кивнул жрец. — Но такие раны должны быть хорошо очищены...

— Я знаю тебя, — тихо сказал Рей. — Ты ждал в коридоре со светом, до того... до того...

— До того, как ты отправился в это путешествие, — закончил за него жрец. — Да, это правда.

— Воля...

— Не моя, — ответил жрец. — А теперь отдыхай с миром. В свое время ты все поймешь. Спи...

Это был приказ, и палец коснулся лба Рея, как бы ставя на этот приказ печать. Рей уснул.

• • •

— Все установлено. — Бартон посмотрел на склон покрытой снегом земли, ведущий к кургану. — Но это лоскутная работа. Мы не можем ничего обещать, надеюсь, вы это понимаете.

— Вы повторяли это так часто, что мы вынуждены понять, — проворчал Харгрейв. — Что делаем дальше?

— Теперь мы повысим напряжение и будем держать установку наготове пять отрезков времени, — ответил Фордхейм. — Начинаем с часа, затем уменьшаем. В последний раз она продержится примерно пять минут. Мы составили график попыток на дальнейшее. Если поисковый луч сможет привести Осборна, то Осборн найдет дверь открытой все следующие семь дней — по пять минут. После этого нам придется перезаряжаться некоторое время — может быть, месяц. Это уж как повезет.

— Игра, просто игра, — прокомментировал Харгрейв.

— Игра, да, но отнюдь не простая. Это игра в самые сложные эксперименты, какими мы когда-либо занимались. Простая игра... Стрелять в луну — школьное

упражнение по сравнению с ней, — возразил Бартон.

— Когда вы сделаете первую попытку? — спросил молчавший до сих пор генерал Колфикс.

— Точно в четырнадцать часов пять минут. Затем мы открываем ворота и держим их час. Бартон активизирует прибор-искатель в соответствии с уравнением.

— А затем — просто ждем, — сказал генерал как бы про себя.

— Ждем, — откликнулся Фордхейм.

— А может быть, — добавил Харгрейв, — нам придется ждать вечно.

Глава 17

Рей приподнялся на локте, чтобы оглядеть главный зал разоренного храма. Часть кровли была разрушена и открывала ночное небо, светящиеся стержни, вставленные в скобы, освещали каменные блоки, служившие теперь мурийским военным столами и стульями.

— Как ты себя чувствуешь?

Рей оглянулся через плечо на подходившего наакаля.

— Лучше.

Жрец улыбнулся.

— Ты устал от наших забот и хотел бы встать и уйти? — Его пальцы коснулись запястья Рея, проверяя пульс. — Вероятно, если я не позволю тебе этой глупости, ты поступишь по-своему. — Он хлопнул в ладони, и человек в белой тунике храмового слуги принес одежду.

С его помощью Рей надел мягкую кожаную тунику поверх повязок, которые обертывали его, как мумию, от подмышек до талии. Слуга предложил еще куртку с металлическими полосами, но без нагрудной пластины. Ее жрец отверг жестом.

— Она тебе не понадобится, а вес ее слишком велик для тебя сейчас.

— Где Че? — спросил Рей.

— Сейчас он на посту у западных ворот.

— А город?

— Город сдался, держится только внутренняя часть дворца. Стража, увидев, что Хроноса взяли, бросила оружие. Сра-

жаются только жрецы Баала и те, у кого достаточно причин сознавать, что никакой пощады от нас им не будет.

— Рей! — Че быстро прошел через зал и остановился, оглядывая Осборна с головы до ног. — Отлично: готовый воин. Но у тебя нет меча. Может, этот — я недавно отнял его у капитана стражников. — Он протянул Рею пояс с мечом в ножнах, рукоять меча сияла узором из рубинов.

— Ну вот, уже лучше. Ты должен быть готов.

— К чему? Наакаль сказал, что сражение окончено.

— Не для битвы, нет. На заре в город войдет Ре Му. Весь город, кроме внутренней части дворца, теперь в наших руках.

— А Хронос?

— Его сторожат меченосцы из личной охраны Великого. Ре Му желает видеть тебя.

«И я желаю его видеть», — подумал Рей. У него есть вопросы, только неизвестно, получит ли он когда-нибудь возможность задать их. Ощущение нереальности охватило его снова. Он смотрел и слушал, но не участвовал ни в чем. Даже прикосновение к браслету не объединяло его больше с миром, в котором он был только зрителем.

Он был вместе с Че, когда Ре Му вошел в Пятистенный город. Рей видел большую военную колесницу Солнца, запряженную фыркающими конями, даже скопировал военный салют Че, приветствуя Императора, и вышел с мурийцем вперед, когда правитель поманил их.

— Я вижу вас, милорды, — официально приветствовал их Ре Му, когда они преклонили колено на пыльной дороге.

Че поклонился и ответил, как положено:

— Мы твои, Великий, со всей нашей силой и преданностью.

Но Рей смотрел прямо в далекие синие глаза. Ре Му тут же прочел его мысли и знал, что Рей не будет повторять это и что его внешний вид, демонстрирующий уважение, всего только уважение традиции.

— Я думаю, никто и никогда так хорошо не послужил Солнцу, милорды, — сказал император. — Приходите ко мне через час.

— Слушаем и повинуемся, — ответил Че.

Они встали, а колесница покатила дальше.

Слышать и повиноваться, да, Че слышит и должен повиноваться. А Рей должен получить ответы... Он пошел с Че за королевской процессией в центр города. Жители собрались в центре своей полуразрушенной столицы.

Как ни старались мурийские отряды навести какой-то порядок и очистить переулки от толпы — все дороги были забиты. Че обратился к уставшему офицеру.

— Мы вызваны к императору. Как мы пройдем?

Офицер только развел руками.

— Только не здесь, солнцержожденный. Идите по дальним улицам, даже по крышам, но не спешите...

Че внял совету, пошел боковыми улицами, а где и по крышам, и в конце концов они снова добрались до храма.

— Где Уранос? — спросил Рей, когда они дошли до цели и он, усталый и больной от усилий, прислонился к стене.

— Не знаю. Он пошел к Ре Му ночью. Если он тот, за кого себя выдает... — Че замолчал, потому что толпившиеся здесь солдаты и офицеры подались назад, на платформу, поспешно устранивая трон. Блоки храма были составлены вместе и задрапированы блестящими военными плащами. Ре Му сел судить город. Вокруг него стояла масса людей в полированных, украшенных драгоценными камнями доспехах, и кое-где, как бы для контраста, виднелись простые белые мантии наакалей, а по правую руку императора, на более низком каменном блоке сидел наакаль Уча. Он чуть наклонился вперед, словно был близорук и ему трудно было разглядеть, что происходит.

Когда Че и Рей смешались с воинами, раздался резкий и требовательный грохот четырех военных барабанов, стоящих на ступенях трона. Когда их звук затих, смолкло и подобное прибою бормотание толпы внизу.

Лицо Ре Му было бесстрастно, однако почему-то казалось, что он видит не просто множество собравшихся здесь людей, но каждого человека в отдельности, как индивидуума, которого он собирается судить. Рей наблюдал, как люди в ближайших рядах опускали головы, смотрели в сторону, но в конце концов поднимали глаза, как бы по приказу, которому не могли не подчиниться.

Рука императора чуть-чуть поднялась, пальцы сомкнулись на рукояти обнаженного меча, стоявшего между его коленями и упирающегося острием в треснувший и грязный камень под его ногами. При этом жесте один из воинов отступил на шаг со своего места слева от правителя. Рей узнал его: это был Уранос.

— Люди Атлантиды. — Голос Ре Му звучал так же повелительно, как барабаны, — Жившие под плащом Тени...

Переполненная площадь заволновалась. Люди падали на колени, поднимали руки — одни униженно, другие неохотно.

— Прости... — послышалось что-то вроде рыдания, которое затем усилилось.

— Некоторые вещи не могут быть прощены. Смотрите,

выбравшие Мрак, на пятна, оставшиеся на этих стенах, и вспоминайте, каким образом они появились, чтобы нести такое кровавое свидетельство против вас. — Меч императора поднялся, и отблеск восходящего солнца пробежал по его лезвию. Острие указало на стены, где солнцорожденные города нашли свой конец.

— Мы делали, как нам приказывали, Великий. Прости нас!

— А я скажу вам: люди, имеющие сердце, должны были уничтожить любого, кто отдавал такие бечеловечные приказы. Поздно в день суда прятаться за приказами, которые были Злом, и говорить: «Я делал, что прикажут». В каждом человеке от рождения заложено понятие о Добре и Зле, и каждый день, каждый час он выбирает то или другое. Пусть он выбрал Зло из страха, слабости, и будет судим, когда настанет последний день. Когда ваши предки пришли в эту страну, им были даны два сокровища, чтобы они смотрели на эти вещи и помнили о справедливости. — Снова блеснул меч и указал на колонны, все еще закрытые пыльными рваными тряпками. — Смотрите, они теперь скрыты от ваших глаз, полных позора, ненависти и страха, потому что вы не смеете смотреть на то, что так открыто предали. Таким образом вы вычеркнули символы справедливости и правосудия, выбрав символы Тени, а некоторые последовали за ней даже в бездну. Итак, этот город должен быть стерт с лица земли — кровь смывает кровь. Не такой ли род справедливости вы понимаете лучше всего, люди Атлантиды?

— Пощады... пощады...

«Это плач женщин и детей», — подумал Рей, потому что не видел, чтобы мужчины в толпе открывали рот.

— А кого пощадили вы, люди Атлантиды? Подумайте об этом! Нет, город будет уничтожен, как если бы его вовсе никогда не было — с наступлением ночи. А вы, сделавшие его вместилищем нечистот? Что делать с вами?

Настала тишина, только кое-где вскрикивали женщины или дети.

— Да, вы сделали этот город оплотом Зла! Видите, храм Солнца лежит в руинах, в то время как храм Баала гордо возвышается. Докажите мне, люди Атлантиды, что вы не должны погибнуть вместе с вашим городом!

— Пощады, Великий! Не ради нас, а ради детей наших, — с мольбой прозвучал один голос.

— Слушайте мои слова: есть разное правосудие и разные суды. Вы слабы и глупы, но Зло было воспитано в вас — в большинстве из вас. Оно проявилось не во всех одинаково. Поэтому я говорю вам: уходите из этого города, ничего не

взяв с собой, кроме того, что вы можете нести в руках из пищи и одежды. И будьте за воротами до захода солнца — иначе высшая кара настигнет вас.

Уранос встал на колени перед Императором.

— Великий, это мой народ. Позволь мне уйти с ним и вести его, пока он не сможет построить новый город...

— Уранос, в прошлом они отвернулись от твоего дома, отбросили правление людей твоей крови, чтобы взять себе вождя по своему выбору — опять-таки между Добром и Злом — и сделали этот выбор свободно. В Матери-стране тебя ждет почет и подходящая служба. А ты говоришь здесь, в этом месте, где кровь твоих близких все еще пятнает стены перед твоими глазами, что желаешь вести этот народ?

— Великий, ты много говорил о выборе в этой жизни и о результатах такого выбора. Хотя я солнцерожденный, я из этой страны, я делю ее с этим народом. Так что мой долг — идти с ними, и это свободный выбор. И я приму все, что он мне принесет.

Меч Ре Му поднялся высоко в воздух, опустился и слегка коснулся правого и левого плеча Ураноса. Затем Ре Му повернул лезвие к себе и протянул ему рукоять, а Уранос поцеловал ее.

— Слушайте хорошенько, люди Атлантиды! — вновь заговорил император. — Я ставлю над вами такого вождя, какого у вас не было с тех времен, когда здесь была прекрасная, чистая страна. Он из солнцерожденных, но так же и из Атлантиды, атлант из атлантов, а не иноземный завоеватель. И я говорю вам: дорожите им, повинуйтесь ему и будьте верны ему! Уранос, Посейдон Атлантиды, клянись ли ты создать еще раз жилище Пламени, вести свой народ в Свет, воюя с Тенью и всеми ее легионами, держать закон и справедливость под Солнцем, быть мечом и щитом для Матери-страны в час ее нужды?

— Клянусь в этом на Пламени за себя и за свой народ, Великий.

Он второй раз поцеловал рукоять меча Ре Му, встал и повернулся лицом к людям, ожидающим внизу.

Они молчали, но, когда их новый вождь спустился по ступеням храма, стали проталкиваться вперед. Некоторые пали на колени и целовали его руки, край плаща. Окруженный людьми, он еще раз повернулся к трону, находившемуся теперь над ним.

— Мы повинемся приказу, данному нам, и к заходу солнца мы уйдем, — сказал он.

Толпа на площади вновь заволновалась, и Рей подумал, что люди готовятся разойтись. Но еще раз загремели бараба-

ны, и это остановило всех. В наступившей тишине Ре Му заговорил снова:

— Люди Атлантиды, вы пришли на суд. Теперь вы тоже будете судить. Что вы хотите сделать с этим человеком?

Мурийцы у трона расступились, и мимо них прошел отряд стражников. В середине его был Хронос, белый, с дергающимся лицом, с трясущейся головой. Стражники почти тащили его.

В толпе раздался такой рев, что Рей попятился. Он слышал и читал о ярости толпы, но никогда не видел ничего подобного. Эти люди были на свой лад так же ужасны, как Преданный.

— Отдай его нам, Великий! — раздался вопль сотен и тысяч глоток.

— Что ты скажешь, Хронос? Справедливо это? Ты желаешь этого?

К удивлению Рея, свергнутый Посейдон опустил все еще дико дергающуюся голову.

— Да, — ответил он. Была ли у него какая-то надежда убежать, или он сошел с ума?

Ре Му кивнул.

— Ты выбрал. Да будет так.

Когда мурийская стража отступила, толпа хлынула волной и Хронос исчез. Ни крика, ни звука, только какой-то водоворот в толпе — и больше ничего. Толпа рассеялась, растекаясь с площади. Ре Му встал со своего импровизированного трона и ушел в храм с наакалями, окружившими его. К Че и Рею подошел офицер.

— Великий желает видеть вас.

Они пошли в ту часть храма, где камень был еще больше изрублен и изуродован. Видимо, подумал Рей, это был когда-то центральный алтарь. Там стояли Ре Му и Уча. Император сначала заговорил с Че:

— Ты просил пост наивысшей опасности, солнцержожденный. И ты хорошо поработал. Твоими руками было уничтожено порождение Зла, вызванное из другого мира. Что ты требуешь в награду?

— Ничего. Я выполнил свой долг.

Ре Му улыбнулся.

— Ничего — это ответ юности и мужества, он лежит в утре жизни. Но твоего «ничего» не достаточно. Для тебя — Змея, а после тебя она будет принадлежать твоим сыновьям и сыновьям твоих сыновей. Подойди.

Че встал на колени у ног Императора. Ре Му отцепил от своего военного шлема кольцо разящей змеи и насадил его на шлем Че, в то время как окружающие его воины подняли вверх обнаженные мечи.

— Ты, — обратился он к Рею. — Ах, да, у тебя тоже есть, о чем спросить нас. Нет, ты имеешь право требовать, поскольку ты не добровольно брался за это дело, и выбор был сделан за тебя.

— Да, — коротко ответил Рей.

— Ты не нашей крови, эта война не твоя. В момент наивысшей опасности для нас мы выковали из тебя оружие и воспользовались им. Подумав, ты согласишься, что это было правильно. Я много говорил о выборе и его результатах. Мы выбрали использование иноземца, доверившегося нам, и это было злым деянием. Но для этого у меня единственный ответ: мой выбор лежал между благом одного человека и гибелью всего моего народа. Мы не могли дотянуться до этой страны: ее слишком хорошо охраняли барьеры, не только видимые для людей, вроде стен и воды, но также и те, которые воздвигли Мегос и его ученики, барьеры эти удерживали любого человека нашей крови, рискнувшего идти сюда. Я думаю, ты оценил их силу, когда тебя в конце концов захватили. Поскольку ты не один из нас, у тебя есть некие врожденные предохраняющие силы, какие мы не можем надеяться развить у себя. И вот мы вложили в тебя то, что могло открыть двери. Ты был ключом, причем единственным у нас.

— Даже к Преданному? — спокойно спросил Рей. Он не встал на колени, как Че. Он смотрел в глаза человеку, правящему большей частью мира, и этот человек уже не вызывал в нем благоговейного страха.

— Даже к Преданному, — согласился Ре Му. — Это только первый разведчик, если хочешь, той армии, которую Мегос хотел выпустить на нас, он тоже был ключом, потому что каждый раз, когда его вызывали и кормили, у него крепили связи с этим миром. Со временем он привел бы сюда весь свой род, а может быть, и кого похуже, поскольку место, из которого его вызывал Мегос, чуждое и враждебное нам. И мы не знаем, какие ужасы могут скрываться в этой бездне. Так что ты был приманкой, чтобы вытащить его, пока еще был шанс разделаться с ним и закрыть ворота. И я говорю: за всю нашу историю не было человека, так хорошо послужившего Матери-стране, как ты, иноземец. Не было ни одного человека, который когда-либо мог встретиться с таким Злом и удержать его, лишив сил на расстоянии. Не в моей власти полностью вознаградить тебя, потому что говорить о вознаграждении — значит преуменьшить то, что ты сделал. Но проси, чего желаешь...

— Верни меня в мое время, — попросил Рей.

Ре Му долго молчал. Затем медленно сказал:

— Все наше знание, какое есть — твое. Можно ли это сделать — я не знаю. А что если нельзя?

— Не знаю. Знаю только... — Рей в свою очередь замялся, затрудняясь выразить словами свои ощущения. — Я не из этого времени. Может быть, я не смогу вернуться, но попытаться должен.

— Да будет так!

Рей отступил назад, и Че с ним. Лицо мурийца было печально.

— Ты... ты ненавидишь нас, брат? Из-за того, что тебя заставили сделать? Я не знаю, что это было, но вижу, когда в человеке поднимается злоба...

Рей не чувствовал ничего, только опустошенность, странный дискомфорт, словно он не участвовал более в жизни, а лишь существовал в каком-то безразличном для него месте. С тех пор, как он был освобожден от воли и видел смерть Преданного, он был всего лишь наблюдателем. И стать реальным снова...

— Нет у меня никакой ненависти, — сказал он. — Только усталость. Я устал...

— А если ты не сможешь вернуться? — Муриец протянул руку, но не коснулся Рея, как будто тоже чувствовал выросшую между ними преграду и понимал, что даже рукопожатие не объединит их.

— Не знаю...

Рука Че опустилась, но он по-прежнему шел рядом с Реем, время от времени поглядывая на него. Рей действительно устал и шел теперь в то место храма, куда его принесли для лечения. Там он вытянулся на ложе. Че лег рядом на куче плащей и быстро уснул. Но Осборн, несмотря на усталость, не мог заснуть. Он закрыл глаза и пытался — да, на этот раз ПЫТАЛСЯ увидеть деревья, молчаливый лес.

Ре Му предлагал ему все, что он пожелает. Можно попросить корабль. На корабле плыть на север, а там пересечь равнину и попасть в сумрак леса, в то место, через которое он вошел в этот мир. А что, если он еще раз встанет на то же самое место, и ничего не произойдет?

Он услышал шорох и открыл глаза. Уча, выглядевший очень старым и усталым в своей белой мантии, которая казалась более материальной, чем хрупкое тело в ней, стоял и смотрел на него.

— Ты был той волей? — сказал Рей.

— Я был той волей — частично, — признал наакаль и добавил: — Но воля была меньше, чем ты думаешь, потому что — ты, может быть, и не поверишь — сила за этой волей была больше чем наполовину твоя.

— Но я не хотел...

— Выполнять наши приказы? Да, это тоже верно. Но подумай: среди нас не найти такого, как ты. Ты другой, сложный по нашим меркам, потому что ты жил другой жизнью, о которой мы ничего не знаем. Но сейчас, я думаю, ты уже не тот, каким был, когда шагнул из своего времени в наше. Кузнец берет металл из огня и бьет по нему: он остужает его, снова нагревает и обрабатывает. И в конце концов он держит в руках совсем не то, что вначале.

Рей сел. Его раны под повязками побаливали, но эта боль почему-то успокаивала, делала его причастным к этой жизни, а не только сторонним наблюдателем.

— Ты хочешь сказать, что эта перемена может оставить меня здесь?

— Эта мысль, возможно, приходила на ум и тебе, мой сын, потому что я больше чем уверен — ты не тот же самый человек, который пришел к нам. Возможно, эта перемена началась сразу же, как только ты вышел из своего мира, а такие процессы идут в рост. Значит...

— Значит, я должен быть готов к неудаче. Очень хорошо, что ты предупредил меня. Но желаешь ли ты также помочь мне?

— Да, всем, что мы имеем, всем, что мы знаем.

— Не здесь, — сказал Рей, — не в Му, а на севере...

Уча удивленно посмотрел на него:

— На севере? В Бесплодных землях? Но у нас там нет храма, нет места, где мы могли бы заняться изучением...

— Я знаю только, что пришел с севера и туда должен вернуться. И это должно быть скоро, я уверен, или не будет вовсе.

Уча наклонил голову.

— Да будет так.

Он поднял руку с утолщенными синими венами и начертил в воздухе знак.

— Пусть твой ум отдыхает и твой мозг дает легкость твоему телу, потому что не сегодня и не завтра, и, может быть, не через многие завтра мы сможем помочь тебе на этом пути. А до тех пор пребывай в мире и покое.

И Рей, улегшись снова на ложе, обрел ожидаемый сон без сновидений, отдых, который не смели тревожить ни тени, ни воспоминания.

На закате солнца он стоял за городом с Че и теми грубыми мореплавателями, которые провели мурийских воинов в цитадель. Последние из жителей города тянулись через внутренние ворота, собравшись семьями, в долгий путь вперед и вперед, под охраной конных воинов равнин, в то время как в городе обыскивался каждый дом — не остался ли кто? Уже в сумерках последние мурийцы вышли за ворота. Когда они

достигли холмов, лучи света вылетели с мурийских кораблей и откуда-то с побережья. Когда эти лучи встретились, раздался треск сильнее громового удара, земля затряслась, так что многих наблюдателей сбilo с ног. Крутящиеся ветры подняли тучу пыли и понесли к темнеющему небу.

— Храм Баала! — Че схватил Рея за плечо. — Смотри на храм!

Угрюмое красное строение все еще оставалось целым. Лучи снова сблизились, теперь уже целясь в это одиночное здание. Но когда они исчезли, здание по-прежнему стояло. Тогда с самого неба, как если бы орудия разрушения были подняты вверх некоей природной силой, упал яркий ослепляющий свет. Звук удара оглушил Че и Рея, а когда они снова смогли что-либо видеть, храм исчез.

В этот момент у Рея возникло любопытное ощущение, которому он не мог поверить, которое не мог объяснить и даже рассказать о нем впоследствии: ему показалось, что он видел черную тень странно наклоненной фигуры с человеческим телом и бычьей головой, тень улетела в ночь, распростершую над ней плащ мрака.

Когда мурийцы направились к своим кораблям, из медленно двигавшейся процессии беженцев вырвался всадник. Уранос наклонился с седла и сказал Рею:

— Друг, я не забыл. Все, что у меня есть — твое, только спроси. Так же будет и с нашими сыновьями и внуками. Если понадобится — позови, и я приду хоть на край света. А теперь я должен идти со своим народом. Но помни, брат...

Рей схватил его руку:

— Между нами нет долга. Иди с миром, свободно...

Пальцы Ураноса стиснули его руку, затем разжались, и всадник ускакал. Рядом с американцем теперь стоял только Че.

— Корабли ждут, и Мать-страна тоже.

И они пошли к берегу.

Глава 18

— **З**десь тебя посадить? Ты уверен, что это то самое место? Рей понимал сомнения капитана Тейна: на этом пустынном берегу не было никаких ориентиров, все участки этого побережья были одинаковы, но Рей был уверен.

— Именно здесь, — твердо повторил он. Ничто не могло порвать нить, которая, как он чувствовал, влекла его с настойчивостью, усиливающейся по мере приближения к Бесплодным землям.

«Домой в Мать-страну», — говорил Че два дня тому назад. Но Рей знал, что не вернется туда. Как он говорил Уче, есть только одна дорога, и она ведет на север. А Тейн, плавающий теперь под новыми знаменами, отслеживая уцелевшие корабли атлантов, плывал по Северному морю и согласился высадить Рея там, где тот пожелает.

Капитан рейдера плотнее запахнул плащ. Дул холодный ветер, похожий на дыхание зимы, которая, как Рей знал, должна была скоро начаться в этой части света — теперь он видел белые пятна на отмели — следы снега.

— Мы будем плавать поблизости. Когда ты захочешь, чтобы тебя подобрал, дашь световой сигнал.

Рей кивнул.

«Этот сигнал, — думал он, — вероятно, никогда не будет дан. Надо заставить Тейна понять это».

— Я могу вообще не вернуться, — сказал он. — Я иду искать свой народ.

— Говорят — не задавай вопросов, не услышишь вранья, — ответил Тейн. — Ну-ну, у каждого свои секреты. Здесь нет колонии, только дикие места и всякое такое, с чем не слишком приятно встречаться. Здесь крейсировали корабли атлантов, и некоторые из них могли теперь стать пиратами. Бывают здесь и преступники. Иди осторожно, воин, и все время держи руку на рукояти меча! А мы будем ждать твоего сигнала.

— Если ты не увидишь его в течение пяти дней пльви по своим делам и не ищи меня больше, — твердо повторил Рей.

— Договорились. Но что я скажу, когда вернусь? Что я высадил тебя в диком месте, отпустил без эскорта и бросил здесь одного? Думаю, мне не избежать вызова на бой на мечах, если я скажу такое, особенно, встретившись с солнцeroжденным Че, которого ты надул, сбежав от него на борт моего корабля с приказом на руках.

— Скажи ему, пусть спрашивает у наакаля Учи. Тот знает, что я должен делать.

Рея сжигало нетерпение. Он готов был прыгнуть в воду и плыть к берегу. Но Тейн, похоже, решил, что достаточно потратил времени на споры: он отдал приказ, и лодка повезла Рея к берегу. Тот выскочил там на омытый волнами песок, повернулся и поймал сумку с провиантом, которую бросил ему рулевой.

Рей не стал ждать, пока лодка вернется к кораблю.

Ветер и волна поработали над песчаными дюнами, но камни для сигнального костра были неподалеку. Да, Рей не ошибся. Здесь был лагерь атлантов, когда Рея взяли в плен. Пора идти.

Рей спрятал сумку с продуктами за камнем. В ней было только самое необходимое, и Рей не рассчитывал, что когда-нибудь еще увидит ее. Он пошел вперед, двигаясь так уверенно, словно его ноги шли по хорошей, гладко вымощенной дороге.

Через некоторое время он подошел к оврагу, где лежали добела очищенные кости лося, поднялся наверх. Перед ним была темная стена леса. Солнце в этот день было скрыто тучами на холодном мрачном небе, и мороз чувствовался сильнее.

В лесу было темно, потому что, несмотря на наступление зимы, не все листья с деревьев облетели, и темный шатер все еще нависал над головой. Под подошвами его высоких сапог был мшистый ковер, зелень которого только слегка была тронута коричневым. Когда Рей смотрел вдаль, он видел только мрак. Это был тот самый часто повторяющийся сон о лесе и о том, что, может быть, скрывается там, чтобы встретить его. Однако это был его путь, и свернуть с него он уже не мог. Здесь не было воли, господствующей над его страхами и желаниями, как это было в Атлантиде, но он чувствовал острую необходимость идти вперед, к тому месту, где он прошел сквозь время. Раньше это только снилось, только беспокоило его, но теперь с каждым шагом это становилось все сильнее, так что он не мог больше сопротивляться, даже если бы хотел.

Кожаная куртка и рубашка, которые он когда-то носил, исчезли. Теперь на нем была туника из шкуры, выделанной до мягкости ткани, военная юбка, отделанная металлом, а поверх перевязанной груди — латы. Талию обвивал пояс, меч в ножнах бился о бедро, это сильно меняло его внешность. Он мимолетно подумал, что скажут люди его времени, когда увидят его. Может быть, его одежда придаст некоторую достоверность его фантастическому рассказу?

Не обращая внимания на царапины, Рей продрался наконец через подлесок на опушку настоящего леса и побежал по проходу между деревьями. Бежал он в панике: найдет ли он ту самую точку прорыва времени? Во всяком случае, его продолжало тянуть вперед, и он начал думать, что это работает какое-то вызывающее устройство.

Он снова бежал, на этот раз в лес, а не из него, как тогда. Вперед... вот... сейчас...

— Что-то движется! — Бартон сбросил наушники.

Они видели на экране чужой мир: гигантские деревья, край лесной поляны. Харгрейв оглянулся на остальных собравшихся и подумал:

«На самом деле они не верят в удачу. Пока не верят, несмотря на фильм, на снимки. В это нельзя поверить, пока не увидишь своими глазами!»

— Сообщите мне показания приборов! — резко сказал Бартон трем ассистентам. Каждый назвал цифры своих координат, и Бартон, нахмурился, подстраивая прибор-искатель.

— Дальберг! Повторите!

Один из ассистентов повторил данные. Бартон быстро записал, протыкая ручкой бумагу блокнота. Морщины на его лбу углубились. Он подвел итог, резким движением перечеркнул и написал ниже новый ряд цифр.

— Что это? — спросил генерал Колфикс.

Бартон нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины.

— Кемпбелл, попытайтесь... — Он продиктовал новую формулу соседу справа. Пальцы того коснулись кнопок, показания изменились. Бартон сгорбился, наклонился к маленькому видеозкрану, повторяющему сцену на большом.

— Продержится десять минут, — сказал Фордхейм.

Бартон оглянулся.

— Может не хватить. Мы поймали его — или кого-то — лучом. Держите дольше.

— Тогда придется взять энергию из резерва. И мы можем потерять возможность другой попытки в ближайшее время.

— Но я же говорю, мы поймали его.

— Вы сказали — его или кого-то? — снова заговорил генерал. — Минуту назад вы говорили не так уверенно.

— Мы вообще все делаем на основе предположений, опираясь на уравнение, выведенное на основании малого количества сведений, — ответил Бартон. — Естественно, мы должны предполагать какие-то варианты. Ну вот, мы сделали упор на мозг, и кто-то идет, отвечая лучу. Не думаю, чтобы мы могли поймать что-то другое, кроме нашего человека. В своих расчетах мы руководствовались тем, что знали об этом человеке, и только о нем.

— Но вы все-таки не уверены. — Генерал взял со стола маленькую рацию и отдал приказ.

— Омелл, предупредите своих людей. Хватайте любого, кто появится в известной точке. Пусть его приведут сюда через две минуты после того, как вы его поймаете.

Фордхейм посмотрел на свои циферблаты.

— Даю вам шесть минут. Он близко? — обратился он к Бартону.

— Меньше мили. Я же сказал — берите энергию из резерва!

«Деревья на экране — просто невинная картинка», — думал Харгрейв.

Вдоль индейского кургана были расставлены люди, готовые броситься на того, кто стремится обратно в свое время или... Это Рей Осборн или еще кто-то. Человек с человеческим мозгом, иначе луч Бартона не поймал бы его в ловушку, не захватил бы, но их ли это человек, или другой, чьему родному миру принадлежит этот страшный лес?

Рей споткнулся о выступавший корень, вытянул руки, чтобы удержаться на ногах, и, наткнувшись на ствол дерева, вцепился в кору. И вдруг дерево... растаяло! Он опять споткнулся и упал на одно колено. Тени закружились вокруг него и над ним в диком танце. Впереди маячила большая тень — куча земли... курган, индейский курган.

Рей с криком бросился к нему, но его руки не коснулись земли, хотя он отчетливо видел ее. Вот же он, курган! Рей ударил кулаком по твердой поверхности... Какой поверхности? Его рука прошла сквозь нее, хотя глаза уверяли, что это замерзшая земля.

Он отступил на шаг. Из-за кургана к нему бежали люди, которых он видел менее четко, чем землю. Люди... Он видел их лица, униформу, но как в тумане. Он видел, как они протягивали руки, пытаясь схватить его. Один бросился на землю, чтобы подкатиться под ноги Рею.

— Нет! — услышал Рей собственный дикий крик. Это был конец кошмара, конец, которого Рей не видел во сне и не мог себе представить наяву. Он снова отступил. Тени людей... одна тень подняла винтовку... выстрелила...

— Нет! — снова закричал Рей. В лес, в лесу безопасно. Пусть все вернется, пусть снова вернутся деревья.

Туманные люди и курган, который есть и которого нет... Нет! Не надо!

Дикое возмущение вспыхнуло в нем. И нить, что тянула его назад, в это безумие, лопнула. Деревья... деревья... Рей закрыл глаза и подумал о деревьях. Они возникли в его мозгу, высокие, крепкие, снова ожившие. Пусть так будет, требовал измученный мозг Рея. Вспомни, ты устоял против Преданного, и ты должен устоять теперь, иначе потеряешься в мире теней, где не сможешь существовать. Деревья!

Что-то твердое у его плеча. Не смея открыть глаза, Рей протянул руку и нащупал грубую кору. Он вцепился в нее, стараясь держаться как можно крепче. Дерево! Пот катился

по его лицу. Да, вокруг него деревья, должны быть деревья, а не мир теней.

Наконец он решился открыть глаза. Вокруг были деревья. Но впереди он видел, как через открытую дверь или окно, курган и рядом с ним людей — солдат. Теперь они стали более реальными, но потому только, что были на своем месте, а он — на своем и не пытался больше перейти запретный барьер. Нить, тянувшая Рея, порвалась, и он смотрел теперь на солдат, как на чужаков из чужого и далекого мира.

Так он стоял довольно долго. Затем окно — во времени или в пространстве? — исчезло. Он остался один в лесу. Глубоко вздохнув, он прислонился к дереву.

Что случилось? Он, бесспорно, видел собственный мир. Курган, знакомая униформа солдат были явным доказательством тому. Но пройти он не смог. Видеть, но никогда не коснуться... Придется согласиться с тем, что возврата не будет. Это было страшно, но в данный момент он чувствовал только великое облегчение — он сбежал из этого полумира теней.

— Что случилось? — первым прервал молчание генерал Колфикс.

Бартон все еще вглядывался в экран, вцепившись в край панели и не веря своим глазам.

Фордхейм ответил:

— В настоящее время мы закончили. Приборы сторели дотла. — Он постучал по циферблату перед собой. Стрелки его застыли в неподвижности.

— Вы видели его, — Бартон повернул голову к Харгрейву, — видели?

— Тень... Призрак... — Харгрейв подбирал подходящие слова.

— Он был в латах, — добавил генерал, — и с мечом. Это не наш человек. Или, если это он, что он делал там? И почему не прошел через барьер?

— Не мог, — ответил Фордхейм. — Если это был Осборн, и мы привели его обратно, он больше не принадлежит нашему миру. Когда мы задумали «Операцию «Атлантида», мы изучили кучу теорий. Вы знаете старый парадокс, который всегда цитируют, когда речь заходит о путешествии во времени. Человек может вернуться назад и изменить историю собственной семьи. В результате он может сам вообще не родиться. Мы не собирались проверять это. Но, предположим, Осборн

сделал в том мире что-то важное для истории, вмешался и изменил действие, которое давало ему возможность родиться здесь. Ну и вот — он закрепился там.

Генерал встал.

— Если вы правы, то такая вещь может случиться с любым, кто попытается проникнуть в другое время?

Фордхейм кивнул. Генерал задумчиво вертел в руках свою рацию.

— Я подам рапорт.

— Надо заморозить работы по проекту, — сказал Фордхейм, утверждая, а не спрашивая.

— Заморозить... Может быть, можно хотя бы смотреть туда, но я бы не советовал идти, пока мы не узнаем больше. . много больше.

— А Осборн? — спросил Бартон.

— Если это был Осборн, он, похоже, нашел там свое место. Пока мы не будем знать больше, он останется там, — ответил Фордхейм.

— Я думаю, — сказал Харгрейв, — что ему, может быть, не так уж и плохо, если предположить, конечно, что мы поймали этим лучом именно Осборна. Он ушел туда несколько недель назад, потерялся в незнакомом мире. А вернулся — или наполовину вернулся — в латах и с оружием. Видимо, он вступил в хороший контакт с обитателями того времени и оказался там вполне на месте, раз его снабдили одеждой и оружием. И он — если доктор Фордхейм прав — видимо, выполнял что-то важное. Хотел бы я знать... — он посмотрел на пустой экран, — хотел бы я знать, что это было.

— Ну, — Бартон медленно встал, — этого мы, наверное, никогда не узнаем. Но он находится где-то, куда мы не можем добраться, и он там в безопасности.

— Не где-то, — покачал головой Фордхейм, — а «когда-то», в нигде не отмеченном «когда-то».

Рация в руке генерала щелкнула. Колфикс приложил ее к уху.

— Колфикс слушает, давайте. — Он минуту слушал, затем повернулся к присутствующим с совершенно ошеломленным видом. — Рапорт из Пентагона. Новые земли — одна в Атлантическом океане, вторая — в Тихом. Не поднялись со дна океана, а просто внезапно оказались там, как будто всегда были!

— Атлантида! — прошептал Фордхейм. — Но как... почему?

— Требуйте от вашего компьютера новое уравнение. Мы нечаянно послали туда человека — и получили в обмен два континента. Похоже, мы можем иметь не только это. С но-

выми землями — если они населены и открыты — стоит иметь дело.

— Для захвата, если только они не появились вместе с обитателями, — прокомментировал Харгрейв. — Наверное, стоит сначала хорошенько подумать насчет этого. Возможно, Осборн отныне будет иметь лучший из двух возможных миров!

Высокие деревья, но теперь в них не было ничего, что бы тревожило его, несмотря на тьму. Рей шел легко. Он надеялся, что найдет дорогу назад, на взморье. Чувство безопасности, которое пришло к нему с возвращением деревьев, все еще оставалось. Как будто его побег из призрачного полумира был избавлением от опасности, грозившей не только его телу, но и чему-то большему.

Вернуться назад? Он смирился с этим теперь. Видимо, предупреждение Учи было правильным. Его действия здесь поставили барьер между ним и прошлым или будущим? Когда он понял это и принял, чувство реальности, утраченное им в Пятистенном городе, снова вернулось к нему. Это было правильно — остаться здесь и в этом времени. В конце концов, что могло дать ему его собственное время? Меньше, чем он нашел здесь.

Он вышел из леса и заспешил. Долго ли он пробудет на берегу? До вечера еще далеко. Может, рейдер все еще болтается поблизости и скоро увидит его сигнал?

Теперь Рей бежал, как уже бежал однажды из того же леса. Как сказал Ре Му: «Проси, что хочешь?» Ну вот, теперь Рей знает, чего хочет — укрепиться на этой земле. Сюда придут те, кто захочет поселиться здесь. Это его собственная страна, единственная связь с прошлым — хотя он будет держаться за нее не по этой причине. Бесплодные земли — неправильное название. Они не бесплодные — достаточно посмотреть только на этот лес, на эту равнину! Хорошая страна, и она ждет людей.

Тучи рассеялись, пропустив солнечный свет. Сухая трава на равнине зазолотилась. Бесплодные? Нет! Когда-нибудь здесь будут города, люди...

Рей вздохнул и пошел медленнее. Наконец он вышел на взморье. Несмотря на усталость и боль в ребрах, он полез на скалы за сушняком. Большая куча, достаточная, чтобы поднялся столб дыма, как только в огонь будет брошено немного тростника. Дозорный Тейна должен следить за этой частью берега и скоро увидит сигнал.

Он присел на корточки, достал из поясного кармана зажигательную палочку и раздул искру.

Бесплодные земли... Он подумал о том окне и о тенях за ним. Это было здесь и сейчас. Но что — ЭТО? Оно не имело больше значения для него. Он подбросил в костер побольше тростника и смотрел на темный дым, спиралью поднимавшийся к солнцу, теплomu и ласковому солнцу.

**ПОИСК НА
ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН**

Вселенная вариантов временных линий, контролируемая цивилизацией Врума, была разнообразной и таинственной. Были миры, где человеческий род вымер в результате атомной войны; миры, где Северной Америкой все еще правили ацтеки или там обосновались потомки викингов, и даже такие миры, где человечества никогда не было вообще. Люди, патрулирующие эти параллельные миры, владели самой передовой технологией, а также мощным телепатическим мыслеконтролем.

Патрульный Блейк Валкер не был уроженцем Врума и не владел телепатией вселенной временных линий!..

Глава 1

Местность не нравилась. Не из-за скал, не потому, что эта скалистая пустыня была полна ветра и грозы, но потому, что эти серые, красно-коричневые, известково-белые отложения являлись только одним: голым камнем. И окрашены они были в тусклые, сероватые цвета. Даже морские волны, с постоянным грохотом омывающие подножья утесов, имели сегодня стальной оттенок под тучами собирающейся грозы. Этот мир был полностью чужд той борьбе, что происходила в речной долине внизу: этот мир не имел дела ни с человечеством, ни с животными, ни с птицами, ни с рептилиями, ни даже с простейшими организмами. Здесь не было жизненных спор — это был мертвый камень, но человек в своем неустанном стремлении к новому не обратил внимания на его суровость.

Гроза обещала быть очень скверной. Мэрфи Роган посмотрела на тучи, обратила внимание на сгущающуюся темноту. Как глупо было задерживаться здесь! Но...

Она не встала, а наклонилась вперед из ниши, где сидела, положила лоб на сгиб руки и прижалась плечом к грубой поверхности скалы. Легкое беспокойство переросло в страх.

— Марва! — беззвучно шевеля губами, она посылала мысленный крик этому безжизненному миру. Гул океана мог бы заглушить обычный крик, но не мог помешать зову, посланному от мозга к мозгу. Только... этого другого мозга здесь не было!

Это молчание говорило о противоречии, которое вызывало страх Мэрфи: среди снаряжения, укрепленного на поясе ее комбинезона, было маленькое устройство, тихонько тикающее и сообщающее, что все в порядке, что Марва, на кого оно было или должно было быть настроено, занимается своими обычными делами. Но было ли устройство настроено?

Любое изменение в личной настройке указывало бы на преднамеренное вмешательство. Но что могло быть причиной такого безумного шага? Естественно, что люди в дальней экспедиции при надвигающейся грозе ищут какое-либо укрытие, а не пытаются вернуться в штаб-квартиру. Но расстояние — разумное расстояние — не было препятствием для связи между сестрами-близняшками. А коптер не создан для долгого путешествия по безграничной каменной пустыне.

Личный диск Марвы сообщал, что с ней все в порядке, но Мэрфи не верила этому. Она больше полагалась на собственные ощущения. Однако диск свидетельствовал против нее.

Будь в лагере кто-нибудь другой, а не Айзон Котор, Мэрфи выплакала бы свои печали еще час назад. Но Котор так ясно показал, что недоволен их появлением... Он с радостью ухаживал бы за любой повод, чтобы спровадить сестер обратно на челнок и избавиться от них, поэтому она и не пошла в лагерь. Струсил, потому что если ее подозрения справедливы...

Мэрфи подняла голову. Ее густые красивые волосы были забраны в сетку от ветра, лицо выражало крайнюю степень беспокойства. Она закрыла глаза, чтобы лучше «видеть» внутренним чувством свой отчаянный посыл...

Ее красивое лицо цвета слоновой кости было элегантным и ухоженным, так что здесь среди скал она казалась столь же неестественной и неуместной, как цветок, выросший из камня.

— Марва! — беззвучно кричала она, но ответа не было.

Ее хлестали порывы ветра. Она открыла глаза, когда первые брызги дождя с невероятной силой ударили по камням. Она не могла спуститься с утеса и идти в лагерь, у нее не хватило бы сил противостоять этому ветру и начинающемуся ливню. Желая уйти от наблюдения в лагере, она выбрала место одновременно лучшее и худшее; худшее, потому что она временно пропала и там станут беспокоиться, лучшее — потому что, спрятавшись глубже в нишу, она укроется от дождя и ветра.

Итак, забившись в расщелину, она не видела волн исхлестанного ветром океана или еще чего-нибудь в этом роде за узкой полосой потемневшего неба, перечеркнутого молниями. Судя по тому, что она знала о грозах, ей предстояло просидеть здесь не меньше часа.

— Марва! — позвала она в последний раз. Надежда умирала.

Марва, противница любого порядка, была вне контакта. А диск утверждал, что она недалеко и все хорошо. Значит, диск врал. Но этого не могло быть!

Когда они приехали через перекресток времени на этот Проект, им дали самый тщательный инструктаж, включающий утверждение о необходимости пользоваться приборами для защиты. А Марва, отважная и хотя иной раз пренебрегающая контролем, никогда не была по-настоящему безрассудной. И она не могла пуститься в новые приключения без Мэрфи: они всегда действовали вместе в любом деле. Таким образом, не было решительно никаких причин в мире — в этом или в любом другом из мириадов миров, открытых их народом, чтобы заставить лгать личный диск. Как бы Котор ни злился на сестер, в его интересах было смотреть на них, как на принадлежащих к Сотне. Они были дочерьми Эрка Рогана и путешествовали в поисках знаний с его официального разрешения по тщательно нанесенному на карту перекрестку времени. Если только не... Голова Мэрфи дернулась, ее пронзила внезапная мысль: Ограничители... Марва часто обвиняла ее в подозрительности. Близнецы, они были очень похожи внешне, но разумом, интеллектом, эмоциями различались; обе они были яркими индивидуальностями, а не просто двумя половинами единого целого. Ограничители — партия, требующая, чтобы путешествия по перекресткам времени были поставлены под строгий контроль. Контролировать и наблюдать должен был, конечно, предложенный Сором Ту'Кикропсом комитет — иначе говоря, сам Ту'Кикропс и преданные ему люди. Если бы произошел и был предан гласности какой-то инцидент, это доказало бы опасность исследования перекрестков времени и необходимость строгого контроля — скажем, несчастный случай с членом Сотни или с кем-то из его семьи... У Мэрфи перехватило дух. Нет, Ту'Кикропс не посмеет! Да и как он мог бы вмешаться?

Станция приема в этом мире была в самой середине лагерь. И не было другого транспортного средства, кроме официального челнока. Таким образом, персонал Проекта не мог чувствовать и не чувствовал симпатии к Ограничителям. Эксперименты участников Проекта были бы в первую очередь прикрыты под таким управлением.

Марва...

Гроза яростно бушевала вокруг маленького убежища Мэрфи. Она видела почти такую же грозу в записи в видеотеке штаб-квартиры перекрестка времени. Прошло четыреста — нет, пятьсот лет с тех пор, как народ Мэрфи открыл ворота времени Врума и ушел, но не в прошлое, не в будущее, а в параллельные миры, чья история шла иными путями и отходила все дальше и дальше от варианта истории Врума. От различных решений, поступков, иногда даже от смерти одного-единственного человека миры разделялись, дробясь еще

и еще, создавая беспорядочную путаницу путей времени, и некоторые миры настолько отклонялись от исходного, что их обитатели уже не были людьми. Однако она, Мэрфи, и ее народ людьми оставались.

А этот мир был одним из самых удивительных: в нем никогда не зарождалась жизнь. Вода, камень, дождь, солнце — и никакой жизни, даже растительной. Появился Проект: привнести сюда жизнь или хотя бы попытаться проделать это, контролируя ситуацию. Эксперимент проводила группа известных ученых — двадцать, избранных правящей Сотней. Нет, конечно, персонал Проекта не стал бы подвергать опасности то, что пытался здесь сделать.

Последние несколько дней Марва была беспокойна. Она любила людей. Путешествие по перекресткам времени связывалось у нее с возможностью изучить другие миры и их население. Сестры сделали две такие экскурсии, поклявшись слушаться приказов, и оба раза Марва была разочарована узкими рамками, в которые они были поставлены. В этом мире им давали больше свободы — просто потому, что здесь не было туземцев, перед которыми они по неосторожности могли бы выдать себя.

Пользы от размышлений не было, хотя воображение Мэрфи находило объяснения одно экзотичнее другого, исходя из немногих известных фактов. Но решение было однозначным: как только кончится гроза, Мэрфи отправится к Котору. Она придет и потребует то, чего из осторожности не просила. Приехав, они узнали, что согласие Котора на просьбу Эрка Рогана насчет их приезда было дано крайне неохотно. Она потребует немедленно сообщить... Но кому?

Эрк Роган был в полете по разным уровням, инспектировал базы в параллельных мирах, заверяя Ограничителей в отсутствии пренебрежения правилами, чтобы у них не было предлога найти «противоречия» на следующей конференции. Мэрфи придется искать его на полусотне станций. Можно, конечно, на каждой из них оставить вызов, но это переполнит всю систему перекрестков времени, потому что Мэрфи смела связываться с отцом по линии не иначе, как по очень важному делу.

Кому же тогда? Может, Каму Валту? Она знала Кама с тех времен, когда он только что закончил обучение в Патруле, а их, шестилетних, взяли на Лесной уровень смотреть животных. Владения семьи Кама Валта граничили с владениями Рогана, в не слишком отдаленном прошлом их семьи дважды роднились. И Валт был в этом месяце занят делами на родине.

Да, сообщение Валту, хотя этому тоже удивятся. Только

бы Марва... Мэрфи покачала головой в ответ на собственные мысли, желая отогнать сжимающее ее чувство страха. Она переждет грозу и за это время обдумает, как составить сообщение Валту. А затем вернется в лагерь, предстанет перед Котором и потребует своего права на связь.

Челнок был маленький, но компактный, без новейших приспособлений, конечно, но вполне пригодный для такой рутинной поездки. Блейк Валкер оглядел маленькую кабину. Перед контрольной панелью два мягких кресла, за ними — шкафчик с необходимыми припасами, записывающей аппаратурой, инструментами. Это был самый безопасный метод путешествия по перекрестному времени, какой только могли придумать специалисты. Достаточно большой стаж позволял Блейку делать обычный рейс в одиночку.

В контейнере, втиснутом за кресло, была официальная причина его путешествия-специальное оборудование для Проекта посева жизни в бесплодном мире. Еще ему было поручено неофициально Мастером Патруля Камом Валтом приглядывать за двойняшками Рогана.

Не так давно — до того, как Ограничители подняли голос и их реакционная партия внезапно стала очень значительной, поддерживаемой громадным количеством людей, — путешествие по перекрестку времен было праздником — праздничным «развлечениям» для ответственных групп, экскурсиями для студентов и повседневной работой для торговцев. Но число разрешений сильно сократилось с тех пор, как Ограничители начали свои выступления: никаких развлекательных поездок, кроме как в пустые Лесные миры, ничего такого, что могло бы вызвать инциденты. Но все-таки движение не прекращалось совсем, иначе это опять же сыграло бы на руку Ту Кикросу: он стал бы спрашивать, почему отказывают в разрешении, если движение по перекрестку так уж безопасно? Роган в открытую боролся с ограничением разрешений и уверял, что только это правильный ответ на инсинуации Ту Кикросса. В доказательство он бросил вызов, послав своих дочерей по студенческому разрешению на Проект. Блейк выпрямился. Он разработал собственный дорожный код и проверил его. Теперь он собирался включить систему. Даже опытный мастер-патрульный никогда не торопится с кодированием; требуется сделать три проверки до того, как система будет включена: и тут уж ни один пилот челнока не проявляет нетерпения. Отклонение на долю дюйма может не только вывести челнок не на тот уровень, но и вообще убить пилота, если челнок материализуется в месте, уже занятом каким-либо массивным объектом.

Поэтому Блейк не спешил, сделал три проверки, а затем

уже включил систему. Жужжание, головокружительный крен резкого освобождения от стабильного времени уровня Врума — и путешествие по параллельным мирам началось.

Закрытый в кабине, Блейк не мог видеть эти миры даже в виде теней, проплывающих мимо него. Хотя в первое свое путешествие, когда он преследовал челнок прыгающего по уровням преступника, он видел, как миры ломались, снова возникали и менялись за краем платформы. Он сам пришел из одного такого мира и был вовлечен в дела бригады охотников Кама Валта не по своей воле, а из-за пси-таланта. Они тогда попали в такую бурную игру, что в конце концов бригаде ничего не оставалось, как взять Блейка на Врум, поскольку его врожденный защитный мыслесблок делал невозможным установку фальшивой памяти.

Еще не достигнув совершеннолетия, он потерял тех, кто подобрал его младенцем на улице и воспитал. Чужой всем, он охотно принял дружелюбие людей Врума и предложенную ему профессию патрульного. Кам Валт был уверен, хотя это никогда не было доказано, что он, Блейк, родился в другом, более близком к Вруму мире, как раз перед самым открытием перекрестка времени, когда этот другой мир был полностью уничтожен цепной атомной реакцией. Неужели он один выжил? Возможно, его отцом был какой-нибудь исследователь, который в единственной слабой надежде спасти ребенка отправил его в экспериментальное путешествие. Такое могло быть. Но для Блейка происхождение не имело большого значения. Он был вполне доволен тем, что ему предложили на Вруме.

Пущенная в ход кодовая система действовала независимо от пилота челнока. Он мог рассчитывать примерно на час такого передвижения и спокойно размышлять.

Патрульные надевали униформу только в особо официальных случаях на Вруме. Человеку могло хватить короткой бордовой курки, узких брюк и сапог на молнии на все время службы, потому что он воспользуется этой одеждой всего три-четыре раза. Худощавый, шести футов ростом Блейк был одет сейчас в серо-коричневый комбинезон, какой носили люди, занимающиеся Проектом. В этом комбинезоне его лицо, коричневое от природы, а не от загара, казалось еще темнее. Темно-рыжие волосы резко контрастировали со светлой внутренней отделкой кабины. На нем был пояс разведчика со всевозможными приспособлениями как для защиты, так и для других нужд, на шее висел опознавательный знак.

Пока он сделал три обычные поездки с поручениями: как наименее важный член темпоральной команды. Но он также

служил и связным для контакта с командами, более или менее постоянно живущими на каком-нибудь чужом уровне. Иногда работа требовала для члена бригады пластической операции и технической обработки, которые неузнаваемо меняли его, так что по выполнении задания им приходилось проводить восстановление. Но такие люди были, по крайней мере, двумя ступенями выше остальных и проходили основательную проверку. Они были по-настоящему одаренными. Все те способности, о которых рассказывали сказки родного мира Блейка, были известны патрульным. Левитация, телепатия, телекинез, ясновидение — все это Блейк наблюдал в действии. По сравнению с большинством своих товарищей по службе и обучению Блейк имел весьма скудные природные данные.

У него было два таланта, если их можно так назвать: предчувствие опасности, которое не покидало его всю жизнь, и другой, проявившийся в нем, когда он вместе с патрульными преследовал сбежавшего преступника. И в этом втором таланте Блейк был не только равен своим новым товарищам, но и превосходил их: помимо своей воли и без обучения он развил мысленный блок до такой степени, что даже лучшие офицеры командования не могли пробить его, чтобы прочесть мысли Блейка или повлиять на него. Общааясь с телепатами, он пользовался природной защитой, лучшей, чем могли бы создать любые механические средства.

Блейк пытался развить в себе другие таланты, надеясь, что в нем, может быть, скрыты силы эспера, но его усилия не увенчались успехом. Из-за недостатка способностей ему могли запретить регулярные полеты на перекрестках времени: эта мысль беспокоила Блейка, как плохо зажившая рана, причиняющая боль.

На Проекте не было необходимости в таланте эспера. Блейку полагалось передать груз, понаблюдать и определить, в какой ситуации оказались дочери Рогана, и вернуться обратно. Тупое задание. Следующим, вероятно, будет перемещение на Лесной уровень: это лучше. Мир без людей, где животные свободны и непуганы, был любимым местом экскурсий для детей или семейных групп. Каждую группу сопровождали трое патрульных, и там всегда имелись все возможные средства защиты. Ограничители не протестовали, потому что это вызвало бы слишком много шума: Лесной мир был очень популярен, и партия Ту'Кикропса не хотела рисковать.

На приборной доске вспыхнул огонек. Рука Блейка легла на ключ. Он сосчитал до десяти и обратно до единицы, давая

двойное время для большей уверенности, а затем дернул ручку люка. Челнок перестал дрожать, часть стенки отошла, и Блейк выглянул в голубоватый свет уровня, куда он добрался.

Блейк заморгал от удивления, увидев стоявшего перед ним Турша Сайласа, помощника командующего всем Проектом. Видимо, он, Блейк, привез нечто более важное, чем предполагал. Он вытащил упаковку из ее гнезда и поднял с осторожностью, какой, он полагал, она заслуживает. Однако Сайлас продолжал смотреть на Блейка.

— Вы новичок, — сказал он утвердительным тоном.

— В поездке сюда? Да, — ответил Блейк, не желая, чтобы этот человек считал его совсем уж новичком. Во рту его появился металлический вкус, кожу между лопатками закололо. Опасность! Здесь или очень близко. Его чутье предупреждало его, и он тут же, почти бессознательно, поднял телепатический щит. Во время обучения он научился поддерживать перед этим щитом какую-нибудь камуфляжную, поверхностную мысль.

Он вышел из люка. Его сапоги ступили на голый камень пола. Ах, как хотелось ему иметь телепатическую силу, чтобы извлечь из мозга Сайласа хоть намек на грозящую опасность!

— Рапорты! — помощник командира Проекта выхватил из поданного ему ящика два свертка пленок. Он не пошевелился, чтобы пропустить Блейка, и словно бы с трудом сдерживал желание загнать патрульного обратно в машину. Затем Сайлас, как видно, сам понял неловкость своего поведения, потому что не возражал, когда Блейк поставил ящик на люк, и снова повернулся к нему.

— Все в порядке? — спросил Блейк.

— Вполне, — ответил Сайлас и резко добавил. — Поедете в нами? Через полчаса.

— Отлично. Спасибо. Заодно pošлю сообщение.

Сайлас сделал движение, как бы загораживая Блейку дорогу к выходу, и повел его в туннель, связывающий станцию с другими частями лагеря.

— Гроза, — вяло сказал он. — Вам не дойти до антенн по поверхности.

Опасность... Опасность... — тяжело стучало в голове Блейка. Не гроза, нет. Может быть, антенны... Но с чего бы? Ни командир, ни другие участники Проекта не допустят никакой неприятности с антеннами! Если они повреждены, нельзя будет послать сообщение. Но что происходит с Сайласом? Человек явно на пределе. И здесь опасность... все плохо... Блейк чувствовал это.

Глава 2

Может быть, из-за отсутствия растительности, сдерживающей ветер, гроза здесь казалась куда более жестокой, чем в нормальном мире. Блейк смотрел в окно на сильный, гонимый ветром дождь, бьющий в окна жилищ. Они все были собраны в долине и отделялись от остальной территории лагеря лишь грядой утесов. Блейку стоило только повернуть голову, чтобы увидеть карту Проекта, висевшую на стене. Долину перерезала необычно медленно текущая река, которая образовывала маленькую дельту при впадении в море. А в самом море выступал волнорез изогнутых рифов, превращающий берег реки в частично укрытую бухту.

Вдоль ближайшего берега стояли емкости с культурами, заботливо посеянными и теперь прижившимися морскими водорослями, привезенными из лабораторий Врума. Это было только начало Проекта, но Блейк знал, какое фантастическое количество работы и денег было уже вложено сюда.

Во время путешествий по перекресткам времени велась широкая и осмотрительная торговля, бывшая истинной основой всей экономики Врума. Торговля одного параллельного мира с другим, ввоз природных богатств из слаборазвитых и примитивных уровней, предметов роскоши из уровней более утонченных цивилизаций — никогда не служили причиной местных обсуждений или расследований. И если новые бесполезные уровни, вроде этого, смогут в дальнейшем приносить пользу, Врум станет богаче и устойчивее, не говоря уже о знаниях, полученных в результате эксперимента по искусственному зарождению жизни.

Дождь за окном лился плотным занавесом, так что Блейк не мог как следует разглядеть даже соседнюю крышу. Он с некоторым интересом повернулся к карте, прошел вдоль серии цветных снимков: скалы, море, реки и озера в каменных берегах. Цвет скал варьировался — то более светлые тона, то ярче, но нигде никакого намека на зелень. Пока Блейк осматривал снимки, неприятное чувство, охватившее его, когда он высадился из челнока, стало более сильным и резким. Сайлас привел его в этот холл, и теперь Блейк усиленно прислушивался.

Пока он еще не видел никого из персонала. Он стал вспоминать, что знал о группе Проекта. Управлял ею Айзон Котор. У него была репутация целеустремленного руководителя, который преодолест любые препятствия, расталкивая по пути локтями друзей и знакомых. Он занимал высокое положение в Сотне. Дважды он спасал дорогостоящие проекты,

которые считались безнадежными. Блейк видел его по телевизору — бесстрастный, плотный мужчина, с копной преждевременно поседевших волос, нетерпеливо и односложно отвечал на вопросы корреспондента.

Айзон Котор... Сайлас... Блейк напряг память и обнаружил, что, кроме них, никого из персонала не знает. Ну, конечно, если не считать двойняшек Рогана, но и их он знает только со слов Влата. Дочери старинной семьи Сотни. Влат показал ему их фотографии, и теперь Блейк никак не мог связать этих девушек с жесткой холодностью здешнего мира.

— Патрульный? — в дверях стояла женщина. Но не дочь Рогана. Она была, по крайней мере, на двадцать лет старше. Ее портила глубокая от постоянно нахмуренных бровей морщина на лбу. — Если вы готовы, мы могли бы пойти поесть. Женщина явно была не в духе.

Блейк пошел за ней в большое помещение, откуда пахло едой, в основном синтетической, но собравшиеся за столом, видимо, имели спартанские вкусы.

Котор сидел, облокотившись на блокнот. Время от времени он что-то быстро писал, не обращая внимания на окружающих.

Здесь присутствовали пятеро других: женщина, которая привела его сюда, Сайлас, еще одна женщина и двое мужчин. Но девочек Рогана не было и в помине. Поскольку никто за столом, казалось, не хотел разговаривать, патрульный не решился прервать тишину. Котор даже не взглянул на него. Блейк потягивал горячее питье и ждал. Тревога его росла. К сожалению, его чутье не указывало на род опасности или ее источник. Но что опасность неминуема — в этом Блейк был уверен. Ему пришлось справиться со своим беспокойством, оставаться за столом, есть понемножку невкусную пищу и ждать разъяснений.

Котор отложил блокнот, поднял голову и оглядел всех. Когда его взгляд остановился на Блейке, он резко кивнул, что могло быть коротким приветствием или признанием права молодого человека находиться за столом.

— Где девушки? — голос был не такой, какого можно было ожидать от человека с бычьей грудной клеткой и толстым горлом: вместо рева или сиплого рокота послышалась культурная, отработанная, приятная речь. Блейк слышал актеров и ораторов куда с менее мелодичной и ритмичной речью.

— Мэрфи? — женщина, что привела Блейка, быстро взглянула влево, будто надеялась там кого-то увидеть. Морщина между ее бровями углубилась, рот скривился. Она уронила вафлю, которую поднесла было ко рту, быстро сняла с пояса маленький диск и поднесла к уху. — Она пошла на утес

как раз перед грозой, шеф. Но сигнал в порядке. Мы все слышали предупреждение, она тоже должна была слышать!

Котор снова оглядел всех, начиная с Сайласа. Он даже снизошел посмотреть на Блейка.

— Видимо, не слышала или не обратила внимания. Подобные глупости здесь недопустимы. Я это уже говорил и снова повторяю, и достаточно громко, чтобы дошло до каждого дурака: на перекрестке времени не место глупостям! Нам некогда разыскивать потерявшихся! — его толстые пальцы ползли за пояс и достали такой же, похожий на монету, диск, какой держала в руках женщина. Он зацепил его ногтем и приложил к уху. — Она вне опасности, — констатировал он. — Может быть, дождь, мокрая одежда и некоторые другие неудобства заставят ее в следующий раз подумать. Мы не можем следить за детьми, которые не подчиняются простейшим и самым очевидным правилам. Так и заявите, Турш, начальству сегодня вечером. Я не желаю больше нервничать из-за этих визитов, как бы они ни были официальные.

«Одна из девочек Рогана — заключил Блейк, — попала в грозу. Но, похоже, штат Проекта носил на себе какой-то предмет, обеспечивающий контроль за людьми, который успокоил Котора, хотя и не указывал точного местонахождения девушки. А как насчет ее сестры? О второй девушке вообще не упоминалось».

Они сидели за длинным столом, где было полно мест. Блейк пытался прикинуть, кто, кроме двух девушек, отсутствует. Может ли он спросить?

Судьба, кажется, помогла ему, потому что Котор заговорил снова:

— Коптер, я надеюсь, надежно укрыт? Ни о каких глупостях вы мне больше не сообщите?

Сайлас кивнул.

— Да, они приземлились при появлении первых туч. Каргос сказал, что отвел коптер под выступ, достаточно большой, чтобы укрыть его.

Котор кивнул, хмыкнул.

— За всякий проблеск разума приходится возносить едва ли не молитвы. Патрульный, вы привезли мне какие-нибудь приказы? Еще какие-нибудь инструкции о том, что мы можем и чего не можем делать, чтобы в будущем не повлиять дурно на эти бесконечные скалы?

Кому-то, возможно, эти слова показались бы попыткой пошутить, но Блейк расценил их, как сарказм.

— Обычная проверка антенн, шеф, — коротко ответил он. Котор кивнул.

— Прекрасно. Выполняйте ваш долг, патрульный. Но пе-

ред отъездом загляните ко мне. У меня будет письмо, личное письмо для передачи члену Сотни Рогану. Я не желаю, — он ударил ручкой, как копьем, по блокноту, — не желаю возиться со школьниками. Я решил это раз и навсегда! — он снова оглядел всех по очереди, как бы ожидая возражений против этого явного ультиматума. Но никто не возражал.

Кашлянув, чтобы привлечь внимание, один из людей сказал:

— Гроза кончилась.

На секунду Блейк удивился, откуда тот знает, сидя в комнате без окон, но затем сообразил, что шум дождя, который он слышал все время, пока был в штаб-квартире Проекта, прекратился. Котор уже встал, готовый к действиям.

— Улад, Кейгл, со мной на отмель! Нам повезло, если вода не уничтожила половину нашей двадцатилетней работы.

— А Мэрфи? — наклонившись вперед, спросила женщина.

Котор свирепо взглянул на нее. Голова его медленно повернулась, как будто он пересчитывал сотрудников. Затем он указал пальцем на Блейка.

— Ваша обязанность — присматривать за путешественниками, так? Так вот, идите, найдите эту дуру-девчонку и приведите ее обратно, даже если вам придется тащить ее волоком.

Двумя крупными шагами он дошел до двери и исчез с другими, оставив Блейка с женщиной. Вообще-то он был прав: патрульные в основном занимались защитой людей Врума в параллельных мирах. Но с чего начать? Не касалась ли ощущаемая им опасность Мэрфи Роган?

— Она... она и в самом деле сделала большую глупость, — сказала женщина. — Здесьние грозы очень сильны, и мы всегда даем звуковой сигнал до того, как начнется гроза. Мы все носим такой диск, настроенный на каждого лично, — она дотронулась до диска на поясе. — Если мы окажемся в беде, этот зов уловят все другие диски. Это у нас самая лучшая защита при несчастном случае. Мэрфи не подвергалась никакой опасности. Здесь есть локатор, настроенный на диски, он поведет нас. Подождите, я сейчас принесу его из кабинета шефа.

Она быстро вышла. Блейк пошел было за ней, но она захлопнула дверь перед его носом и через несколько секунд вернулась с диском чуть большего размера с качающейся стрелкой.

— Я настроила его. Не думаю, что шеф будет недоволен моим самоуправством: он сам приказал бы дать вам локатор, будь у него время. Но ведь идет дождь. Если река снова ра-

зольется, то она может, как он говорил, смахнуть большую часть емкостей с растениями. Три ливня за одну неделю — такого еще не бывало. Проблема избытка воды становится острой. Мэрфи выбрала самое что ни есть неподходящее время, чтобы обозлить шефа, когда он занят решением стольких проблем. Смотрите, стрелка уже качается. Следуйте ее указаниям и найдете девушку. Да, возьмите и это, — она толчком открыла другую дверь и вытащила две штормовки с капюшонам. Нагрузив ими Блейка, она сунула свои длинные руки в рукава третьей штормовки, подняла капюшон и бросилась наружу. Защищенный от стихий штормовкой со второй под мышкой и локатором в руках, Блейк пошел в за ней.

Страшная сила грозы, может, и ослабела, но дождь все еще лил, колотя по скалам и сбегая затем с них ручьями. Отверстия для глаз в капюшоне Блейка ограничивали его поле зрения, а стрелка на шкале указывала на утес направо.

Утопая в грязи, Блейк с утрюмой решительностью пошел к утесу, ища в себе хоть сколько-нибудь сочувствия предмету его поисков. Если девицы Рогана всегда так ведут себя в полевых условиях — неудивительно, что Котор потерял терпение.

Тучи на западе разошлись, заструился слабый солнечный свет, Блейк откинул капюшон. Несмотря на посветлевшее небо, суровая природа оставалась утрюмой, давила. Единственный живой росток показался бы благословением в этом унылом мире. Если эксперименты Проекта будут удачны, в речной долине появится не одно растение, но такую победу человека над сопротивляющейся природой можно ожидать лишь в далеком будущем.

В долине слышались крики, шум моторов. Блейк оглянулся. Машины выезжали из укрытий, направляясь к вздувшейся реке и к барьерам, которые теперь почти скрылись под водой. Вне всякого сомнения, именно над этими заграждениями и работали раньше Котор и его люди.

Перед Блейком появилась тропа, напоминающая лестницу. Но прежде, чем его ноги коснулись ее, наверху что-то зашевелилось. Блейк увидел фигуру в тускло-коричневой полевой одежде: темные пятна на плечах показывали, что ткань промокла. Фигура спускалась торопливо и, по мнению Блейка, весьма неосторожно.

— Эй! — негромко крикнула девушка и замахала рукой, чтобы Блейк остановился. Она крепко держалась на ногах, когда уверенно, грациозно спускалась по мокрой и, вероятно, опасной тропе. Она была еще довольно далеко, когда он увидел широко раскрытые глаза, пристально смотрящие на него. Затем она сделала последний прыжок.

Эта мокрая фигура настолько отличалась от изображения,

показанного Балтом, что при других обстоятельствах Блейк не узнал бы ее. Волосы были заплетены в косы и плотно уложены вокруг головы, на щеках и на лбу не было экзотических рисунков — последней моды Врума. И, несмотря на это, она выглядела старше, чем представлял ее себе Блейк.

— Вы... вы ведь не с Проекта! — она остановилась. Ее левая рука схватилась за каменный выступ. Ее глаза смотрели теперь с подозрением.

— Валкер, АП — В — 7105 — официально ответил он.

— Валкер, — повторила она, словно незнакомое имя само по себе уже вызвало подозрение. — Валкер! Она узнала его имя, чего Блейк не ожидал. — Блейк Валкер! Клянусь зубами Фиарсис! Вас послал Кам Валт? Как он узнал?... Или... Что-то случилось с отцом? — она выпустила каменный уступ, поскользнулась на грязной тропинке и с такой силой схватилась за руку Блейка, что он сам чуть не потерял равновесие.

— Нет, я в обычной поездке, — сказал он. — Вас хватились в лагере и просили меня пойти на поиски. Похоже, собирается новый ливень, так что вам лучше надеть это, — он встряхнул запасную штормовку и накинул ее на мокрые плечи девушки.

Однако было ясно, что его успокаивающие слова не действовали на нее. Она все еще цеплялась за его руку, и он чувствовал ее волнение.

— В чем дело? — спросил он. Казалось, она невредима, но он знал, что Мэрфи Роган в беде, а не просто попала в грозу.

— Марва отправилась сегодня утром в полевую поездку на коптере... и пропала!

Блейк вспомнил разговор, за столом.

— Было сообщение, что коптер поставлен в укрытие до грозы... — начал Блейк, но девушка решительно затрясла головой.

— Она не в безопасности. Во всяком случае, здесь ее нет.

— Но с этой штукой, — он коснулся диска на ее поясе, — разве вы не узнали бы... Мэрфи сорвала с пояса диск и прижала его к уху Блейка:

— Слушайте! — сказала она повелительно, — и скажите, что вы слышите.

Биение, такое же ровное, как удары его сердца. — Ровное биение, — быстро ответил он.

— Да. И это должно означать, что все в порядке, что Марва где-то здесь, — она взмахнула рукой. — Сидит под скалой, может, ест сухой паек с Карглосом и ждет конца шторма, чтобы вернуться вовремя к ужину. Но это неправда, здесь нет даже намека на правду!

Вот, значит, о чем говорило Блейку его шестое чувство, вот что означала его внутренняя тревога! Осознав это, Блейк захотел услышать еще больше. Что могла она предложить в смысле конкретных фактов?

— Откуда вы это знаете?

Мэрфи Роган нахмурилась, в выражении ее лица была надменность, что-то от непоколебимой самоуверенности Котора.

— Потому что мы близнецы и мы можем вести мысленный разговор. Всегда. Сегодня утром я была в лагере, и мы с Марвой были в полуконтакте. А потом — ничего! — она шелкнула пальцами. Вот вроде этого — как выключилось! Такого никогда еще не случалось и ... ну, я подумала, что я, возможно, заэкранирована. У Котора куча всяких экспериментальных устройств, ему присылают всякие штуки для проверки их в атмосфере этого уровня. Вот потому я и сбежала из лагеря и поднялась туда, — она показала на утес, — выше потока радиопередач. Но это не помогло, даже когда я посылала направленный луч...

Сам Блейк не мог посылать направленный луч, но в прошлом принимал такие передачи и знал их силу. А между близнецами такая направленная мысль, наверное, работала еще сильнее.

— А это, — Мэрфи снова потрясла диском перед глазами Блейка, — все время уверяет, что все отлично. Эта штука врала и продолжает врать! А с Марвой что-то случилось!

— Может, диск сломался? У вас или у нее?

— Непонятно, как это может быть. Они не могут ломаться. Подождите-ка! — она схватила локатор, который вел Блейка из лагеря. — Давайте посмотрим. Она повернула прибор в ладони и несколько раз нажала на маленькую кнопку в дне коробочки, затем снова повернула, чтобы они оба могли взглянуть на шкалу.

Стрелка, твердо указывающая на утес, теперь свободно качнулась, вздрогнула, остановилась и снова закружилась. Мэрфи покачала головой.

— Марва! — со страхом крикнула она.

— В чем дело? — Блейк осторожно тряхнул девушку за плечо. Мэрфи не сводила глаз со шкалы.

— Ее нигде нет! — Мэрфи снова лихорадочно затрясла прибор, стрелка которого дико металась. — Но не могла же она...

— Что не могла?

— Уйти с уровня! Я была рядом с дорожным помещением станции, когда мысленный контакт прервался. Наш челнок на Вруме, значит, у нее не было возможности уехать, да она и не уехала бы, не сказав мне...

«Может быть, еще одно объяснение, — подумал Блейк, но не сказал этого вслух: — где-нибудь среди камней лежит мертвая девушка». Но ведь он сам слышал биение, показывающее, что пропавшая вне опасности. В любом случае, здесь явно произошло несчастье, и дело Блейка — установить, что случилось...

— Надо сообщить... Я хочу послать сообщение Каму Вальту. С Марвой что-то случилось.

Она побежала по склону долины к лагерю, и Блейк зашагал за ней.

Глава 3

Однако им не удалось ничего сделать. Когда они спустились к лагерю, Блейк неожиданно остановился. На этом уровне не было нужды прятаться от местных жителей, поэтому оборудование стояло открыто. Энергетические антенны, через которые осуществлялась связь между Проектом и Врумом, поднимались к небу, как маяки. Поднимались раньше... а теперь... одни наклонились под острым углом, а другие, в дальнем конце лагеря, вовсе не были видны!

Но как это могло случиться? Антенны были настолько важны для людей в лагере, что их устанавливали очень прочно, и они могли противостоять любым грозам и бурям. И вот случилось невозможное.

Блейк прошлепал по грязной воде к наклонившемуся столбу. Тот был аккуратно заделан в камень, но теперь под его основанием была открыта полость. Блейк нахмурился. Он разбирался в технике, но и люди в лагере не были глупыми или беспечными. Выбрать слабое основание для антенны они просто не могли. Когда об этом будет доложено, начнется расследование, и он лично...

— Антенна... — Мэрфи Роган подошла к нему, разбрызгивая воду.

— Испорчена. И я не вижу других, вероятно, они в таком же состоянии. Как можно было так ошибиться в установке?

— Спросите, — ответила Мэрфи, — и вам, наверное, дадут такой же ответ, как и насчет личных дисков, которые тоже не работают.

Звук работающей машины заставил Блейка оглянуться. Один из экскаваторов, виденных Блейком на затопленной отмели, теперь с грохотом шел к ним, и водитель махал им рукой, чтобы они ушли с дороги. Блейк потянул Мэрфи назад, и машина начала высыпать землю, чтобы предохранить ан-

тенну от падения. Но даже если ее выпрямить и если выпрямить и все остальные, потребуется немало времени, чтобы снова выверить и синхронизировать связь. А Блейк сомневался, что на Проскте есть техники, способные на такую работу. Нет, ему придется сделать рапорт лично, а затем вернуться с нужными для работы людьми. Все еще держа за руку Мэрфи, он повернулся к помещению штаб-квартиры.

— Вы поедете обратно? — спросила она. — Тогда я с вами.

— Это решит начальник или нет?

Даже временные посетители Проекта подчинялись приказам руководителя. Прежде чем уехать, они должны были получить его разрешение. Только патрульный мог приезжать и уезжать без какого бы то ни было разрешения местных властей, действуя по приказу собственных офицеров.

Блейк в первый раз увидел ее улыбку, очень мимолетную.

— Не думаю, чтобы Айзон Котор стал возражать. Он рад избавиться от меня. Если только... — она засмеялась.

— Если что?

— Если он не пожелает выслушать мое сообщение о Марве.

Она повернулась к нему; в лице ее читалась насмешка над его несообразительностью.

— Потому что Ограничители будут рады воспользоваться такого рода историей! Марва пропала во времени...

— Но как вы можете быть уверены в этом? — Блейку казалось, что ее заключение имеют под собой не больше твердой почвы, чем антенны в лагере.

— Ее нет в этом мире! Нет нигде!

— Но вы сами сказали, что челнока в лагере нет.

— Это означает просто-напросто, что где-то по каким-то причинам появился другой челнок, — быстро и уверенно ответила она. — Вы думаете, что это невозможно? Это случилось и раньше и вы об этом знаете!

Случалось. Челноки нарушителей закона прыгали с одного уровня на другой, и он, Блейк, совершил за одним из них кошмарное путешествие по параллельным мирам, едва вступив в должность Патрульного на перекрестке времени. Но с тех пор за этим стали крепко следить, и Блейку трудно было поверить, что какой-то преступник или легкомысленный турист смог бы проверить такую незаконную операцию.

— Я хочу поехать к Каму Валту, — сказала Мэрфи. — Он знает, что делать и как добраться до отца.

— Но кто... — начал Блейк, уже прикидывая варианты. Сами Ограничители, чтобы спровоцировать инцидент, похищали девушку, или это были незаконные торговцы — хотя что им делать в этом мире: разве что скрываться или иссле-

довать; преступники или туристы, не имеющие разрешения. Допустим, Марва и пилот натолкнулись на что-то, чего им не полагалось видеть, и были увезены, чтобы они не смогли рассказать о своем открытии? Но против такой возможности говорило сообщение пилота коптера о том, что он укрылся от грозы. Значит, это подозрение отпадало.

Тем не менее нельзя было прогнать тревогу Мэрфи из-за исчезновения мысленного контакта с сестрой: это — не прибор, его не испортишь, как диск. И ее утверждения, что контакт нарушился до грозы, до сообщения пилота... и его собственное предчувствие... Блейк был уверен в правдивости своих ощущений, даже если это было всего лишь общее предупреждение. Если бы он мог сфокусировать, сузить это предчувствие, было бы больше пользы.

— Кто? — повторила Мэрфи. — Я могу сразу же дать вам несколько ответов, но хочу начать поиски Марвы... — у нее перехватило горло.

— Правильно, мы вернемся и...

— Патрульный! — Котор вышел из другой машины и тяжело затопал навстречу им от входа в штаб-квартиру. Коренастый начальник был весь в грязи, даже лицо забрызгано. — Видите, что случилось с антенной? Некомпетентность! Полнейшая некомпетентность! Я сообщу об этом. Возьмите с собой мою катушку с записью. Я был уверен в стремлении к добросовестному сотрудничеству, а что получил? Некомпетентность в тех вещах, от которых зависит наша безопасность! И, — он повернулся к Мэрфи, как будто только что увидел ее, — безрассудное пренебрежение правилами со стороны глупых молодых женщин, которым нечего делать на их первом месте работы! Хотите или не хотите, девушка, но вы вернетесь на Врум!

— А Марва!? — спросила Мэрфи чуть дрожащим голосом.

— И Марва тоже. Как только Карглос вернется с ней в лагерь, она отправится вслед за вами. Я не желаю больше иметь дело с глупыми гусынями!

— Когда Карглос и Марва вернутся, — повторила Мэрфи. — А когда это будет, шеф Котор, и откуда они вернутся?

Он посмотрел на нее так, словно она говорила полную бессмыслицу.

— Они вернутся из полета, и очень скоро, если Карглос следует приказаниям, которые я ему дал. А придут они из Сектора точки один, как вам хорошо известно, девушка.

Мэрфи покачала головой.

— Марва исчезла с уровня сегодня утром, перед грозой, на полную единицу времени раньше.

Котор медленно потряс головой — не в ответ на ее слова, а как бы для просветления мыслей.

— Что вы болтаете? Все это вздор. Вы сами видели, как ваша сестра улетела в коптере. Прыжок с уровня? Вздор! — он постучал по диску на поясе. — Этот прибор утверждает, что с ней все в порядке. Чего ради вы рассказываете дикие сказки?

— Мне плевать на диск, — возразила Мэрфи. — Я потеряла мысленный контакт. И в это я верю. Марвы нет на этом уровне, и если ваш прибор говорит другое, значит, он врет.

Котор побагровел, плечи его сгорбились, он поднял руки, слегка шевеля пальцами.

— Патрульный! — обратился он к Блейку, — заберите ее, увезите прочь отсюда. Две емкости на отмени полностью погбли, антенны упали, а я еще должен слушать этот бред! Это слишком много для одного человека! Увезите ее с собой. Я не прошу — я приказываю! Ничего больше не хочу слушать! И когда вернется ее сестра, она тоже будет отправлена во Врум.

— Когда вы ждете возвращения коптера? — спросил Блейк. — Челнок маленький, он только для беспосадочного полета. Я могу подождать и взять их обеих.

— Ждать? — Котор резко выдохнул и грубо сказал. — Нечего ждать, когда я сказал — уезжать! Мне нужны техники, чтобы поднять заново антенны, и мы не знаем, сколько еще бурь нас ждет. Нужно спасти то, что можно. Улетайте немедленно!

— Шеф! — в дверях позади Котора показался Сайлас. — Феркас сообщает, что не получил сигналов от коптера. Он послал и длинный, и короткий.

Одну-две секунды казалось, что Котор не слышал своего подчиненного, и Блейк решил, что тот подойдет ближе. Если шеф и ожидал подобных новостей, то по его реакции нельзя было этого угадать: Котор поспешно стал действовать — приказы посыпались градом.

Быстро подкатили второй маленький исследовательский флайер Проекта. Блейк скинул мешавшую штормовку и побежал к двери кабины по пятам за пилотом, это был Котор. Шеф злобно взглянул на патрульного.

— А вы что?

Блейк перебил его, уверенный в эту минуту в собственной правоте.

— Я отвечаю за... Шеф фыркнул.

— Лезьте, лезьте, не тратьте времени на то, чтобы распостраняться о своих обязанностях и добродетелях! Если вы будете продолжать болтать языком, вам придется отвечать за то, за что вы отвечать не хотите, патрульный!

Они поднялись в воздух, едва Блейк захлопнул дверцу.

Котор управлял легкой машиной уверенно и лихо, при взлете Блейк чуть не свалился с сиденья. Затем они развили максимальную скорость.

Котор, по-видимому, точно знал, куда он летит, и скоро растрескавшиеся утесы замелькали под ними, они оставили долину. В прошлом здесь явно действовали вулканы, и Блейк думал, что ехать по этой территории наземным способом почти невозможно, а на коптере они перемещались очень быстро.

Теперь они снова летели над плато, на востоке виднелись далекие вершины. Котор снизил скорость, покружился и, в конце концов, с резким толчком посадил машину на относительно гладкую поверхность.

Остановившись, он не выразил желания вылезти, наклонился и посмотрел вперед, вглядываясь в склоны гор. Блейк положил руку на ручку двери, но решил не покидать кабины без Котора. Его чувство по-прежнему предупреждало о надвигающейся опасности.

— Ну? — прервал он молчание, поскольку шеф продолжал сидеть. — Теперь куда?

— Сюда, — указал тот. — Он, наверное, под тем нависшем гребнем.

В пространстве под гребнем могли укрыться даже два коптера. Но если коптер и был там раньше, то теперь исчез.

— Я... я не могу поверить. Посмотрите вы! — Котор вытянул руку, зажав двумя пальцами личный диск. — Прибор говорит, что они в безопасности, что все в порядке. Локатор привел нас сюда по лучу. Однако здесь никого нет!

— Может, они уже летят обратно в лагерь? — предложил Блейк.

— Нет, конечно! — Котор стукнул кулаком по колену. — У них не могло быть причин лететь не прямо в лагерь. Будь они в воздухе, мы бы их увидели. К тому же они отвечали бы на сигналы. Не погрузились же они в скалу? Уж в это я не поверю!

— Мы летели над дикой местностью. Потерпеть здесь аварию... — сказал Блейк, обращаясь к самому себе.

— По радио не было автоматического сигнала бедствия, — покачал головой Котор. — Это не должно, — он взмахнул диском, — лгать. Все время моего пребывания на Проекте, на многих Проектах, в местах, где опасность всегда крадется по пятам, диски были нашими стражами. А теперь он говорит нам не то, что видят наши глаза. Я этого не принимаю и не понимаю, — он был в полном замешательстве и потерял все свое высокомерие и самоуверенность.

Не зная, что искать, но надеясь, что остался хоть какой-то след пропавшего коптера, Блейк вышел из машины и мед-

ленно пошел под гребень. Гроза оставила лужи в скальных карманах, а теперь жаркое солнце почти высушило их. Никакой надежды найти следы не было. У Блейка возникло некоторое сомнение, что, несмотря на уверения Котора, здесь вообще кто-нибудь был.

Предположим, Мэрфи права, и был неизвестный челнок. Ему не обязательно нужна станция, как в лагере. Если его хозяин имеет дорожный код и уверен, что есть открытое пространство для пролома, он может сесть в любом месте.

Пространство под гребнем было даже шире, чем казалось из флайера. Коптер без труда мог укрыться там от грозы. И... Блейк встал на колени и ощупал пальцами борозду на скале — это не природная и свежая. Итак... Разумно предположить, что коптер здесь был. Но где же он теперь? Никакой неизвестный челнок — мысли Блейка все время вертелись вокруг этого — не мог быть таких размеров, чтобы взять на борт коптер. А может быть — его воображение снова воспарило, — здесь был торговец с челноком, предназначенным для перевозки груза, и торговец этот **ВОВСЕ** и не из Врума?

— Что это? — Котор последовал за Блейком и остановился осмотреть борозду, пока Блейк двинулся дальше, обыскивая место.

— Знак, что они могли быть здесь, но и только.

— Они были здесь, я это знаю! Но куда они делись, вот что вы мне скажите. Карглос не мальчишка, он не станет играть в игрушки. С ним не бывает, чтобы он сказал — сделаю то-то, пойду туда-то, а потом переменял бы решение. На Карглоса можно положиться, я его знаю. Он работал со мной много лет. Но почему он исчез? И почему эта штука лжет и уверяет, что с ним все нормально? — Котор снова выхватил диск и яростно потряс им. — Но, — он овладел собой, — все это плохо. Нам здесь нечего делать. Из этих скал ногтями ответа не выцарапаешь.

— У вас есть детекторы персональных лучей? — перебил его Блейк. — Поищите...

Котор кивнул.

— Здесь больше нечего делать. Похоже, мы теперь не должны надеяться на приборы, которые всегда служили нам в подобных случаях, и вернемся к общей системе тревоги. Но у нас нет высокомошных детекторов. Их надо будет взять со складов Патруля. А без антенн...

— Кто-то должен сообщить лично, — закончил за него Блейк, — Ладно, отвезите меня обратно в лагерь, и я это сделаю.

Во время обратного пути в штаб-квартиру Проекта Котор погрузился в свои мысли, которые, если судить по выражению

его лица, были самыми что ни на есть мрачными. Когда они вышли из флайера, он заговорил.

— Мы что-нибудь придумаем и будем искать, как можно лучше. Но и вы тоже поторопитесь, патрульный. Вы видите местность: это мертвый мир. Вода, правда, есть, и пригодная для питья, она на некоторое время может сохранить им жизнь. Но больше нет ничего. У них очень мало шансов.

Видимо, у Котора не было никаких подозрений насчет неизвестного челнока. Теперь он верил в аварию, которую недавно отрицал! Но для Блейка слишком многое не увязывалось. Сообщение от Карглоса, что он в укрытии с машиной и, предположительно, с пассажиркой, Марвой Роган. Однако это сообщение пришло некоторое время спустя, после того, как прервался контакт между сестрами. И, наконец, ощущения самого Блейка. Нужно скорее довести все это до Кама Валта.

— Вы не нашли их, — утверждая, а не спрашивая, сказала Мэрфи, ожидавшая за дверью штаб-квартиры.

Котор покачал головой и прошел мимо девушки к переговорному устройству.

— Улад, возьми из краулера детектор и установи на коптер...

Мэрфи схватила Блейка за руку.

— Детектор? — почти прошептала она. — Неужели они разбились? Здесь?

Блейк не мог скрыть того, о чем она уже догадалась по словам Котора.

— Возможно.

Но она затрясла головой.

— Я знаю, что Марва не в этом мире. Я узнала об этом вскоре после ее вылета. Если бы она умерла или покалечилась, я бы почувствовала это! — голос ее был все таким же тихим, словно она говорила одному Блейку. — Вы не нашли никаких следов?..

— Челнока? — так же тихо спросил Блейк. — Нет, но незаконный прыгун по уровням не имеет постоянной базы, вроде этой.

Утверждение Мэрфи насчет исчезновения сестры стало для Блейка все более разумным. Чем больше он размышлял над ее доводами, тем больше осознавал, что она права. Мысленная связь, оборванная смертью одной стороны, безошибочно отразилось бы на другой. У Блейка не было личного опыта в телепатическом союзе. Когда такой союз усилен близкими дружескими и родственными связями, тогда телепатия очень глубока и крепка, это Блейк знал.

— Если уж ее увезли на другой уровень, Кам Валт должен узнать об этом как можно скорее.

Блейк был полностью с ней согласен. Всем остальным на Проекте займется Котор. Главное — быстро съездить туда и обратно. Доложить лично об упавших антеннах было обязанностью Блейка. Мэрфи торопилась и торопила его.

— Поехали, — нетерпеливо повторяла она.

Они пошли к челноку. Никто, по-видимому, не обратил на них внимания. Обратный курс был задан автоматически еще до того, как челнок вылетел из Врума. Случалось, что возвращаться приходилось наспех — либо из-за нападения или несчастного случая, либо для перевозки травмированного патрульного. Тем не менее Блейк, следуя правилу, проверил код, пока Мэрфи пристегивалась к креслу.

Все системы челнока были откорректированы, как Блейк и предполагал. Он нажал высвобождающий рычаг. Их охвати водоворот исчезающего времени...

— Долго это будет продолжаться? — спросила Мэрфи, когда Блейк повернул голову, чтобы взглянуть на нее.

— Час с небольшим.

Не успел он это сказать, как в глазах его помутилось. Вращение еще сильнее вжало его в подушки кресла. Но ведь поездка еще не закончилась!

Кабина накренилась и заскользила вниз. Если бы не страховочные ремни, они бы вылетели из кресел, когда челнок покатился влево, как сани с горы.

Глава 4

Когда они, наконец, остановились, кабина угрожающе наклонилась и закачалась при движении Блейка. Он первым делом взглянул на панель управления. Слабый свет указывал, что они в параллельном мире, а не в переходе. И был отчетливо виден код Врума.

— Что случилось?

— Не шевелитесь! — приказал Блейк.

Челнок под ним дергался, словно балансировал на краю пропасти.

С бесконечными предосторожностями Блейк отпустил страховочный ремень, наклонился и нажал кнопку аварийного иллюминатора — посмотреть, что окажется перед неожиданно нестабильной кабиной.

Зелень! Густая зелень такого ослепительного цвета, что Блейк не сразу различил отдельные листья, сломанные ветки, землю. Он не мог понять, где он и как сюда попал. но было ясно, что это не патрульная станция и не лагерь Проекта.

Блейк ударил ладонью по индикатору лживого кода курса, но индикатор вежливо показывал то же самое. А челнок трясся.

— Мы снова поехали!

Мэрфи была права: кабина накренилась и поехала в другую сторону. Блейк схватился за сиденье, когда движение ускорилося.

— Наклоните голову! — крикнул он своей спутнице. — Мы можем тяжело приземлиться!

Сам он сжался, насколько мог, девушка последовала его примеру, и он решил, что она, пожалуй, не впадет в истерику. Но еще больше он был уверен в том, что они приземлились не на нужную стоянку.

Удар о край склона был не так уж силен, но испугал Блейка. Угол наклона кабины стал меньше, ощущалось покачивание, словно челнок сел на мягкую пластичную поверхность. Блейк еще раз посмотрел в иллюминатор.

По-прежнему зелень, но на этот раз сквозь листву просвечивало голубое небо... Блейк вздрогнул и повернулся к Мэрфи. Она сняла страховочный ремень.

— Мы... мы не на станции? Не на настоящей станции — спросила она монотонным голосом, с трудом удерживая бурлящие эмоции. Ее свежее лицо было суровым, застывшим.

— Мы вполне можем быть в этом уверены. — Блейк пошевелился для проверки. Кабина в ответ не задрожала: по-видимому, они достигли какой-то стабильности.

— Как... — начала она.

Блейк нетерпеливо качнул головой.

— Понятия не имею. А это, — он вторично ударил по локационному прибору, — все еще показывает Врум. — Он осторожно встал, нажал две кнопки на приборе, чтобы открылась панель, и остолбенел. То, что он увидел, было настоящим бедствием: проводка оплавилась, сложное устройство было настолько испорчено, что починить его мог бы только первоклассный техник. Кто-то основательно поработал, чтобы лишить челнок самой важной его части — направляющего устройства.

— Вы не можете исправить его? — скорее взмолилась, чем спросила Мэрфи.

— Нет, — Блейк не мог смягчить своего ответа. — И не думаю, чтобы тут поблизости была какая-нибудь мастерская.

— Тогда мы пропали, — Мэрфи все еще сидела, крепко вцепившись в подлокотники своего кресла.

— У нас есть аварийный сигнал, — сказал Блейк, отвернувшись от испорченного прибора. — «Если только он в порядке,» — добавил патрульный про себя. Правда, сигнал был

ближнего действия и, возможно, достигнет только Проекта, а это совершенно бесполезно — без антенны и второго челнока Проект ничем не мог им помочь. К тому же они, похоже, приземлились в неисследованном мире, для которого нет кода. Единственная маловероятная возможность — если в каком-нибудь ближайшем параллельном мире случайно окажется патрульный и уловит сигнал бедствия... Если аппаратура сигнала цела.

Блейк подошел к панели передающего устройства, осмотрел его, но не стал открывать. На первый взгляд все было в порядке, никаких поломок. Слегка успокоившись, он включил сигнал бедствия.

— Если этот уровень имеет код, — сказала напряженно Мэрфи, — то...

— То мы сможем дать описание, — ответил он.

Они были недалеко от уровня Проекта: их путешествие прервалось слишком быстро. На этом перекрестке времени была целая серия последовательных миров, недостаточно изученных, до самого Лесного уровня. Но, может быть, это как раз и хорошо для них, потому что в этом направлении шел поток транспорта и кто-нибудь мог услышать их сигнал.

Но контакт — это всего лишь первый шаг. Если они не дадут координат уровня — а с таким изуродованным аппаратом координаты невозможно определить, — то они должны дать точное описание, чтобы эксперты определили их приблизительное местонахождение на главных картах штаб-квартиры перекрестка. На все это требуется время, больше времени, чем они смогут прожить здесь.

Конечно, их станут искать, когда Блейк не вернется по графику из своей поездки на Проект. Отсутствие сообщений от него приведет к общей тревоге. Но надо иметь правильное описание мира.

— А что мы им расскажем? — видимо, Мэрфи думала так же.

— Тип растительности, ориентиры, все, что может дать эксперту возможность установить место, — ответил Блейк. Это означало, что он должен заняться исследованиями вне кабины. Он будет осматривать местность и, если они получат ответ на сигнал, сообщит все. А пока и у Мэрфи будет занятие — следить за прибором — их единственной надеждой на спасение.

Блейк послал сигнал бедствия на самой широкой полосе, какую мог дать прибор, и объяснил Мэрфи, что надо делать.

— Значит, вы уйдете отсюда?

— Мы должны иметь описание, чтобы послать его, когда вы получите ответ.

ЕСЛИ сигнал улышат, ЕСЛИ он найдет что-то полезное для идентификации мира — если... если... если!... Блейк открыл один из аварийных шкафчиков и развернул снаряжение.

Там были тонкий, плотный костюм, шлем, маска. Все это защитит его от насекомых, болезнетворных микробов, радиации. Бинобль висел на груди на шнурке. Блейк взял еще игольчатое ружье, стрелы которого оглушают и усыпляют, но не наносят серьезного вреда.

Мэрфи молча смотрела на него. Когда он коснулся защелки люка, девушка сказала:

— А если с вами что-нибудь случится?

Блейк указал на диск в шлеме.

— Я буду все время связываться с вами. А вы здесь будете слушать и ждать контакта. С этим, — он указал на ружье, — мне нечего бояться. Пока!

Он поднял руку.

— Удачи вам!

— Нам и так здорово повезло, — улыбнулся Блейк. — Мы могли разбиться о скалы, однако сели благополучно. Будем надеяться и на дальнейшую удачу.

Он решил воспользоваться запасным люком, со шлюзом. Осторожно открыв внутреннюю дверь, он протиснулся в шлюз. Пространство было очень тесным, но оно обеспечивало безопасность в таких мирах, где была ядовитая атмосфера или опасная радиация, а патрульные не могли рисковать.

За наружной дверью по красной земле шла глубокая борозда, свежая, окаймленная сломанной и помятой растительностью — след их торможения. Блейк осмотрел его и начал диктовать в записывающее устройство приблизительное расстояние между их теперешним местонахождением и тем местом, куда они ворвались. Это могло быть жизненно важной ориентировкой для кода, и это полагалось сообщать в первую очередь.

Увязая руками и ногами в скользкой почве, Блейк нашел возвышение, на котором они, по-видимому, возникли в этом мире. Они материализовались на краю небольшого оврага и съехали вниз. Густой кустарник послужил амортизатором.

Проект обосновался на голых камнях, а здесь было изобилие зелени, влажной, теплой, полной жизни. Громадные насекомые жужжали над сломанными кустами. Бабочки с шести- и восьмидюймовыми крыльями сияли переливами буйных красок. Были и другие создания, одни со слизистым телом, другие с прозрачными крыльями. Блейк сообщал о том, что видел, давая описание местной флоры и фауны. Растительность в основном напоминала папоротники, но неко-

торы виды ее могли бы сойти за деревья. Что-то ярко-раздражительное мелькало на уровне пояса Блейка, проносясь от одной ветки к другой. От быстрого движения рябило в глазах, и Блейк не мог определить породу неизвестных существ, он чувствовал только, что они проносились совсем рядом.

Позади гребня, с которого упал челнок, был относительно ровный лесной участок, затем снова скалы, не слишком отличающиеся от скал Проекта. В сущности, если убрать растительность, местность по контурам была похожа на тот бесплодный мир. Овраг, в котором остановился челнок, видимо, был частью русла реки. Только шума моря не было слышно, и глядя на запад, Блейк не видел никаких признаков океана, если только желтая линия на самом горизонте не была далеким песчаным берегом.

Блейк снова заметил углом глаза быстрое движение и повернулся. Но ни один листок не шевельнулся, показывая, что там скрывается нечто. Однако чувство опасности обострилось, и Блейк был уверен, что он сейчас под наблюдением. Кто-то подкрадывается. Кто?

С вершины скалы можно было лучше осмотреть окрестность, но тогда ему пришлось бы пройти по густой траве, а там наверняка есть что-нибудь живое. Он внимательно оглядел заросли, а потом пошел вверх, стараясь выбирать наиболее легкий путь.

Он продолжал диктовать, время от времени останавливаясь и внимательно вглядываясь в папоротник, который был ему почти до пояса. Он сильно размахивал длинным и острым ножом, прорубая в зарослях проход, и заботливо откладывая срубленные ветки в одну сторону, чтобы видеть очищенную им землю. Он снова чувствовал, что находится под наблюдением. В этом папоротниковом лесу то, что быстро исчезло с его дороги, держалось на расстоянии всего только шага от него.

Блейк не ожидал ничего подобного от животных, и это продолжающееся наблюдение тревожило его. Он дважды поднимал слуховые пластины шлема, чтобы уловить какой-нибудь звук, который выдал бы тайного преследователя, но не слышал ничего, кроме жужжания насекомых, резких криков птиц откуда-то издалека и регулярного стука своего мачете.

Переход занял много времени. Блейк не так уж много поработал физически, но вспотел, когда добрался до утеса. На утесе не было впадин, по которым можно было бы взобраться наверх, как на Проекте, и Блейк пошел вдоль скалы, ища место для подъема, и, наконец, нашел. Поднявшись, он посмотрел вокруг в бинокль. Челнок лежал в овраге, как серебряная монета. В нижней части оврага был источник,

Блейк видел теперь вьющийся ручей. И патрульный оказался прав насчет океана: на западе виднелись валы дюн.

На юге он увидел другую долину, где бежала река, похожая на ту, что затопила отмели Котора. Берега были низкие, илистые, но... Блейк насторожился: в природе не бывает, чтобы берег делился на участки низкими каменными стенами. Это было сделано явно кем-то с определенной целью. И эти стены разлиновывали поперек оба берега, насколько Блейк мог видеть в бинокль.

Была и другая странность: все участки были трехсторонние, со свободным выходом в воду. И у каждого выхода был один широкий стоячий камень с отметками, причем отметки на каждом камне были разные. Блейк, как ни старался, не мог точно разглядеть их, они были слишком далеко.

Изгороди, отмеченные камни, река — больше ничего. Никакой растительности на всем протяжении берега. Если эти огороженные поля предназначались для посадок, то либо сейчас был неподходящий сезон, либо они опустели и более не использовались.

На двух ближайших полях у воды были платформы из уложенного камня и грунта, с ровной поверхностью, а от них шли к воде скаты из утрамбованной земли.

Пока Блейк разглядывал платформу, вода зарыбила, закружилась, из нее поднялась большая голова и стал виден щиток черепахи.

Черепаха была футов пять в диаметре, как прикинул Блейк. Щит ее был искусно разрисован рельефными кольцами. Общий цвет был темно-коричневый, но чешуйчатые ноги и голова были ярко-желтыми с красноватыми отметинами. Самой удивительной была голова. Она была слишком широка, чтобы прятаться под панцирем, и снабжена чем-то вроде шлема с нависающим над мордой острием. Поднявшись по скату, создание взобралось на платформу и повернулось головой к утесу, где стоял Блейк. Поскольку ее поле зрения было ограничено шлемом, Блейк решил, что она его не увидит, и продолжал смотреть в бинокль.

Чем больше он наблюдал, тем больше замечал различий между этим бронированным чудовищем и известными ему черепахами. Движения животного также удивили его: оно поднесло одну громадную ногу с отчетливо видимыми когтями ко рту, затем другую. Прodelав это дважды, оно успокоилось.

Черепаха не долго оставалась в одиночестве: от самого подножия утеса, под насестом Блейка, стремглав вылетело нечто, напоминающее алые вспышки, и понеслось к платформе.

Существа не сели на плиты, а собрались внизу, подняв головы с раскрытыми ртами к черепахе.

Это были ящерицы, но их ярко-красные тела, казалось, были покрыты кожей, а не чешуей. Головы были увенчаны рядом шиповидных наростов. И... Блейк даже присвистнул — его записи вряд ли кто-нибудь поверит, но бинокль отчетливо показал, что каждое из этих существ — алых воинов — тащило блестящее копье с острым на вид наконечником!

Зачем? Они собрались напасть на черепаху? Нет. Они оставались у платформы, а черепаха, словно генерал, казалось, делала смотр своим войскам, хотя у ящериц не было и следа военной выправки. В сущности, насколько мог судить Блейк, они ничего не делали, только припали к земле и смотрели на платформу.

Затем одна ящерица отделилась от остальных и побежала, уже без прежней, вызывающей мелькание в глазах Блейка скорости, извилистым путем вокруг стен вверх по речной долине. Вроде ее послали за подкреплением. Но остальные явно не собирались ни забираться на платформу, ни осаждать ее, черепаха вполне могла убежать в реку.

Опять мелькнула красная искорка, на этот раз перед утесом, затем еще, еще, а черепаха по-прежнему оставалась неподвижной и спокойной.

Блейк почувствовал опасность.

Он уложил бинокль в футляр и повернулся как раз вовремя, маленькое копье мелькнуло в воздухе и отскочило от его защитного костюма. Затем посыпался целый дождь копий: они ударялись о Блейка и падали к его ногам. Было ясно, что пока он следил за действиями одной команды ящериц-копьеносцев, другая напала с тыла.

Хотя костюм и защищал от оружия, Блейку не очень хотелось спускаться к челноку под обстрелом. Он не мог ответить выстрелом из игольчатого ружья, потому что нападавшие появлялись на миг, бросали копье и тут же исчезали.

Блейк не мог состязаться с ними в скорости.

— Блейк! — Мэрфи в первый раз прервала молчание. — Челнок движется!

Блейк бросился к краю утеса. Неужели машина внезапно ожила, пока он бродил здесь? Может, сломанный путеводитель выбросит челнок в другой мир... Нет, вряд ли! После того, как произошла так называемая аварийно-страховочная посадка, Блейк уже не мог ни на что надеяться.

— Подскакивает? — спросил он.

— Нет, едет по земле, — ответила она, и это несколько успокоило его. Он поглядел в сторону челнока.

Мэрфи была права: челнок двигался медленно, толчками,

он двигался на запад, к далекому океанскому берегу. Копье ударило и задело правую руку Блейка. Он заторопился вниз. Он слышал шелест кустов, откуда нападающие все еще вели атаку. Но их копья уже не достигали цели: Блейк был слишком далеко.

Глава 5

Блейк бежал со всех ног по прорубленной им тропе и чуть не упал, потому что едва успел заметить баррикаду в самом узком месте тропы. Он зацепился ногой, но сумел перепрыгнуть заграждение. И снова в него полетели копья. Теперь он слышал злобное свистящее шипение — боевой клич его врагов.

Патрульный вырвался из густой растительности и побежал по рытвине, оставленной челноком. Серебряный овал машины медленно продвигался к западу, но Блейк не понимал, почему это происходит. Словно сама земля двигалась под челноком. Перед машиной трещали и ломались ветки, как будто освобождая ей путь.

— Блейк! — прозвучал в его наушниках голос Мэрфи.

— Я здесь, рядом.

— Блейк, они телепаты!

— Кто? — спросил он, огибая склон, чтобы обогнать жуткую процессию невидимок, расчищающих дорогу и тянущих челнок.

— Я не могу читать их мысли, потому что у них слишком низкая частота. Но они рассматривают нас, как врагов. От них исходят страх и ненависть.

Если самым эффективным оружием этого мира были копья, с которыми Блейк уже встретился, им с Мэрфи ничего было бояться. Но удалиться от точки входа челнока на этот уровень — потенциально опасно. Блейк подобрался к носу ползущего челнока, чтобы видеть, что там делается. И он увидел.

Черепахи — или черепахоподобные — ползли решительно и сосредоточенно, ломая растения и расплющивая их своим весом. Черепах было не меньше шести — массивные панцирные создания, чуть меньше той, которую Блейк видел у реки, и несколько отличавшиеся от нее. Их панцири не были такими рифлеными, а ноги и головы были желтовато-коричневыми, без ярких полос.

Когда челнок дернулся еще на фут вперед, Блейк заметил высунувшуюся из-под его низа ногу и понял, что машина

стоит на спинах неизвестного количества черепах, которые и везут ее на себе.

Объяснить такие организованные действия можно было только двумя причинами: либо отличной дрессировкой, либо наличием у черепах разума. Обучение подготовило Блейка к свободному восприятию самых необычных зрелищ и событий в любых параллельных мирах. В тысячах чередующихся времен человек имел слуг, орудия и друзей самых различных образцов. Трудно ли поверить, что здесь таким образом использовались черепахи и ящерицы? Однако...

Ящерицы были вооружены, а Мэрфи обнаружила чуждый телепатический настрой, в то время как любой человеческий мозг был или мог быть открытым для нее. Здесь не было барьера, закрывающего общение: просто слишком большое различие разумов.

Блейк присел на корточки, когда челнок выполз в относительно открытое пространство. Да, совершенно правильно: машина покоилась на спинах множества черепахоподобных, Время от времени одна выползала, и тогда другая, расчищавшая дорогу, становилась на ее место. Это были явно целенаправленные действия.

Копье стукнуло в плечо Блейка и упало на землю. Эскорт ящериц все еще сопровождал его и теперь вышел на открытое место. Блейк выстрелили в алую фигурку, оказавшуюся прямо перед ним. Ему повезло, потому что игла ударила в поднятую лапу рептилии. Ящерица подпрыгнула, запищала и упала. Блейк поднял ее, и в него тут же посыпался град копий. Не обращая на это внимания, он прицелился в медленно двигающиеся черепашие ноги. Челнок затрясся, ноги спрятались под панцирь. Эта банда ползунов, так же как и речная черепаха, не прятала свои широкие головы, так что Блейк стал стрелять им в шею. Он не знал, много ли черепах участвуют в этой перевозке, но продолжал стрелять, пока все не затихло. Взяв пленную ящерицу — он мог бы прихватить и черепаху, но у него не было ни сил, ни желания тащить ее — Блейк вошел в кабину.

Он и Мэрфи осмотрели изящное создание. Поставленное на задние ноги, — а ящерицы, по-видимому, предпочитали именно такой способ передвижения, — оно было высотой около четырех футов. Чешуи на теле не было, его покрывала мягкая красная узорчатая кожа. Шиповидные наросты были твердыми на ощупь, будто там была кость. Зубов не было, только костяные пластины, так что ящерица явно не была плотоядной.

— Смотрите! — Мэрфи коснулась того, что висело на шее ящерицы, плетенный то ли из травы, то ли из полосок кожи

шнурок, а на нем маленький костяной овал с двумя глубоко вырезанными линиями, вроде тех, что Блейк видел на стоячем камне у реки.

— Черепахи! — повторила Мэрфи, когда Блейк рассказал ей о причинах движения челнока.

— Черепахи и вооруженные ящерицы. А кто или что стоит за ними — неизвестно, — продолжал Блейк. — А как насчет сигнала бедствия?

— На самом широком диапазоне. Но, Блейк вы отдасте себе отчет в том, что мы нарушили Первый закон?

Первый закон перекрестного времени — не выдавать своего присутствия жителям любого временного уровня или, в крайнем случае, дать этим жителям фальшивую память.

— Такое случалось не один раз, — ответил Блейк, — а у нас не было выбора. Вы совсем не можете контактировать с ними? Попробуйте.

Мэрфи закрыла глаза и сосредоточилась. Если бы удалось установить телепатический контакт с местным разумом, это была бы удача. Они могли бы получить помощь или, по крайней мере, обрести уверенность, что на них не станут больше нападать и тащить куда-то.

Блейк следил за девушкой. Хотя лицо ее ничего не выражало, он видел, что она старается изо всех сил. Затем она открыла глаза.

— Ничего, ну, просто совершенно ничего!

— Вы хотите сказать, что они за пределами вашей частоты?

— Нет! Я уловила бы их волну и вне моей частоты, самой низкой, хотя не могла бы ничего понять, разобрать. Но сейчас там полное молчание. Они вообще ничего не передают!

Блейк повернулся к иллюминатору. На холме собрались ящерицы и бросали копыя в челнок. Но машина была неподвижна. Черепахи лежали в наркотическом сне и пролежат еще так несколько часов. Может, они как раз и обладали разумом, который Мэрфи уловила раньше?

— Разумные черепахи? — он усомнился вслух.

Однако Мэрфи ничему не удивлялась.

— А почему нет? В этом мире человеческий род, видимо, не развился. Таких миров много, и мы их не изучали. Что странного, если другие формы жизни развили разум и управляют здесь природой? Черепахи живут долго. У этих необычно крупные головы, возможно, что и мозг их мощнее, чем у их собратьев в других мирах, где живут люди. Они очень стары, как вид, потому что они жили еще до того, как первые млекопитающие появились на Земле. Блейк, это удивительное открытие!

— «Да, если у нас будет шанс сообщить о нем,» — подумал Блейк. Заметив перемену в ее лице, он понял, что она тоже об этом подумала.

— Вы сказали, что черепахи сочли нас врагами?

— Возможно, челнок по форме показался им гигантской черепахой, и они взяли его в плен, — продолжала Мэрфи.

— А эти? — Блейк поднял спящую ящерицу. Кожа ее была не холодная, как обычно у рептилий, а теплая и бархатистая.

— Медленнодвигающиеся должны иметь товарищей с быстрой реакцией. Может быть, это прирученные любимцы, может, слуги или соратники. Что вы с ней сделаете?

— Осмотрю и выпущу к ее друзьям. Что же еще?

Блейк осторожно уложил ящерицу на выдвинутую полку и навел объектив. Сведения будут не такими полными, какие дала бы лаборатория, но достаточными, чтобы дать ученым представление об обитателе этого до сих пор неизвестного мира.

Закончив, Блейк вынес инертную ящерицу и положил на кучу спящих черепах. заодно осмотрев и их. Ни одна не шевелилась, и Блейк надеялся, что так будет продолжаться еще некоторое время.

Вернувшись, он увидел, что Мэрфи открывает пакеты с едой. Блейк закрыл половину из них.

— Простите, — начал он, но она быстро кивнула.

— Я знаю, мы должны быть осмотрительны. Я, наверное, и в самом деле глупа, как утверждает Котор. А пить? — она взяла сосуд с саморазогревающимся стимулирующим питьем и после кивка Блейка сделала несколько глотков. — Я размышляла...теперь она откусывала неаппетитное, но очень питательное печенье.

— Насчет черепах? — подсказал он, поскольку она замолчала. Про себя Блейк удивлялся ее стойкости. Он мало чего знал о женщинах ее класса на Вруме, но те, кого он видел по делу, всегда казались ему утопающими в роскоши, заботливо охраняемыми их мужьями. После атомных бедствий, почти полностью уничтоживших население Врума, мужчин в этом мире всегда было больше, чем женщин. Выжили в основном военные в своих укреплениях, небольшие смешанные группы, спасавшиеся под землей, или те, кто скрылся в отдаленных землях.

Радиация вызвала рост мутаций, но они мало наследовались следующими поколениями. Многие вымерли. Но те, что остались, стали развивать психоспособности. Когда были открыты путешествия во времени, первой причиной интереса к таким поездкам была нужда в женщинах. Мужчины Врума привозили себе жен с других уровней, но затем это стало

считаться преступлением, которое наказывалось полным стиранием разума.

Женщинами очень дорожили на Вруме. Очень немногие из них путешествовали по перекресткам времени, разве что в безопасные миры во время отдыха с семьями, или как члены исследовательских групп, вроде тех, что были на Проекте. Но Блейк не знал ни одного случая, чтобы женщина посещала необитаемые миры в качестве патрульного или торговца, и поэтому удивлялся, что Мэрфи так легко переносит их теперешнее затруднительное положение.

— Я размышляла, — начала она снова, — о Марве. Каким образом она ушла с уровня? На незаконном челноке? Как она с Карглосом нашла этот челнок? В таком скалистом мире трудно скрываться.

— Коптер тоже исчез, — задумчиво сказал Блейк.

— Может, это только видимость? — перебила она. — Пассажиров похитили, а коптер спустили в реку или еще куда-нибудь. И, — неохотно добавила она, — Марву могли увлечь приключения.

— Что вы имеете в виду?

— Вы счастливый, Блейк Валкер, — она смотрела на него, и ее глаза цвета океана родного мира Блейка сияли. — Для вас нет закрытых дверей, вас не заставят слушать описание чудес перекрестков времени, чтобы запретить вам затем увидеть их своими глазами. Всю свою жизнь я слушала записи, смотрела фильмы о параллельных мирах, слышала рассказы таких людей, как Кам Валт и мой отец. Но позволить мне видеть все это самой? Нет! Нет!

— Зато вы делаете это сейчас, — сухо сказал Блейк, — и в таких обстоятельствах, от которых все, кроме патрульных, обычно защищены.

— Да, я помню все предупреждения и причины, по которым, как говорят, пишутся правила. Все это годами вколачивалось мне в голову! Но предположите, что я не хочу быть просто дочерью семьи Сотни и сидеть дома, предположите, что я до боли хочу ходить по перекресткам времени. Так оно и есть. То же самое с Марвой. Она любит следовать правилам и подчиняться распорядку еще меньше, чем я. Сколько раз я удерживала ее от глупых желаний нарушить эти правила. И вот, допустим, ей представился случай нарушить их, когда меня не было рядом!

— Вы думаете, она добровольно ушла с уровня, если ей представилась возможность испытать приключения?

Выражение лица Мэрфи навело Блейка на новые размышления. Если Марве предложили сделать тайно короткий прыжок, она могла согласиться и, возможно, оказалась затем

пленницей своих спутников — почти наверняка преступников, потому что те, кто привезет женщину на законную станцию любого параллельного мира, охраняемую бригадой патрульных, будут немедленно замечены и арестованы.

А выслеживать преступников на перекрестках времени... Блейк потряс головой. Он участвовал однажды в такой охоте и знал, сколько времени, сил и удачи требуется, чтобы поиск увенчался успехом. К тому же поиск может и не начаться, если им самим не посчастливится выбраться из этого мира.

— Если бы я в интересах Марвы перешла границы осто-рожности, — Мэрфи смотрела теперь в пространство мимо Блейка, — я подумала бы о мире E-625.

Блейк покачал головой. Ни один патрульный не мог удерживать в памяти все патрулируемые миры. Перед тем, как ехать куда-либо, патрульный получал краткие сведения об уровне. Блейк помнил те миры, в которых он сам участвовал в каких-либо действиях. Он на всю жизнь запомнил три мира, по которым крутился челнок захваченного ими преступника Пранжа. Но за прочей информацией патрульный обращался в штаб-квартиру.

— В прошлом году мы видели специальный фильм тамошней торговой фирмы. — Марва говорила потом о нем несколько месяцев. Уровень E-625. Я сразу узнаю.

— Вы?

Мэрфи кивнула.

— Да. Вы не сможете отправиться прямо туда и схватить кого-то, если он прячется. Но если я приеду на тот уровень, где Марва, я могу связаться с ней телепатически и узнать, как до нее добраться. Никакая машина этого не сможет сделать, так что должна поехать я.

Блейк не спорил. Факт, что эти планы могут никогда не осуществиться, как видно, не смущал ее. А вот Блейку этот факт был чертовски ясен.

Он подошел к сигнальному устройству. Оно регулярно посылало сигнал о помощи. Точность сигнала в какой-то мере нарушало то обстоятельство, что они сначала сами съехали с точки приземления, а затем были отвезены в сторону решительными черепахами. Блейк взглянул в иллюминатор. Алая масса ящериц исчезла. Делать теперь было абсолютно нечего, только ждать. Потускневший свет и удлинившиеся тени показывали наступление вечера. Блейк откинулся на спинку кресла и выключил свет в кабине.

— Зачем? — спросила Мэрфи.

— Чтобы не привлекать ничего внимания в темноте, — ответил он. — Из иллюминатора свет идет, как с маяка.

— Но если придет помощь, нас не увидят.

— Мы узнаем, если придут, тогда и включим свет.

Блейк сосредоточил свое внимание на сигнале. Но время шло, и их шансы постепенно убывали. Конечно, начальство пошлет патруль на Проект и в конце концов доберется и до их челнока, ЕСЛИ и второму патрульному не навредят.

Что же произошло на Проекте, если какой-то член их группы решился на такой немыслимый шаг? Или девицы Роган были причиной всех неприятностей?

Блейк мог придумывать сколько угодно причин, в основном, невероятных, но вряд ли когда-нибудь узнает правильную...

Кабина внезапно дернулась, и он услышал восклицание Мэрфи:

— Черепахи?

Можно ли выйти в темноту с фонарем и сколько-нибудь точно пользоваться игольчатым ружьем? Блейк вылез из кресла, решив, что надо попробовать.

Он вышел из люка. Земля двигалась. Над неподвижными черепахами шевелилось еще больше новых, только что появившихся. Бусинки глаз сверкали в свете фонаря. Одна из черепах схватила Блейка за ногу и разорвала упругий материал костюма. Челюсти, хоть и беззубые, с силой сжались. Он выстрелил прямо в желтую губу и пошатнулся: боль в ноге остро отдалась в бедре. Может, треснула кость? Он кое-как добрался до люка, открыл его и почти вполз в кабину.

— Блейк! Сигнал! Помощь идет!

Блейк проковылял к приборной доске, нажал кнопку... повернул рычаг...

— X-4-67 вызывает X-4-39. Как слышите? Как слышите? — раздался металлический голос. Видимо, говорила машина, а не человек.

Блейк попытался разогнать туман охватившей его боли и с трудом прохрипел:

— X-4-39 слушает. Незарегистрированный уровень... авария... нельзя взлететь...

— X-4-39, контакт установлен хорошо. Пускайте полный луч. Пойдем по нему.

— Трудная посадка. — Блейк старался передать предупреждения по порядку.

— Под холмом скользко. Атакуют местные обитатели. Следите за черепахами...

— Черепахи?! — Блейк услышал в голосе недоверчивые нотки, включая луч непрерывного вызова.

— Блейк! — Мэрфи стояла на коленях, снимая с его ноги обрывки спецкостюма. — Вы ранены!

Он увидел свою разорванную плоть. Кто сказал, что для укуса обязательно нужны зубы?

— Наши здешние друзья не хотят, чтобы их усыпляли. — он старался скрыть боль, которую чувствовал при малейшем прикосновении Мэрфи. — Но, во всяком случае, худшее позади.

«А может быть, худшее только начинается?» — пробила мысль сквозь волны боли.

Глава 6

Блейк был прав в своих подозрениях, что худшее последует за их возвращением из новооткрытого мира. Он утрюмо лежал на узкой койке, с перебинтованной левой ногой. Обычная пустота патрульной больницы эхом отзывалась в его предчувствиях. Конечно, прием, оказанный ему на Вруме, был малоприятным. Блейк прекрасно знал, что извинения не популярны в корпусе. И вдобавок ко всему, он еще лежит.

Самым главным в списке претензий, вероятно, будет провоз пассажира. Ему еще повезло, что они сели в черепашьем мире, очень повезло. Иначе вина за опасность, которой подвергалась Мэрфи Роган, легла бы целиком на него. Неважно, что падение антенн оправдывало просьбу взять пассажира, неважно, что челнок был намеренно испорчен: патрульный должен был отказаться везти с собой девушку в любом случае. К тому же он не проверил челнок, когда взял пассажира, и это привело к столкновению с жителями неисследованного мира. Да, все это были важные проступки, и Блейку очень повезет, если он вообще останется в корпусе.

Вдверь поцарапались, и вошел Кам Валт с записывающим прибором в руках. Его странные желтые глаза смотрели сухо и отчужденно. Он уселся в кресло и поставил готовую к работе машину на столик у изголовья кровати Блейка.

— Рапорт, — односложно приказал старший, включая прибор.

Блейк облизал губы и начал рапортовать по официально установленной форме. Рапорт этот, во всяком случае, не был обычным, хотя Блейк следовал стилю, которому его учили.

— Обычный рапорт...

— Секретный рапорт, — резко поправил Кам Валт.

Блейк переварил это. Значит...

— Секретный рапорт, — поправился он. — Обычная поездка на Проект 64-71. Агент Блейк Валкер, патрульный, 7105, челнок Х-4-39, под командованием...

Он говорил медленно, вспоминая каждую деталь, возможно, имеющую значение для тех, кто станет изучать этот ра-

порт. Это было долгое дело. Дважды Валт выключал прибор, и Блейк принимал лекарства, появляющиеся в желобке столика. Старший патрульный не задавал вопросов, пока Блейк добавлял факт за фактом.

Он закончил финальную сцену в кабине челнока, когда он, почти в бреду от боли, ждал с Мэрфи прибытия спасателей, и выговорил последнюю официальную фразу;

— Клятвенно подтверждаю: Блейк Валкер, патрульный, 7105.

Валт поставил печать на кнопку, закрывающую прибор, так что прослушать ленту мог лишь тот, кто имел на это право. Выражение его лица не изменилось.

— Вы взяли без разрешения пассажира, — быстро и нетерпеливо сказал он.

— Да.

— Вы вошли в контакт с разумной жизнью другого уровня и подверглись нападению.

— Да.

— Эти два пункта в рапорте могут повредить вам, — официальным тоном произнес Валт, все еще не вставая с кресла. — Вы собираетесь защищаться?

— Извиняться не буду, сэр, — Блейк хотел пожать плечами, но сделать это, лежа на спине перевязанному, было сложно.

— Техники обнаружили обширные повреждения в Х-4-39, похоже на диверсию, ловко выполненную. Это будет принято во внимание, когда ваше дело будет рассматриваться. — Отчужденность Кама Валта словно бы дала трещину, и он снова ожил. — Этот рапорт, — он постучал по аппарату, — полный, очень полный... Масса фактов. А теперь давайте догадки.

Блейк хотел поднять голову, но Валт наклонился и снова уложил его.

— Либо заговор Ограничителей, либо действия незаконного прыгуна.

— А диверсия? Вы предполагаете связь между Проектом и таким прыгуном?

— Более вероятно, что это — Ограничители. Но с какой стати Проекту связываться с ними? Если Ограничители все прикроют, что будет с нами?

— Да, это и ставит нас в тупик. Мы должны исходить из главного факта: Марва Роган исчезла, а Х-4-39 не должен был добраться до Врума. Вы понимаете, как вам повезло, что вас нашли? Только удача, мой мальчик, только удача!

— Я знаю. И удивлялся, почему систему связи не испортили тоже.

— Такая попытка была. Техники при осмотре нашли повреждения на защитной крышке. Но то ли не хватило времени, чему я скорее склонен верить, то ли не было специального инструмента, чтобы открыть внутреннюю панель. Теперь мы знаем: кто-то на Проекте сделал все, чтобы вы не вернулись. Зачем? Чтобы отрезать Проект от Врума? Может, мы что-нибудь узнаем, когда техники начнут работу над антеннами. Зачем их свалили? Мы проверили по чертежам — антенны не должны были и просто не могли упасть сами.

— Разве что их поставили намеренно неправильно, — усмехнулся Блейк. Нога его ныла, на глаза как бы давил изнутри тяжелый груз, который хоть и не причинял боли, но беспокоил. Блейку Валкеру сейчас было безразлично все — и то, что случилось несколько часов назад в другом мире, и то, что может случиться здесь. Он закрыл глаза и снова, с трудом открыв их, увидел, что Валт пристально смотрит на него.

Старший патрульный встал и взял записывающее устройство.

— Сейчас вам нужно спать, а не думать об этой путанице. Забудьте на время обо всем.

Тяжесть в голове Блейка превратилась в боль. Он проглотил таблетку, оставленную врачом, и снова закрыл глаза, стараясь выбросить из головы нависший утес, где скрывались алые ящеры с копьями и взвод черепах, уносящих челнок. И он избавился от этого воспоминания, его поглотил сон.

Следующие два дня Блейк дремал, переходя от сна в полубудничье, которое мало способствовало конструктивному мышлению. На третье утро он, однако, проснулся отдохнувшим, со свежей головой. Врач уверил его, что он пошел на поправку и должен упражнять ногу. Так что он на костылях добирался до холла и садился там в кресло, глядя в широко распахнутое окно на фантастические сады этого уровня. Из всех перекрестков времени Врум имел самую удивительную смесь странной архитектуры, растительности, украшений — всего, что было магней для глаз, для ушей и даже для носа. Врум брал себе образцы растений, зданий, статуй из параллельных миров. Сад перед глазами Блейка не был исключением.

Блейк видел папоротниковые деревья вроде тех, что были в черепашем мире, нависшие над статуей, изображающей крылатого человека, льющего воду из рога. По краям восьмиугольного бассейна росли розы и другие душистые цветы, незнакомые Блейку. Чуть подальше виднелась беседка с хрустальными стенами, похожими на замерзшее кружево.

Врум был перекрестком. Если Ограничители возьмут

верх, его жизнь сильно изменится и не в лучшую сторону. Так много территорий Врума сгорело в древних атомных катастрофах, что обитаемая часть их была просто цепью оазисов. Чего добивались Ограничители? Что они могли предложить взамен готового потока снабжения и торговли, который шел через челноки их родного мира? Точный контроль над контактами был уже установлен, уничтожение девяти десятых этих контактов, так того желали Органичители, задушило бы Врум.

— Блейк!

Отвлечшись от своих мыслей, он оглянулся.

К нему шла Мэрфи Роган, уже не в тускло-коричневом комбинезоне Проекта, а в сверкающем шелке, в вуали на голове, с узорами на лице и прочими модными аксессуарами. Она теперь выглядела, как женщина своего круга. За ней шел высокий мужчина с красивыми волосами, зеленовато голубыми глазами и самоуверенным выражением лица — мужской вариант представителя семейства Мэрфи. На его плечи была небрежно накинута официальная мантия, но Блейку не надо было видеть символ принадлежности Сотне на госте, чтобы узнать, кто он. Он потянулся за костылями, чтобы встать, но Мэрфи быстро отодвинула их.

— Сидите спокойно, — приказала она, и нотки надменности, которые Блейк заметил при их первой встрече, сейчас послышались еще более отчетливо. — Отец, это Блейк Валкер.

Эрк Роган сделал традиционный приветственный жест, скрестив руки ладонями вниз, и придвинул два кресла для себя и дочери.

Все в корпусе видели Рогана время от времени, иногда во время экспедиций, а иной раз как официальное лицо, связывавшее Патруль с Сотней. Его нервные движения, отрывистая речь, его манера держаться, словно он появился только на минуту, были знакомы всем.

Он и теперь не погрузился в кресло, а присел на самый кончик, как бы готовясь исчезнуть мгновенно, и заговорил резко, отрывисто, нетерпеливо:

— У меня полный отчет о вашем приключении... — он сделал короткую паузу, но Блейк ничего не ответил, так как не знал, нужно ли это. А Эрк Роган уже продолжал: — Мэрфи рассказала мне свою версию.

— Версию? — удивился Блейк. Его смутил этот намек на какое-то различие между их рассказами. Он взглянул на девушку. В противоположность отцу, она выглядела полностью расслабившейся, отдыхающей. На ее губах появилась тень улыбки, как будто она находила все это забавным.

— Я удовлетворен вашей ролью в этом деле, Валкер, поэтому просил, чтобы вам поручили участвовать в дальнейшем расследовании. Мне говорили, что у вас недостаток пси-энергии. Но полный комплект талантов не обязателен для члена бригады. Если вы пожелаете им стать.

— Эрк Роган! — спокойно сказала Мэрфи — ты же еще ничего не объяснил!

Роган на секунду нахмурился, но тут же улыбнулся.

— Я, как обычно, забежал вперед, молодой человек, ладно, сейчас объясню. Вы разговаривали с Камом; вы знаете, как развязать этот узел. Моя дочь пропала, и я уверен, что она прыгает по уровням. Вначале она могла согласиться вернуться добровольно, но сейчас это не тот случай: прошло слишком много времени. Не знаю, в чем дело. Ответов может быть несколько, и все логичные. Но ее необходимо найти. Конечно, это все равно, что бросить песчинку в кучу песка и потом пытаться разыскать именно ее. Мы имеем контакт с тысячью, если не больше, параллельными мирами: от регулярного действия станций до случайных визитов. Мы можем не сомневаться, что Марва не проходила ни через одну из официальных станций. Ко всему этому есть только один ключ, но он не надежен, как нить паука. Мэрфи знает, что ее сестра бредила Е-625. Это шанс, но такой хрупкий... Возможно, ее увезли туда якобы с мимолетным визитом.

— Но эти люди, кто бы они ни были, — вставил Блейк, — могли предложить ей это, а остановиться в другом месте.

— Совершенно справедливо, — Роган резко дернулся, и его мантия сползла с плеч, — но это все, что у нас есть. И мы должны следовать этим путем.

— А как насчет тех, на Проекте, кто испортил челнок?

— Там сейчас бригада патрульных проверяет все. Это нужно сделать, если Марва в руках преступников. Если она на Е-625, то Мэрфи об этом узнает. И как только этот факт будет установлен, мы будем готовы к следующему шагу.

— Мэрфи? — Блейк снова взглянул на девушку.

На этот раз она наклонила голову.

— Я узнаю, есть ли Марва там, следовательно, я необходимый член отряда, Блейк Валкер. На этот раз все правила будут нарушены с официального разрешения.

— В этом деле не будет споров, — прервал ее Роган. — Мэрфи необходима. Мы не можем обыскивать весь мир на всех уровнях, а она узнает о присутствии сестры за несколько часов. Поэтому мы нарушим одно из главных правил и позволим ей сопровождать поисковый отряд. За это меня призо-

вут к ответу, и я готов отвечать... после того, как вы уедете. Я не стал бы рисковать своей дочерью, не будь в ней уверен. Мэрфи всю жизнь жила среди рапортов и отчетов патрульных и сделала все разрешенные женщинам экскурсии по перекресткам времени. Она хорошо разбирается во всем. Но до тех пор, пока она отсюда не уехала — никому об этом ни слова.

— Я обещаю, — Блейк чувствовал, что на него нажимают, но у него и в мыслях не было отказаться от возможности присоединиться к бригаде. Роган, конечно, знает, какие обвинения лежат на Блейке. Эта поездка может изменить приговор, и его карьера не будет испорчена — разумеется, в предположении, что поиск удастся.

Роган встал, уронив мантию на пол.

— Мэрфи, — сказал он, направляясь к двери, — по моему распоряжению тебе даны предварительные инструкции. Познакомь с ними Валкера. Врач сказал, что вы будете здесь еще три дня, Валкер. На все обучение потребуется, вероятно, дней шесть. Но начните...

Мэрфи махнула рукой.

Мы уже начали, отец. Не беспокойтесь!

Блейк не был уверен, что Роган слышал это утверждение, потому что он исчез в дверях раньше, чем были сказаны последние слова.

— Итак, вы получили то, что хотели! — Блейк еще не разобрался в собственной реакции: раздражение, легкое удивление, подозрение, что ее влечет приключение само по себе, даже если не думать о причине.

— Я получила, что хотела? — повторила она. — Отсутствие способностей к телепатии, Блейк Валкер, временами заставляет мозг сгибаться и хромать, как сейчас это делает ваше тело. Вы требуете объяснений там, где другим не нужны слова. Но вы для меня — прочная стена, и я должна зависеть от ваших слов и догадываться по ним и по тону вашего голоса, что вы думаете и чувствуете. Я убеждена, вы думаете, что Мэрфи Роган смотрит на это дело скорее, как на приключение, чем как на спасение сестры.

Блейк покраснел. Он мог блокировать свои мысли о том, что ее касалось, но она все равно читала в нем так же ясно, как если бы он был открыт ее самому слабому зонду.

— Вы не знаете нас — меня и Марву, поэтому я не обижаюсь. Без Марвы я, как хромая. Плакать или бесцельно беситься не в моих привычках. Может быть, в первые часы, когда я не могла добраться до нее, во мне был яд страха. Но если страх построен не на воображении, он остается приглушенным, с ним можно жить и даже пользоваться им, чтобы

активнее действовать. Если я останусь здесь, не в силах ни во что вмешаться, страх действительно мной завладеет, и под его давлением я могу сломаться. Но теперь я буду делать все, что в моих силах, для спасения Марвы, и это даст мне силы. Я не думаю, что буду помехой вам или другим членам отряда. Ну, как, начнем?

Она достала из сумки маленький рекордер, дорогую игрушку, в которой Блейк признал одну из лучших технических новинок. Придвинув кресло ближе к Блейку, она поставила прибор на колени и достала из-под крышки два проводка с маленькими наушниками. Один она подала Блейку, а другой пристроила под локоны своей замысловатой прически. Когда Блейк кивнул, она коснулась клавиши, и лента закрутилась.

В дальнейшем зрительные образы будут основательно и детально изучены, в основном под гипнозом. А теперь они просто скользили по поверхности знаний о мире E-625.

В давние времена мир E-625 был единым целым с тем миром, который Блейк когда-то называл своим домом. Затем два критических изменения событий дали им совершенно разное будущее.

Первое произошло в 1485 году. Генри Тюдор не пришел к власти в Англии. Храбрость Ричарда III во время битвы при Водсворте отдала ему в руки ланкастерского претендента, и Ричард навсегда положил конец войне с Алой Розой.

Укрепившись на троне, Ричард развил бурную деятельность, историки мира Блейка признавали за ним массу талантов и сожалели, что он в их прошлом не имел случая показать свои достоинства наиболее способного из Плантагенетов. Брак его с шотландской принцессой обеспечил ему как наследника, так и безопасность границ. И Плантагенеты правили Англией еще сто пятьдесят лет. Блеск монархии, отмечавшей в мире Блейка правление Елизаветы Тюдор, в E-625 расцвел на поколение раньше, при Ричарде и его ближайших наследниках.

Учитывая важное значение торговли, Ричард поддерживал бристольских купцов, искавших новые рынки. Одна из торговых экспедиций, направляясь в Исландию, послала два корабля в сторону неведомого запада, о котором были получены сведения от скандинавов, и в 1505 году на Американском континенте была открыта первая торговая фактория.

Второй кризис, изменивший историю мира Блейка, произошел 7 июля 1520 года. Кортес, вытесненный из Теночтитлана восставшими ацтеками, вступил в последнее сражение близ города Отамба. На этом стрелка бесповоротно пошла

вниз, и упрямый испанский вождь и его деморализованные воины, большая часть которых уже погибла при отступлении, закончили жизнь на кровавых алтарях чужих богов, оставив Куатемока править страной.

За англичанами, торговавшими с индейцами на северном континенте, последовали английские рыбаки, позднее по атлантическому побережью распространились колонисты, постепенно основавшие государство Нью-Британия и оставшиеся лишь номинально под управлением их бывшей родины.

Испания, не получив золота Мексики и Перу, удерживала лишь немногие колонии в Вест-Индии. Глубоко увязнув в междоусобных войнах за власть, она отказалась поддерживать своих заокеанских подданных, и испанская Империя в Новом Свете так и не развилась.

Отразив в Е-625 испанское вторжение, ацтеки встали перед собственными трудностями. Исключительно кровавая религия их требовала все новых и новых жертв богам, и завоеванные ацтеками народы объединились против них. Кроме того, ацтеки гибли в бесконечных внутренних раздорах. Часть уцелевших бежала на юго-запад Северной Америки. Испанцы с островов, авантюристы из-за океана и Нью-Британия ловили рыбку в этой мутной воде, оказывая поддержку то одной то другой партии.

В 1560 году в этой нелегкой ситуации произошла резкая перемена. Один из тех вождей, что поднимаются иногда в национальных беспорядках, выдвинулся в Центральный Америке, возродив к жизни древние легенды о белом божестве. Происхождения этого вождя никто не знал, но он столь крепко правил этой территорией, что два его сына и их потомки объединили разрозненные княжества в мощную Империю, о которой правители ацтеков и не мечтали. Охраняемые властью Империи, торговцы майя потянулись на север, колонии ацтекских беженцев на юго-западе были взяты под контроль, и земли к западу от Миссисипи постепенно превращались в часть новой Империи.

Нью-Британия и Империя дважды воевали, оба раза безрезультатно. Затем приблизительно пятьдесят лет сохранялся мир или вооруженный нейтралитет. У Империи бывали пограничные стычки и трудности с русскими колонистами на западе. Река Миссисипи стала естественной границей между двумя государствами, носителями двух совершенно разных культур.

Все это — беглый набросок. Дальше, как понимал Блейк, придется усвоить многое, прежде чем он окажется в этом мире.

Глава 7

Я — Вильям Кэмпден, родившийся в Нью-Сассексе, в замке Гилдентхорп, ученик Гоуфорна, западного купца в порту Акрона. Мой отец — почтенный земледелец в Бредбери, и я его третий сын. Мой брат Руфус — командир в британском флоте; брат Кадвалдер — купец, ведущий торговлю в Китае; брат Ричард — старший, управляет имением отца...

Блейку не требовалось бормотать вслух, когда он размазывал это в памяти, которая, казалось, была набита чужими знаниями, словно кто-то вошел в Блейка и волей-неволей укрылся тем. У Блейка было странное ощущение, что он состоит из двух личностей, мало знакомых друг с другом.

Было сделано все возможное, чтобы добиться этого. Хотя Блейк с трудом поддавался гипнозу, с ним терпеливо и беспрерывно работали, пока он, наконец, не поддался и не впечатал в себя Вильяма Кэмпдена и его прошлое достаточно хорошо, по жестким стандартам Врума. Это давало возможность поместить Блейка в общество, которое его безоговорочно примет.

— Многие пойдет нам на пользу, — говорил ему Валт. — Холодная война между Толцекком и Нью-Британией не даст гражданам обеих держав разгуливать по вражеской территории. В прежние времена ацтеки использовали своих купцов, как агентов-provokаторов, посылая их в новые страны, перед завоеваниями, со строгим приказом раздувать смуту, чтобы армия имела уважительные причины наложить руку на чужую территорию. В сущности, всех «почтека» — купцов считали переодетыми солдатами. С другой стороны, в землях майя приветствовалась торговля, а не война, аристократией там были купцы, и каждый город ревниво охранял свои торговые права. После войны Объединения Кукулькан II укрепил купеческий класс обоих народов. Это подрезало власть военных вождей, среди которых, разумно предполагая, могли найтись мятежники, а также постепенно подрывало могущество класса жрецов, которых Кукулькан в начале своего правления уже дискредитировал серией чудес, продемонстрированных им для захвата верховной власти.

Нью-Британия оказалась в таком критическом положении, что вынуждена была разорвать торговый договор с Толцекком. У Толцека были неприятности с пограничными народами на севере и с русскими в Калифорнии. Длительное время, пока император Майяцин был несовершеннолетним, увеличивались трения между купцами и остатками старой

военной знати, которая могла обрести былую власть только в войне. Поговаривали также, что тайно возродился культ древнего ацтекского бога Уицилопочтли. Таким образом, — закончил Кам Валт, — мы пойдем по узкой тропе на краю пропасти и должны осторожно ставить ноги.

Бригада была готова к отправке на Е-625, имея лишь слабую надежду найти там то, что собирались искать. Блейк смотрел на предметы, лежавшие на столе. Красота и изящество выставленного привлекало бы внимание любого человека. Даже в родном мире Блейка, до того, как Карл Испанский, нуждавшийся в золоте для войны, приказал сложить все золотые украшения Мексики в общий плавильный котел, люди восхищались ими. В шкатулке с драгоценностями Марвы Роган в секретном отделении лежали старинные образцы этой работы, очищенные, облагороженные, но сохранившие оригинальный рисунок ожерелья и серьги. Даже Мэрфи не видела их до того, как стала пересматривать вещи сестры. Украшения были, бесспорно, из Толцка. В то время, как Эрк Роган прошупал осторожно все контакты своей дочери, за последние несколько месяцев, стараясь найти общий знаменатель между Е-625 и своим домом, Мэрфи стала более молчаливой и отчужденной. Ей стало ясно, что ее связь с сестрой вовсе не была такой полной, как она полагала.

С каменного мира Проекта пришли леденящие душу известия: пропавший коптер был найден разломанным в реке. Это означало конец поисков. Однако ни Роган, ни Мэрфи не верили в гибель Марвы.

Блейк раздраженно одергивал перед своей новой куртки. Граждане Нью-Британии не утратили вкуса к цвету, как сделали люди мира Блейка, склонившись в позднюю викторианскую эпоху к использованию в одежде темных цветов. И теперь на нем были узкие брюки сочного темно-зеленого цвета, сборчатая вышитая темно-красная рубашка навыпуск и куртка с широкими рукавами, отделанная по вороту узкой полоской меха и застегивающаяся, при желании, золотой пряжкой у ворота.

При всей экзотичности их одежды нью-британцы были крепкими, практичными, работающими людьми. И они не боялись новшеств в своей промышленности. Широко использовался транспорт на электроэнергии. Конные экипажи остались, но только, как традиция. Воздушные путешествия ограничивались короткими перелетами на низко летающих «крыльях», в основном для военных целей. Изобретенная лет двадцать назад «звуковая стена» закрывала воздушные границы обеих наций, «крылья» не могли преодолеть ее.

Как купец, Вильям Кэмпден не носил на боку оружия,

хотя его братья в своей разнообразной деятельности использовали церемониальные мечи, более короткие, чем то оружие, которое под этим названием знал Блейк. Так что широкий ремень на талии имел только пряжку с гербом его семьи, показывающую его ранг. Умение разбираться в геральдических пряжках вошло в курс его обучения, чтобы он не сделал какого-нибудь промаха в оказании почтения там, где это полагалось.

— Валкер — в дверях стоял Валт в такой же одежде, как и у Блейка, только цвета ее были синие и желтые, меховой воротник пошире, вышивка наряднее и на поясе висел меч мастера купцов, а пряжка говорила о его принадлежности к благородному дому. — Мы готовы.

Отряд частично состоял из давних соратников. Из других групп охотников, бродящих по параллельным мирам, был Пэг Ло Сайдж, которого Блейк знал как Стъэна Эрскина. Его снаряжение было более блеклым, и он выглядел хрупким в объемном плаще купца.

Мэрфи стояла чуть в стороне. На ней была едва прикрывавшая колени, обтягивающая серебристо-серая рубашка без всяких украшений, кроме щита на поясе. Поверх платья — чуть длиннее его — безрукавка более темного серого цвета. Одежда до колен выглядела однотонной, а ниже — яркой, потому что ноги девушки прикрывали лосины с плотным черным узором, щедро отделанные серебром. Мэрфи пришлось пожертвовать своими волосами: теперь они были коротко, по-мужски, пострижены, кончики отдельных прядей выкрашены в красно-коричневый цвет, что придавало ее голове забавную пестроту — последняя мода Нью-Британии.

Рядом с ней стоял Эрк Роган и крепко держал ее выше локтя, словно только в эти последние минуты подумал о риске ее путешествия. Однако он ничего не сказал, проводив ее с отрядом к челноку.

Врум имел станцию на E-625, так что случайностей не должно было быть, а челнок, перед тем как они поднялись на борт, был очень тщательно проверен. Тем не менее Блейк не мог не волноваться, когда его охватило знакомое головокружение: он бессознательно ожидал какого-нибудь несчастья. Затем он понял беспочвенность своего страха и разозлился. Неужели у него всегда будут подобные подозрения?

В кабине не разговаривали. Возможно, остальные, как и Блейк, мысленно пробегали заученные сведения о своих новых ролях — Вильяма Кэмпдена, Джоффри Варнстеда, его племянницы Энн Варнстед и Мэттью Лайтфута.

Сигнал, предупреждавший о их прибытии, казалось, глубже вдавил их в кресла, когда началось вращение. Затем они

оказались в каком-то складе. Управление рассчитало, что их вход произойдет под покровом ночи, так что только очень слабый свет давал им возможность разглядеть узкий проход между ящиками и тюками. Свет исходил из щели над дверью. Валт велел всем осторожно следовать за ним и медленно открыл дверь.

За дверью был окруженный стенами двор, вымощенный каменными плитами. Там их ждал грузовой фургон для перевозки товаров. Валт и Блейк сели впереди, Мэрфи и Ло Сайдж в крытую часть фургона. Можно было подумать, что Валт держит в голове карту и всю жизнь водит грузовик: он включил мотор, вывел машину через ворота, и они понеслись по лабиринту улиц, освещенных фонарями на столбах.

Сначала шли каменные или бетонные дома в четыре-пять этажей, а дальше возвышались многоэтажные. Здесь не было вывесок, только причудливо украшенные фонари, повешенные у некоторых строений, указывали, изготовлением чего занимаются или чем торгуют хозяева этих домов.

— Здесь, — Валт завел грузовик под арку во двор, столь же скудно освещенный, как и двор склада. За время быстрой поездки по улицам они видели очень мало людей, и то только мужчин. Это был пограничный город с точно соблюдаемым комендантским часом, и женщин здесь почти не было.

Они вошли в дом. Там их ждал крепкий мужчина в плаще мастера-купца. Остроконечная железно-серая борода его была очень солидной, и вообще, казалось, его авторитет непрекаем: Роджер Эршельм, английский купец из Лондона. Конечно, он не был ни «английским купцом», ни «из Лондона», но все в порту Акрона считали его таковым.

В хорошо освещенной, обшитой панелями комнате Эршельм скинул свой плащ и пригласил всех к столу, где стояло вино в замечательно сделанных кубках и металлические блюда с ободком из эмали с драгоценными цветными камнями, наполненные фруктами, вафлями и ломтиками хлеба, намазанными разными аппетитно пахнущими пастами.

— Это безумие, — буркнул Эршельм. — Вы, леди, — он посмотрел на Мэрфи, — сильно рискуете. В городе так мало женщин, что они все наперечет. Если тут увидят вас, поднимется такой переполох, что может быть раскрыта наша станция. А вам, — он повернулся к мужчинам, — я сейчас объясню другое. Вдоль реки неспокойно. Вас могут выслать из Империи в одной рубашке по прихоти какого-нибудь лорда...

— Что-нибудь случилось? — прервал его Валт. — Назревает мятеж?

— Случилось, да. Здесь всегда готовились мятежи, но сейчас, я считаю, все по-настоящему кипит!

— Какие-нибудь особые причины?

— Причины? — всплеснул руками Эршельм. — Купцы желают мира, а лорды, видя, как уменьшается их власть и доходы, — войны. Ходят слухи о диких инцидентах на границах, да и в других местах тоже. Пророчество о возвращении Унцилопочтли снова произносится. Правление малолетнего государя никогда не укрепляет королевский дом; не один лорд уже примеривается, как бы надеть императорский зеленый цвет.

— Но все это идет давно... — И создается отвратительная ситуация. Время идет, и лорды начинают показывать такую смелость, какую не демонстрировали со времени подавления восстания в тысяча девятьсот двенадцатом году. Они вытаскивают на свет забытые законы и пользуются ими, где и когда могут. Самый последний — сдерживание иноземных Дозволенных купцов. Им дозволяется выходить из своих домов только по пропускам и под охраной — для их же собственного блага, конечно. Население ненавидит иноземцев — было несколько хорошо направленных бунтов, чтобы в это поверили. Несколько красиво спровоцированных инцидентов — и будет причина для изгнания всех Дозволенных...

— И Нью-Британия согласна с этим?

— При теперешнем правительстве? — Эршельм пожал плечами. — Непосредственным будущим управлять нельзя. Но общественное мнение меняется, Умеренные могут потерять власть, и к ней придет королевская партия. Вице-король идет по узенькой тропке, сохраняя мир. И он может только советовать, но не приказывать. Расхождение с законами правящего дома полное. Итак, если вы не найдете того, что ищите, в Нью-Британии... — Эршельм внезапно замолчал. Мэрфи произвольным жестом столкнула на пол стоявшую перед ней чашу с вином и, даже не взглянув вниз, повернула голову, как будто ее что-то с силой притягивало. Все устали на нее. Медленно подняв лицо с широко раскрытыми глазами, она встала и подошла, держась за стену, к окну. Руки ее отдернули занавески и потянулись к шпингалетам. Валт в два шага очутился возле нее, отвел ее руки и открыл окно. Холодный ночной воздух принес с собой звук бегущей воды. Вдали виднелись искорки света — фонари. Валт бережно обнял Мэрфи за плечи и тихо назвал ее по имени. Она качнулась к нему, но головы не повернула, продолжая вглядываться в ночь. Затем она вздрогнула всем телом, повернулась к Валту и схватила его за куртку. Лицо ее было усталым и напряженным.

— Я не ошиблась, — сказала она тихо, но так отчетливо, что ее слышали все. — Марва здесь!

— Вы можете узнать, где? — спросил Валт. Она ответила вопросом:

— Где находится Ксоматль?

Валт посмотрел поверх головы Мэрфи на офицера станции.

— Это на территории Империи, на юге, — ответил Эршельм. — Если она и в самом деле там... — он покачал головой.

— Нью-Британия не имеет там связей? — спросил Валт.

— Караван Дозволенных купцов бывает там каждый второй месяц, — по крайней мере, так было раньше, а будет ли впредь — кто знает? Но мандаты таких купцов достать невозможно. Эту торговлю ведут из рода в род одни и те же фамилии. Включить кого-то другого в такую экспедицию невозможно.

Валт взглянул на Мэрфи.

— Вы уверены?

— Да. Она взаперти, но не считается пленницей. Я попробую глубокий мысленный зонд и, может быть...

Валт оживленно кивнул.

— Давайте! Эршельм, у вас есть отдельное помещение? Мэрфи, вам понадобится усиливающий наркотик?

— Сначала я попробую так. Мы никогда не пользовались им, и раньше у нас всегда хорошо получалось.

Она вышла с Валтом и Эршельмом. Блейк кое-что знал о предстоящем ей испытании, хотя сам никогда ему не подвергался. Межмозговое общение на высшем уровне вводит участников в некое подобие транса. Они должны находиться в отдельном помещении, в полной тишине и покое. Мэрфи это будет предоставлено, но находится ли ее сестра в таких же условиях, чтобы иметь возможность ответить? Один шанс из тысячи, догадка Мэрфи, что ее сестра на этом уровне, была правильной, это доказано. Но куда им теперь идти и как?

Ло Сайдж допил свое вино, улыбнулся Блейку и сказал, словно прочитал его мысли:

— Обдумываете следующий ход? Не тратьте время зря. Мы все равно не приступим к действиям, пока не будем уверены. Эршельм кричит «невозможно», а сам уж пытается проткнуть дыры в собственном вердикте. Нам придется потерпеть. А непосредственное наше будущее — сон.

Блейк лег в кровать с пологом, на тонкое, пахнущее лавандой, свежее прохладное белье. В этой комнатке чувствовалось дыхание прошлого: казалось, время здесь течет медленнее, некоторые атрибуты другого, более величественного века задержались тут, чтобы дать ощущение безопасности и отождествления с кем-то из предков, чего недоставало в родном мире Блейка.

Перед тем, как лечь, он открыл окно, и в комнате забормотали звуки реки. Одно хорошо было в порту Акрона: не было рева судов, проходящих в ночи.

Река и то, что за ней, — вражеская территория. Где-то на юго-западе есть другой город, еще древнее этого, и в нем, с неизвестными пока целями, содержится Марва. Невероятное оказалось возможным: они появились в том же мире, где была Марва, а шанс на это был так мал, что казался несуществующим. Будет ли удача по-прежнему благоволить к ним?

Бормотание реки успокаивало, и Блейк забылся, но вскоре проснулся. Где-то далеко, тенью от тени, кралась опасность. Предупреждение было очень слабым, но оно было. Оно еще не призывало к оружию — это было пока только тенью, призраком опасности. Откуда? С юго-запада?

Глава 8

— Безумие! — Эршельм поднялся из складских помещений вниз и теперь расхаживал взад и вперед. Полы его куртки развевались, как крылья зловещей птицы. — Только что сообщили о высылке купцов из Тонокала и Манао.

— Но караван все-таки готовится идти в Ксоматль, нет? — Валт сгорбился за столом, вглядываясь в карту, прижатую по краям ладонями и вилками. — Города, о которых вы упомянули, на севере. Есть какие-нибудь причины тому, что Империя так поступила?

— Оба эти города в старых пограничных районах, — уклончиво ответил Эршельм.

— Купцы там всегда были на подозрении, — прокомментировал Ло Сайдж. — Они явно оставались воинами. Два поколения назад они подняли восстание против Империи, и это изменило ход последней войны и спасло запад Нью-Британии от вторжения. Им не нравится правление Империи, и у них всегда наготове оружие для интриг.

Эршельм остановился у стола.

— Это истинная правда. И есть все признаки того, что вулкан вот-вот начнет действовать. Если какой-нибудь британец перейдет границу... Когда это случится — да поможет им небо! На этой земле ничего не останется! Фанатики захотят кровавых жертв по древним обычаям, а кровь иноземцев для этого лучше всего.

В наступившем затем молчании раздался странно дрожащий голос Мэрфи:

— Марва там!

Под ее глазами были темные круги, она будто встала после тяжелой болезни.

— Больше вы ничего не знаете? — спросил Эршельм.

— Я не могла... узнать больше. Не знаю, почему.

Попытка Мэрфи не принесла ей близкого контакта с сестрой. Это встревожило всех, а для Мэрфи явилось шоком, от которого она все еще не могла оправиться.

Мозговой блок? — спросил Ло Сайдж, переводя взгляд с девушки на Валта, а затем на Эршельма.

— Возможно, — ответил Валт.

— На этом уровне никто на это не способен, — возразил Эршельм.

— Нельзя недооценивать местных жрецов, — заметил Ло Сайдж, — Марва появилась в этом мире не одна, ее привезли для определенной цели. С этим мы все согласны. Но эти люди должны были действовать со всеми возможными предосторожностями.

— Мы должны найти ее! — почти истерически воскликнула Мэрфи. — Что, если она... если ее привезли... в дар?

Совость Врума не была вполне чиста в этом отношении. Очень многие семьи Врума привозили когда-то подневольных невест, похищенных из параллельных миров, и они стали основательницами кланов. Роганы, наверное, тоже имели хотя бы одну такую подневольную невесту в прошлом, и ее потомки должны были знать об этом. Так что предположение Мэрфи было вполне логичным.

Валт покачал головой.

— Нет, дело тут не в похищении жены, будь это так, ей дали бы фальшивую память, а не тащили бы прямо на этот уровень, как пленницу. Больше того, подобный дар не приемлем в Империи Толцека. Женщина вашего типа не представляет интереса ни при дворе, ни у знати. Если только... — он вдруг замолчал, крепко сжав губы.

Мэрфи вскрикнула, вскочила из-за стола и прижала руки ко рту жестом, выражающим ужас, как будто губы ее готовы были произнести нечто настолько страшное, что это нельзя было сказать вслух. Не в первый раз Блейк пожалел, что не имеет телепатической силы. Какая-то мысль мелькнула в мозгу Валта, передалась девушке и, похоже, Ло Сайджу, если судить по выражению его лица. Только Эршельм смотрел на них в недоумении. Блейк решил, что пси-сила купцов лежит в другой области.

— Итак, — Ло Сайдж забарабанил пальцами по столу, — похоже, что сейчас самое важное — быстрота...

Валт прервал его, сказав Эршельму.

— Мы обязательно должны быть в караване, который уходит через два дня. Как это сделать?

Эршельм ударил кулаком по столу.

— Я же говорил, что это невозможно! Три британские семьи имеют наследственные права торговли в Ксоматле: Вильфорды, Фронтнэмы, Трелейлы. Все они лично известны стражникам, пограничному патрулю, купцам в Ксоматле. Никакая замена невозможна: это сразу будет замечено.

Ло Сайдж устало улыбнулся и сказал с обманчивой мягкостью:

— Неразрешимых проблем нет. У вас есть полный список тех, кто едет, и снимки каждого?

Эршельм достал из внутреннего кармана куртки пакет и бросил на стол.

— Шесть человек, и каждого из них пограничники знают, как своих родных братьев.

Ло Сайдж достал из пакета катушку пленки и маленький проектор, который и навел на стену. Изображение было не такое ясное, как на настоящем экране, но каждого человека можно было разглядеть. Шестеро мужчин, от среднего возраста до юношеского. Самым старшим был мастер, Джеймс Фронтнэм, остальные — два помощника, ученик и двое рабочих, стремящихся стать учениками.

— Все они либо Фронтнэмы, либо Вильфорды, либо Трелейлы, даже рабочие, — заявил Эршельм. — Мы не можем сунуть к ним ни одного новичка.

— Тогда, — мягко сказал Ло Сайдж, — мы смахнем их всех и заменим всю компанию.

Блейк подумал, что Эршельм тут же запротестует, но купец не сразу ответил, а сначала оглядел всех по очереди.

— Знаете, это не просто безрассудство, — сказал он спокойно, — это крайняя степень безумия. Да, — он махнул рукой, как бы отметаая возражения, — мы можем сделать из вас визуальные копии этих людей, можем дать вам кое-какой инструктаж. Но это не поможет вам, когда вы окажетесь на том берегу среди подозрительно настроенных людей, много лет знающих Дозволенных купцов и видящих в каждом чужеземце потенциального шпиона.

— Понятно, — сказал Валт, — значит, вы считаете, что не стоит и пытаться. Но если то, чего я опасюсь, правда, это сделать необходимо!

Мэрфи все еще прижимала пальцы к губам. Глаза ее были широко раскрыты и сверкали, как глаза испуганного животного. Блейк еще не знал, чего они все боятся, но понимал, что дело очень серьезное, если Валт забывает о границах осторожности.

— А почему это так важно? — почти жалобно спросил Эршельм.

— Древние обычаи, — явно неохотно ответил Валт. — Очень древние. Подумайте сами, зачем провезут иноземку, девушку в некоторые районы за рекой?

Эршельм перестал нервно разглаживать полы своей куртки. Его глаза из-под седых бровей резко взглянули на Валта, а затем его дыхание перешло в шипение.

— Не может быть! — запротестовал он, уже против своей воли разделяя опасения Валта.

Теперь дошло и до Блейка. В его мозгу вспыхнуло ужасающее воспоминание и вызвало тошноту, так что он конвульсивно сглотнул. Древняя история, способная вывернуть человека желудок.

Бежавшие ацтеки, ища себе новую родину, временно заключили союз с королевским городом, находившимся в плодородной долине, которая очень приглянулась ацтекам. Благодаря превосходству ацтекских воинов, совместные военные действия были успешными, и ацтеки наметили на дальнейший союз через брак их вождя с королевской дочерью. Король под впечатлением мощи и военной доблести этих северных дикарей, согласился. Прибыв на свадебный пир, король и его приближенные увидели, как жрец танцует перед статуей страшного бога, одетой в мантию из содранной кожи королевской дочери! Когда король и его приближенные бросились на своих недавних союзников и погнали их обратно в пустынные земли, ацтеки, в сущности, не поняли, за что их преследуют: по их мнению, они оказали честь как своему богу, так и принцессе.

Да, в прошлом там были мрак и кровь. И если теперь вернулись те ужасные дни...

Но ведь это было шестьсот лет назад, — сказал Блейк. — Не могут же этого делать теперь!

— Старые верования умирают трудно и могут снова родиться в умах отчаявшихся людей. Людьями, объединенными общей виной, легче руководить. А в Империи всегда тлели угли древней религии. Люди были вынуждены идти другими путями, но в некоторых местах власть жрецов все еще держалась. Величайший из прежних вождей, Кецалькоатль, был изгнан и за то, что хотел отменить кровавые жертвоприношения. Когда хаос гражданской войны в 1624 году привел к власти Кукулькана II, жрецы были подавлены, но старые боги полностью не были уничтожены. О, я знаю, что сами вожди не верили в Уицилопочтли, в Ксипе и других местах, но кровавые церемонии все же устраивались и возбуждали тех, кем правили вожди. Большая и относительная открытая це-

ремония вполне может пройти по всей Империи и поднять волнения, в которых захватят власть те, кто ее жаждет.

— Вы правы... — тяжело произнес Эршельм. — Да еще — дата...

— Пятидесятидвухгодичный цикл — разжигание нового огня, — уточнил Ло Сайдж.

Валт взглянул на него, потом на Блейка. Блейк вздрогнул от его холодного взгляда, но только кивнул начальнику, как бы подтверждая получение молчаливого приказа.

Обучение Блейка позволило ему понять замечание Ло Сайджа. В древних южных королевствах неплохо разбирались в астрономии, и календарная система этих королевств основывалась на пятидесятидвухгодичном цикле. В конце этого периода был колоссальный «новогодний» праздник, длившийся очень долго. Аннулировались все долги, прекращалась вражда, оканчивались сроки соглашений и контрактов. Хозяйки выбрасывали свои горшки, кастрюли и мебель и заменяли на все новое. И новый огонь, отмечавший начало эры, разжигался на груди приносимого в жертву человека.

— Конец старого, начало нового, — сказала Мэрфи. — У нас так мало времени... Ох, Кам!

Мастер патрульных не протянул ей руки через стол и не кивнул, но от него к девушке, видимо, прошла успокаивающая волна, потому что Мэрфи заметно расслабилась.

— Вы можете собрать всех членов каравана? — спросил Валт у Эршельма.

— Да. Я могу пригласить их сюда на банкет. Принято приглашать коллег перед их отправлением в торговую поездку. Я постараюсь убедить их взять с собой дорожные документы. Поскольку я англичанин, они поверят в такой жест с моей стороны. Но... у нас только два дня...

— Мы очень благодарны вам, — сказал Валт.

Вечер, ночь, восход солнца, первый час нового дня. Блейк смотрелся в зеркало. Он больше не был ни Блейком Валкером, ни Вильямом Кэмпденом: он стал Руфусом Трелейлом. Его купеческая куртка и знаки ранга исчезли. Теперь на нем были грубые темные брюки, тускло-зеленая рубашка, поверх нее туго облегающий камзол без рукавов, дающий больше свободы движениям руки для тяжелой работы грузчика.

Валт теперь был Джеймсом Фронтнэмом, Ло Сайдж — Ричардом Вильфордом, а Мэрфи — Денисом Фронтнэмом. К ним присоединились два патрульных, ставших с Блейком рабочими. Они были добровольцами из штаб-квартиры, а не из компании Эршельма, иначе их отсутствие могло быть замечено.

Настоящие нью-британцы сначала подверглись телепа-

тическому воздействию, а потом в наркологическом сне были отправлены на Врум. Когда они вернутся, им дадут фальшивую память на время их отсутствия.

Чуть позднее Блейк уже смотрел вдоль пристани, следуя указующему персту человека, толкавшего две грузовые тележки; одну такую же Блейк толкал сам. Речной грузовой бот ожидал их. Его команда состояла из темнокожих подданных Империи, вдоль палубы стояли солдаты. Большая часть груза уже несколько дней была на борту. За груз на тележках были ответственны Блейк и его напарник, потому что он содержал самые ценные товары каравана — главным образом, экзотические предметы роскоши, которые могли купить только знатные люди, придворные, и кое-что, предназначавшееся для «подарков».

Удался ли им обман? Инструктаж по их новой роли был очень краток, он лишь скользил по поверхности, и Блейк сомневался, что они пройдут неразоблаченными.

— Эй, пошевеливайтесь! — Валт оглянулся с приличествующим случаю раздражением и махнул рукой рабочим. Блейк и его напарник бегом бросились на палубу.

Судно имело форму тупоугольного треугольника, расширенного к корме. Что приводило его в движение, было неясно, но купцам интересоваться такими вещами было не к лицу.

Как только они очутились на борту, их всех согнали на корму, с шумом упали решетчатые перегородки, оставив их, таким образом, в изоляции. Мало того, у решеток были поставлены двое часовых, сменявшихся каждые четыре часа. Но все это было обычным делом. Съестное у них было с собой.

— Ну, вот, мы и в пути, — сказал Ло Сайдж. — Каким же будет наш следующий шаг?

— Если все пойдет хорошо, — ответил Валт, — мы высадимся, как всегда, на Восточном Моу в Ксоматле. Нас поведут под стражей в южную часть города. В Дом Иноземцев, который больше напоминает тюрьму, чем дом. Затем мы поднесем подарки капитану порта, главе местной торговой гильдии и представителю тональ-пульки, который занимается предсказаниями и назовет нам хороший день для торговли. Это обычная процедура. Если дары будут приняты, мы объявим о торговом дне главе гильдии, который придет с инспекцией. До начала торговли у нас будет три дня, а то и больше. Можно продлить этот срок, немного задержавшись с подарками, но не стоит вызывать подозрений.

— Они будут каждую минуту следить за нами! — сказал один из новых членов отряда.

— Будут! — согласился Валт.

Блейку казалось, что у них нет никаких шансов, но он

верил в Валта и в его опыт, где-то мастер патрульных наверняка видит лазейку, но сейчас не настолько уверен в ней, чтобы объяснять подчиненным.

Собственные предчувствия Блейка, лежавшие теперь тенью в мозгу, дали вдруг минутный озноб, скользнувший вдоль позвоночника.

Сложив остаток груза так, чтобы все выглядело нормально в глазах стражников, он в конце концов вышел на отведенную купцам часть палубы. Река в этом месте была широкой, и они шли по диагонали к берегам Империи. На той стороне Блейк видел дикие места, где, возможно, людей вообще никогда не было.

Дважды в этой зеленой стене мелькали маленькие причалы, но к ним не приставала ни одна лодка, и вообще вокруг не было признаков жизни. Начало темнеть, и Блейк пошел в кабину ужинать. Там были все, кроме Ло Сайджа. Через минуту появился и он. Лицо его было искажено.

— На борту Ягуар-офицер!

— Точно? — спросил Валт.

— Он только что поднялся на наблюдательную палубу и следит за нами. Ошибки не может быть, я видел его символ. Вы знаете обычай: никто не может носить этого знака, кроме тех, кому он был торжественно пожалован.

— Ягуар-офицер... — размышлял Валт.

Военная элита древнего королевства ацтеков принесла в Империю два рода воинов: Ягуаров и Орлов. В каждой из этих групп люди приобретали положение только после победы во многих почетных битвах. Хотя Империя официально давно уже не воевала, постоянные пограничные стычки давали честолюбцам возможность продвижения. Лишь немногие торговцы, при всей их власти, и их сыновья добивались права носить знак оскаленной звериной маски или орла с распростертыми крыльями, в основном такое отличие было привилегией старых знатных военных родов.

— Может, он из пограничной инспекции и сел на этот корабль случайно или из любопытства..

— Я не верю в такое совпадение, — ответил Валт.

Мэрфи рано ушла в свою каюту, а Валт, Ло Сайдж и старший из добровольцев продолжали сидеть за столом. Блейк ушел обратно на палубу. Часовые мерно расхаживали. Оба они были вооружены не только длинными поясными ножами, но и местным эквивалентом винтовки, стреляющей огненным лучом.

Блейк не обнаружил перил на стороне, обращенной к берегу. Здесь тоже была решетка, поднимающаяся над палубой футов на шесть, если не больше. Она ясно показывала, что

люди, находящиеся внутри, должны там и оставаться. Да и высадка на темном берегу не принесла бы человеку пользы: любой беглец будет очень быстро выслежен и схвачен обученными собаками или же дикарями.

— Тейялуантме! — донеслось со скрытой в темноте верхней палубы. Слово звучало, как змеиное шипение. Что-то упало с мягким шумом. Блейк протянул руку, и его пальцы нащупали веревочную лестницу.

— Лезь! — приказал голос сверху.

Раньше там был свет, но теперь вся секция была темной. Блейк видел только темную фигуру у вершины лестницы.

— Лезь! — снова приказал голос, еще более повелительно.

Кто-то назвал Блейка древним словом, обозначающим купца-шпиона на службе Империи, и теперь приказывал ему выбраться из его тюрьмы, как если бы он, Блейк, ждал этого зова. Если он откажется, это может подвергнуть опасности весь отряд. Но кто его зовет? И зачем?

Блейк поднялся наверх, проклиная про себя офицеров стражи и судно.

— День девятый? Кто бежит по улицам с грязным лицом?

Слова произносились по-английски, но были искажены шипением. И Блейк, не понявший этой тарабарщины, которая, однако, видимо, имела какое-то значение и для спрашивающего, и для подлинного Трелейла, не ответил.

— День девятый, — снова начал тот. Затем Блейк услышал тяжелые шаги, и в ту же секунду его чувство опасности ожило, настоятельно требуя, чтобы он немедленно подумал о защите. Блейк отскочил от поручней, где висела лестница; но человек, все еще казавшийся тенью, бросился следом, желая повалить Блейка. Блейк ударился о боковые поручни и громко позвал на помощь.

На него напали... Нет, тот, кто подошел, не собирался помогать! Грубые руки схватили Блейка за лодыжки, и он полетел через поручни вниз, в реку...

Глава 9

Блейк распластался в вонючей грязи. Удушающе пахло гниющей растительностью. Он не вполне представлял себе, каким образом добрался в темноте до отмели. Какой-то инстинкт провел его по реке, где огненные лучи хлестали воду над его головой, когда он пытался выбраться на поверхность. Видимо, на судне решили, что убили его, а может, просто оставили для берегового патруля. Он выплыл, вернее сказать,

вырвался из объятий воды на хрустящее камышовое ложе, сел и попытался разобраться в том, что случилось. Совершенно ясно, что его вызвали на тайное свидание и потребовали пароль, который был ему неизвестен. Затем кто-то, может быть, и не участвующий в тайной встрече, прошел про палубе, и невидимый собеседник Блейка применил решительные меры для избавления от возможного изменника — выкинул Блейка за борт.

Теперь он был на территории, где легко стать добычей первого встречного. У него был выбор: либо снова плыть через реку в Нью-Британию, либо придумать способ спуститься вниз по течению и догнать купеческое судно. Блейк не был уверен, что то или другое возможно. На левой руке от плеча до локтя тянулась опаленная полоса в три пальца шириной и причиняла при движении мучительную боль. Переплывать в таком состоянии широкую быструю реку — нет!

Но здесь вдоль всего берега были песчаные наносы. В родном мире Блейка эта река пользовалась дурной славой из-за постоянного изменения глубины, наверное, и здесь было то же самое. Если он найдет что-нибудь плавучее для поддержки, то сможет плыть и даже догнать судно, где, правда, его могут и подстрелить, но могут и поприветствовать — те, кто был бы рад услышать о его встрече с неизвестным на верхней палубе. Блейк был уверен, что интриган — армейский офицер. Но возможна ли связь между офицером и иноземным купцом, из тех, кого вечно проклинали и считали врагами?

Блейк с трудом поднялся на ноги. Идти по затопленному камышу не удастся, потому что с первым же шагов ноги его глубоко увязнут в гнили. Придется подняться выше.

Ночь была безлунной, и Блейк лишь смутно различал высокую обрывистую часть берега. Каким-то образом ему все же удалось подняться наверх. Там он лег, тяжело дыша и прижимая к груди обожженную руку.

За темной завесой кустов танцевали искры света. Костры. Блейк прислушался к ночным звукам: полет совы, всплеск — видимо, какое-то животное на водопое, а затем, — лай, заставивший его вздрогнуть. Патрульные собаки?

Идти наугад в темноте было не очень разумно, но чем дольше он останется здесь, тем дальше уйдет судно и увеличится возможность попасться патрулю. Ну что ж, значит, надо идти!

Блейк встал. Река здесь поворачивала на юго-запад. Он, спотыкаясь, заковылял вдоль берега. Что-то темное фыркнуло и с шумом бросилось от него в кусты. Еще два раза он слышал дикий лай. Он стал считать шаги: пятьсот, отдых до сотни, пятьсот, опять отдых. Было слишком темно, чтобы

искать какое-то подобие плота: как только чуть-чуть рассветет, он спустится к воде и поищет.

Нью-Британия держит патрульные крейсера на своей стороне реки, вспомнил Блейк. Найти что-то плавучее для поддержки, переплыть реку, уйти подальше от этого негостеприимного берега... Если его захватят нью-британские власти, он назовется беженцем с верховьев реки, спасающимся от враждебности имперской знати... Едва ли это выйдет: Блейк устал, а рука, которую он засунул за пазуху, пульсировала болью, отзывающейся в плече и груди настолько сильно, что он иной раз не мог вздохнуть, и ему приходилось останавливаться, чтобы отдышаться.

Ночь длилась бесконечно. Время перестало существовать для Блейка, и он был осужден вечно тащиться сквозь тьму, спотыкаясь о корни и низко стелящиеся ветки. Он шел как бы в полусне. Чувство опасности превратилось в общую тревогу, как было в челноке на Проекте. Челнок... Валт... Мэрфи... Судно...

Блейк тупо вспоминал недавнее событие, как будто все, что произошло, ни с какой стороны не касалось его. Важен был лишь следующий шаг, следующий и еще следующий... если он сможет сделать их.

Блейк споткнулся, упал и как раз на поврежденную руку. Тьма в его глазах стала еще плотнее, он не мог удержаться от стога. Он так и остался лежать, где упал, а небо стало бледнеть.

Его разбудил дождь. Холодные струи лились сквозь ветви и снова намочили непросохшую одежду Блейка. Он открыл глаза и тупо заморгал, не понимая, где он. Дождь, ветки — он под открытым небом. Как он сюда попал? Вода, падавшая на лицо, несколько освежила память. Он в другом мире... Корабль... Река... Он шел вдоль реки. И сейчас светло. Наносы на берегу... Надо уходить отсюда! Он встал, держась за куст, и замер — тихое рычание совпало с сигналом внутренней тревоги, Блейк медленно повернул голову к источнику звука. Яркие, отливающие зеленою глаза смотрели на него с расчетливым охотничьим интересом. Уши зверя были прижаты к круглой кошачьей голове, сквозь бывшие клыки вырвалось предупреждающее шипение. Пума? Нет, это был ягуар, пятнистый владыка джунглей дальнего юга. Хоть здесь он и не дома, однако явно был хозяином положения.

Ягуар вытянул лапу и чуть двинулся вперед, прижимая брюхо к земле. На нем был ошейник с зелеными камнями. Снова предупреждающее шипение. Блейк взвесил свои шансы. Позади, не очень далеко, обрывистый берег. Сумеет ли он добежать, прежде чем зверь прыгнет? Сомнительно.

Ягуар поднял голову и издал визгливый вой. Ему ответило рычание позади Блейка. Значит, Блейк в капкане! Не спуская глаз с ягуара, словно стараясь удержать его своей волей. Блейк чуть отступил в сторону, чтобы видеть и в другом направлении.

Его внутренняя тревога оставалась на прежнем уровне, словно бы звери не представляли смертельной опасности.

Появилась вторая голова, покрытая гладким блестящим мехом. Ее трудно было различить в подлеске, поскольку мех был черным, выделялись только оскаленные белые клыки. Второй зверь не выходил на открытое место. Он рычал и сильно тряс головой, стряхивая воду. Пятнистый кот теперь лежал и тоже рычал и шипел на дождь: он не хотел мокнуть. Ни один из зверей не выражал склонности к атаке, но Блейк ничуть не сомневался, что они следят за каждым его движением.

Охотничьи коты! Блейка предупреждали насчет собак речного патруля, злобных, славящихся как способностью выслеживать, так и частыми роковыми атаками на беглецов. Но о котах в инструктаже ничего не говорилось. Может, это любимцы какого-нибудь местного лорда? Ягуар был священным животным: трон императора был сделан в виде ягуара, и привилегированная военная каста носила его имя.

Блейку не пришлось долго ждать, размышляя: внутренняя тревога дала новый сигнал. Он оглядел животных, ни одно не двинулось, не сгруппировалось для прыжка. Но издали послышался глухой рокот, трижды повторенный. Черный кот мгновенно исчез. Затем раздался барабанный бой. Опасность... близкая опасность... Блейк шевельнулся, и его движение было встречено громовым рычанием. Пятнистый кот припал на лапы, готовясь прыгнуть. Блейк напрягся. Где-то близко на визгливый кошачий вой ответили криками. Да, Блейк был в ловушке, и хозяева кошек шли взять его.

Появились люди в кожаных брюках и хлопчатобумажных пестрых, зеленых с коричневым, рубашках без рукавов, едва покрывавших мощные руки и торсы... Волосы их были зачесаны назад и туго связаны на затылке. Лбы разрисованы. Это были вассалы какого-то лорда: все их вооружение составляли духовые ружья, а не более изысканное оружие, и на каждой рубашке был символ.

Пятнистый кот встал и отошел на несколько шагов. Охотники ничего не сказали ему, но почтительно расступились, как перед высокородным лордом. Кот уселся на землю и стал лизать переднюю лапу.

Тем временем предводитель шелкнул пальцами, и двое его людей подошли к Блейку, сматывая с пояса ремни. Его

руки грубо завернули за спину и крепко связали запястья. Толчок в плечо заставил его идти. И он пошел, в сопровождении всего отряда, включая кота.

Блейк так часто спотыкался и падал, что, в конце концов, главный в отряде с раздражением велел одному человеку идти рядом с пленником и поддерживать его.

Даже если бы Блейк был здоров и не связан, он не смог бы сравниться в ходьбе по лесу с этими людьми. Это были индейцы северных племен, скитальцы равнин, несколько поколений назад объединившиеся с Империей после многих сражений и партизанской войны. Теперь они стали пограничниками и разведчиками. Все они были рослыми, хорошо сложенными, подобно индейцам сиу или черноногим родного мира Блейка, успешно задерживавшим продвижение европейцев в течение полувека, пока их, наконец, не победило стремительное наступление цивилизации, где их добродетели и таланты не были нужны. Здесь Империя приняла их в себя.

Это была как раз та сила, на которую могли положиться реакционные лорды, готовые, по слухам, восстать против центрального правительства южан. И у этих людей не было оснований благоволить к пленнику из Нью-Британии, поскольку они всегда были готовы к рейду через границу.

— Сюда иди, — сказал по-английски приставленный к Блейку страж и толкнул его влево.

Они оказались на узкой дороге лицом к лицу с весьма впечатляющей компанией. В нескольких ярдах от них стояла широкая машина, вроде фургонов порта Акрона. Она представляла собой полувоенное средство передвижения. На крыше были установлены три ружья незнакомого Блейку типа. Сбоку была открыта дверь, за ней виднелось уютное помещение. В двери на стуле сидел человек, бывший, вероятно, крупным военным начальником.

Большой нос, плоский лоб, удлиненный череп говорили о принадлежности его к древней благородной фамилии. Здесь, в глуши, он носил кожаные штаны-сапоги и простую рубашку, как все его люди, с той лишь разницей, что герб на ней был вышит золотыми нитками. У всех охотников были духовые ружья, а у него лазерный пистолет за поясом. Позади стояли два человека в униформе личной охраны. У них были не только лазеры, но и винтовки. У ног лорда лежал черный ягуар, сверкая золотым ошейником с рубинами. Туда же прыгнул пятнистый кот и прижался к человеку. Тот приласкал животное, не обращая внимания на стоявшего между стражниками пленника. Черты охранников безошибочно выдавали южан, но несколько слов, которые услышал Блейк, оказались ему непонятны.

Только после того, как оба кота получили чашки с едой и поели, человек обернулся к Блейку и внимательно оглядел его, не упуская ничего, ни следов речной грязи, ни прорех на одежде, ни синяка. Затем он позвал Блейка, согнув палец, высокомерно и презрительно, и Блейк на секунду удивился, каким образом этот имперский лорд так похож лицом на Айзона Котора, ведь их разделяют цивилизации, временной поток и множество миров.

— Откуда ты? — протянул лорд таким тоном, как будто его это вовсе не интересовало. Один из котов поднял голову и зашипел.

— Порт Акрона, текутли, — ответил Блейк, обращаясь к нему как к представителю древней знати. «— Нельзя притворяться, что он не с той стороны реки. Самое разумное было говорить правду. Хотя, кто знает, каким образом они узнают полную правду от пленников...» — невольно подумал он.

— Вот как? Это же на той стороне реки и на севере. Что же тогда ты делаешь здесь?

— Я был на судне, идущем в Ксоматль. Произошел несчастный случай, я упал за борт. Добрался до берега, но не знал, где я.

Стражник сделал неожиданное движение, к которому Блейк не был подготовлен: он повернул пленника и дернул его связанные руки. Чтобы ожог на левой руке был виден спрашивающему.

— Несчастный случай? Тебя полоснули лучом, бледнолицый. Говорят, в людях твоей породы нет правды, ваш язык крутит слова, а не посылает их прямо к слуху честного человека. Но у нас есть средства извлечь правду, даже если душа уйдет к Уицилопочтли, — его пальцы сделали знак, повторенный остальными. — Ты пришел из реки, в это я верю, потому что от тебя воняет ее грязью. Назови свое имя, чтобы мы могли послать его вниз по реке, если ты этого захочешь.

— Руфус Трелейл, из Дозволенных купцов, едущих в Ксоматль.

— Ты слышал? — сказал лорд одному из стоявших позади него. Он сказал это по-английски, как бы желая, чтобы Блейк понял.

— Я слышал, ах коч кабоб.

— «Советник, титул майя. Можно ли на этом что-нибудь построить?» — задумался Блейк. Майя были первыми купцами, торговыми разведчиками. Может, это так и осталось, и тогда его, Блейка, профессия по легенде окажется здесь более приемлемой, чем оказалось для благородного ацтекского воина?

Человек метнулся в переднюю часть машины-лагеря на

колесах, и Блейк подумал, что он, наверное, сейчас по радио посылает рапорт.

— Значит, ты из Дозволенных купцов в Ксоматле, где ты, без сомнения, имел дело с Якабеком, почтека Флатоке? — теперь лорд пользовался ацтекскими терминами.

— Мой мастер, действительно, имеет соглашение с почтека Флатоке. Я не тейялуантме. Имя главы купеческой гильдии — Нпоальцин.

Ах коч кабоб пожал плечами, отдал какой-то приказ на местном языке, и Блейка повели к другим машинам, припаркованным неподалеку — видимо, это был транспорт для остальных членов отряда.

На некоторых машинах были оборудованы клетки, в двух были обитатели: в одной — медведь, а в другой — волк такой величины, что, по мнению Блейка, он мог бы стать страшным соперником ягуара. В третью, пустую клетку, втолкнули Блейка. В ней гнусно пахло каким-то прежним обитателем. Стражник растянулся на грязном полу, стараясь удержаться, когда мотор ожил и фургон стал разворачиваться. Они проехали мимо машины лорда. Тот гладил уши кота, положившего голову на его колено, и глянул на Блейка с легкой улыбкой, напомнившей оскал его любимца.

Узкая лесная дорога вывела их к широкому тракту, покрытому щебенкой, а тот, в свою очередь, перешел в шоссе, вымощенное каменными плитами. Время от времени они обгоняли грузовики с продуктами, но Блейк ни разу не увидел пассажирского транспорта.

Ему не давали ни есть, ни пить, хотя две женщины в водительской кабине, останавливаясь время от времени, чтобы поменяться местами, делали себе сэндвичи с какой-то темной пастой и пили из бутылок. Уперев ноги в прутья клетки, Блейк просидел несколько часов, но в конце концов уже не мог вынести этой напряженной позы и лег, стараясь только уберечь поврежденную руку от тряски.

Они проехали по единственной улице маленькой деревушки. Блейк мельком увидел реку и пристань.

Их путь шел на юг, но куда — Блейк не знал. Скоро он перестал думать об их конечной цели, надеясь только, что будет еще в сознании, когда ее достигнет.

Блейк боролся с бредом, который начинался все чаще и чаще и удерживался все более продолжительное время. Он начал приходить в себя от света, от сознания, что шоссе стало теперь улицей с рядами домов, которые соперничали с домами порта Акрона, если не были лучше. Во вспышках света удавалось разглядеть гротескную резьбу, украшавшую их. И на дороге было такое сильное движение, что у

Блейка кружилась голова от шума колес, от голосов, от грохота большого города.

Глубокая тьма накрыла его. Затем снова свет, на этот раз приглушенный, городские звуки ослабли. Фургон остановился, женщины вышли из кабины. Одна широко раскинула руки, другая окликнула кого-то.

Больше голосов, больше света. Задребезжала дверца клетки. Блейка вытащили. При всем желании встретить врагов стоя патрульный осел на землю. Удар сапога пришелся почти по ожогу, и Блейк потерял сознание.

Холод... влага... он беспомощен в реке... Плыть... двигать руками и ногами... Но он не может... не может бороться с течением...

Вода лилась в его пересохший рот. Вода, о которой он так долго мечтал. Река — это хорошо! Она погасит огонь внутри! Блейк открыл рот шире, но вода брызгала на его тело, а не на губы.

Блейк приоткрыл глаза. Над ним склонились лица. Три... четыре... все незнакомые. Он хотел попросить воды, но потерял голос и мог только хрипеть. Чьи-то руки схватили его, дернули, пытаясь заставить встать. Мир закружился в диком танце. Блейк закрыл глаза, чувствуя тошноту от кружения лиц, света, стен.

Идти он не мог, его тащили волоком. Кругом разговаривали, но он не понимал ни одного слова. Затем его толкнули вперед, он упал ничком на твердую поверхность и лежал так, задыхаясь, пока носок сапога не перевернул его на спину.

Глава 10

С большим трудом Блейк открыл глаза, Яркий свет над ним был притушен, лица его врагов скрылись. Затем кто-то наклонился над ним, темные глаза внимательно оглядели его. Рука дернула геральдическую пряжку его пояса. Послышались резкие слова, похоже, приказы. Блейка снова подняли и бросили на мягкие циновки. Старое морщинистое лицо выплыло из тумана, окутавшего Блейка. Обожженное место сильно болело, но руки уже не были связаны и свободно лежали вдоль тела. Плечи и голова его были приподняты, к его губам кто-то поднес чашу с питьем. Горькая жидкость полилась его в рот, прошла в горло. Затем его опустили на циновки, и он уснул.

Блейк проснулся и сразу почувствовал, что его сознание обострено до крайности. Он был весь, как натянутая струна.

Такое случалось с ним всего раза два в жизни, и тогда он пользовался внутренней силой, которую давал его обострившийся талант. Пока он лежал с закрытыми глазами, не подавая вида, что пришел в себя, он чувствовал, что в его мозг пытается прорваться чужая мысль, — не таким способом, какой использовали люди Врума, а иначе. Это было похоже на неумелое ощупывание поверхности мозга, будто кто-то хотел узнать его, Блейка, секреты, но не был искушен в этом деле.

Блейк поднял на поверхность память Руфуса Трелейла. Отобрать эти воспоминания и удовлетворить любопытство неопытного телепата было очень легко. Блейк чувствовал пульсации подозрений, но оставался Руфусом Трелейлом все время, пока эти неловкие попытки не прекратились и он не остался один в собственном сознании.

Любой телепат из Врума, где такие силы развивались и усовершенствовались многими поколениями, был в сравнении с этим неуклюжим типом, что лазерный пистолет по сравнению с кремневым ножом. Но для тех, кому любое проявление пси-энергии кажется чудом, человек, читающий хотя бы поверхностный слой мыслей, был уже магом. Люди Империи надеялись на прорицателей из тональ-пульки, и большая часть привилегий древнего жреческого ранга все еще держалась. Особенно жрецами восхищались среди низших классов общества. Гороскоп, составленный при рождении, определял жизнь человека с первых часов. Пси-власть любого рода делала прорицателей заметными и особо почитаемыми личностями.

Блейк прислушался, никаких звуков, доказывающих, что тот человек оставался в комнате. Блейк открыл глаза. Над ним была белая поверхность, по которой скользил луч солнечного света. Где-то поблизости была кухня — ноздри Блейка щекотал приятный запах, хотя внутреннее чувство говорило ему, что жирная и пряная пища сейчас не для него. Он повернул голову влево и увидел стену, расписанную яркими стилизованными листьями и цветами, три окна с непрозрачными стеклами пропускали солнечный свет, но того, что лежало за ними, не было видно. У стены стоял низкий стол. За столом, вероятно, сидели, поджав ноги, на циновках, которые теперь были свалены в одном конце комнаты. Из этого Блейк заключил, что он не в доме вельможи или просто богатого человека, а в таком месте, где хозяин придерживается старых обычаев. Это встречалось теперь только среди крестьян.

Левая рука Блейка была перевязана. Правой рукой он ощущал свое ложе. Тоже куча циновок. Повернув голову

вправо, он увидел вторую раскрашенную стену не далее, чем в футе от себя. Его рваная мокрая одежда исчезла. Теперь он был покрыт грубой рубашкой и тканым ярким одеялом с замысловатым рисунком.

О нем явно заботились: место, где он находился, не походило на тюрьму. И это уже хорошо! А насчет всего остального — что ж, он внял предупреждению и был настороже.

Размеренные приближающиеся шаги он почувствовал по вибрации пола. Блейк сел и сразу же оперся рукой о стену, потому что комната дико закружилась у него перед глазами. Когда в голове его прояснилось, он повернулся к двери. Кто-то поворачивал ключ в замке.

Тяжелая дверь открылась внутрь, и Блейк посмотрел на вошедшего. Это был высокий мужчина с грубым носатым лицом, характерным для людей древней ацтекской крови. Его свободные штаны были сшиты из нарядно вышитых полос, красных с синим. Желтую рубашку с длинными рукавами украшала вышивка на плечах, а на плаще висела яркая бахрома из перьев. На ногах человека были невысокие, до икр, сапоги с застежками из бюрюзы, свидетельствовавшими о благородном происхождении. Но открыл дверь не этот франт: в руке у него был только пучок цветов и трав в украшенном драгоценными камнями держателе, и он время от времени нюхал букет.

Ключ держал человек в униформе личной охраны и был он из равнинных жителей, вроде тех охотников-разведчиков, что захватили Блейка в плен. Под мышкой он держал сверток, который и бросил в сторону постели. Сверток упал на полпути, и из него посыпалась нью-британская одежда Блейка.

— Встать! — Стражник сопровождал этот приказ выразительным жестом. — Одеться. Тебя ждет суд.

Блейк не потянулся за рубашкой, лежавшей почти рядом с постелью. Дерзость иногда может послужить неплохим оружием в общении с воинственным народом.

— Ты говоришь о суде, — заговорил он на самом официальном языке Нью-Британии. — В чем я обвиняюсь? — он подпустил в голос нетерпеливые нотки и повторил, обращаясь не к стражнику, а к его господину. — В чем я обвиняюсь, текут ли? — Он заметил, как дрогнули ноздри выступающего ацтекского носа.

Этот мелкий лорд, кем бы он ни был, не рассчитывал на такую реплику. Но чем скорее он поймет, что Блейк Валкер не обязан ему «ни деревом, ни водой», тем будет лучше. Люди древней крови всегда безропотно принимали судьбу, любой отказ выполнить приказание смущал их. Народ, позволявший превращать своих людей в человеческие жертвы, когда-то покорно стоявшие сотнями и тысячами в шеренге от вос-

хода до захода солнца, тупо ожидая, чтобы их заживо зарезали во славу богов, не привык, даже спустя много поколений, к неповиновению.

— Встать, — офицер повторил приказ. — Теактли ждет! — Он свистнул, и в дверях появились два солдата. — Одевайся — или они оденут тебя!

Блейк взял одежду. Она была в очень плохом состоянии — порванная и изуродованная во время тяжелого путешествия по стране, кроме того, кто-то обыскал все швы, распоров те части, где можно было что-то спрятать. Но что искали? Кое-где одежда была грубо зашита крупными стежками, и Блейк надеялся, что они все-таки выдержат и он сохранит достойный вид в суде. Он одевался как можно медленнее.

Офицер снова сделал раздраженный жест.

— Ешь. Пей.

В чаше был излюбленный в Империи напиток — шоколад, только в данном случае он не был приправлен ванилью. Но он был горячим и, как Блейк знал, хорошо подкреплял силы. В миске лежали маисовые лепешки, намазанные тонким слоем пасты, которая несколько смягчала их сухость. Блейк съел и выпил все. Если действительно будет суд, значит, повезут в город. Он продолжал строить планы, хотя здравый смысл говорил ему, что у него нет никакой надежды бежать в незнакомом городе, где его кожа, волосы, одежда громко кричали бы: «Я — сбежавший пленник!»

Видя, что Блейк оделся и поел, дворянин вышел, неся свой букет, как жезл. Офицер последовал за ним, а позади шел Блейк с двумя солдатами. Они вошли в узкий и низкий проход. Сквозь калитку Блейк увидел буйно цветущий сад, но основное внимание уделил человеку, ожидавшему в конце прохода. За ним виднелся двор с несколькими машинами.

— «Вот этот самый человек и пытался читать мысли!» — Блейк почувствовал это, как собака чует естественного врага в крупной кошке. Человек был старше дворянина, но имел те же ацтекские черты, только еще более грубые, его рот был плотно сжат, и глубоко сидящие глаза смотрели сурово. Длинные волосы с проседью, спутанные, словно нечесанные годами, падали на плечи. Он был в черном. Его очень длинный плащ напоминал мантию. Человек опирался на полированный посох с остатками резьбы, стершейся за столетия употребления.

Дворянин быстро шагнул в сторону, оказывая почтение старшему, так же, как его собственные люди оказывали ему. Офицер поспешно прижался к стене, махнув Блейку, чтобы тот остановился перед стариком. Блейк, встретившись взглядом с глубоко сидящими глазами, увидел в них что-то безум-

ное. Предчувствие опасности усилилось мгновенно возникшей неприязнью.

Врум и его народ были чужды миру, в котором Блейк жил в детстве и юности. На других уровнях он видел людей, резко отличавшихся от тех, кого он знал. Иногда у него захватывало дух от глубины зла, которое он встречал лишь у очень немногих из людей его народа. Но здесь он увидел совсем другое: фанатизм, укоренившийся в этом человеке, как и во многих поколениях его предков. Он не был человеком, как другие, но скорее являлся существом, стремящимся ко злу во всех его проявлениях. Он был силой, темной силой. И когда он смотрел на Блейка, в нем чувствовался давний, неутоленный голод. Внутреннее чувство, предупреждавшее патрульного об опасности, превратилось в стремление к борьбе, такое сильное, что Блейк не знал, сумеет ли управлять им. Патрульному показалось, что он и старик очень долго смотрели друг на друга. Затем старик сделал шаг вперед. Гладкий верх посоха коснулся груди Блейка. Это было очень легкое прикосновение, однако Блейку показалось, что на него легла пылающая головня.

Не сказав ни слова, человек в черном повернулся, побрел через двор и с трудом влез в машину. Он и машина, вернее, именно то, что старик сел в машину, разрушило чары, окутавшие Блейка.

Стражники быстро загнали Блейка в кузов маленького фургона. Там были окна, но с решетками, так что Блейк лишь частично видел улицы, по которым они ехали. Фургон явно предназначался для пассажиров, потому что в нем были на удивление удобные мягкие сиденья. На одно из них Блейк сел. Двое солдат заняли места по бокам от него. Ехали молча.

Империя имела высокую форму правосудия, это Блейк знал из инструктажа. В далеком прошлом суды были неподкупны, сколько-нибудь пристрастный судья карался смертью. Но Блейк не понимал, как он попал под их юрисдикцию. Обычно в таких случаях человек объявлялся шпионом и выдавался армии для скорого суда, иногда со «слушанием», что, по существу, являлось допросом, во время которого пленник мог и умереть, избавив своих судей от беспокойства. А Блейк, как видно, ехал в законный суд. Но за что?

Предупредить инцидент, могущий вызвать неприятности с Нью-Британией? Сомнительно. Обе нации много лет вели торговлю через границу на свой страх и риск, и ни один человек не мог надеяться на помощь из дома, если риск заводил его в ловушку.

Фургон завернул за угол и остановился. Задняя дверь открылась. Блейк сощурился от яркого света. Он стоял возле величественной лестницы, идущей тремя пролетами в здание

с пирамидальным основанием. Монументальные развалины, найденные в джунглях мира Блейка и внушавшие благоговейный трепет путешественникам и исследователям через несколько столетий после того, как они перестали существовать, были предшественниками этого здания. Пернатые змеи, ягуары и маски богов, в изобилии украшавшие когда-то такие строения, со временем превратились в более символические рисунки, но изящная манера обработки камня сохранилась.

Блейк смотрел на здание, а ярко одетая толпа разглядывала его. На стражников посыпался град приказов очистить проход к лестнице. Можно было подумать, что Блейк принадлежит к штату Императора — так быстро была произведена операция. Даже знатные попятились и освободили дорогу.

Ступени лестницы были очень узкими. Стражники шли рядом с Блейком, как для поддержки, так и для предупреждения каких-либо попыток к его освобождению. Так они и вошли внутрь здания.

В зале тоже было полно народу. В Империи вердикт без суда присяжных выносила судебная комиссия, сидевшая на платформе, на циновках, по-старинному скрестив ноги. За ними был еще помост — для верховной власти. В центре его размещалось резное кресло с ножками в виде лап ягуара, подлокотники которого украшали оскаленные морды, а сиденья — подушки, сотканые из орлиных перьев. Кресло ожидало, когда Император пожелает посетить суд.

Опять началась торопливая расчистка пути к сиденьям судей. Вдоль этого пути выстроились люди в униформах. Блейка провели и поставили прямо перед платформой. Стражники отступили на несколько шагов, оставив его одного на виду. Судейский чиновник начал монотонную речь, время от времени сверяясь со свитком. Во время пауз кто-нибудь из судей кивал головой. Когда речь подошла к концу, все посмотрели на Блейка, как бы ожидая услышать что-то от него. Ну что ж, он мог, по крайней мере, просить объяснений. Кто-нибудь из них, надо полагать, понимает по-английски, Хоть и не показывает этого.

— С разрешения суда, я не знаю, какое обвинение лежит на мне. Могу ли я узнать, за какое преступление меня судят?

После некоторого молчания один судья заговорил по-английски почти без акцента:

— Ты призван на суд Великого. Он Ребро Весов. — Судья наклонил голову. — Ты обвиняешься перед этим судом и Троном Великого...

Говорившего прервало движение в зале позади Блейка. — «Перемена! — подсказало ему предчувствие. — Пришло изменение».

Он пытался определить значение этой перемены и не ог-

лядывался. Слева от него люди еще более подались назад. В строю прибавилось солдат. Они были в алых плащах, с масками ягуаров на парадных шлемах элитарного корпуса. Офицер с перьями на шлеме шагнул на верхнюю платформу и разложил на подушках трона черный с белым плащ. Это был знак Коякоатля, Вице-Императора; во всей Империи Толцека выше его был только сам Император, еще совсем мальчик. На помост неторопливой походкой вошел человек. Ему, вероятно, было около сорока, и он не был воином, как те, кто оказывал ему почтение. Он шел, припадая на укороченную левую ногу, левая рука его пряталась в складках плаща, а лицо очень напоминало хрустальные черепа, какие ювелиры Империи вырезали с большим искусством.

Это был Тлакаклий, старший брат Императора, не получивший трона из-за своих физических недостатков. Однако его умственные способности были настолько заметны в кругу ближайших советников, что они, скрепя сердце, даровали ему вице-правление.

Усевшись на трон, он резко кивнул своему офицеру, который громко ударил церемониальным копьём о каменные плиты.

Блейк заметил, как вздрогнули сторбленные плечи судьи, сидящего прямо перед этим искалеченным королевским соколом. Он снова начал свое обвинение.

— Ты приведен сюда, чужеземец, по обвинению в разведывании секретов императорского дома с намерением причинить неприятности...

Коякоатль смотрел вниз, на Блейка. Когда судья сделал паузу, он резко спросил:

— Какую историю рассказал этот заречник в свое оправдание?

Судьи зашевелились. Пусть он — Коякоатль, живое присутствие Императора — все равно, такое вмешательство в установленную процедуру суда запрещалось.

Тлакаклий снова сделал жест, и копьё еще раз стукнуло, призывая к тишине и вниманию. Вице-Император указал пальцем с длинным ногтем на Блейка.

— Говори. Каков твой рассказ?

«Правда, насколько это возможно», — быстро решил Блейк. Он очень доверял своему новому предчувствию: перемена меняла обстоятельства к лучшему.

— Я из группы Дозволенных купцов, плывших в Ксоматль, согласно закону, Великий... — начал он и коротко рассказал обо всем. Свое падение с борта он выдал за несчастный случай, но во всем остальном твердо придерживался фактов. Насколько слушатели поняли, что он говорил, он не знал, но вообще-то большинство вельмож и купцов понимали по-английски.

Пока Блейк рассказывал, ему вспомнилось нечто из того,

что он изучал на Вруме. Закончив свое повествование, он коснулся пальцами пола, а затем поднес их к губам, прежде чем снова взглянуть на Вице-Императора.

— Я клянусь в этом именем Уицилопочтли!

Пятьсот лет назад человека, сказавшего так, более не допрашивали, поскольку это означало, что он говорит правду. Тлакакхиль некоторое время молчал, глядя на Блейка.

— Поскольку Великая Бабочка перестала обещать жизнь и смерть в этой стране, ты принес поистине необычную клятву, иноземец. Но я все-таки думаю, что твои слова следует проверить. Есть здесь кто-нибудь, кто мог бы говорить за тебя, подтвердить, что ты тот, кем себя называешь, что ты не собирався принести зло этой земле или ее жителям? Кто из слушающих скажет так?

Коякоатль больше не смотрел на Блейка, Его взгляд искал того, кто выскажется, в толпе, стоявшей плотной стеной позади стражей, справа от пленника.

— Есть, кто скажет.

Из толпы вышел офицер. Он не был носителем знака Ягуара, его униформа была обычного цвета. И Блейк не разглядел символа на груди его куртки.

— Пусть будет записано, что достойный квохехетке с границы, Тотцин, говорит за пленника, зная, что клятва этого чужеземца правдива и что вина или невинность его равны! — медленно произнес Коякоатль, и судьи снова зашевелились, но никто открыто не возражал. Тотцин стоял на нижней платформе, делая официальное заявление, а затем прямо подошел к Блейку. Стражники с явной неохотой отошли в сторону.

— Уходи быстрее!

Блейка не надо было подгонять. Он не понимал, в чем дело, но его судьба изменилась к лучшему, и он намерен был этим воспользоваться. Во всяком случае, он вышел свободным из того здания, в которое вошел под стражей.

Глава 11

Пока они ехали в гавань, Блейк понял, что они направляются к реке, Тотцин ничего не объяснял, а патрульный счел разумным не задавать вопросов. Машину вел солдат в такой же простой униформе, а на заднем сиденье было еще двое.

В гавани стоял маленький корабль. Один человек находился у штурвала, другой ждал, чтобы выбрать причальные канаты, Тотцин вторично приказал:

— Иди быстрее!

Он толкнул Блейка перед собой на судно и оглянулся назад, на улицу, как бы опасаясь преследования. Только после того, как они вошли в основное течение реки со скоростью, какой Блейк никогда не видел у водного транспорта, офицер вздохнул свободнее, коснулся плеча Блейка и повел его к штурвальной рубке, где сменил рулевого. Когда они остались одни, он слегка улыбнулся Блейку:

— Ты, как видно, выехал в свое путешествие на Великом Змее или родился под счастливым знаком, тейялуантме! Мы еще в пределах досягаемости стрел тех, кто хотел бы твоей встречи с Уицилопочтли по древнему обычаю. Только Великий мог так отклонить их волю. Но, во имя Девяти, каким злым ветром принесло тебя сюда?

«Будь осторожен» — предупредил себя Блейк.

Совершенно ясно, что его приняли за кого-то, кто имел основание требовать помощи приближенных самого Императора. Был ли это подлинный Руфус Трелейл?

— Все было так, как я рассказывал судьям, — ответил он. — Падение с судна...

— Которое оставило на тебе лучевой ожог? — Тотцин испытующе взглянул на него.

— Это случилось, когда я уже был в воде, — сказал Блейк, — Я не знаю, кто в меня стрелял и почему.

Видимо, ответ был удачным, потому что офицер кивнул.

— Да, это могло быть. Увидев тебя в воде, стражники обязаны были выполнять данные им приказания, а Ах Кукум не решился противодействовать им, чтобы не навлечь подозрения на нас. Глаза и Уши Нактитля работают на этих кораблях как открыто, так и тайно. Скажи, как идет торговля? У тебя есть хорошие новости?

Блейк смотрел на крутящуюся воду, разрезаемую носом корабля.

— Последнее, что я слышал, — все идет гладко. Мой... мой начальник должен знать больше.

Этот неопределенный ответ, по-видимому, тоже удовлетворил спрашивающего.

— Настанет день... — Тотцин поднял руку от колеса и опустил ее, сжав в кулак. — Да, настанет день, когда мы снова поднимем штандарты, услышим звуки труб! — Он сделал паузу и бросил на Блейка несколько смущенный взгляд. — Так говорили в старину... мы не воюем, как наши предки.

— Храбрость солдат Империи хорошо известна так же, как ловкость и умение, — ответил Блейк.

— Скоро это будет продемонстрировано! Новые законы, которыми нас давят, не защита, а ослабление границ. Торговля, вечно только торговля...

Блейк не понимал, что имеет в виду его собеседник. В Акроне говорили об усилении контроля, о постоянных стычках, о возможном возобновлении враждебных отношений между двумя нациями. А сейчас был сделан намек на стремление пограничников к большей свободе.

— Скажи-ка, — обратился к нему Тотцин, — почему ты, англичанин, хочешь сделать людей Нью-Британии мясом для Империи?

Такой вопрос хоть кого поставил бы в тупик. Однако Блейк нашел слова:

— При каком правлении не бывает фракций? А я всего лишь солдат в шеренге, такие проблемы решает мое начальство.

Тотцин сменил тему разговора.

— Видел ли ты своими глазами новое оружие, о котором говорят, что оно разносит в пыль каменные стены, и люди выскакивают из любой крепости без всякого оружия, лишь бы только убежать? И что тот, кто сталкивается с этим, лишается разума, и страх стоит на страже у ворот... Видел ты такое?

Блейк почувствовал удар, как от полного заряда лазерного пистолета, с той лишь разницей, что этот удар был холодным, а не обжигающим, хотя столь же действенным.

— Да, — сказал он шепотом и, прокашлявшись постарался говорить громче. — Да, я видел такое оружие! — он смотрел на воду, но не замечал ни ее, ни корабля, ни Тотцина. Перед его глазами разворачивалась лента, которую показывали на инструктаже на Вруме.

Мир имел темную и кровавую историю. На всех параллельных уровнях, исключая те, где человеческий род никогда не возникал, войны, разговоры о войне, победы и поражения были неотъемлемой частью жизни. Более ранний, чем мир Блейка, Врум тянулся к всепланетной цивилизации. Обычная война, потом атомная, затем последний рубеж — ужасная война, бросившая остатки человечества, за исключением небольших групп счастливыхчиков, в варварство. Из этого хаоса мир вышел на три четверти мертвым и, в конечном счете, был спасен открытием перекрестков времени. В последние дни умирающей цивилизации было изобретено страшное оружие, но оно не было использовано. Однако о нем знали, его возможное действие неизгладимо запечатлелось в сознании всех потомков тех, кто был достаточно безумен, чтобы сотворить это оружие. Теперь Врум был мирным уровнем, но осуществлялось постоянное наблюдение, чтобы какой-нибудь безумец не стал угрожать миру и спокойствию. А здесь, на другом уровне, человек говорил об оружии из этого запре-

тного арсенала. Оно могло просочиться в этот мир только с Врума. Ни один из других миров не имел возможность путешествовать по перекресткам времени, а уровень, где сейчас находился Блейк, не имел технологии для производства такого оружия.

— Это оружие действительно такое ужасное, тейялуант-ме?

— Оно от дьявола! — вырвалось у Блейка, и он тут же сообразил, что почти выдал себя.

— От дьявола?

— От великого зла.

— Возможно. Но иной раз человек принимает помощь от чизимима, древних чудовищ мрака, и обращает ее на добро. Каков будет наш образ жизни, если текунененке, которые больше думают о своих богатствах, чем о своей чести и чести Великого Змея, отнимут у нас армию и тем превратят нас в рабов? Нам нет нужды пользоваться таким оружием, в крайнем случае, только один раз, чтобы показать, что мы имеем его. Тогда те, кто хочет лить яд в воду, которую мы пьем, побегут с лаем, как собаки, не зная, где спрятаться. Острый меч в руке и умение пользоваться им заставляет человека подниматься выше и не довольствоваться спокойным укрытием.

«Многие ли верят в это, — думал Блейк, — и насколько им это приукрасили?»

— Мы бы не дали такое оружие в руки экстремистов.

— Экстремистов? — улыбнулся Тотцин. — Ты говоришь теперь авторитетно, как человек, встречавшийся с ними. Лорд Чаксиб, который привел тебя в суд, приютил у себя и выслушал Айтитиналя, бывшего когда-то квакакуилтином — одним из почтеннейших Древних, посвященных Уицилопочтли. Я слышал, как он говорил о своих сокровенных желаниях. Квохехетке раньше не был титулом, даваемым тем, кто несет опасную службу на границе. Тогда это означало воинствующего жреца первого ранга. Возможно, ты не изучал нашу историю настолько, чтобы понять значение... — он замолчал.

— Кое-что знаю, — ответил Блейк.

— Тогда ты знаешь, что когда-то мы вели весьма кровавый, как сказал бы ты, образ жизни. Каждый воин должен был взять в плен живого врага, чтобы потом отдать пленника богам. А богов у нас было много, и все они жаждали человеческих внутренностей. Человек мог возвыситься только через пленение многих врагов, и этот путь на вершину почета был открыт для любого, а не только для тех, чьи отцы прославились в свое время.

Были люди, которые всегда верили в древних богов и в их путь: они не приняли желания Кецалькоатля заменить человеческие сердца на жертвенных камнях зерном, птицами и цветами. И когда Кукулькан II выступил с тем же предложением, они продолжали игнорировать его и тайно шли древними путями. А теперь они начали выходить из тени и примкнули к партии Возврата. Они рады всякому, кто борется на их стороне. Когда произойдет сражение, экстремистам не придется долго искать живых для исполнения своей мечты о дымящихся кровью алтарях. А пока им удастся не слишком многое: суд над тобой провалился... — офицер снова сделал паузу и искося взглянул на Блейка. Тот прервал свое затянувшееся молчание:

— А что было бы в ином случае?

— Тебя, вероятно, вернули бы лорду Чаксибу, на чьей земле тебя взяли, чтобы все было по справедливости. А он отдал бы тебя в руки Айтитиналя и его последователей, чтобы они накормили своего бога.

«Теперь понятно, почему Валт боится за Марву!», — подумал Блейк.

Если Тотцин всерьез говорил об этом, то опасение Валта были вполне обоснованны.

— Значит, это делается?

— Делается, — с отвращением сказал Тотцин. — А нам говорят, что мы должны сблизиться с экстремистами, потому что они держат под контролем крестьян и диких людей. Войнская честь — вещь хорошая. Это жизнь Империи, но нельзя возвращаться к прошлому. Не нужно тревожить сон старых богов. Как только у нас будет новое оружие, никто: ни жрецы, ни купцы не посмеют идти против нас. — Помолчав, он добавил: — На заре мы будем в гавани Ксоматля. Как только ты снова будешь среди своих, скажи своему начальнику, что мы не можем терять времени. Девушка в безопасности, но долго ли ее будут прятать? Скоро об этом пойдут слухи. Как ни затыкай рты женщинам, слухи да сплетни потоком льются в город, а уж такое важное сообщение будет повторяться не один раз. Поэтому пусть твой отряд движется побыстрее, чтобы вы не остались с носом, за что ругать вам придется только себя.

— Да, я так и сделаю.

Марва! Наверняка она и есть «девушка». Но кто начальник Руфуса Трелейла? Валт, исполняющий теперь роль купца в Ксоматле? Конечно, если Дозволенные купцы связаны с незаконной организацией, Эршельм должен знать или, по крайней мере, подозревать что-то. Конечно, если он сам не замешан в этом. Дело расширяется, как круги на воде от

брошенного камня. Возможно, бригада патрульных коснулась чего-то такого, с чем не может справиться своими силами.

Тотцин подозвал рулевого сменить его, а сам пошел с Блейком вниз поесть куда более вкусную пищу, чем Блейк пробовал на этой стороне реки. Потом имперский офицер лег на застеленную циновкой койку и сделал знак Блейку занять другую, напротив. Блейк улегся, но спал тревожно, часто просыпаясь.

С раннего утра над берегом висел густой туман. Скорость корабля резко уменьшилась, когда они стали приближаться к городу. Силуэты темных зданий виднелись на фоне неба. И ничто не шевелилось на пристани, когда они причалили с точностью, показывающей, что судно приходит сюда не впервые.

Если какому-нибудь наблюдателю и полагалось находиться в гавани, то сейчас его не было. Блейк поторопился за Тотцином. Они прошли по молу и затем по улице вдоль набережной к складу. Тусклый свет из маленькой двери в глубине широкого портала показал им проход.

Внутри все было забито товарами в ящиках и высоких корзинах. На высоком потолке на равных расстояниях друг от друга висели светильники. Блейк и офицер пошли в среднее крыло между двумя рядами корзин. Они были уже в дальнем конце прохода, когда Тотцин остановился и начал считать ряды. Коснувшись пальцем одной, он начал считать снова, на этот раз с другого конца, как бы для проверки правильности своего выбора. Затем он снял запор и открыл корзину.

— Лезь, — шепнул он, — и жди. Не издавай ни одного звука, если хочешь когда-нибудь увидеть своих друзей.

На дне корзины были сложены ткани, которые Тотцин вытащил и разложил вокруг Блейка, когда он сел, обхватив руками согнутые колени. Через минуту крышка закрылась, оставив лишь несколько тонких щелей. Тотцин снова закрыл запор на корзине.

Потом наступила тишина. Руки и ноги Блейка начали неметь. Он задремал, прижав лоб к коленям, но его разбудили звуки голосов, какие-то оклики, мурлыканье мотора.

Разговаривали на языке Империи, как раз рядом с корзиной. Затем корзина была поднята вверх, снова опущена, и ее куда-то понесли. Щели были слишком узки, чтобы Блейк мог что-то видеть, но он был уверен, что корзину вытаскивают из склада наружу. Взмах — и корзина поднялась выше. Свет рядом исчез. Блейк почувствовал вибрацию мотора.

Он ничего не мог понять из множества приглушенных звуков, раздававшихся снаружи. Корзина время от времени покачивалась, как будто фургон поворачивал. Затем последовала остановка. Корзину вновь подняли, Блейк прижало к жесткому боку корзины, что обещало синяки и ссадины. И затем опустили вниз.

— Это последняя, — сказал чей-то голос по-английски. Принадлежал этот голос патрульному, вступившему в их отряд в последнюю минуту. Один он или с кем-то? Не рискнуть ли привлечь его внимание?

— Можно открыть и...

Это был голос Ло Сайджа! Вовремя вспомнив его имя-прикрытие, Блейк позвал:

— Ричард! Ричард Вильфорд!

Он задышался от пыли, и его голос прозвучал не очень громко, но снаружи немедленно замолчали. Затем крышка была развязана и открыта. Блейк потянулся руками к краю корзины. Она покачнулась, и он упал вместе с ней, ударившись о каменный пол. Его схватили за плечи и подняли. В первую минуту казалось, что онемевшие ноги не выдержат его веса. Да, тут был Ло Сайдж и тот патрульный, что помогал Блейку грузить товар на судно. Сколько же дней назад это было?

— Доставлен, — нарушил молчание голос Ло Сайджа, как всегда, холодный. — Груз слегка попорчен, но вроде бы цел. Насколько попорчен и насколько цел?

Блейк вдруг устыдился своего желания показать радость и облегчение по поводу удачного окончания своего приключения и опустил руку, которую протянул было к Ло Сайджу. С этим последним Блейк особенно остерегался показывать свои эмоции. Обычная отчужденность Ло Сайджа не располагала к проявлениям чувств.

Блейк овладел собой.

— В смысле порчи — лазерный ожог, во всем остальном — цел. Где мастер Фронтнэм?

— Наверху. Но, — сказал задумчиво Ло Сайдж, — за нами постоянно наблюдают шпионы, работающие на Императора. Возникает небольшая проблема. О, хороший фокус можно сделать, и дважды! Мы обнаружили довольно серьезные повреждения груза, Генри, — обратился он к другому патрульному. — Почти сознательную порчу. Совершенно ясно, что наш мастер должен проверить весь груз целиком. Залезай обратно в корзину, Руфус. Вот и посмотрим, как следует обращаться с нашим грузом.

Не смея спорить, Блейк снова полез в свою тесную тюрьму. Затем последовали перемещения, обеспечившие новые

синяки. Наконец, они поднялись вверх, и Блейк услышал тихий голос Ло Сайджа.

— Как я и говорил, мастер Фронтнэм, порча, явно умышленная. Видимо, это было сделано, когда мы распаковывались. Я уверен, что страховка покроет убыток, но мы должны иметь доказательства.

— Посмотрим, — солидно сказал Валт, уверенный в себе мастер, не позволяющий никому решать за него или влиять на его суждения. Крышка корзины снова поднялась, и Блейк выбрался.

— Это нечто новенькое, — прокомментировал Валт. — Думаю, можно побеседовать в порядке обмена знаниями. Садись, Ричард!

— Я здесь, — Ло Сайдж материализовался рядом с Блейком, подтаскивая табурет и протягивая Блейку чашу. Ароматный запах, исходивший от нее, был знаком патрульному еще с Врума — стимулятор, быстро восстанавливающий силы. Валт подождал, пока Блейк не проглотил половину, и продолжил: — Ну, давай послушаем, что с тобой случилось с тех пор, как ты вышел на палубу пять ночей назад.

Блейк педантично отрапортовал. Здесь не было записывающего устройства, как на Вруме, но он знал, что оба его слушателя смогут потом повторить главное из его рапорта слово в слово. Он рассказал все, как мог, быстро, не упустив ни одной важной детали. Его не прерывали, даже когда он останавливался, чтобы сделать глоток стимулятора.

— Лабиринт в лабиринте лабиринта, — заметил Ло Сайдж, когда Блейк закончил.

Валт пощипывал острую бородку — самую запоминающуюся примету мастера Фронтнэма.

— Значит, они считают, что ты связан с контрабандистами, провозящими оружие, — сказал он, как бы думая вслух. — Но, когда мы зондировали память этих купцов, в ней не было и намека на что-либо, кроме законной торговли. А ведь никто из них не был экранирован.

— Ты не знал пароля, поэтому и попал в реку, — сказал Ло Сайдж. — Кто-то на борту рассчитывал на тебя или на твои связи и не хотел рисковать, столкнувшись не с тем человеком. Следовательно, они надеялись встретить если не настоящего Руфуса Трелейла, то двойную подделку. Это и объясняет их быстрые действия, направленные на то, чтобы избавиться от тебя. Держу пари, что до замены додумались не только мы. Просто мы успели первыми!

— И они не предполагали, что мы станем задавать тебе каверзные вопросы, когда ты вернешься сюда. — Валт поглядел в пространство. — Об этом стоит подумать. Как ты гово-

рил, Ричард, клубок запутывается все больше, когда мы пытаемся его распутать. Я вижу множество петель, но не вижу конца, за который можно было бы тянуть. Руфус, покажи свою руку Ворсли, а потом ложись отдыхать.

Это был приказ, и Блейк не стал спорить. В сущности, он был рад, что отныне не он принимает решения. Многолетний опыт Валта, несомненно, даст возможность поступить правильно.

Глава 12

— Насколько мы могли узнать, Марва здесь, в имении некоего Оторонго. Этот человек — очень интересная фигура. Только в последние сто лет корону стал наследовать старший сын. В прежние времена братья или племенники Императора были более предпочтительными наследниками, чем сыновья. По существу, монарший сан был выборной должностью, а не передавался по наследству. Этот самый Оторонго — потомок одного из прежних императоров и таким образом обладает некоторыми правами, на которые могут претендовать все боковые ветви царствующего дома. Оторонго всегда считался дилетантом, не интересующимся политикой, известным покровителем ювелиров, людей искусства и устроителем ежегодных концертов в этой провинции. Сейчас, говорят, готовясь к пятидесяти второму году цикла, он планирует весьма сложную серию увеселений, как частных, так и общественных.

— Он не связан с военной партией? — спросил Ло Сайдж, когда Валт замолчал, и стал водить пальцем по карте города, лежавшей на столе.

— Если вы черпаете информацию только из болтовни и слухов, вы ни в чем не можете быть уверены. Внешне его интересы именно таковы, как я говорил. Но чему он предан, так сказать, под покровом ночи — кто знает?

— Марва там, — Мэрфи смотрела на карту, — а мы здесь. — Она сдвинула палец меньше чем на дюйм от точки, указанной Валтом, на самом деле это было немалое расстояние. — Мы должны взять ее оттуда.

Валт не стал перечислять ей трудности, которые неизбежно встретились бы на их пути, и сидел, не поднимая глаз от карты.

— Послезавтра — начало цикла. Люди собираются отовсюду в Ксоматль, чтобы принять участие в церемонии возжигания огня и в последующих празднованиях. Это единст-

венный случай, когда слежка почти не ведется. Оторонго вполне может воспользоваться своими увеселительными мероприятиями, как прикрытием для встреч, если он этого пожелает.

Блейк зашевелился.

— Тотцин и те, что стоят за ним, УВЕРЕНЫ, что я — их связь с поставщиком оружия из другого уровня. Не можем ли мы сыграть на этом, чтобы добраться до Марвы?

Валт поднял голову и долгим взглядом посмотрел на молодого человека.

— В этом мог быть шанс, если бы Тотцин указал тебе какую-то связь здесь, в Ксоматле, если бы ты знал, где его найти. Но...

— Только и слышу — но и но, — взорвалась Мэрфи. — Я говорю вам, что знаю, где Марва. Я найду ее в течение часа. А когда она будет здесь, в безопасности...

— Здесь? В жилище Дозволенных купцов? — холодно сказал Валт, поднимая брови. — Здесь первым делом станут искать, и у нас не будет пути к отступлению. Есть только один шанс — воспользоваться бурными празднествами первых дней цикла для прикрытия наших передвижений. Но на воде за нами будут следить. Стоит взять прогулочную лодку, чтобы убедиться в этом. Поэтому мы должны действовать неожиданно, как только будем готовы. Может быть, нам повезет.

Блейк встал и пошел к дальней стене, где висело зеркало, отражающее сидящих за столом. Но его интересовало собственное лицо.

Радикальные косметические процедуры техников Врума осветлили его кожу, и она останется светлой, пока он применяет специальный крем. Но с тех пор, как он появился в Ксоматле, кремом он не пользовался, а в дни плена уже начался обратный процесс.

Лорды, приходившие осматривать товары, имели такой же цвет кожи, как и у него. Правда, резкие черты ацтеков и майя были совсем другими. Он был уверен, что патрульные техники могли бы быстро воспроизвести их.

Блейк встретился в зеркале со взглядом Валта и подумал, что старший патрульный вполне может читать если не мысли, то его намерения.

— Охотник с севера может быть в городе? — спросил Блейк.

— Зачем тебе это?

— Попытаться найти Тотцина.

— Или Марву! — вскочила Мэрфи. — Взять ее оттуда... может быть, спрятать на берегу... — Тотцина, — задумчиво

повторил Валт, не обращая внимания на девушку. — А если ты найдешь его, то что? К тому же ты не обучен поведению северных охотников и выдашь себя в первые же пять минут одним из пятидесяти различных способов.

— Улицы полны народу, чужих множество. Можно выбрать для меня какую-нибудь далекую родину. — Блейк не нервничал; бесцельное ожидание тяготило его. И с тех пор, как ему пришла в голову эта идея, он не ощущал предупреждающих об опасности сигналов. В этом плане, по крайней мере сейчас, опасности не было.

— Допустим, ты его нашел, — Ло Сайдж теперь играл роль адвоката дьявола. — Что ты будешь делать?

— Приглашу его сюда, для встречи с моим начальником.

Палец Валта больше не елозил по карте, он то сгибался, то разгибался, словно подзывал кого-то.

— Ты думаешь, что Тотцин имеет доступ не только к кораблю, но и к информации, которую мы, возможно, желали бы получить?

— Да, что-то вроде этого.

— Тотцин... — размышлял вслух Валт. — хотел бы я знать о нем побольше. Окончание имени — почетное, а само имя означает «сокол». Он в ранге квохехетхе — жреца-воина. Правда, этот древний титул присваивался новичкам при совершенно различных обстоятельствах. И где ты собираешься искать этого высоко летающего сокола?

— Там, где я видел его в последний раз, в гавани. Если корабль все еще там...

Ло Сайдж усмехнулся.

— Мы, люди предположительно осторожные, скрытные, и так вдруг собираемся положиться на волю слепого случая! Не смотрите на меня так! Я не могу предложить ничего лучшего.

В час дня Блейк вышел из комнаты показа товара в нижнем этаже дома Дозволенных купцов. В портале стояли стражники, но они не препятствовали входу богатых купцов и вельмож, жаждущих посмотреть на привозной товар, и не обращали особого внимания на выходящих, праздничное настроение уже сказывалось. Купцы из Нью-Британии не имели права торговать сами и действовали через посредников, предоставляемых городскими гильдиями.

Выйдя на улицу, Блейк остановился, чтобы сориентироваться. Ему надо было пройти едва ли не полгорода, чтобы попасть на пристань. Наемная машина могла бы довезти его, но Блейк решил сначала пройтись.

Какой-то мужчина, пройдя мимо, задел Блейка и сунул что-то ему в руку. Блейк удержался от желания посмотреть

сразу же, а поднял руку, как бы поправляя свою широкополую охотничью шляпу, и увидел перо, светлое, с темной полосой. Блейк снова встретился с дилеммой, не в силах понять то, что, несомненно, было сообщением. Но, во всяком случае, он не терял из виду прохожего. Тот шел по направлению к пристани, и Блейк двинулся за ним.

Похоже, человек этого и хотел: он выбирал места, свободные от толпы, как бы желая все время оставаться на виду у Блейка. И шли они действительно к пристани.

Прошла незанятая наемная машина. Блейк все время следил за красным тюрбаном человека, который вел его. Такой головной убор носили все домашние слуги, но на алой одежде мужчины не было герба семьи. А неистово-яркий цвет, столь бросающийся в глаза, не казался необычным в этом городе, где яркие цвета одежды были скорее правилом, нежели исключением.

Человек в тюрбане свернул в узкое пространство между двумя домами. Дойдя до поворота, Блейк заколебался. Он не чувствовал опасности, но осторожность требовала, чтобы он шел в гавань. У Блейка было только перо в руке и понимание того, что его, Блейка, куда-то ведут. Этого вдруг оказалось достаточно, чтобы его охватило желание рисковать, о котором говорил Ло Сайдж, и он вошел в переулок.

Стены без окон отбрасывали узкую полосу тени. Красный тюрбан исчез. Но в стене было две двери: одна в конце прохода, другая в середине. Человек мог войти в любую, и Блейк не собирался стучать, чтобы найти его. Он уже хотел повернуть обратно, когда одна из темных дверей качнулась в молчаливом приглашении. Блейк подождал, что скажет его внутреннее чувство, но тревоги не ощутил. Осторожно ступая, он подошел к полуоткрытой двери.

Шагнув внутрь, он встретил рулевого с корабля Тотцина.

— Квохекетхе, — сказал рулевой. Сейчас он был в гражданской одежде, но по его выправке можно было безошибочно узнать солдата. Он прижался к стене и указал большим пальцем вдоль узкого коридора, где они находились. Блейк пошел, слыша за собой звук задвигаемого засова. Если он идет в западную... нет, сигнала опасности не было, и он не оглянулся.

Он вошел в кладовую, полную странных запахов незнакомой пищи, они шли из-за другой двери, за которой слышался приглушенный шум: там что-то делали.

— Сюда.

Слабый свет позволял разглядеть человека, поднявшегося со стула. Тотцин, но не такой, каким видел его Блейк в последний раз. Его щеголеватую униформу сменила одежда ря-

дового солдата с севера. Лицо было раскрашено, как у некоторых пограничных племен, что маскировало его черты. Вместо офицерского лазера на бедре висел длинный нож в расшитых бисером ножнах. Некоторое время он изучающе смотрел на Блейка, а затем кивнул.

— Вполне разумно. Только не вздумай заговорить с неподходящим человеком. В эти дни в Ксоматле будет гораздо больше тех, под кого ты замаскировался, чем бывает обычно. Да, пожалуй, это хорошо послужит.

— Чему? — спросил Блейк и подумал, разумен ли такой вопрос.

— Смятению. На речном судне были Глаза и Уши. Один из них сообщил о твоём падении в воду, но сказал, что ты утонул. С твоим возвращением — а об этом, без всякого сомнения, тоже доложено — начнутся вопросы. Но время работает против них так же, как и против нас. Эта лягушка с раздвоенным языком — Оторонго — снова квакает. Он экспериментировал со Священным Дымом. Священный Дым! — Тотцин как бы выплюнул эти слова. — Мы больше не верим тому, что говорят наши жрецы. Человек пользуется собственным зрением, а не видениями, посылаемыми богами. Боги умирают, когда люди перестают верить в них, но в мозгу Оторонго горят фантазии, и они, когда он их выбалтывает жрецам, могут быть расценены, как угодно, по выбору слушателей. С тех пор, как он начал пить дым, он втянулся в это. На него нельзя положиться.

— Итак? — спросил Блейк.

— Итак: лучше, чтобы девушка не была в его власти.

— Ты хочешь увезти ее?

Тотцин покачал головой.

— Нет. Это сделаешь ты.

— Почему я? И каким образом?

— Почему? Потому, что она законно принадлежит тем, кто будет торговаться за нас. Они нам так и сказали, когда впервые спрятали ее здесь. И поскольку ты говоришь за них, ты понимаешь, что она не должна подвергаться риску, пока полезна нам. А каким образом ты увезешь ее? Это уж твое дело... частично. Сегодня вечером Оторонго открывает свои сады для горожан. Поскольку сейчас конец ксиулулпили, он задумал сделать широкий жест, чтобы поразить людей сильнее, чем когда-либо раньше. Он позволит разрушить, опустошить свой сад развлечений, внешний сад, а потом отстроит его заново. Весь город приглашен грабить его сокровища, собранные там. Ты будешь там за два часа до захода солнца. Перелезешь через стену до того, как откроются ворота. Пересечешь дорогу, ведущую в сад развлечений, и выйдешь на

дорожку к дому женщин. Ну, а дальше, — Тотцин мрачно усмехнулся, — твое дело. У прислуги, следящей за девушкой, питье будет приправлено новыми травами — вот и все, что я могу тебе обещать.

Блейк мог бы поверить в неожиданную удачу, но его смущала кажущуюся легкость дела. Однако...

— Вот еще что, — он пристально посмотрел на Тотцина, — мы не сможем бежать. Дом купцов будет под подозрением.

— Оторонго не сможет обвинить кого-то, не продыравив собственный шит.

— Ты думаешь, он примет ее исчезновение без борьбы?

Тотцин хмыкнул.

— Это зависит от его настроения, от того, как далеко он собирался зайти. Чего ты желаешь?

— Судно, скажем, вроде твоего корабля, чтобы ударить.

— Куда? — Усмешка Тотцина исчезла. Раскрашенный, он казался еще более угрюмым.

— Укажи место и, если хочешь, пошли своих солдат, — предложил Блейк. Он полагался на удачу и не сомневался в том, что патрульные сумеют воспользоваться удобным случаем.

— Я посоветуюсь со своим начальством насчет этого.

— А как ты сам думаешь, как отнесутся стражники Оторонго к побегу его пленницы, и особенно к чужаку, который постарается ее украсть?

— Правильно, — одобрил Тотцин, — но ты забываешь, что девушка пока что нужна для наших планов. Не настолько необходима, чтобы мой начальник рискнул выдать себя и помочь ей бежать, но все-таки достаточно, чтобы не оставлять ее Оторонго. У наружных ворот кое-кто будет ждать и присмотрит, чтобы ты благополучно выбрался из владений Оторонго.

— А как насчет реки?

— Я пока не обещаю, — твердо ответил Тотцин, — поговорю с начальником. Если ты согласен на дело, через час отдай перо, которое ты держишь, стражнику склада.

— Согласен, — тут же сказал Блейк.

Он вернулся обратно по переполненным людьми улицам, подождал, пока новая компания войдет в склад смотреть товар, и вошел следом. Ло Сайдж был занят показом, и Блейк встретился с ним глазами, когда прошел во внутреннее помещение, откуда поднялся в жилые комнаты.

Мэрфи в своей купеческой одежде сидела за столом и

прилежно печатала на нью-британской клавишной машинке то, что ей диктовал Валт.

— Что произошло? — жадно спросила она, едва увидела Блейка.

Блейк рассказал им, что узнал от Тотцина, опустив только его намеки на возможную опасность для Марвы.

— И мы легко ее возьмем! — Мэрфи вскочила со стула. Глаза ее блестели. — Я позову ее, и она выйдет. Вам даже не понадобится входить в ту часть дома. Ох, это будет так просто, Кам!

— Вы можете войти с ней в контакт и дать ей знать, что я пришел...

— Что мы пришли, — резко поправила она Блейка.

— Это невозможно! Женщины здесь не ходят свободно, кроме тех случаев, когда уезжают из города... — начал Блейк.

— Тогда я стану охотником, как вы. И скажу вам, Блейк — только я могу вывести Марву. Ох, он не знает... — она посмотрела на Валта.

— Она не может добраться до сестры на расстоянии, — объяснил глава патрульных. — Мы подозреваем, что Марву держат под действием какого-то наркотика.

— Тогда чем поможет ваше путешествие к Оторонго? — поинтересовался Блейк.

— Чем ближе я подойду к ней, тем больше у меня шансов на контакт. А если я не смогу вызвать ее к воротам, я поведу вас прямо к ней. Не хотите же вы обыскивать весь дом женщин!

Валт, понимая тревогу Блейка, кивнул, прежде чем тот начал протестовать, и сказал:

— Свами пойдет Ло Сайдж, Крэгин и Лэффи пойдут тайно следом. Сейчас ты нагреешь это, — он открыл тяжелую крышку дорожного сундука и начал что-то делать с ее нижней стороной. Панель отошла, и Блейк увидел в углублении четыре рукоятки оружия. По форме это были обычные игольчатые пистолеты, но гораздо меньшие по размеру. Валт достал один и протянул Блейку.

— Станнер, новый тип, стреляет не иглой, а лучом, но у него только шесть зарядов. Возьми его в ладонь и сожми пальцами.

Вертя в пальцах крошечное оружие, Блейк обнаружил, что холодный металл нагревается. Через некоторое время он разжал руку и увидел, что серебристый блеск поверхности исчез. Теперь оружие по цвету не отличалось от руки, державшей его.

— Теперь это только твое. Если кто-нибудь другой кос-

нется этого оружия, оно взорвется. Не забывай, что у него всего шесть зарядов, и перезарядить его нельзя.

— Откуда это? — удивился Блейк, не подозревая даже о существовании такого оружия.

— Экспериментальные, единственные в своем роде. Их добыл мне Роган. Без разрешения, должен добавить. Каждое стоит целое состояние. За спиной Валта протянулась рука и схватила второй пистолет. Рука Мэрфи была маловата, чтобы полностью скрыть оружие, но Блейк видел, как оно меняет цвет и становится принадлежностью только одной Мэрфи.

— Я вам сказала, — бросила она с вызовом, — что без меня вы не уведете Марву.

— К несчастью, — холодно ответил Валт, — вы, видимо, правы. Ваша мысленная связь будет помогать. Но помни, девушка, что приказы в этой операции отдает Валкер; ты будешь в зависимости от решений его или Ло Сайджа и ты должна поклясться мне в этом.

Мэрфи переводила взгляд с мастера патрульных на Блейка и обратно.

— Связать человека, идущего на такое дело, опасная вещь, Кам Валт.

— Сейчас ты подчиняешься дисциплине патрульных, Мэрфи. И в этом деле Валкер старший. Именно его ждут, значит, он и должен появиться там. Была бы возможность, я пошел бы вместо него. Ло Сайдж может укрыться, если его заподозрят. Итак, Валкер — старший, и ты его слушаешься. Понятно?

Она кивнула в знак согласия, но Блейк был уверен, что она осталась при своем мнении. Самому ему очень не хотелось, чтобы она принимала участие в этой рискованной операции. Он не считал ее надежным партнером.

Перо сокола вывело их из двери склада, и Блейк вздохнул чуточку свободнее, когда они, переодетые, оказались на улице. Крэган и Лэффи пользовались своими методами, чтобы следовать за ними.

Толпа стала еще многочисленнее, и они трое держались вместе, чтобы не потерять друг друга из виду. На транспорт нечего было надеяться: все наемные машины были полны, так что до владений Оторонго пришлось идти пешком.

Они нашли прогал в скрывающем стену кустарнике, и Ло Сайдж подставил Блейку спину. Блейк поднялся по этой живой лестнице на стену и взглянул вниз, в рай из цветов и деревьев. Затем он помог подняться Мэрфи, следом за ними на стене оказался Ло Сайдж, и все трое спустились вниз по цветущим виноградным лозам.

Глава 13

— Неужели можно желать разрушить все это? — удивилась Мэрфи, когда они затаились среди декоративных кустов, небольших каменных построек и прочих украшений тщательно ухоженного сада.

— Вопрос престижа. — ответил Ло Сайдж. — Разрешение сломать всю эту красоту во славу цикла ставит Оторонго в начало списка тех, кто делает широкие жесты. А он, видимо, падок на внимание...

Блейк замер. Он жестом предупредил остальных, а сам прислушался, почувствовав опасность. Затем он сделал прыжок в сторону, одновременно поворачиваясь влево. Как раз в это время из-под стелящегося виноградника на него вылетела мохнатая молния. Яростно рыча, огромная кошка ударилась о Блейка и сбила его с ног, но когти не тронули его. Когда они оба покатались по земле, ягуар был уже всего лишь грузом, из-под которого Блейк старался выползти. Один из шести зарядов истрачен, об этом Блейк должен был помнить.

Мэрфи вздрогнула, глядя на парализованное животное, и с еще большим страхом подумала о множестве укрытий, где могут таиться подобные сюрпризы. Ло Сайдж потянул Блейка за ноги.

— Интересно, много ли в этом доме свободно разгуливающих ягуаров? Вдруг мы не успеем их сосчитать...

— Тихо! — прошептала Мэрфи, но ее предупреждение было излишним: они и сами ясно услышали барабанный бой где-то внутри двorca.

Ло Сайдж бросился вперед. Они все еще старались прятаться, но только теперь проверяли, не скрываются ли в зарослях пятнистые охранники.

Перед ними выросла другая стена, из белого камня, обильно украшенная резьбой. Наверху извивалась стилизованная змея с тяжелым рельефом чешуи.

— Вот мы и пришли. Теперь неплохо бы найти калитку, — Блейк положил руку на поверхность стены. Вправо или влево? Мэрфи подошла и тоже провела ладонями по камню, а затем резко повернула вправо. Ло Сайдж поглядел на нее и дал знак Блейку идти следом.

Они очутились в узком пространстве между стеной, вдоль которой шли, и другими сооружениями из камня с замысловатой резьбой, которые стояли, как экран, между садом и стеной. Местами резьба была сквозная, так что просвечивали листья и цветы. Это был круглый закрытый портал, никаких щеколд с их стороны не было.

Мэрфи повернулась и, прикрыв глаза, плотно прижала ладони к закрытой двери. Блейк хотел было отвести ее в сторону и попробовать открыть дверь, но Ло Сайдж схватил его за локоть и оттянул назад, многозначительно тряс головой, он давал понять, что мешать Мэрфи сосредоточиться — было бы большой ошибкой.

Блейк подошел к стене, ему хотелось заглянуть за нее, и Ло Сайдж нагнулся, как раньше, подставив ему спину. Блейк, цепляясь за резьбу, сумел подтянуться наверх. На белой стене он представлял собой отличную мишень, если из дома кто-то наблюдал.

Там внутри был второй сад, такой же ухоженный. Две длинные клетки из тонкой проволоки окружали деревья и большое свободное пространство, где летали и распевали птицы с ярким оперением. Но Блейк внимательно смотрел на дверь внизу. Она была запечатана. По-видимому, это был когда-то запасной выход, но им больше не пользовались. Во внутренней части сада в укромных уголках были расставлены скамьи для отдыха гуляющих.

Легкий свист заставил Блейка оглянуться на Ло Сайджа, тот указывал на Мэрфи. Она уже не прижималась к двери и шаг за шагом отступала от нее, прижав пальцы левой руки ко лбу. Глаза ее все еще были закрыты, лицо выражало глубокую сосредоточенность. Правая рука медленно, почти томным жестом протянулась к закрытой двери.

Блейк снова поглядел во второй сад. Между птичьими клетками вилась тропа. Укрытий никаких не было. Оторонго мог отдать свой внешний сад на разграбление, но наверняка имел сильную защиту для внутреннего жилья своих домочадцев.

Перемахнув через стену, Блейк прыгнул вниз. У них, надо полагать, остается очень мало времени до того, как сюда хлынут толпы народа. Если они успеют найти Марву и вывести ее из этого второго сада, можно будет спрятаться в толпе. Тропа шла вправо и влево. Здание внутреннего дворца находилось слева.

Опасность!

Блейк присел на корточки, держа оружие наготове. Шорох... Еще один ягуар?

Прислонившись спиной к холодному камню стены, он вглядывался в каждую тень. Но к нему тянулась не когтистая лапа. Молниеносное движение почти на уровне земли — большая кошка не могла бы так распластаться. Блейк увидел бусинки безжалостных змеиных глаз на плоской голове и выстрелил, движимый отвращением, свойственным его народу, к змеям.

Голова несколько раз дернулась. Затем кольца застыли в неподвижности. Блейк подождал, прежде чем рискнуть посмотреть на жертву поближе. Да, змея, и, вероятно, ядовитая. Но на узком теле прямо под головой было металлическое кольцо, сверкавшее драгоценными бусами, такими же холодными, как и глаза. Значит, змея была не дикой, а прирученной обитательницей дворца.

Опять тихий свист. Блейк поднял голову. Ло Сайдж лежал на верхушке стены вниз животом и резкими жестами указывал на дворец, а губы беззвучно, но так выразительно выговаривали слова, что Блейк сумел понять смысл:

— Жди... Следи...

Кроме щебечущих птиц, в саду, казалось, никого больше не было. Блейк видел террасу, вернее, часть ее, потому что остальное скрывали деревья. Ни стражников у дверей, ни слуг, дворец как вымер.

Птицы вдруг закричали и встревожено забили крыльями. Секундой позже Блейк услышал далекий шум: толпа, пришедшая громить растительное богатство Оторонго, собиралась у внешней стены.

— Смотри! — сказали губы Ло Сайджа. Движение на террасе. Кто-то бежал по ступенькам, по тропинке между вольерами, бежал и всхлипывал.

Блейк ждал на скамье у запертой двери. Девушка выскочила на открытое место и бежала прямо к двери, широко раскрыв невидящие глаза. Если бы он не схватил ее, она ударилась бы. Девушка вырвалась из его рук. Можно было подумать, что он держит ягуара, потому что она драла его ногтями с нечеловеческой яростью. Ло Сайдж спрыгнул, схватил край ее плаща и обмотал вокруг нее, прижав ее руки к телу. Глаза девушки по-прежнему ничего не выражали, но из них катились слезы, и она сотрясалась от рыданий. Они вдвоем перетащили ее через стену, и Блейк опасался, как бы их дикая борьба не встревожила какого-нибудь стража, находящегося поблизости. Но когда они спустились на ту сторону, она сразу успокоилась. Мэрфи подбежала к сестре, крепко обняла и с ужасом уставилась на нее, та мягко оседала на землю.

— Она... она...

Ло Сайдж взял Мэрфи за плечи и отвел в сторону сестры.

— Наркотики или что-то вроде блокирующего внушения, — резко сказал он. — Снимите с нее юбку!

На Марве была длинная юбка с яркой вышивкой. Плащ, в который они замотали ее, был более темного лилового оттенка, его единственным украшением была полоса из голубых и золотых перьев. Ло Сайдж отломил часть виног-

радной лозы, свисающей со стены. Ее цветы одуряюще пахли.

— Подожди-ка! — Блейк понял его план. Он прошел вперед, чтобы добраться до корней лозы, оторвал длинную плеть, выбрав самую цветущую, и перебросил через стену. Любовь местных жителей к цветам, особенно тем, которые имели сильный запах, вполне могла оправдать такой поступок.

Шум за внешними воротами усиливался, теперь уже можно было различить отдельные выкрики, удары по воротам. Затем — рев! Значит, ворота открыты! Еще немного времени, совсем немного — и можно будет спокойно уйти.

Блейк подошел, чтобы помочь Ло Сайджу. Марва, закутанная в лиловый плащ, лежала, не замечая никого. Она закрыла глаза и как будто спала. Ло Сайдж обвинил вокруг нее множество лиан, а Мэрфи рвала другие цветы и закрывала ими все открытые места, пропущенные Ло Сайджем. Молоденькое деревце под лозами, обвиняющими тело Марвы, послужило шестом, подобным тому, на котором охотники носят добычу, и мужчины понесли его вдвоем.

Шум и пение приближались. Показались первые охотники за цветами. Тут были мужчины и женщины, в основном, крестьяне. Они несли корзины, кувшины, чаши, потому что шли не только за цветами, но и за кореньями. Одна компания пришла с лопатами и принялась выкапывать деревца и кусты.

Мэрфи вывернула юбку сестры наизнанку, чтобы спрятать богатую вышивку, и, сделав из нее подобие мешка, набрала цветочных луковиц, корней и самых редких цветов, перекинула через плечо и слегка согнулась под грузом, скрыв лицо.

— Пора идти — сказал Ло Сайдж.

Работающие вокруг были слишком заняты грабежом, чтобы обращать на них внимание. Один или двое мельком взглянули в их сторону и снова вернулись к своим делам.

Они должны были идти очень медленно, если хотели выйти через внешние ворота. Если какие-нибудь стражники задержались там, они могли бы удивиться, как эта компания собралась так много за столь короткое время.

Время от времени они останавливались и опускали свой груз. Раза два к ним обращались другие добытчики, но Ло Сайдж отвечал им заплетающимся языком, и спрашивающие пожимали плечами или смеялись.

— Посмотрите на ворота! — тихо сказала Мэрфи, догоняя Ло Сайджа.

Вот это да! Похоже, Оторонго вкушал новое ощущение полной мерой. Он не только хотел сам стать свидетелем расхищения его знаменитых садов, он еще пригласил гостей, по

крайней мере, своих домочадцев, в качестве зрителей. У главных ворот, через которые все еще шли расхитители, была воздвигнута платформа с балдахином наверху и с сидениями. Там можно было видеть и всполохи алой форменной одежды и яркие цвета гражданской. Слуги разносили вино и закуски. Гости с интересом смотрели на тонкую струйку грабителей, уже идущих обратно, и иной раз приказывали остановиться и показать добычу.

— Мы не можем... — начала Мэрфи.

— Должны! — ответил Ло Сайдж. — Разыграем подвыпивших, но не слишком пьяных. А вы, — обратился он к Мэрфи, — идите вперед. В случае чего бегите!

Блейк внимательно оглядел человека, который, по его мнению, должен был быть Оторонго. Высокий, тощий, в нарядной рубашке, наполовину скрытый под плащом из перьев. Сапоги застегнуты на благородную бирюзу, головной убор увенчан кольцом из перьев. По старинной моде он носил тяжелые серьги, оттягивающие мочки ушей. Грубое ацтекское лицо выражало презрительное любопытство и слегка оживлялось только в тех случаях, когда человек слева от него делал какое-то замечание. На этом человеке был тускло-черный плащ жреца. Но у него не было взлохмаченных волос, и лицо не горело фанатическим аскетизмом, как у жрецов в доме у реки.

— Ну, пошли, — тихо сказал Ло Сайдж. Блейк ждал предупреждающего сигнала, но чувство тревоги не приходило, по всей вероятности, они смогут выйти из своей немудреной игры. И он пошел, покачиваясь, за Ло Сайджем к воротам. Люди на платформе были сейчас заняты выбором фруктов и печений с подносов. Слуги наполняли чаши.

— Ай-ай-ай, — пел Ло Сайдж. Лицо его выражало радость реализованной мечты.

Блейк не решался петь, но во всем остальном старался быть под стать своему компаньону. А Мэрфи хохотала, потряхивая импровизированным мешком с цветами. Она была уже у платформы. Они почти прошли...

— Хоу! — раздался повелительный окрик, за ним последовали слова, которых Блейк не понял.

— Валкер! — тихо приказал Ло Сайдж. — Отвлекай! Быстро!

Блейк посмотрел вверх. Один из армейских офицеров перегнулся через баллюстраду платформы, делая повелительный подзывающий жест. За ним стоял Оторонго.

Отвлечь? Блейк положил шест, который нес, на плечо, придержал его левой рукой, а правую вскинул в приветствии, какое он видел в городе у низших классов, и выстрелил. Ото-

ронго в эту минуту повернулся ответить на какой-то вопрос жреца и теперь упал вперед на баллюстраду. Испуганный офицер едва успел подхватить его.

— Пошли!

Блейк не успел оглянуться, как они уже были за воротами и проталкивались через толпу. Похоже, желающих грабить в сад пускали не сразу, а определенными частями, и следующая группа стояла у входа.

Как раз в это время вышел другой отряд с цветами, и Ло Сайдж с Блейком поспешили пристроиться к этой процессии. Тотцин обещал помощь за воротами, и Блейк, при всем его недоверии к имперскому офицеру, вдруг горячо пожелал увидеть его. Но пока они шли за другим отрядом, прислушиваясь, нет ли погони. Кто-нибудь сообразительный на платформе может увидеть связь между ними и обмороком Оторонго.

У обочины стоял маленький фургончик. Блейк знал, что в таких закрытых машинах перевозили женщин из благородных семей. Но на этом обшарпанном и покрытом густой пылью фургоне не было семейного герба. Задняя дверь его открылась, и солдат — посыльный Тотцина — поманил их. На секунду они заколебались. Принять от другой стороны, преследующей свои, неизвестные им цели, помощь — значит, лишь ненадолго отсрочить бедствие... Или, может быть, нет? Но шагать по улицам с их бессознательным грузом — значило привлечь к себе нежелательное внимание... Они подошли вместе с Мэрфи и положили свой обернутый виноградными лозами тук внутрь фургона.

— Куда поедет? — спросил Блейк.

— Куда пожелаете, — ответил солдат, — но влезайте побыстрее! Мы не можем ждать. Нам придется проложить фальшивый след.

Ло Сайдж кивнул и посадил Мэрфи в фургон. Следом вошел Блейк, и дверь тут же закрылась с выразительным щелчком. Он прислонился к ней плечом и заметил, что закрыта она снаружи.

— А солдат прав насчет того, что нас многие видели, — тихо прошептал Ло Сайдж. — Нас могут выследить, если потребуется. Пустят за нами собак — что тогда? Давай-ка, вытащим леди из ее кокона.

В закрытой машине запах цветов кружил голову. Они оборвали ветки и листья, вытащили Марву и посадили на сиденье возле узкого оконца, откуда шло немного свежего воздуха. Мэрфи села рядом, поддерживая сестру.

— Как она? — спросил Ло Сайдж.

Мэрфи покачала головой.

— Я смогла привести ее к нам, к стене. Но теперь она как бы ушла. Что они с ней сделали?

— Тотцин говорил, что даст наркотик тем, кто сторожит ее. Может, и ей досталось немного? — предположил Блейк.

— Продолжайте попытки, — сказал Ло Сайдж Мэрфи. — Ее необходимо разбудить. Может быть, будет лучше, если она сможет рассчитывать сама на себя.

— А что я могу сделать? — огрызнулась Мэрфи. — Куда нас везут?

Блейк наклонился, чтобы взглянуть в узкое оконце, но оно было закрыто ставнем. Они ехали медленно, как полагается на оживленных улицах. Дважды сворачивали и теперь увеличили скорость. И дорога стала далеко не такой гладкой, как раньше.

— Мы выехали из города, — уверенно сказал Блейк.

Ло Сайдж подошел к стенке между внутренним помещением и местом водителя, где было окошечко, через которое пассажиры отдавали приказы. Патрульный пытался открыть его, но оно не поддавалось.

Стон привлек их внимание к Марве. Рыдания, потрясавшие ее раньше, сменились тяжелыми вздохами, как будто ей не хватало воздуха. Ло Сайдж быстро подошел и поднял ее голову к целевидному окну.

Блейк нашел среди обломков лоз кусок крепкого корня, протолкнул его в окно и откинул ставень, а затем передал свой инструмент Ло Сайджу, чтобы тот проделал то же самое на другой стороне фургона.

Зелень, тяжелая зелень лесной местности, быстро проносилась мимо. Из-за ограниченности обзора мало что удавалось увидеть. Блейк с трудом мог поверить, что так близко от города есть столь густой лес. Они как бы пробивались в совершенно дикие места.

Глава 14

— Охотничья зона... — определил Ло Сайдж.

— Что это такое? — спросил Блейк.

— Участок дикой местности, охраняемый для церемониальной охоты. Он отмечен на картах города. Но это значит, что мы едем в противоположном направлении от реки...

— Куда? — спросила Мэрфи.

— Увидим, — чуть рассеянно ответил Ло Сайдж.

Дорога заметно ухудшалась, а зелень подступала все ближе к фургону, так что ветки били по стеклам. Фургон замед-

лил ход и, наконец, остановился. Блейк коснулся плеча Ло Сайджа.

— Я выстрелю в водителя и в того, кто рядом с ним, развернем фургон и поедem обратно в город.

— Пожалуй, можно, — согласился тот.

— А-а-а-! — Марва рванулась из рук сестры и поползла по полу. В ту же секунду Мэрфи схватила за голову с тем же воплем протеста и боли. Ло Сайдж покачнулся, словно его ударили по затылку. Блейк тоже почувствовал мысленный удар. Это не было неумелым обследованием мозга, какому он подвергался во владениях лорда у реки, это был настоящий зонд, нацеленный на овладение сознанием и выполненный талантливым и тренированным человеком Врума.

Ло Сайдж извивался, его напряженное лицо казалось маской ужаса, губы кривились. Только глаза его, сохранившие искру сознания, были обращены к Блейку, которому, как всегда, помог его мозговой щит. Но именно эта защита могла насторожить того, кто направил этот удар, сказать ему, что у него есть неконтролируемый противник.

Неспособный сопротивляться, Ло Сайдж дюйм за дюймом тащился к задней двери фургона. За ним ползла на коленях Марва и непрерывно стонала, а позади, спотыкаясь на непослушных ногах, Мэрфи.

Блейк услышал звук открываемого засова и отскочил влево. Тот, кто открывал фургон, не был готов к каким-либо неожиданностям, поскольку не знал о способности Блейка к сопротивлению. Предчувствие предупреждало Блейка об опасности, но не требовало немедленных действий.

Дверь открылась. Ло Сайдж выбрался из машины неуверенно, как будто его ногами управлял кто-то другой. Марва скорее выкатилась, чем выползла, Мэрфи шаталась. Блейк выстрелил и тут же отскочил на другую сторону фургона, чтобы расширить поле зрения.

Человек, в которого он ударил лучом, качнулся назад, споткнулся и упал. Блейк выстрелил во второго, еще стоявшего. Теперь у него оставался всего лишь один заряд! У Мэрфи и Ло Сайджа было оружие, но им могли воспользоваться только они.

Когда второй из встречавших фургон упал, Блейк увидел, что Ло Сайдж и Мэрфи, странно дергаясь, подняли Марву и пошли вместе с ней прочь от фургона. Блейк осторожно подобрался к двери. Посланец Тотцина и другой мужчина лежали без сознания. Машину окружали деревья и кусты, на земле резко отпечатались следы колес. Трое, находящиеся под тепепатическим контролем, обогнули машину и, видимо, собирались исчезнуть где-то впереди. Одного Блейк мог бы удер-

жать, но с тремя физическими методами не справиться. Мысленный приказ явно вел их к какой-то определенной цели. Наверное, она была не слишком далеко, потому что такой контроль не действует на большое расстояние. Значит, отдавший приказ находится где-то поблизости. И поскольку эта сила явно была из Врума, значит, они встретились с настоящим врагом. Возможно, Блейку удастся использовать свой последний выстрел, если он подберется достаточно близко к этому врагу. И он бросился вслед за спотыкающейся тройкой, чутко прислушиваясь ко всякому звуку и полагаясь на свое предчувствие.

Дорога сменилась тропой, вроде той, что прокладывают звери. Были заметны недавние попытки расширить ее, о чем свидетельствовали срубленные кусты. В быстро надвигающихся сумерках Блейку нелегко было смотреть вперед. Трое вышли, наконец, к пересыхающей речке, протекавшей вдоль каменного ложа и перешли через нее.

Блейк шагал позади так же неуверенно, как и они, поскольку он был на открытом месте и мог быть под наблюдением. Они обогнули излучину реки, и сумерки прорезал свет — неяркий честный свет костра, не бесцветные лучи здешних ламп, но глубокое мерцание, таившее в себе что-то чужое и зловещее.

Блейк понял: их ждал паук, который сплел эту паутину. Блейк чувствовал здесь ауру чужого удовлетворения, торжества, чувствовал так хорошо, как если бы это было высказано словами. Кто-то ждал их, не сомневаясь в своей полной победе. Но как он не догадался, что встретил в Блейке блокированный мозг? Может, просто не беспокоился, считая, что если три человека у него под контролем, то с четвертым он легко справится? Это означало, что у него есть и другие методы воздействия на потенциальных противников.

Строение, к которому они подходили, было хитроумно закамouflировано. Не будь открытых окон и света, Блейк не заметил бы его. Грубый камень стен мог показаться естественным продолжением берега, а кусты, посаженные на низкой кровле, казалось, росли на земле.

Три пленника шли прямо к распахнутой двери. Блейк упал за обкатанный водой валун. Он ничем не мог помочь им, идущим прямо в западню. У него было только одно маленькое преимущество, единственный шанс эффективно использовать последний заряд. Если он хоть на миг отвлечет врага или нарушит мысленный контроль, он получит помощь Ло Сайджа.

В тайном убежище враг был самонадеян. В первый раз Блейк порадовался, что не имеет талантов жителей Врума,

иначе он также попал бы под мысленный контроль и шел бы теперь слепо и бездумно, как его товарищи.

Голубой свет был неяркий и таинственен. Три силуэта вошли в строение и тут же исчезли. Может, там был занавес? Блейк выжидал. Если враг рассчитывает на четверых, то он сделает что-то, призывая отставшего.

И это пришло: взрыв мысленной силы, предназначенный для ослепления, оглушения человека, для полного лишения его воли. Блейк тут же принял решение уверить врага, что все сработало. Он, шатаясь, вышел из-за валуна и поковылял к хижине, надеясь, что его поведение достаточно реалистично и обманет врага на те несколько минут, нужных Блейку, чтобы подойти к нему на расстояние выстрела. Патрульный вошел в дверь. Голубой свет окутал его тело, как будто тоже был частью телепатической силы. Свет был, как туман, и сквозь него Блейк видел только расплывчатые контуры трех теней: одна стояла, две лежали на полу. Это были Ло Сайдж и девушки. Больше никого Блейк не видел.

— Сюда! — ударила команда.

Ло Сайдж с бесконечным трудом поднял одну из девушек, другая сама поползла на коленях. Блейк пошел следом, пытаясь разглядеть что-нибудь в странном свете.

— Здесь! — Блейк чувствовал опасность остро, как тогда, в саду. — Направо!

Но он не видел мишени, потому что Ло Сайдж маятником качался взад и вперед между ним и невидимым источником света.

Барьер... в другой открытой двери.

Сигнал предупреждения был так силен, что Блейк бросился вперед, проскочил голубой туман и очутился в помещении с обычным освещением. Он споткнулся о лежавшее тело, но удержал равновесие и встретился лицом к лицу с человеком, сидящим в мягком кресле. Человек смотрел на него с выражением полнейшего шока. В ту же секунду Блейк выстрелил ему прямо в лицо. Блейк услышал звяканье металла и затем был сбит с ног, пол под ним дрожал и дергался. Поднявшись, он увидел, что незнакомец соскользнул с сиденья, но его рука оставалась на приборной доске. Знакомая вещь... Блейк почувствовал мучительный переход сквозь время. Он находился в незаконном челноке! Но он не имел представления, куда они летят и есть ли вообще какое-то определенное направление, потому что рука, лежавшая на панели, принадлежала человеку, потерявшему сознание.

— Ну... — Блейк, столкнув, откатил в сторону пилота и сел в его кресло, хотя мог либо остановить челнок, либо вести его на какой-то неизвестный уровень. Только упрямство за-

ставило его попытаться что-то сделать. Он оглянулся на звук голоса.

Ло Сайдж, видимо, упал, когда они взлетали. Теперь он ощупывал и осматривал себя, как очнувшийся от страшного сна.

Блейк внимательно разглядывал приборную доску. Челнок несколько отличался от обычных. Взглянув на приборы, он точно понял одно — челноку был задан курс, они не будут странствовать наугад через миры без надежды быть найденными. Но каков этот курс и где челнок приземлится, было известно только их врагу.

— Прыгун? — Ло Сайдж с трудом подошел к Блейку и тоже посмотрел на приборы. — Прыгун, — ответил он сам себе, встряхивая головой, чтобы прояснить затуманенный мозг.

Мэрфи застонала и села, обхватив руками голову. Она дрожала и кашляла, но глаза ее были ясны.

Блейк осмотрел кабину. Хотя она была лишена обычного оборудования, он надеялся найти сумку первой помощи с нужными стимуляторами. И в укромном уголке нашел такую сумку, без которой, как он знал, ни один прыгун по уровням не решится лететь.

Одну таблетку он сунул себе в рот, вторую дал Ло Сайджу, который сделал то же самое. Третью взяла Мэрфи, но когда она поднесла ее к губам Марвы, Ло Сайдж запротестовал.

— Мы не знаем, какие наркотики ей давали. Лучше оставить ее в покое. Посмотрим, может, она сама очнется... — Он наклонился над незнакомцем и взглянул в его лицо, — Не знаю его.

— А я знаю! — сказала Мэрфи. — Это Карглос!

— Пилот коптера на Проекте? Блейк вернулся к воспоминаниям, казавшимся бесконечно далекими. Начало этого приключения полностью заслонили дальнейшие события.

— Сила первой десятки, иначе он не мог бы захватить и держать нас троих, — комментировал Ло Сайдж. — Чего ради он работал пилотом коптера на Проекте? — Он тут же снова поспешил ответить на собственный вопрос. — Видимо, это ширма. Но зачем? Впрочем, может, он сам на это ответит.

— А ты сумеешь справиться с ним, когда он придет в себя?

— С некоторой помощью, которой у вас сейчас нет. Так что, когда он выйдет из бессознательного состояния, надо будет лишить его сознания снова.

— У меня кончились заряды, — сообщил Блейк.

Ло Сайдж положил руку на поясной мешочек. Сначала спокойно, а потом с тревогой он пошарил пальцами в поясе.

Затем он поднял глаза, и на лице его выразилась такая растерянность, какой Блейк ни разу у него не видел.

— Исчез!

— А ваш? — спросил Блейк, обращаясь к Мэрфи.

Она сунула руку в рукав рубашки.

— Исчез!

— Каким образом?

— Чисто сработано. — Ло Сайдж мрачно посмотрел на Карглоса. — Нам, без сомнения, было приказано самим разоружиться по дороге, и мы так и сделали. У нас есть всего один шанс, а именно — выскочить из челнока, как только мы окажемся на уровне. Но я не знаю, какого рода его контроль. Мы далеко отошли от фургона?

— Не знаю точно, но, кажется, довольно далеко. — ответил Блейк.

— Значит, как-то надо обмануть его.

«Ло Сайдж чрезмерно оптимистичен», — подумал Блейк, но ничего не сказал. Не было никаких оснований надеяться на какие-либо преимущества, когда их путешествие сквозь время придет к концу. Если они направляются на Врум, то вполне может случиться, что они попадут в еще большую беду, из которой у них не будет никакой надежды выпутаться.

— Мы едем на Врум? — спросила Мэрфи, тоже изучавшая приборы.

— Не думаю, — ответил Ло Сайдж. — Карглос привел нас сюда. Он поставил дорожный код, приготовив все, чтобы взять нас и прыгнуть. Но я сомневаюсь, чтобы он собрался на Врум. Прежде всего ваш отец, узнав, что тут может действовать незаконный челнок, наверняка поставил детекторы, которые могут выследить любого прыгуна поблизости от нашего мира или на регулярных линиях, и Карглос, конечно, учитывает это. Я думаю, мы теперь едем в другой тайный мир, который считают надежным те, кто стоит за всем этим.

— Пустой мир, — сказал Блейк.

— Почему?

— Это самое надежное. Нет населения, которое стало бы вмешиваться или подозревать что-то.

— Да, это похоже на правду. Но пустых уровней много. Кстати... Ло Сайдж поднялся и обыскал Карглоса. — Оружия нет. Он уверен, очень уверен в себе. В сущности, здесь нет ничего, что подсказывало бы нам, куда мы направляемся. Мэрфи, есть какой-нибудь способ узнать что-то от вашей сестры? Улови какое-нибудь впечатление? Она может иметь ответ или часть его, раз она поехала с Карглосом в мир Нью-Британии.

— Нет. Это все равно, что собирать по кусочкам разбитую

вдребезги вещь. Неужели... неужели она такой и останется? — Мэрфи с мольбой посмотрела на Ло Сайджа.

У патрульного не было готового ответа. Он не мог прибегнуть к успокаивающей лжи, даже если бы хотел — Мэрфи знала бы, что ее обманывают. Он молчал, а она смотрела на стенку кабины.

— Ее теперешнее состояние, — тихо сказал он после паузы, — следствие от наркотиков плюс воздействие контроля Карглоса. Она может прийти в себя естественно, как просыпаются от горячего сна, или же ей помогут опытные врачи на Вруме. Но сможете ли вы повлиять на нее, если понадобится?

— Попробую, — с сомнением ответила Мэрфи. Ее внимание, казалось, было обращено внутрь, к собственным ощущениям.

На приборной доске появился предупредительный сигнал. Блейк столкнул Мэрфи на пол и сам лег между ней и неподвижной Марвой, перекинув руки через обеих девушек вместо страховочного пояса. Головокружительное вращение на полу было значительно сильнее, чем в специальном кресле.

Во всяком случае, было ясно, что садятся они не на Вруме: не тот интервал между исчезновением и появлением. Ло Сайдж сидел в кресле пилота, следя за приборами, в то время, как Блейк, не в силах сохранить чувство равновесия, закрыл глаза, борясь с тошнотой.

Кабина вздрогнула от толчка. Они остановились где угодно, только не на станции. Но вокруг не чувствовалось и движения, как в черепашьем мире. Блейк сел, а Ло Сайдж отодвинул панель видеоэкрана.

Они смотрели в ночной мир, освещенный резкими лучами лунного света. Вырисовывались голые пики скал. Больше ничего не было видно в ограниченном поле зрения экрана.

Мэрфи зашевелилась, откинула с лица спутанные волосы.

— Похоже на Проект, — сказала она.

— Вполне возможно, — Ло Сайдж встал с кресла, собираясь открыть дверной замок. — Согласно регистру, спецкостюмов не требуется. Это уже хорошо. Но нам нужно немного оглядеться. — Ты, — кивнул он Блейку, — следи за ним. Я не знаю, долго ли он останется без сознания, и не имею желания снова оказаться под его контролем.

Волей-неволей Блейк вынужден был признать его правоту. Когда Ло Сайдж вышел, Блейк снял свой пояс и разрезал его на полосы. Он не мог связать мозг Карглоса, что было бы для них действительно важным, но хотел удержать хотя бы самого экс-пилота. Посадив Карглоса в кресло, он крепко привязал его.

Мэрфи смотрела на экран. Тень Ло Сайджа появилась в одном углу и снова исчезла.

— Карглос был явно уверен в безопасности, когда вез нас сюда. — сказала она — Уверен, что никто здесь не помешает ему.

— Долго ли он мог держать вас под контролем? — спросил Блейк.

— Честно говоря, не знаю. С Марвой в ее теперешнем состоянии у него было бы немного забот. Но Ло Сайджа и меня вряд ли он удержал бы долго.

— Это означает, что он рассчитывал получить здесь поддержку. Помощь кого-то, связанного с Проектом.

«Или, — добавил он про себя. — здесь скрывается его банда». В таком случае Ло Сайдж, при всей своей тренированности и сообразительности, может попасть прямо в лапы врага. Блейка успокаивало только отсутствие внутреннего предупреждения. В этом смысле была полная тишина.

Он прошелся по маленькой кабине, на несколько секунд задержался возле Карглоса, но пленник, по всем внешним признакам, все еще был без сознания. Кажется, стукнула внешняя дверь люка? Вернулся Ло Сайдж или... кто-то другой? Блейк прижал ухо к стене...

Опасность! Мысленный удар, нацеленный именно на Блейка и достаточно сильный.

Чьи-то руки схватили Блейка за ноги, дернули вниз. Он увидел лицо Марвы, ее пустые глаза, а за ней — извивающееся тело, привязанное к креслу. Мэрфи тоже яростно бросилась к Блейку, придавив его всем своим телом.

Глава 15

Обе девушки прижали его к полу. Карглос еще не открыл глаза, но его телепатические удары яростно били по Блейку. Экс-пилот не мог долго удерживать это направление и поэтому заставлял действовать девушек. Для полумер не было времени, и Блейк старался освободить руку, чтобы как можно скорее нокаутировать Мэрфи, но девушка напала с таким остервенением, что он успевал только защищать глаза от ее ногтей. Марва навалилась на его ноги, крепко вцепившись в них руками, так что он не мог даже отпихнуть ее.

Щелкнул люк, и над Блейком возникло лицо Ло Сайджа — пустое, лишенное разума. Удар, резкая боль... И Блейк ушел в небытие.

Он лежал в снежном сугробе. Холод пронизывал тело,

руки и ноги онемели. Нет, это не снег, и Блейку вовсе не было холодно: он лежал в золе, с которой только что смели горящие угли, и она жгла его. Вдали дико кружились в танце Мэрфи, Марва и Ло Сайдж, а Кам Валт бил в огромный барабан. Они хотят вырвать сердце Блейка, чтобы накормить громадную черепаху, нависшую со скалы над огненным ложем Блейка.

Бум... бум... все время бьет барабан, и фигуры кружатся в танце. Снег... зола... снег... Кружение сквозь время, перекресток, мир за миром проносятся мимо, но для Блейка нигде нет места. Когда он дойдет до конца этого витка, он выпадет из времени навеки и потеряется во мраке бесконечности. Кружение... барабан... кружение...

Блейку казалось, что он кричал, но никто не отзывался на его невнятный призыв. Черепашья голова повернулась, нечеловеческие глаза безжалостно смотрели на Блейка. Кружение... Барабанный бой...

Жжет не снаружи, а внутри. Снег... Ах, если бы можно было взять горсть снега и поднести ко рту! Блейк старался вытянуть руки, взять мокрый холодный снег. Снег... зола... Нет, руки ощущали лишь жесткую поверхность. Барабанный бой прекратился, и ничего не было видно. Постепенно Блейк осознал, что глаза его закрыты, поэтому и темно, но жжение все еще оставалось, и он попытался пошевелиться, чтобы избавиться от боли. Послышались какие-то новые звуки, казалось, они настойчиво требовали чего-то, они беспокоили его, но он не понимал их. В конце концов, Блейку пришлось открыть глаза.

Он увидел над собой пространство, которое вовсе не было небом, поскольку было ограничено стенами того же цвета. С величайшим трудом повернув голову, Блейк обнаружил, что он один. Тройка, ранее кружившаяся над ним в сумасшедшем танце, лежала тут же. Мэрфи слабо шевелилась. Ее глаза смотрели на него.

— Блейк! — почти беззвучно прошептала она, но он услышал и, как ни странно, почувствовал прилив сил. Он уперся руками о каменный пол и сел. Марва и Ло Сайдж стонали.

— Блейк, воды... — чуть громче прошептала Мэрфи.

Он оглядел помещение, в котором они лежали. Пол каменный, гладкий, а стены — эти или похожие — он видел раньше в лагере Проекта.

Лагерь... продукты... вода... — мысли Блейка тянулись медленно, лениво, однако ему удалось связать эти три слова воедино и понять их смысл. Дверь... вода... Повернуть голову было тяжелой задачей, требующей всех сил. Должна быть дверь. Идти он был не в силах, но мог ползти.

— Блейк! — заплакала Мэрфи. Блейк остановился, по-

вернул голову, и это причинило ему сильнейшее головокружение. Рот его, казалось был полон пепла, который он видел в бреду, но он все-таки прохрипел в ответ. — За водой...

Мэрфи пыталась приподняться. Блейк продолжил свое продвижение ползком к двери. Он навалился на нее плечом, но она не поддавалась. Он попытался еще раз, а затем ударил по двери кулаком.

Они были здесь заперты. И мысль о воде четырехкратно усилила его жажду.

— Нет... нет... — Мэрфи подползла к нему и слабо охватила пальцами его запястья. — Вот так. — Она положила его ладонь на неподатливую поверхность двери и повела ею вправо. На этот раз дверь подчинилась и ушла в стену.

Они выползли в коридор. Это явно была база Проекта, но... Блейк остановился и прислушался. Ни звука, даже нет гудения машин. Другая дверь в коридоре была распахнута, и на пороге лежал...

— Ох! — Мэрфи съежилась и крепко вцепилась Блейку в его плечо. Он освободился и толкнул ее к стене.

— Оставайтесь здесь! — он видел смерть в разных ситуациях, и у него не было сомнений, что он видит ее и сейчас.

С трудом он добрался до лежащего. Голова мертвеца была повернута в сторону Блейка, но прикрыта рукой. Блейк отвел ее и взглянул на лицо. Серфин! Блейк когда-то служил с ним. Это был техник Патруля, обслуживающий челноки и коммуникационные устройства станций.

Блейк оглядел комнату, охраняемую мертвецом. Коммуникационное оборудование превратилось в обломки, и сделано это было намеренно. Провода были расплавлены, хрупкие детали разбиты. Кто-то очень постарался, чтобы отсюда не посылались никаких сообщений.

Блейк подполз к стене и, держась за нее, встал на ноги, а затем, согнувшись, побрел обратно к Мэрфи.

— Кто это? — спросила она, когда он помог ей встать.

— Патрульный. Техник по связи. Как, по вашему, это Проект?

— Да. — Она смотрела мимо него на мертвого.

— Где... продукты? — прошептал Блейк, ему было так трудно стоять, да еще держать девушку, что на слова уже не хватало сил.

Мэрфи медленно повернула голову и огляделась.

— Там... — она указала в конец коридора.

— Оставайтесь здесь, — вторично приказал Блейк. Но когда он побрел, держась за стену, Мэрфи пошла за ним, и он не стал тратить силы на протесты.

Кое-как добрался он до большой комнаты. И узнал ее —

это была столовая, в которой он однажды обедал. На столе стояла грязная посуда, и ближайшая чашка была почти полна жидкости. Блейк никогда не пил ничего более вкусного, чем этот холодный, горький напиток. Он залпом выпил половину чашки. Держась за стол, он повернулся и, когда Мэрфи добралась до столовой, протянул ей питье. Мэрфи села на пол, прислонилась к стене и взяла чашку трясущимися руками,

— А еще? Для Марвы... для Ло Сайджа? Есть еще?

Блейк осторожно обошел стол, заглядывая в чашки. В двух еще оставалась жидкость, и он слил ее в одну. На тарелках засохли остатки пищи. Но где-то должны быть кухня и кладовая. Блейк принес чашку Мэрфи.

— Где кладовая?

— Вон там кухонный блок.

Блейк пошел в указанном направлении. Блок был устроен очень рационально: всего и дела — вложить брикет в нужное отверстие и подождать, пока он появится на подносе или тарелке, готовый к употреблению. Но шкаф для пищевых концентратов был открыт, полки пусты. Ничего из сырых продуктов не осталось.

Что это означало, он понял лишь некоторое время спустя. Вода была. Имелась река, и те, кто бросил их сюда, не видели оснований лишать их воды. Но пищи не было. Так же, как не было ни средств сообщения, ни челнока, ни признаков недавнего пребывания здесь людей, исключая мертвеца, охранявшего обломки.

Ло Сайдж сидел в кресле, которое когда-то занимал Котор, Марва все еще дрожала и временами впадала в прострацию, но в основном пришла в себя. Мэрфи и Блейк сидели напротив друг друга за пустым столом.

— Только это, — Ло Сайдж смотрел на три пакетика поддерживающих таблеток, которые они нашли, обыскивая личные комнаты, носившие следы поспешной эвакуации. Таблетки — не пища, энергия, даваемая ими, может оказаться фальшивой, сжигающей человека, если не дополнить ее питанием.

— Мы не можем наладить связь? — спросила Марва.

— Ты же видела, что сломано все, — мягко укорила ее Мэрфи.

— Но мы не можем сидеть здесь и ...

— Нет. Мы будем бороться, — сказал Ло Сайдж. — Но коммуникатор непоправимо испорчен.

— У тебя есть идея? — взглянул на него Блейк.

Ло Сайдж пожал плечами.

— Есть один шанс, до того дикий, что нельзя даже надеяться на успех.

— Но все-таки шанс? — подхватила Мэрфи. — Можем ли мы хоть что-нибудь сделать?

— Может, это всего лишь предположение, но... — Ло Сайдж оборвал себя, а затем добавил: — Не думаю, чтобы за нами послали какие-нибудь поисковые отряды. После того что здесь сделано, ответственные за это постараются любыми способами заставить всех забыть об этой базе. Однако, разрушив ком, они не уничтожили терминальную станцию.

— А зачем она без челнока? — поинтересовался Блейк.

— Вы имеете в виду тонкую стенку времени? — Мэрфи в упор взглянула на Ло Сайджа. — Но ведь это просто суеверие, разве не так?

— Мы всегда так считали, — согласился Ло Сайдж. — Но сейчас настало время всерьез проверить, суеверие ли это.

— Тонкая стенка времени? — Блейк смутно припоминал эти слова. Спор... Где? Когда? С кем? Этого он не мог вспомнить, его мозг все еще был одурманен, но выхватывал из смутных воспоминаний некоторые факты... нет, не факты даже, а предположения, догадки.

Станции для путешествий по перекресткам времени были установлены в определенных точках, многие из них поддерживались в постоянном действии десятки лет. Существовала теория, что такие станции истончают барьер времени, а постоянные путешествия с уровня на уровень изнашивают точки. Но это была только теория, а эксперимент, доказывающий или опровергающий ее, был бы связан с большим риском для всей системы, и поэтому его так и не разрешили провести.

— Но этот Проект основан недавно, — возразил Блейк, — А истончение происходит за несколько лет — если вообще происходит. От постоянных путешествий через эту точку.

— И это опять-таки предположение, — ответил Ло Сайдж. — Проект был основан года полтора назад. Контакты здесь были очень часты: деловые визиты, поездки персонала, доставка продуктов и материалов. Может, не такое использование станции, как на Аргусе или в Калабрии, но и здесь было много посещений.

— Что же мы может сделать? — спросил Блейк, догадываясь, что у Ло Сайджа есть еще одна цель: дать возможность девушкам думать, дать им нить надежды и тем самым предохранить их разум от ударов отчаяния. Но долго ли они проживут без пищи? Дольше, чем без воды, это он знал.

— Поищем в комнате связи материалы для устройства усилителя. — Ло Сайдж развернул один пакетик с таблетками. — По одной на каждого.

Блейк не мог удержаться от вопроса:

— А зачем усилитель?

— Для сигнала. Природная связь и с усилителем... — Ло Сайдж посмотрел на сестер.

— Значит... значит, вы и в самом деле думаете, что мы сможем это сделать? — спросила Мэрфи.

— Любая попытка ценна, вы не находите? — Ло Сайдж проглотил свою таблетку. — У нас есть мощная точка приема, Эрк Роган. Его мозг настроен на ваш, и он наверняка ищет вас, так что он в отличном состоянии для приема.

— Ты имеешь в виду — Блейк попытался изгнать недоверчивые нотки из своего голоса, — что вы пошлете мысль?

— «Безумие. Нет, конечно, Ло Сайдж не думал этого! Если девушки приняли его предложение всерьез, тогда он, Блейк Валкер, единственный, кто сохранил рассудок. А их действия под контролем Карглоса? Как можно было сделать такое с патрульным Ло Сайджем? Если бы Блейка спросили, кто из корпуса последним сломается под психическим давлением, он назвал бы Ло Сайджа. Стало быть, он, Блейк, плохо разбирается в характерах!» — так думал Блейк, не имея представления о том, какой глубокий стресс возникает при мысленном контроле, поскольку его природный барьер никто не мог пробить.

— Можно назвать и так, — слегка улыбаясь, согласился Ло Сайдж. — С усилителем мы сможем добраться до того, кто настроен на кого-то из нас...

— Отец! — прервала его Марва, и ее лицо просветлело.

— А если сигнал челнока пройдет лишь несколько уровней... — начал было Блейк, но тут же замолчал. Раз эта игра на пользу девушкам, зачем ее портить трезвыми аргументами? Пусть себе верят, пока могут. — Вы знаете насчет этого больше меня, — добавил он сердечным тоном, как бы принимая это безумие за факт. — Я глух и туп в этих делах.

— Не прибедняйтесь, — улыбнулась Мэрфи.

Они осмотрели комнату связи, после того как унесли тело патрульного в бывшую комнату Котора и запечатали дверь.

Блейк разъединял, развинчивал и сортировал детали под руководством Ло Сайджа, а сам Ло Сайдж в это время боролся с разгромом другими способами. Время от времени Мэрфи помогала то одному, то другому. Марва большую часть времени лежала на мешках, грудой сваленных в коридоре. Им всем хотелось держаться вместе, как будто что-то пряталось в пустоте штаб-квартиры Проекта и не нападало только потому, что они не разлучались.

Дважды Блейк ходил за водой к реке. Им приходилось часто отдыхать. Их энергия поддерживалась только таблетками. Тупые спазмы голода и дрожь в руках предупреждали людей о том, что долго они работать не смогут.

День менялся ночью. Они выползали в коридор, ложились на мешки и отдыхали. Блейк не был уверен, что спал. Ему казалось, что временами он проваливается в черноту. Однажды он проснулся и обнаружил, что сидит на корточках в комнате связи и пытается освободить кусочек неоплавленной проволоки из кучи обгорелых проводов.

И вот настал день, когда Ло Сайдж повел шатающуюся процессию в помещение бывшей терминальной станции. Блейк привалился к стене и смотрел, как Ло Сайдж бесконечно медленно и преувеличенно осторожно устанавливает странный аппарат, над которым он так долго трудился.

«Ло Сайдж решил довести свой фарс до конца», — тупо думал Блейк. Они останутся здесь и будут все больше слабеть, пока не впадут в бессознательное состояние, а затем наступит конец. Возможно, их так и найдут. И они никогда не узнают, что произошло на дорогах перекрестка времени, каковы истинные причины, вызвавшие все эти события.

— Готовы? — спросила Мэрфи. Глаза ее казались огромными на похудевшем, бледном лице.

Ло Сайдж поднялся, закончив последнюю проверку, которую производил, лежа перед машиной, собранной из кусочков и похожей на лоскутное одеяло.

— По-моему, да.

— Пора?

Ло Сайдж достал последний пакетик таблеток, открыл его и высыпал белые шарики в руку Мэрфи. Мэрфи прошла в конец комнаты и вернулась, поддерживая сестру.

— Думай об отце, — отчетливо сказал она прямо в ухо Марве, — думай о нем, рисуй мысленно его образ. Зови.

Марва кивнула.

— Да, я знаю.

Ло Сайдж дал девушкам по шарiku и один протянул Блейку, но тот отказался.

— Вам они нужнее.

Он не мог поверить в удачу и просто решил ждать конца без стимуляторов.

А трое остальных сели перед машиной, держась за руки. «Видимо, они рады, даже счастливы в своей уверенности, что они делают что-то конкретное для спасения», — думал Блейк. Сам он слишком устал, чтобы о чем-то беспокоиться. Он даже не завидовал их способности надеяться.

Вероятно, он дремал. Время не имело никакого значения. Открыв глаза, он увидел, что трое по-прежнему сидят возле машины, свесив головы на грудь. И он постепенно начал думать, что их уже нет, что здесь только их тела, пустые мертвые оболочки.

Снова полил дождь. Теплые струи воды стучали по крыше. Много ли времени понадобится здешним бурям, чтобы разрушить пустой лагерь и похоронить четыре — нет, пять тел под обломками?

В центре помещения возникло мерцание — видимо, крыша уже стала протекать. Но что-то заставило Блейка пошевелиться, окликнуть остальных, предупредить... Но ведь теперь это неважно, их уже нет... Мерцание?

Нет, не может быть!

Свет резал Блейку глаза, и он закрыл их. И когда открыл, увидел: там, где только что ничего не было, возникла крепкая блестящая поверхность.

«Это галлюцинация», — повторял он про себя, даже когда увидел открывающийся люк.

Глава 16

Блейк пил из тубы, держа ее обеими руками. Галлюцинация? Его мысли все еще цеплялись за это объяснение. Однако для галлюцинации все было слишком реально, он никогда еще не встречался с подобными иллюзиями — от вкуса пищи во рту до сознания, что он сидит в стандартном двухместном челноке Патруля.

— Так вот, сэр, все станции по линии закрыты по приказу с Врума, — услышал Блейк голос пилота над своей головой. — Круговой сигнал отсутствует.

— Что же это означает? — голос Ло Сайджа, слабый, глухой, донесся с другой стороны кабины.

— Ту'Кикропс, — в ответе слышалась злоба, — поставил вопрос в Совете и получил перевес в два голоса. Эрка Рогана не было, не было и многих других. Говорят, что члены оппозиции не уведомили их о заседании Совета.

— Но даже в таком случае, как мог Ту'Кикропс так быстро все проверить? — приглушенно прозвучал голос Ло Сайджа.

— О, видимо, он заранее спланировал удар. Отряды специально подобранных патрульных прошли по главным станциям и взяли управление на себя. Было, по крайней мере, два случая беспорядков, но у наших людей не было шансов. Мы никогда не держали больших отрядов на линии. Они угрожали высадкой в необитаемый мир любому, кто не сдавался немедленно. Так высадили вашу группу. И я думаю, что так случилось и в других местах. Мы, в сущности, ничего не знаем — одни слухи. Линии сообщений в их руках, и был

передан только один приказ — немедленно лететь на Врум и не устраивать беспорядков.

— Значит, вы держите курс на Врум?

Блейк, набив живот, смог уделить больше внимания разговору. Человек в кресле пилота был ему незнаком. У него были резкие черты лица и белый след старого шрама на виске. На его комбинезоне была узкая зеленая полоска — знак исследователей уровней. Заметив это, Блейк не удивился неуверенному ответу незнакомца:

— Я не могу отвезти вас на Врум, даже если вы очень захотите этого.

— Вы едете не туда?

— Каждый челнок, прибывший на Врум, конфискуется. Эта часть информации пришла помимо линии. Люди были взяты под стражу, как только вернулись. Нет, я не собираюсь на Врум.

— В укрытие?

Тошая рука незнакомца потерла подбородок.

— Я из исследовательской службы, сэр. Одно дело — быть высаженным в параллельный мир, а другое — иметь базу, куда возвращаешься по своему желанию.

— Я полагаю, что вы не одиноки в своих действиях?

Пилот повернул голову, посмотрел на Блейка, который твердо выдержал его взгляд, на девушек, лежавших, завернувшись в одеяла, на полу и, видимо, спавших.

— Нет, я не одинок. Есть и другие.

— И среди них, возможно, Эрк Роган?

— Да. Но как раз теперь он не может активно действовать, даже если бы хотел. Он был на станции Саракоссис, когда Ограничители пытались захватить ее. Мы уверены, что у них был приказ взять Рогана. Он был подвергнут действию луча, парализующего волю, но быстро выскочил. Они пользовались высшей силой мысленного контроля, и он очень опасался, как бы они не превратили его в марионетку, жующую гниль Ту'Кикропса.

— Знаете, мы не хотим на Врум. Вы не возьмете нас в свое убежище?

— А как насчет них? — пилот показал на девушек. — Они нуждаются в медицинской помощи, а у нас она недостаточна.

— Это дочери Рогана. Ими тоже были бы рады воспользоваться. Они не хотят попасть в руки Ограничителей.

— Ладно. Конечно, если мы сможем туда попасть. Нас предупреждали, что на челноки поставлен автоматический сигнал возвращения. Но, может быть, это была только угроза.

— Автоматический возврат? Неужели им наплевать, что случится с экипажем? — злобно спросил Ло Сайдж. — Ведь

чтобы это прошло благополучно, у вас должна быть отключена часть кодового управления...

Пилот пожал плечами.

— ... что может выкинуть вас в любой мир, это верно. Но я готов рискнуть. Никто из нас не мечтает быть выкинутым таким образом, но есть вещи и похуже.

— А как насчет этого вашего убежища, оно кодировано, конечно?

Пилот нахмурился.

— Нет! Я пробыл там пять лет в одиночном исследовании. Мой ранг позволяет мне выбор, и я воспользовался этим. Единственный рапорт от имени Фейвера Тиборуна, который может быть обнаружен, если кто-нибудь станет рыться в документах, это отказ от моих прав, который я сделал в обмен на свободу от контроля. У меня есть незарегистрированная база в середине пояса Радиации Два.

Пояс Радиации Два — серия миров (сколько их, никто точно не знает), где последняя атомная катастрофа, уничтожив человечество, вынудила предать забвению некоторые временные линии. Исследование их требовало нервов и некоторой доли безрассудства, а это считается недопустимым для квалифицированного патрульного, — Тиборун улыбнулся. — Это дикое, неисследованное место. Немного радиации, конечно, есть, но мир не полностью сожжен. Пожалуй, он похож на Врум. И там куча странных мутаций. Исследователи там не слишком бросаются в глаза. Я сделал насчет этого два рапорта, оба непосредственно Эрку Рогану, а не по официальным каналам. Для всех я в дальних мирах и веду небольшую торговлю на Исландском уровне.

— Много ли наших добралось туда?

— Не знаю. Роган поехал туда с четырьмя людьми и послал ограниченный вызов — один в Нью-Британию и еще два — людям, которых он надеялся завербовать до того, как они попадут в сети Ограничителей. Там было человек двенадцать, когда я уехал, сразу после приема вашего сообщения. Скажите, как вы это сделали, какими средствами? Ведь ком был разрушен?

— Мы попробовали другой метод, — сказал Ло Сайдж. — Кое-что новое.

— Не могли бы мы воспользоваться этим, чтобы вытащить некоторых других ребят? — настаивал Тиборун. — Нельзя допустить, чтобы хорошие люди попали в капкан к Ограничителям и получили то, что грозило Рогану.

— Это был эксперимент. Я не знаю, сработает ли он снова.

К удивлению Блейка, Тиборун не настаивал на деталях, а чуть позже пришло предупреждение о проломе на уровень.

Блейк лег на пол, рядом с девушками, когда пол челнока завибрировал.

Через люк челнока они увидели действительно странное место, центр которого казался гигантским каменным шаром. В его поверхности было отверстие, через которое виднелось голубое, вроде бы обычное небо.

Вогнутые стены были гладкие, как бы отполированные человеческими руками за долгое время. Но было здесь и что-то чуждое, не свойственное человеку.

Блейк, покачиваясь, вышел из люка к небольшой группе людей. Некоторые носили форму патрульных, другие были в различной странной одежде, как будто носившие ее были поспешно выхвачены из многих разных миров. В стороне, довольно далеко от челнока, стояли четыре или пять транспортных машин. Свидание людей из убежища с беглецами.

— Где Роган? — спросил Ло Сайдж. — Здесь его дочери.

Ло Сайджа и Блейка встретили поднятым оружием, враждебными взглядами. Только когда из люка вышел Тиборун, враждебность ослабла.

— В чем дело? — спросил исследователь.

Вооруженный человек оттолкнул его в сторону, заглянул в кабину и крикнул:

— Все правильно. С ними две женщины.

Тиборун схватил человека за руку и развернул его спиной к челноку.

— Кажется, ты уже начал соображать! Ты же знал, почему я уехал, — меня просил об этом Роган. А теперь я вернулся с его дочерьми и с двумя нашими людьми, которых выбросили вместе с девушками в пустом мире, а нас встречают станнерами! Где Роган? И вообще, что здесь случилось?

Раздался хор голосов, перебивающих друг друга. В конце концов, выяснилось вот что: незадолго до прибытия их челнока появился другой. Пилот выглянул из люка и потребовал Рогана, говоря, что на борту его дочери, тяжело раненные. Тиборуна не было видно, и это вызвало некоторое подозрение. Двое вошли в кабину, несмотря на попытки пилота преградить им путь. В кабине началась потасовка, и челнок улетел. Ловушка не сработала, но это была явная ловушка.

Грустно было сознавать, что враг теперь точно знает, где их искать. События разворачивались так быстро, что беглецы, видимо, не успели замести следы. И сознание того, что за ними охотятся, что их могут выбросить в какой-нибудь чуждый мир, лишало их возможности ясно мыслить.

Путешествия по перекрестку времени всегда были сопряжены с риском, но люди привыкли к этому риску и принимали его как должное. Это был привычный, знакомый риск, про-

истекающий из объективных обстоятельств, а не возникший по воле народа Врума. А теперь им было отказано в возможности вернуться домой, если они желали сохранить свободу. Они не могли рассчитывать на лояльность собственного народа, не говоря уже о власти. Они не могли даже надеяться на свои челноки, поскольку те, возможно, были настроены на автоматическое возвращение на Врум.

Блейк и Ло Сайдж сидели возле ложа, где отдыхал Роган. Левая нога его была перевязана, он морщился от боли. Выглядел он куда старше того Рогана, который отобрал Блейка в бригаду по розыску Марвы. Теперь сестры лежали в соседнем помещении. Мэрфи достаточно оправилась, чтобы поговорить с отцом, но Марва оставалась в глубокой прострации.

— Ограничители отметили этот уровень, — сказал Роган, как всегда, отрывисто. — Можете не сомневаться, они вернутся. И что даст наше оружие, которого, кстати, немного, против их мысленного контроля?

— Как все это случилось, сэр? — спросил Ло Сайдж. — Мы, конечно, знали, что Ограничители пытались устроить волнения. Но все взорвалось так неожиданно!

Роган скривил рот.

— Мы сделали непростительную ошибку: недооценили Ту'Кикрпса! В жизненном обеспечении Врум зависел от перекрестка времени. Мы получали материалы, пищу, все необходимое, а также и предметы роскоши с параллельных миров. Сотни лет мы расширяли торговлю и устанавливали станции, беря энергию с соседних миров. Великая война оставила от нас горсточку мутантов, выживших в мире, три четверти населения которого забыли о существовании человечества. Только перекресток времени и спас нас от полного вымирания.

Следовательно, тот, кто контролирует перекресток, контролирует и Врум, держит его в руках так же крепко, как держат всех нас сейчас здесь, — Роган поднял руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы. — Мы полагали, что приняли все предосторожности для предупреждения появления Диктатора. Сотня выбиралась весьма осмотрительно, корпус тщательно просеивался. Но люди многое забывают, если хорошие времена длятся долго. Когда нет тревог, забот и врагов, мечи ржавеют, щиты покрываются пылью и паутиной в темных углах чуланов. Могу сказать с уверенностью, что народ Врума — исключая тех немногих, кто тянет на себе всю эту работу, — не представляет, какую большую поддержку дают нам параллельные миры. Но фанатический элемент всегда существовал. В прошлом эти люди не приносили вреда, потому что остальные не прислушивались к ним, они в основном

разговаривали с теми, кто боялся контактов с другими уровнями. Бывали слухи о болезнях, о возможности ввоза страшного оружия — словно у какого-нибудь народа было что-то хуже того, что мы когда-то обратили против себя.

Все эти слухи никому и ничему не вредили. Когда люди жиреют в праздности, болтовня придает пикантность жизни. Люди повторяют праздные сплетни и, в конце концов, начинают им верить. Широко обнародованный несчастный случай подхватывался аффектированными особами Врума и использовался практичными поджигателями беспорядков. Несколько лет назад уже казалось, что вся работа перекрестка в опасности.

Работы и рапорты корпуса патрульных были закрыты для широкой публики. Семьи с Врума могли посещать Лесной уровень или один из трех других, считающихся прогулочными мирами. Что касается всех остальных миров, то их знали только по слухам. А худшему скорее поверят, чем хорошему, и передадут дальше.

То, что корпус был задет, радовало Ограничителей: это питало уверенность в опасности перекрестка времени. Такая уверенность стала настолько распространенной, что это могло нанести ущерб нашей экономике. Тогда слухам поверили бы все, включая и тех, кто вообще не имел собственного мнения насчет перекрестков. И тогда можно было создать новый корпус, естественно, подчиненный Ограничителям. В этом случае уровни будут грабиться открыто, пиратскими рейдами. Кое-что из награбленного, проданное на Вруме за гроши, привлечет к Ту'Кикропсу еще больше сторонников, особенно из тех, кто чувствует себя в чем-то ущемленным и стремится к богатству. Наши собственные люди, попав под мысленный контроль, будут повторять, как попугаи, то, что им велят, — а может, уже повторяют. Люди, занимающие ключевые посты, под влиянием Ту'Кикропса или под прямым мысленным контролем начнут действовать, выполняя волю Ограничителей, и яд быстро распространится, поскольку пойдет изнутри привилегированного корпуса.

— Но положение не может быть безнадежным, — сказал Ло Сайдж. — То, что строилось столетиями, нельзя уничтожить за ночь.

— Дезорганизация центра приведет к великому хаосу, — ответил Роган. — Возьмем город... ну, скажем, в твоём родном мире, Валкер. Что произойдет, если откажут осветительная система, водоснабжение, отопление, коммуникации? Если все исчезнет в один день или даже за несколько часов, что будет?

— Убийство, в самом прямом смысле. Город погибнет, —

ответил Блейк. Он вспомнил город на уровне, близком к его собственному, где смерть пришла в образе войны, а город не был готов к сопротивлению. — Но впоследствии кто-то выживет, найдется человек, который поведет оставшихся и заставит их начать все сначала. У них не будет того, что было раньше, и пройдут годы, пока они добьются какого-то порядка.

— Но мы не можем ждать годы, — рявкнул Ло Сайдж.

— Не можем, — согласился Роган. — Но у нас, в сущности, только один враг, — паук в центре паутины. Взять сейчас Ту'Кикропса, пока он не слишком глубоко закрепился — и его партия уже не будет опасна. Он ни с кем не делит власти — такой тип людей никогда этого не делает. Мы должны его взять.

— А он на Вруме и, без сомнения, окружен самой лучшей охраной, какая существовала со времен Великой войны, — заметил Ло Сайдж.

— Именно так. А мы не экипированы для ведения войны по всему перекрестку времени, — уточнил Роган. — У нас очень мало людей и практически нет припасов. Нам остается выбор: либо согласиться на высылку в пустой мир и тем спасти наши шкуры, либо же попытаться захватить Ту'Кикропса.

— Но он возьмет под мысленный контроль всякого, кто ступит на Врум. Есть ли у вас какая-нибудь защита против этого, сэр? — спросил Блейк.

— У меня есть личный блок. Я ношу его с тех пор, как получил первые рапорты о беспорядках. Поэтому им не удалось захватить меня.

— Одного человека можно оглушить или справиться с ним силой, — сказал Ло Сайдж. — или даже поразить лучом.

— Я слишком нужен ему, по крайней мере, сейчас, ему невыгодно убивать меня, — просто сказал Роган, — То, что я скажу под мысленным контролем, слишком ценно, чтобы Ту'Кикропс решился пренебречь этим. Так что они постараются взять меня живым. Вот тогда, содрав с меня блок... — Роган махнул рукой.

У Рогана была какая-то идея. Блейк понимал это и, кажется, догадывался о ее сути. Блейк Валкер, единственный из людей этого временного убежища, не зависит ни от какого искусственного блока и его не одолеют мысленные атаки отрядов Ограничителей. Но Ограничители уже знают об этом от Карглоса.

— Они видели тебя только таким, каким ты был в Нью-Британии, — сказал Ло Сайдж, словно читая мысли Блейка, хотя Блейк знал, что это невозможно. — На Вруме тебя почти

не знают. Ту'Кикропс, конечно, слышал, что ты был с Мэрфи Роган. Знает ли он что-то больше...

— Знает, если он так умен, как ты полагаешь, — резко сказал Блейк.

Пока они говорили, Роган погрузился в размышления и, видимо, не слышал ни слова, потому что вдруг сказал:

— Я — единственная приманка, на которую клонет Ту'Кикропс, взять его могу только я.

— И у вас нет ни малейшего шанса добраться до него, не попав под мысленный контроль, — уверенно сказал Ло Сайдж.

— А у меня есть! — сказал и сам удивился Блейк:

«Что за дикая идея!»

И Роган и Ло Сайдж теперь смотрели на него с напряженным интересом, словно ждали от него нужного им ответа.

— Вы говорите, что Ту'Кикропс знает, что я был с Мэрфи. Значит, он знает и о том, что нас бросили на Проекте. Не потому ли, что он был уверен в нашем пребывании там, он и решил поставить вам ловушку, сэр? Он не мог предвидеть, что мы убежим оттуда.

— Он захватил двух людей отсюда. Он допросит их, — ответил Роган.

— Да, но их взяли до нашего прибытия. Они знают, что вы послали за дочерью, но не знают, приедем ли мы. Вы ведь и сами не были в этом уверены.

— Это верно. И никто не понял, как я узнал, куда послать за вами, — Роган рывком сел на постели.

— Что у тебя на уме, Валкер? — спросил Ло Сайдж.

— Я подумал: когда Ограничители узнали, что я был с Мэрфи в испорченном ими челноке, они, разумеется, навели обо мне справки.

Оба мужчины кивнули.

— Тогда Ту'Кикропс знает, что я не уроженец Врума и, следовательно, я — фактор, в котором он не может быть уверен. Не примет ли он идею, что я всего лишь «искатель счастья», как говорят в моем родном мире, наемник, легко меняющий сторону, если это выгодно? Я мог бы сказать, что втерся в корпус только потому, что патрульные не сумели стереть мою память. В какой-то степени это правда. Если я сумею подъехать к нему и предложу сделку...

— И ты хочешь рискнуть? — спросил Роган, пристально глядя на него.

— Я думаю, что запасов здесь мало, — сказал Блейк вместо ответа. — Долго ли мы сможем отсиживаться тут? Теперь у них есть код этого мира. Мы можем разбежаться, спрятать-

ся, но преимущество всегда будет на их стороне. Единственный наш шанс — ударить первыми.

— Если преимущество на их стороне, зачем Ту'Кикропсу заключать какую бы то ни было сделку с тобой? — спросил Ло Сайдж.

— Думаю, что он хочет быстрых результатов. Может ли он прочесать весь этот уровень, если мы скроемся? И у вас есть челноки. Как предупредить ваш прыжок? Тиборун — опытный разведчик, он даже может найти для вас другой некодированный уровень.

— Хорошие аргументы. Но Ту'Кикропс не дурак.

— Вы хотите сказать, что я ему не пара в этом отношении? Я и не претендую на это. Но если он будет судить о моих мотивах по ...

— ... по тому, что ему более знакомо? — кивнул Роган. — Да, он может тебе поверить. И не будет читать в твоих мыслях, чтобы узнать что-то еще.

— Захватить Ту'Кикропса — это только начало, — сказал Ло Сайдж. — А что потом?

— Достаточно ли сильно он ненавидит вас, чтобы считать это личной дуэлью, сэр? — спросил Блейк Рогана.

Роган поправил одеяло.

— Нет... не уверен...

— Во всяком случае, он пошлет за вами отряд и меня в качестве проводника. А вы можете устроить здесь западню. Это в ваших силах.

Ло Сайдж слегка улыбнулся.

— Мы рады самому малому шансу. Будем надеяться, что фортуна не поссорится с нами!

Глава 17

Уничтожив все следы переодевания в нью-британского торговца и в пограничного охотника Империи и снова надев свой служебный костюм, Блейк сел в пилотское кресло челнока. Он так и не понял, что заставило его сделать то дерзкое предложение. Но он был не из тех, кто ждет, когда ситуация вынудит его к решительным действиям, — это он знал. Ожидание всегда раздражало его. Оружием ему служил сейчас станнер, настроенный лично на него, кроме того, он получил всю информацию о противнике, какую мог предоставить Роган, список тех, кто мог оказать какую-нибудь помощь в том случае, если эти люди не попали еще под контроль Ограничителей, и план штаб-квартиры перекрестка.

Как только его машина вылетит на Врум, основная часть беженцев должна перебраться в другой мир этого уровня и спрятаться там на случай нового рейда. А Ло Сайдж начнет устройство ловушки к возвращению Блейка с силами Ограничителей.

Тиборун установил код Врума на челноке, так что Блейк мог не бояться каких-либо неожиданностей. А там уж придется действовать по обстоятельствам. Блейк не был героем, он просто был единственным человеком, имеющим естественную защиту для выполнения этой задачи.

Путешествие шло, как обычно. Но когда сигнал сообщил, что он прибыл на Врум, Блейк на некоторое время задержался перед панелью управления. Он не сомневался, что Ту'Кикропс заинтересуется им, нужно только подогреть этот интерес настолько, чтобы добиться личного свидания с Ту'Кикропсом, а затем сыграть на вражде между лидером Ограничителей и Роганом. Если такой разговор не убедит Ту'Кикропса, надо заставить поверить его в самого Блейка.

Блейк встал. Пора было выходить, чтобы не возбудить подозрений. Он открыл люк, вышел в терминальную станцию и увидел перед собой ряды челноков. Ему еще ни разу не приходилось видеть их в таком количестве сразу, даже в больших торговых экспедициях.

Перед строем накрепко припаркованных челноков стояли три человека. Двое были в полевой форме Патруля, но Блейк их не знал, а третий — в гражданском, с широкой белой полосой на рукаве. Этот человек послал мысленный зонд Блейку.

«Шиш ты этим добьешься, парень, — с расчетливой наглостью отметил про себя Блейк, — я тебе не по зубам.»

Тот сосредоточился и снова нанес мысленный удар, который болезненно отозвался в Блейке, но не пробил его блок.

Те двое, что стояли по обеим сторонам этого человека, выступили вперед. Лица их ничего не выражали. Они держали в руках станнеры — почти единственное разрешенное оружие на Вруме. Блейк не имел желания даже на секунду подвергаться их воздействию, хотя стрелы станнеров давали очень непродолжительный эффект.

— Я приехал по своей воле и не сделаю вам ничего плохого. — сказал он. — Спросите Ту'Кикропса, не хочет ли он увидеть Блейка Валкера. Я полагаю, вы услышите, что вам не следует меня задерживать, это не будет одобрено.

Один из патрульных прицелился и выстрелил как раз в то мгновение, когда Блейк заметил неуверенность в лице гражданского. Но было уже поздно: стрела уколола Блейка в горло,

над самым воротником. Он качнулся вперед. Против этой атаки он был бессилён.

Он пришел в себя от пощечин. Он стоял между двумя мужчинами, которые держали его, в то время как третий время от времени бил его по лицу — грубый, но эффективный способ приведения в сознание. Это были не те люди, что встречали его в терминале, и он находился теперь в кабинете одного из командующих Сектором, как ему показалось.

— Поверните, — приказал раздраженным голос откуда-то сзади. Державшие Блейка повернули его лицом к письменному столу, за которым сидел командующий Ту'Франг, доверенный офицер корпуса. Пару секунд Блейк был в недоумении: неужели он в руках тех, кто поддерживает старый режим? Может, у Ту'Кикропса вовсе не такой размах, как считали беглецы с Врума?

Однако Блейк оценивал не только действия тех, кто приводил его в чувство, но и собственное ощущение опасности. А на последнее он полагался больше, чем на что-либо другое. Опасность! Он, можно сказать, чуял ее носом в этой комнате.

— Что... — надо было дать им знать, что он в сознании, но голос его прозвучал странно даже для него самого, как бы издалека.

Человек в форме патрульного, который занес было руку для удара, схватил Блейка за волосы и дернул его голову вверх.

— Он в порядке. — доложил он Ту'Франгу.

— Почти. Давай его сюда.

Они подтащили Блейка к столу. Никаких вспышек, сообщавших о движении на перекрестках, не было на контрольных приборах, установленных на столе. Была только цепь тусклых зеленых огоньков, указывающих на вернувшиеся челноки. Это было очень странно. Такого Блейк никогда еще не видел.

Вопрос Ту'Франга оказался совершенно неожиданным.

— Где Кам Валт?

— Валт? — повторил Блейк. Ему, едва пришедшему в себя после обморока, вызванного действием станнера, трудно было понять значение этого вопроса. Какое отношение имеет Валт к его здешней миссии?

— Валт! — пальцы рук Ту'Франга, лежавшие на столе, сжались, как будто он хотел выцарапать ответ из Блейка.

— Ты уехал отсюда с Валтом со специальным незафиксированным официально поручением. Где сейчас Валт?

— Не знаю, — ответил Блейк совершенно искренне. Последний раз он видел начальника патруля в Доме купцов в Ксоматле. Вполне могло быть, что его там так и бросили.

— Ты понимаешь, — Ту'Франг постарался обуздать свое нетерпение, — мне нужен Валт. Мы не можем организовать никакого эффективного сопротивления этим безумцам без таких лидеров, как Валт.

— Но я не знаю, где он... — начал Блейк, но нетерпение командующего, наконец, прорвалось из оков: Ту'Франг вскочил, перегнулся через стол, схватил Блейка за комбинезон и яростно затряс.

— Мы вырвали тебя из рук людей Ту'Кикропса, мы можем кинуть тебя обратно к ним, Валкер! Ты ценен только тем, что можешь привести нас к Валту, а больше ничем. Мы здесь едва держимся. Большая часть начальства теперь под мозговым контролем и говорит под диктовку Ограничителей. Мы пытаемся войти в контакт с теми, кто все еще на перекрестке. Если бы мы могли их собрать, может, у нас был бы какой-то шанс. Ну, где Валт?

— Не знаю, — в третий раз повторил Блейк, — Мы расстались. Я ушел с уровня и не знаю, что потом случилось с Валтом. — Ту'Франг выпустил Блейка и снова сел в кресло. Возможно, каждое слово командующего было правдой. Но тревожный сигнал внутри Блейка требовал, чтобы он был осторожен, очень осторожен. И миссия Блейка заключалась в другом. Теперь он полностью вышел из-под действия станнера. Если Ту'Франг и его люди не сотрудничают с Ограничителями, то как случилось, что Блейк стоит теперь перед столом командующего в его служебном кабинете? Идет обычная работа, когда перекресток времени закрыт и люди Ту'Кикропса ждут на конечной станции, чтобы хватать всех прибывших? Сомнительно!

Командующий кивнул, как бы решив, что последние слова Блейка имеют смысл.

— Разумно, Валкер. Ловко сыграно. Только... — он выглядел теперь, как человек, рассчитывающий на полную откровенность. — Время работает против нас. Мы в этом здании несколько часов играли в прятки, я пробивался сюда, чтобы получить возможность вызвать людей, которых еще здесь нет. — Он почти ласково погладил по столу. — Ограничители уверены, что выкинули их в пустые миры, но они не могут обрубить все линии связи. Пока не могут. И если мы сумеем вернуть обратно таких людей, как Валт, у нас будет шанс, пусть слабый, но все-таки шанс. И мы должны попробовать, Валкер. Где ты оставил Валта?

— Очень далеко от тамошней станции, — Блейк горячо надеялся, что так оно и есть. — И я не знаю, мог ли он добраться до нее раньше, чем ее закрыли.

— Я не связываю имя Кама Валта со словом «невозмож-

но», — слегка улыбнулся Ту'Франг. — Ты ездил в Нью-Британию. Это один из тех уровней, куда выкидывают. Там ждали возвращения обычного челнока, но он не был выслан отсюда. А мы, может быть, сумеем послать челнок.

— Но если Ограничители держат конечную станцию и подвергают мысленному контролю тех, кто прибывает, то...

— Сможем ли мы удержать ее достаточно долго, чтобы наши люди приземлились? Мы работаем над этим, Валкер. Кстати, когда ты сделал прыжок с уровня, в какой мир ты прибыл?

— На Проект Котора.

— Но... — Командующий не скрыл изумления, — ведь Котор был разоблачен, как сообщник Ту'Кикропса. Как же он...

— Выпустил меня? Я появился там после его отъезда. Похоже, что там происходили беспорядки, ком был разрушен, так что мне никто не ответил бы даже при необходимости. Вот я и проник туда.

Проглотил ли это командующий?

— А что ты собирался сказать такое важное Ту'Кикропсу? — Ту'Франг вдруг выпустил когти, как кот, играющий с жертвой. Блейк не показал удивления, и Командующий тихо рассмеялся. — У нас в терминале есть подслушивающие устройства. Мы слышали, что ты сказал парням, которые встретили тебя. А теперь ты скажешь МНЕ то, что так жаждал сказать в другом месте.

Если Ту'Франг хитрил и играл в игру Ограничителей, то тут была отличная возможность сделать так, чтобы нужная информация могла достичь ушей Ту'Кикропса. Но если командующий и в самом деле был лидером оппозиции, то ... Блейк должен пройти по очень опасной жердочке, если удастся!

— Ограничители не могут справиться со мной. Как вы говорили, кое-кто из влиятельных людей потерялся на перекрестке. Если достаточно большой отряд отсюда будет отправлен на охоту...

— В какой-нибудь негостеприимный мир? — жадно спросил Ту'Франг. — Не думаю, что это сработает. Но я, конечно, понимаю, почему оставленные там люди делают попытку. У тебя должна быть очень хорошая наживка, Валкер. Ту'Кикропсу нет причин охотиться за врагами, он просто перекроет передвижение с уровня на уровень. Какого рода приманку ты можешь предложить?

— Эрк Роган! — Блейк был зажат в угол, единственным выходом для него было говорить правду. Конечно, он не мог подправлять эту правду.

— Роган? Но ведь он умер! — в голосе Ту'Франга слышалась такая искренность, что Блейк поверил бы, если бы не был убежден в обратном.

— А если не умер?

— Да... — Ту'Франг снова погладил поверхность стола, пробежав пальцами вдоль зеленой линии. — Да, если Роган жив, то это может заинтересовать Ту'Кикропса, и он пошлет отряд. Но Роган умер!

— У вас есть доказательства?

Длинные пальцы застыли. Ту'Франг поднял глаза и встретил взгляд Блейка.

— Была пленка с рапортом. Рогана полоснули лучом. Человеку, который потерял голову и сделал это, через два дня стерли память.

— А где тело?

— Тела не было. — Ту'Франг вскинул голову. Жадный интерес отразился на его лице. — Роган... Роган спасся?

— Давайте придумаем объяснение отсутствия тела, — уклончиво ответил Блейк. — Может, Роган выпал в люк челнока, может, его увезли на другой уровень...

— Ты знаешь правду! — Ту'Франг снова вскочил на ноги. Трое, приводивших Блейка в чувство, подошли ближе, желая слышать, что скажет Блейк. Может, они радовались тому, что пропащее дело может сдвинуться с мертвой точки, а если они изменники, то радовались окончательной гибели Патруля, в котором когда-то состояли. Во всяком случае, их внимание было приковано к Блейку.

— И я скажу вам эту правду, Роган жив. — Блейк сделал решительный ход в этой игре, игре вслепую.

— Где он? — рука Ту'Франга нависла над кнопками на столе, как будто он мог нажатием кнопки вызвать Рогана сюда.

— Пока в безопасности... На некодированном уровне.

— Некодированном? Но код есть, он должен быть! У тебя он есть?

— А зачем он вам, если придется обыскивать всю планету? — снова уклончиво сказал Блейк. — Будьте уверены, я могу дать Ту'Кикропсу код и еще кое-что, если увижусь с ним лично.

— Роган,! — Ту'Франг тяжело дышал, как после бега. — Ты купишь Ту'Кикропса на это имя, это точно. И великий человек, может быть, сам кинется искать. Да, конечно! Это наш лучший шанс. Возьми Ту'Кикропса. С этим рассказом ты возьмешь его, Валкер! Лисан! — человек, бывший Блейка по лицу, выступил вперед. — Посмотри, что там наверху.

Патрульный достал из-за пазухи широкую белую ленту,

прикрепил ее на рукав и вышел в коридор. Ту'Франг кивнул другому. Один отодвинул от стены стул, другой подошел к распределительному автомату и принес подносы с едой. Несмотря на дезорганизацию в штаб-квартире, машины, снабжавшие людей жизненно-необходимыми припасами, работали отлично. Блейк с аппетитом ел, по-настоящему впервые после завтрака в Ксоматле в последний день пребывания там, и он не знал, когда ему удастся поесть снова. Он думал, что командующий снова станет задавать ему вопросы. Однако Ту'Франг, видимо, погрузился в изучение кодовых кнопок, пробегая пальцами по рядам и шевеля губами, как бы решая в уме какие-то проблемы. Можно было предполагать, что решал он проблемы перекрестка и решал их необычным путем.

Блейк методично жевал и глотал. Если поверить, что Ту'Франг — тот, кем он себя называет, тогда, возможно, он найдет рекрутов для пополнения отрядов, поддерживающих Рогана. Но если командующий только оружие Ту'Кикропса, то чем скорее он раскроется, тем лучше. Но ни в том, ни в другом случае кольцо не смыкалось: Блейк не был уверен, что лидер Ограничителей соблазнится на личный прыжок на уровень. Но что он пошлет отряд на поиски члена Сотни, своего самого главного врага, который, может быть, готовит восстание против него, — это уж наверняка. На это Блейк и рассчитывал. Имея за спиной экспертов мысленного контроля, Ту'Кикропс мог не сомневаться, что ему достаточно послать отряд для захвата Рогана. Поражение Ту'Кикропса должно произойти здесь, на Вруме, и Блейк еще не знал, как это сделать. Но он поставил на карту все.

Эх, если бы ему повезло добыть станнер, убрать мятежного лидера да еще после этого получить доступ к челноку... увы. каждое из этих желаний было совершенно фантастичным!

Тот же патрульный, что принес еду, собрал теперь пустую посуду и сунул ее в соответствующее отверстие автомата. Это как бы послужило сигналом, Ту'Франг поднял голову.

— Лисан задерживается, — заметил он.

— Пойдем наверх? — спросил один из до сих пор молчавших стражников.

— Да, пожалуй, — согласился командующий, подошел к двери, осторожно открыл ее и быстро оглядел коридор. Кивок был приказом, Блейк встал и пошел за Ту'Франгом, зажатый с двух сторон стражниками.

Большая часть кабинетов штаб-квартиры были звуконепроницаемыми, но холлы — нет. И раньше, когда Блейк проходил по ним, здесь всегда слышался шум приглушенных

голосов и работающих машин. Теперь же здесь царила пугающая тишина. Почти все двери были плотно закрыты, и Ту'Франг шел быстро. Он не повернул к антигравитационному лифту, а пошел по редко используемой, похожей на чердачную, лестнице, которая находилась за скрывающей вход панелью. Они поднялись на два этажа и подошли к кабинету коменданта. Столпившись на узкой площадке, они ждали, наблюдая, как Ту'Франг пробует открыть дверь. Она поддавалась только слегка, и тогда один из патрульных применил силу. Они заглянули в маленькую комнату с линией полок, на которых громоздились коробки с пленками записей и фильмов. То, что препятствовало двери открыться, лежало на полу.

Это был Лисан. Рука с белой полосой на рукаве лежала поперек груди, как бы в тщетной попытке уберечься от смерти. Он был убит лазерным лучом, как тот техник на Проекте. Командующий уставился на тело, нельзя было усомниться в его величайшем изумлении. Он был так ошеломлен, что Блейк убедился в правильности своего недоверия. Смерть человека, посланного шпионить за врагом, не могла бы до такой степени поразить командующего.

— Лисан! — один из стражников опустился на колени рядом с трупом. — За что?

— Подслушивающий аппарат! — почти прошептал Ту'Франг. — Меня подслушивали!

Теперь Блейк был уверен насчет Ту'Франга, хотя тот старался скрыть, что был сторонником Ограничителей. Возможно, он уже давно вел двойную игру. Но Ту'Кикропс, искренний с виду, не доверял никому. Он поставил в кабинете своего подчиненного подслушивающее устройство и слышал все, что там происходило, или получал записи разговоров. Было ясно, что правитель Врума собирается списать Ту'Франга.

— Его оставили здесь, — Ту'Франг продолжал смотреть на тело, — чтобы мы знали. Он несколько оправился от шока и взглянул на Блейка. Блейк тут же понял, что притворство кончено, что командующий надеется исправить свою ошибку с помощью Блейка.

— Отведите его! — приказал Ту'Франг.

Стражник, стоявший на коленях возле Лисана, поглядел на командующего, потом на тело и пожал плечами, его товарищ уже пятился к лестнице. В руке Ту'Франга блеснул лазерный пистолет.

— Идиоты! У них уже есть приказ вывести вас в расход, как только вы пойдете к выходу. Мы пойдем внутрь, где охрана не ждет нас, с этим человеком впереди. Это наш шанс. Может ли Ту'Кикропс считать нас двурушниками, если мы

так сделаем? Он хочет видеть этого человека. Он наверняка слышал о Рогане через подслушивающее устройство, а этот тип приведет его прямо к Рогану.

Человек на коленях взглянул на своего напарника, и тот пожал плечами, показывая, что подчиняется.

— Нас, конечно, уже засекли, — сказал он. — А если мы доставим этого Валкера — кто знает?

— Ладно, доставим, — согласился его компаньон.

Ту'Франг показал им на выход, все еще держа лучемер на виду.

И Блейк пошел под охраной к Ту'Кикропсу. Похоже, что он был близок к достижению своей цели.

Глава 18

Лицо Ту'Кикропса было знакомо каждому на Вруме, поскольку в прошлом году оно часто появлялось на телеэкранах. Но Блейк ни разу и не видел лидера Ограничителей во плоти. Человек, напряженно сидящий в конце зала, который когда-то предназначался для конференций Комитета Сотни с командующими корпусами, выглядел несколько иначе, чем Блейк ожидал. Все стулья, кроме того, который занимал Ту'Кикропс, были убраны, центр зала свободен, очевидно, для того, чтобы внушать благоговейный страх тем, кто стоял перед новым источником закона и власти.

Мысленный зонд, более резкий и интенсивный, чем тот, которым встретили Блейка в терминале, попытался проникнуть в его мозг. Но Блейк был готов к этому. Ту'Франг и патрульные застыли на месте в неподвижности, как будто мысленный удар заморозил их. Блейк прошел вперед.

— Они правы! Тебя нельзя контролировать. — Ту'Кикропс смотрел на Блейка не как человек на человека, а как исследователь разглядывает новую экзотическую форму жизни другого мира. — Турзер!

Раздался треск голубой молнии, прорезавшей воздух смертоносной нитью. Между Блейком и Ту'Кикропсом точно встала стена смерти. На Вруме не было такого оружия, однако человек, стоявший в тени, явно умел им пользоваться. Блейк остановился.

— Я слышал, что у тебя есть для меня информация, — Ту'Кикропс пошел прямо к цели. — Ты сказал этим дуракам, что знаешь код уровня, где скрывается Роган, и хочешь воспользоваться им, как приманкой для меня. Ты считаешь меня таким безмозглым, Блейк Валкер?

В зале было два сторожа: один с огненным оружием, другой — стоявший позади лидера Ограничителей, возможно, как раз и пользовался мысленным контролем. У Блейка не было оружия, он мог воздействовать на врага только убеждением, только разумными доводами. Но сейчас он чувствовал себя до странности глупым.

— Если вы пользовались подслушивающим устройством, — начал он. — то вы слышали только то, что я счел нужным сказать тем, кто привел меня сюда. Это не полная правда.

— Начнем дискуссию о том, что есть правда? — улыбнулся Ту'Кикропс. — Боюсь, что у нас нет времени обсуждать философские тонкости, Валкер.

— Вы хотите иметь Рогана? — Напрямик спросил Блейк.

— Это правда. Я хочу иметь Рогана, предпочтительно живым. В крайнем случае — мертвым. Да, Роган мне нужен.

— Живой и прыгающий по уровням?

— Пусть будет живой. Но прыгающий по уровням — это другой вопрос. В настоящее время его тайник нам известен. Но если он снова воспользуется челноком... Что ж, это можно прекратить. Мы уже предприняли кое-какие шаги.

— И будете искать его по всей планете, пока он собирает собственную армию? — Блейк чувствовал, что берет верх. Он играл только на ненависти Ту'Кикропса.

— Неудобство, — лидер Ограничителей все еще улыбался. — Помеха, не больше. Я согласен, что сейчас он представляет для меня некоторую ценность. А что ты можешь предложить? И каковы твои мотивы?

— Поскольку вы знаете мое имя, вы, наверное, знаете кое-что о моем прошлом.

— Что ты не с Врума? Знаю.

— Я приехал сюда против своей воли, потому что патрульные не смогли дать мне фальшивую память. Но это не значит, что я был в восторге от этого.

— И ты затаил зло на тех, кто был виновен в этом? Возможно... возможно...

Блейк понимал, что Ту'Кикропс играет с ним. Один шаг — и стражник с огнеметом покончит с ним, как с Лисаном. Однако его внутреннее ощущение опасности держалось на одном уровне — сейчас ему ничего не грозило. Это означало, что Ту'Кикропс ХОЧЕТ выслушать предложение Блейка.

— Ходят слухи, — неторопливо и обдуманно заговорил Блейк, — что как только вы все здесь уладите, произойдет реорганизация корпуса с другими методами использования параллельных миров.

Улыбка Ту'Кикропса стала еще шире и напоминала теперь оскал черепа.

— Ох, уж эти слухи! Никогда мы от них не избавимся. Но не заставляй меня прерывать тебя. Какое сногшибательное предложение ты собираешься сделать?

— На моем родном уровне много возможностей для человека с поддержкой...

— Беспорядочный мир, — сказал Ту'Кикропс, — приносит выгоду тем, кто пользуется его беспорядками, я с этим согласен. Человек с поддержкой может там высоко подняться. Ты строишь свои аргументы на твердой основе, Валкер, но каково твое участие в деле с Эрком Роганом?

— Он в некодированном мире...

— Код, который у меня сейчас есть!

— А есть ли у вас время обыскивать весь мир? А я знаю, где...

— Есть средства узнать это от тебя, — улыбка не исчезла.

— Я заблокирован. Человека можно сломать силой и заставить болтать вздор, но правды он не скажет.

— Итак, мы опять вернулись к трудному делу правды. Ладно, что ты предлагаешь для облегчения дела с Роганом?

— Я поведу отряд людей, способных к мысленному контролю. Вы легко можете подобрать его.

— А причем тут ты, Валкер? Ты в таком случае вовсе не нужен.

— Роган заблокирован. Ваш контроль не подействует на него, а если стража применит силу, она не возьмет его живым, — лихорадочно импровизировал Блейк. Был шанс завлечь Ту'Кикропса на такую почву, где он обязательно поскользнется!

— А почему Роган поверит тебе?

— Я привез его дочерей, которых ваши люди выбросили в пустой мир. И я добровольно поехал сюда для встречи с теми, кто, как он считает, могут ему помочь.

— Турзер! — Человек с огнеметом выступил на середину зала. — Джаргарли! — тот, что стоял за креслом Ту'Кикропса, тоже вышел вперед. — Подходящая сила, как считаешь? — обратился Ту'Кикропс к Блейку.

Блейк перевел взгляд с одного стражника на другого.

— Да, — сказал он твердо.

Ту'Кикропс кивнул.

— Ты прав. Джаргарли может держать дюжину мозгов, а может, и больше, он еще не определил своих границ. И ты уже был свидетелем умения Турзера обращаться с оружием, привезенным с перекрестка времени. У нас есть и более эффективное оружие, но его производство так ограничено, что

приходится рассчитывать на этот примитив. Ты сказал, что можешь доставить Рогана. Ладно, докажи это.

Блейк покачал головой.

— Односторонней торговли не бывает. Что помешает Турзеру поставить на мне свою отметину, когда Роган будет доставлен?

— Ничто, это верно. Да и вообще твоя жизнь висит на волоске. Ты говорил, что у тебя есть некоторые возможности на твоём бывшем уровне...

— Волосок слишком тонок, сэр, и я ему не доверяю!

Это был решающий ход: либо Блейк добьётся некоторых уступок, либо полностью проиграет игру. Но принять первое же предложение Ту'Кикропса — это немедленный провал.

— Ну, ладно, дам тебе шанс, — видимо, он нажал кнопку вызова на подлокотнике кресла, потому что в дальней двери показался стражник.

— Принеси один из тех станнеров, — приказал Ту'Кикропс.

Стражник вышел и тут же вернулся с ящичком, содержащим оружие вроде того, что Валт дал Блейку в Ксоматле.

— Одно из наших новых изобретений, — объяснил Ту'Кикропс. — У него несколько необычных качеств. Первое — им может пользоваться только тот, кто первым возьмёт его в руку, второе, оно стреляет мощными наркотическими лучами, в отличие от обычных станнеров, но есть одно неудобство, которое изобретатель пока не устранил: оно не перезаряжается и в нём только шесть зарядов. Возьми его.

Блейк повиновался и снова почувствовал в руке оружие, принадлежащее только ему одному.

— Теперь повернись, не забывая о том, что Турзер держит тебя на мушке, и выстрели пять раз в ту сторону. Стреляй!

Выбора не было. Блейк нажал кнопку пять раз. Стражник, принесший оружие, стоял рядом. Когда он утвердительно кивнул, Ту'Кикропс сказал:

— Теперь у тебя есть защита против Турзера, а против Джаргарли у тебя природная защита. Ты удовлетворен?

— Это больше, чем я мог надеяться, сэр.

— Разумное отношение к делу. Итак, приведи мне Рогана, и мы поговорим ещё раз. Обязательно поговорим.

План Блейка все ещё очень зависел от удачи. Однако этот план был уже в действии. Блейк пошёл на станцию к челноку, который привёз его сюда. Под бдительными взглядами двух стражников он установил код и проверил его. Все трое втиснулись в кабину. Джаргарли сел на второе сиденье, Турзер рядом с Блейком.

Все молчали, когда кабина завибрировала, а затем стала

успокаиваться. Блейк лихорадочно размышлял, зная, что спутники не могут читать его мысли. Устроил ли Ло Сайдж засаду? И смогут ли они там справиться с мысленным контролем Джаргарли?

Когда вспыхнул сигнал прибытия, Блейк сказал им:

— Готовьтесь.

Джаргарли презрительно усмехнулся.

— Снаружи только трое, они уже под моим контролем и ждут моих приказаний..

Турзер следил за Блейком с огнеметом наготове, на случай каких-либо враждебных действий.

— Ты первый, — грубо приказал он Блейку, но тот покачал головой.

— Нет, первым пойдет Джаргарли, если захочет, а затем ты. Неужели ты думаешь, что я могу что-то предпринять с моим единственным выстрелом и тремя людьми под контролем снаружи?

Турзер, похоже, не был склонен принять эти аргументы, но его напарник кивнул:

— Они тут же схватят его по-моему слову. Никаких шансов напасть на нас тут нет.

Теперь все зависело от ловкости и быстроты Блейка. Если он истратит зря свой единственный выстрел — все пропало. Позднее, может быть, появится лучшая возможность, но полагаться на это он не мог.

Люк открылся. Джаргарли выскочил на камни внутри поллой сферы. Блейк молниеносно упал на пол кабины. Турзер повернул голову и получил луч станнера в горло. Он глухо вскрикнул, голубое пламя пробило стенку кабины и угасло, когда пальцы Турзера соскользнули с кнопки. Блейк выхватил у него оружие.

Через люк уже протискивался Тиборун. Взгляд его был совершенно пустым: он явно находился под контролем и направлялся к Блейку. Но вряд ли он мог остановить Блейка, пока тот оставался в сознании. Блейк уклонился от столкновения и лягнул Тиборуна. Тот споткнулся и ударился о кресло. Человек под контролем становится неповоротлив в тесном пространстве кабины. Блейк нанес Тиборуну ребром ладони боевой удар, которому был хорошо обучен. Тот захрипел и упал. Блейк повернул огнемет и рукояткой ударил разведчика по голове. Один из подконтрольных Джаргарли выбыл.

Но что, если у одного из двух оставшихся есть станнер? Козыри все еще были у Джаргарли. Ограничитель мог силой своего мозга захватить, подчинить себе и бросить в бой любого беженца, если они не спрятались, как было запланировано. Хотя Ло Сайдж, конечно, должен был позаботиться об этом.

Блейк повернулся к Турзеру. Его обмякшее тело могло послужить щитом. Блейк перекинул его через плечо и пошел к двери.

Насколько он помнил, единственным укрытием тут были припаркованные челноки — если только Джаргарли не добрался до прохода из сферы и не нашел себе подневольного проводника, чтобы не заблудиться в лабиринте переходов.

Блейк выглянул из-за плеча Турзера. Он услышал тихий свист стрелы и увидел, как она воткнулась в безвольно повисшую руку стража. Да, значит, у них есть, по крайней мере, один станнер. Он увидел также, что Джаргарли возвращается к одному из челноков. Конечно, он должен оставаться тут и направлять в бой своих марионеток: уйдя со сцены, он не сможет этого делать.

Блейк положил дуло огнемёта на плечо Турзера и выстрелил. Голубая молния пролетела в дюйме от головы Джаргарли и ударила в машину, где тот думал укрыться. Ограничитель споткнулся, и Блейк выстрелил вторично. Запахло озоном и перегретым металлом. Этой машиной Джаргарли уже не мог воспользоваться, как укрытием.

Справа кто-то выскочил, направляясь к люку кабины Блейка. Блейк сбросил тело Турзера, и оно вместе с нападающим покатилося по камням.

— Стоять! — крикнул Блейк Джаргарли, подкрепив приказ выстрелом. Струя огня пролетела так близко от Ограничителя, что тот закричал, видимо, получив легкий ожог. — Следующий выстрел будет смертельным!

Джаргарли застыл, полусогнувшись. Его усмешка пропала: теперь он оскалился, как дикий зверь. Но с ним далеко еще не было кончено.

Сработало внутреннее предупреждение, и Блейк упал — это была его единственная защита. Стрела станнера со стуком ударилась где-то внутри кабины. Джаргарли все еще играл своими подконтрольными пешками.

Блейк пустил голубое пламя понижу. Джаргарли качнулся назад. А Блейк играл с ним, стреляя то справа, то слева, загоняя его в обломки челнока. И произошло то, на что делал ставку Блейк: опасность сломала власть Джаргарли над пешками.

Слева от Блейка раздался испуганный крик, и Джаргарли повернул голову в том направлении. На секунду он вновь обрел свой контроль, но тут же был вынужден отскочить от потока, потерял равновесие и упал.

— Иглу ему! — крикнул Блейк, вывалился в люк, вскочил на ноги и побежал зигзагами, опасаясь, что контроль Джаргарли, может быть, все еще действует в обладателе станнера.

Но выстрела в Блейка не последовало, и он добежал до упавшего Джаргарли. Тот не шевелился, может, он был уже без сознания, но Блейк, чтобы иметь полную гарантию, угостил его рукояткой огнемета по голове.

— Я не знаю, что вы можете делать и сможете ли сделать это. — Блейк смотрел на них — на Эрка Рогана, Мэрфи, Марву, еще бледную и вздрагивающую, но уже с ясными глазами, на Ло Сайджа и четырех других беглецов, включая и Тиборуна, покачивающего ушибленной головой. — Но если сможете, то это наш ключ к Вруму и Ту'Кикропсу.

Роган ответил не сразу. Он перевел взгляд на дочерей, с них на Ло Сайджа и на других, как бы ожидая их реплик. Ло Сайдж заговорил первым:

— Мы сделаем то, что считалось невозможным, когда посылали призыв через уровни. Это была объединенная энергия. Почему она не может стать оружием? Ту'Кикропс работает с помощью специалистов по мысленному контролю, это верно, и большинство из нас чувствительно к подобной атаке. Но ведь это палка о двух концах: они тоже могут попасть под влияние.

— Вы смогли послать призыв, потому что Марва и Мэрфи и я тесно связаны, — Роган как бы размышлял вслух. — У вас была определенная точка прицела.

— У нас будет множество точек на Вруме, как только мы там окажемся, и волны зондов вернутся к их источникам. А здесь у нас есть образец для практики.

Блейк не мог следить за их мыслями, когда они переговаривались без слов. И он не был членом отряда, который они, в конце концов, собрали после многих проб. Их оружие было весьма необычным. Ло Сайдж был центром этой странной атаки; Мэрфи и Марва шли непосредственно за ним, с одного крыла — Роган, с другого — патрульный в фантастической одежде купца из мира, о котором Блейк и не слыхивал. Только эти пятеро могли поймать в сеть и удержать Ту Кикропса и помощников, предотвратить самое опасное преступление, которое когда-либо планировалось на перекрестках времени.

Две контрольные панели с челноков, в том числе и с разрушенного, были полностью разобраны, чтобы построить нечто новое из проводов и дисков. Блейк держался в стороне от этого «оружия», но по-прежнему готов был защитить остальных огнеметом, пользуясь своим иммунитетом к мысленному контролю. Они надеялись, что, прибыв на Врум, сумеют укротить экспертов Ту'Кикропса, привыкших командовать пленниками. Они испробовали свое изобретение на Джаргарли и убедились, что оно сработало. Теперь они могли пуститься в путь.

Тиборун с еще одним разведчиком взяли другой челнок с приказом облететь вокруг и подобрать, насколько возможно, выброшенных в пустые миры людей — Роган дал список тех, кто имел особые таланты, нужные ему, — и переправить их в терминал Врума.

В кабине челнока было очень тесно, но это был тот челнок, который ожидался на Вруме, так что они не решались взять другой. Когда они вошли в последний виток, все, кроме Блейка, закрыли глаза. Он чувствовал, как вокруг него собирается сила. У него болела голова, ему казалось, что он кружится в водовороте бурной реки. Однако он не сломался даже под таким напором.

— Приехали, — громко сказал он, прерывая транс своих спутников.

— Давайте! — услышал он, не зная точно, ушами или непосредственно мозгом, но это прозвучало в нем, как выстрел. Держа огнемёт полускрытым, он, не спеша, открыл люк и высочил.

Здесь собралось довольно много встречающих. Свистнули стрелы станнеров, но Блейк предусмотрительно упал на четвереньки. Он боялся нападения только в эти первые секунды.

Ожидавшие здесь люди — явное доказательство вероломства Ту'Кикроспа — отступили от челнока, когда от него пошла огненная волна. Выпустив оружие, они хватались за голову и падали от страха на землю. Блейк метнулся вперед, схватил брошенный станнер и стал стрелять, посылая стрелы даже в тех, кто лежал.

— Готово, — крикнул он в кабину.

Все вышли и двинулись вперед, как в трансе, не обращая внимания на лежавших теперь без сознания стражников. Все пятеро, как единое сознание, были так сосредоточены, что это защищало их от пси-контроля извне. Но в то же время они были настолько погружены в себя, что физическая защита отряда оставалась только за Блейком.

Из дверного проема высочили трое. Один вскрикнул, увидев тела на земле. Блейк выстрелил. Двое, спотыкаясь, пошли в помещение станции и упали, а третий метнулся обратно в проход. Он мог поднять тревогу. Но отряд — копьё мысли, объединившее пять разумов, устремленных к одной цели, — двигался вперед, и Блейк не знал, что делать: догонять ли бежавшего или защищать тыл. Он дважды выстрелил в бегущего по коридору стражника и сбил его. Теперь проход к антигравитационному лифту был свободен. Ло Сайдж нажал кнопку нужного этажа, и они понеслись с действующей на нервы скоростью на самый верх здания штаб-квартиры.

— Он здесь, ждет. — сказал Роган. — Думает бежать...

— Нельзя! Не позволяй ему! — закричала Мэрфи. Глаза ее снова закрылись. Одной рукой она держала сестру, а другой схватила за рукав Блейка и с силой притянула его к себе. Некоторое время они стояли так. Блейк уверился, что их общая воля заставит Ту'Кикропса ждать их.

Лифт остановился. Его дверь распахнулась. Ло Сайдж шагнул было вперед, но Блейк загородил ему путь.

— Нет!

И как раз вовремя: сеть молний, выпущенных чужим огнем, едва не охватила их, но ушла вверх. Орудия, брызгающие огнем, двигались по воздуху, то направляясь к людям, то снова взмывая вверх, и поворачивали обратно, продолжая стрелять. Точно жили какой-то бессмысленной собственной жизнью и теперь искали тех, кто раньше владел ими. Вдали раздались вопли ужаса, каких Блейк еще не слышал, однако его чувство опасности сигнала не давало — путь был для них свободен.

Однажды он видел битву галлюцинаций между Ло Сайджем и преступником, которого они выслеживали по многим мирам. Но здесь все было много хуже. Коридор перед ними колыхался. Они как бы переходили из одного параллельного мира в другой в ощутимой, фантастической и ужасной последовательности. Блейк отступал, качался, но Мэрфи держала его за локоть, и он чувствовал, что кошмары, которые он видел, не были реальностью для нее. Однако он не решался закрыть глаза, боясь, что появится настоящий враг, ожидающий их с оружием в руках.

Он не мог вспомнить, где вход в зал Совета. Он даже не знал, был ли здесь, потому что стены меняли размеры и формы, а коридор время от времени заполнялся фигурами, которые он видел очень смутно, но вовсе не мечтал разглядеть поближе.

Впоследствии Блейк так и не мог вразумительно рассказать о том, что видел тогда. Он был на грани обморока от искажений той природы, тех форм материи, которые знал. Сомнительно, чтобы какой-нибудь смертный смог смотреть на это.

Когда Блейк снова обрел способность ясно видеть, под ним был твердый пол, и стены больше не крутились, как разгоняемый ветром дым. Блейк выронил огнемёт — разве металлическое, сделанное людскими руками оружие может пригодиться в борьбе с галлюцинациями?

В кресле Ту'Кикропса бессильно лежало какое-то существо: оно хватало себя руками и тонко, жалобно завывало. Этот вой подхватывали другие существа, бесцельно ползающие

вокруг на четвереньках или лежащие и слабо размахивающие руками.

Пятеро стояли в середине зала, где вождь Ограничителей был лишен всего своего украденного величия. Теперь они вздрагивали, цепляясь друг за друга, и выглядели так, словно проснулись от страшного сна.

— Сделано, — сказал Роган тихим, не похожим на его обычный тембр, голосом.

Блейк не сводил глаз с врага, он не очень хорошо понимал, что случилось с Ту'Кикропсом и теми, кого он созвал для последней битвы. Да, сделано, если это воющее подобие человека было последним врагом. Сделано! Но что его соратники сделали здесь, как они сражались? Он не был частью мысленного копья, но его идея помогла выковать это копье и побуждала к действию остальных. Что же они сделали?

— Что будем делать теперь? — спросил он в замешательстве, не то вслух, не то мысленно.

— Что делать? — Ло Сайдж повернул голову. Он точно очнулся, как будто вылез из зыбучего песка, радовался своему спасению, но еще не вполне уверовал в него. — Что делать? Пойдем добивать остатки.

Роган обнял дочерей за плечи и притянул их к себе.

— Добивать остатки? — повторил он. — Да, их здесь еще много.

Память Блейка на секунду вернулась назад, к недобрым мыслям врагов-фанатиков, проникающим в этот зал и захватывающим его, но это воспоминание тут же исчезло. Да, здесь есть обломки, остатки и некоторые из них еще могут проявиться, причинить вред. Он оглянулся, ища огнемёт. Предстоял долгий путь — день и ночь... но в любом случае, время освобождения Врума настало.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛОРД КОР!**

Пролог

Когда в 3450 году (по старому земному исчислению) Эл Зим сделал важное открытие, давшее возможность путешествовать во времени, начались долгие споры об опасности вмешательства в прошлое. Были приняты строгие меры, чтобы предотвратить беспорядочные исследования, хотя Зим и его помощники обещали быть предельно осторожными.

В 3465 году в бюрократической системе службы наблюдения строго следили за подбором работников и их обучением. Вмешательство благодаря заинтересованным влиятельным лицам допускалось, даже разрешалось, «в случае необходимости», но только не на планетах, включенных во внутреннюю систему.

На некоторых планетах, открытых в последнее время, история приняла мрачный оборот. Такие миры были объявлены открытыми «для общего блага» и попутно организовывалось Бюро Изучения и Воздействия во Времени.

Некоторое ослепление, вызванное удачными визитами в прошлое мертвых миров, способствовало укреплению этого Бюро. И даже самые осторожные и консервативные люди не могли отказаться от столь разрекламированной выгоды. Конечно, были и неудачи, но о них, в основном, упоминалось только в секретных отчетах, заботливо проглоченных компьютером Центрального Управления. Получить подобную информацию можно было, лишь зная секретный код.

К 3500 году вся операция была усовершенствована благодаря накопленной информации, получаемой от ЦАТ, главного компьютера, у которого, однако, обнаружились пределы. Но люди не машины: случались провалы, и поэтому был создан второй отборный корпус, способный извлечь выгоду даже из поражения.

Глава 1

— **Ч**то это за отговорка — ошибка компьютера? — фыркнул Грид Трапнел. — Конечно, имея капельку воображения, можно подумать, что это от небольшой перегрузки. Взгляните на этот лист: опять знак неправильного перемещения из-за недостатка данных, получаемых от группы обследования.

Контролер Годдард из Пятого Отряда был совершенно бесчувственным типом. Говорили — и младшие служащие иной раз верили этому, — что Годдард — всего лишь придаток электронного мозга компьютера ЦАТ. Сейчас он сидел, не поднимая глаз от телевизионного экрана.

В помещение Годдарда просто так не заходили, он тщательно культивировал свое искусство доставлять неудобства посетителям, так что у него не задерживались и не тратили зря его драгоценное время. Трапнел развалился, насколько позволяло жесткое кресло. Его сапоги оставляли пыльный след на приглушенной зелени ковра.

Грид Трапнел был одет далеко не по форме: сапоги изношены, мешковатые брюки в пятнах. Рубашка, стянутая широким поясом с металлическим пряжкой, совсем истрепалась, о чем свидетельствовали остатки рукавов. Загорелые дочерна руки были голы. Он с явным удовольствием глядел на болтающиеся лохмотья, поскольку в его расчеты не входило нравиться Годдарду.

— Недостаточная местная информация, — лениво повторил он. — Так и должно быть. Они не пользовались ею для... — он начал загибать пальцы, — по крайней мере, во время последних четырех заходов... Кстати, я заверил лист, — добавил он.

Такие разговоры не могли пойти ему на пользу, но все это записывалось на пленку включенного Годдардом магнитофона.

Годдард взглянул на него бесцветными глазами и, словно робот, заговорил гнусавым металлическим голосом:

— Оправдание фальсифицированного рапорта.

Трапнел вскочил — как ужаленный.

— Не верю я этому! — он хлопнул себя по коленке, подняв облачко пыли. — Не может быть, чтобы они такое допустили!

— У них не было выбора.

Взгляд Годдарда оставался совершенно бесстрастным, хотя он мог бы радоваться, что Передний Пост допустил ошибку — тот самый высокомерный Пост, который требовал от людей Годдарда подборки документов, но никогда открыто не признавал их помощи и вообще едва мирился с их существованием.

Трапнел был слегка возбужден: на большее он и не мог рассчитывать. Годдард отозвал его из заслуженного отпуска, потому что не бывало такого, чтобы первый отдел допустил ошибку.

Годдард бросил взгляд на экран и прогнусавил:

— Валлек.

Это слово ничего не говорило Трапнелу, но на экране появилась картинка — блестяще расцвеченный пейзаж. На переднем плане вытянулся город: стены, башни, поля с неправдоподобно зеленой растительностью — все сияло золотым блеском. Архитектура города была чужой.

Трапнел быстро оценил обстановку.

Панорама поменялась, и на экране возникла пустынная местность. Небо — золотое, почти оранжевое, земля внизу — коричневая. Растительности никакой — растрескавшаяся

почва и торчащие из нее гребни скал. На горизонте — горная цепь.

Изображение пустыни сдвинулось к одной из гор. Склон пересекал утес, украшенный резьбой, инкрустацией из металла и драгоценных камней, так что он сверкал под желтым небом.

— Храм Орма, — указал Годдард.

Затем были другие сцены, среди них расселина, где каменные стены были украшены фресками. Пока они внимательно разглядывали картины, Годдард комментировал их короткими замечаниями.

Наконец, он выключил экран.

— Таково положение вещей. Валлек сегодня лежит в точке Шестого сектора — но это сплошной радиоактивный пепел.

— «Н» — Ядерная война? Я не понимаю. Город похож на крепость времен феодализма.

— На картинах это выглядит так, — ответил Годдард — с того времени их будущее становится сомнительным. Короче говоря, с того времени, с которого мы начали, жрецам Червя была объявлена священная Война — их оракул сделал пророчество, которое помогло разбить Кор-Кинга города Ланаскол. Через 10 лет их теократия распалась, уступив дорогу завоевателю с юга. А тот основал направление, из которого лет через двести развилась технократия. Через пятьсот лет она превратила Валлек в пустыню. Жрецы Червя не начнут этой войны — если мы поможем.

— Как мы будем действовать? Через оракула? Но дело в том, что их оракул — это всегда дебил и никогда долго не живет. Когда он умирает, жрецы приступают к поискам нового. Они подыскивают ребенка-идиота, мужского пола, родившегося как раз в момент смерти оракула. Ребенок обязательно должен быть полностью безмозглым...

— Но должен же он выговаривать слова, которые ему подсказывают жрецы...

— Вроде бы должен, — согласился Годдард, — но луч-разведчик открыл, что это не так. Когда жрецам нужно пророчество, они сажают оракула в кресло глядеть на так называемого «Гуляющего Червя» и оставляют там на ночь. Когда они приходят за ним, он говорит, как совершенно нормальный человек, — хотя обычно издает нечленораздельные звуки. Вход к «Гуляющему Червя» строго охраняется, так что мы не можем разоблачить это мошенничество. Но ЦАТ сказал, что дело тут не только во вмешательстве какого-либо жреца. И сейчас оракул не должен дать никакого военного пророчества.

— А мы можем быть уверены, что наш южный завоеватель, в конце концов, не возьмет верх?

— ЦАТ сказал — нет. Если Ланаскол сохранит сильную

власть, развитие цивилизации пойдет совершенно другим путем. Понятно ли тебе преимущество, которое дает оракулидидот?

— Вы думаете, его заставляют заучивать слова? Может, его заменяли кем-нибудь другим?

— Это тебе и придется выяснить. ЦАТ сказал, что в него вложили неправильную информацию, и наш человек никогда не вернется назад.

— Но... — Трапнел вздрогнул.

— Вот именно — но! Это выяснилось только тогда, когда ЦАТ выдал официальную еженедельную сводку. Поднялась тревога, и мы нашли искажение на пленке.

— Легко выяснить, кто имел доступ...

— Искажение было на обратной стороне разведывательных данных, — так сообщил ЦАТ

— Здорово! У нас там есть постоянный агент?

— Естественно. ЦАТ начал проверку в этом направлении. Ясно, что вмешался кто-то еще.

— Но этого же не может быть!

Трапнел чувствовал себя так, как если бы зеленый ковер под его ногами вдруг обругал его. Он всю жизнь верил фактам...

— Мы нажали на ЦАТ, чтобы он ответил. Он не сказал ни да, ни нет, а сослался на недостаток информации. Так что здесь может быть два варианта: первый — в нашей Службе работает шпион, второй — мы просто ничего не можем сделать на этой линии. В конце концов, Галактика слишком велика. Здесь запросто может работать другая Служба. До сих пор нам везло, мы с такими не встречались.

— Но зачем исказили рапорт?

— Могло быть несколько причин: например, мы можем находиться под наблюдением. Мы желаем спасти Валлек, а допустим, другие не хотят этого. Вот они и подставили нам ногу, чтобы испытать нас.

— Хорошенькое блюдо вы мне подали! — кисло сказал Трапнел. — Итак, я раскручиваю оракула и попутно стараюсь выснить, кто не хочет меня там видеть. Кстати, есть у первого отдела сведения о том, что случилось с их человеком?

— Нет еще. Постоянный агент встревожен. Видишь ли, дело очень срочное. Они ждут тебя для инструктажа. У тебя есть только пять дней на то, чтобы осмотреться там и начать пророчествовать, а это обязательно должно произойти. Не забудь, оплата двойная.

— Как будто я могу это забыть! — ответил Трапнел и вышел.

Лежа в камере-передатчике в плотно сжимающем голову шлеме, ожидая, когда техники дадут готовность, Трапнел

удивился, почему он до сих пор здесь работает. Он устал. Уволиться он мог в любое время. Сколько жизней он прожил? Не сосчитать. И почти все они прошли в опасности. Дважды он бывал даже убит, но техники успевали вовремя вытащить его и спасти. А сколько раз занятое им тело подвергалось пыткам, увечьям и прочим напастям! Кроме того, всегда было одно условие: он мог быть помещен только в тело почти полного идиота, что означало осложнения при транспортиции. Поэтому постоянные агенты на местах пользовались своей техникой, чтобы принимать и поддерживать человека действия. У них не было никакой надежды на возвращение. Он, по крайней мере, всегда имел возможность вернуться домой. Как обычно, до последней минуты он страдал от желания сбросить шлем и закричать, что он отказывается идти. А потом техник повернул выключатель.

Пробуждение от транспортиции было всегда страшным. Некоторое время он чувствовал некоторую дезориентацию. И Трапнел терпеть не мог открывать глаза в новой обстановке и осматривать свое новое тело. Но времени на ознакомление предоставлялось мало, и он заставлял себя смотреть.

Он уставился вверх, на складки не то полога, не то балдахина. Они были не того живого цвета, с которым у него ассоциировался этот мир, а темно-перламутровым с радужным мерцанием. Повернув голову, он увидел свет желтого неба в окне. Окно было затянуто изящно сплетенной сеткой. По бокам висели шторы такого же перламутрового цвета, что и балдахин.

Его руки скользили по шелковистой поверхности. По-видимому, он лежал на богатой постели. Он рискнул приподняться на локтях и увидел, что в складках постели были металлические кольца, из которых выходили цепи, скрывающиеся под простынями. Он отбросил простыню в сторону. Его лодыжки были прикованы. Пленник!

Возможно, этот оракул был не в состоянии вести тихую растительную жизнь. Видимо, он был подвижным, несдержанным и часто убегал. Решетка на окне служила дополнительным барьером. Трапнелу предстояло играть роль, которая автоматически должна была начаться в ближайшее время, и он оглядел свои оковы. Инструкторы должны были это предвидеть.

Он попытался определить длину цепей и, когда задвигался, они слабо и мелодично звякнули. Он оглядел свое тело, полагая, что оно маленькое и слабое или жирное, нездоровое. Но оказалось, что его ноги, как и все остальное, были сухими, мускулистыми, кожа загорелая. На бедре был сморщенный, давно заживший шрам, теперь едва напоминавший о ране.

Он пробежал кончиками пальцев по лицу и нашел второй шрам под левым глазом, причем свежий. Страшно, если этот

человек был идиотом, с детства опекаемый жрецами. Откуда у него могли быть подобные шрамы?

От его движений цепи зазвенели. К занавескам балдахина подошел человек. На нем не было красной одежды, которую, как говорилось в инструкции, носили жрецы. Когда Трапнел взглянул на подошедшего, инструктаж должен был включиться, но этого не произошло.

Трудно судить о возрасте человека другой расы, но, похоже, подошедший был средних лет. На нем были сапоги, на руках кожаные перчатки, широкая, с длинными рукавами и высоким воротником туника, без видимых застежек, тусклого темно-синего цвета. На груди вышитый серебром какой-то символ, в отдельных частях узора сверкали драгоценные камни.

На поясе из серебряных звеньев висела кобура с оружием. Человек выглядел явно понимающим толк в сражениях. Его кожа была красно-коричневой, волосы, видимо, были черными, но когда он прошел мимо окна, на свету они казались темно-рыжими.

Трапнел уставился на вошедшего, обеспокоенный недостатком информации. Впервые передатчик даже не дал ему приготовиться к намеченной роли, он просто не имел представления, как ему здесь держаться.

Может, передатчик ошибся, и он попал не туда... Он должен был быть очень осторожен до тех пор, пока не включится его инструктаж или пока он сам не узнает, что произошло.

Человек, как бы узнав Трапнела, воскликнул:

— Лорд Кор! — голос его был резким, возбужденным. — Твой разум восстал из тьмы!

Лорд Кор — Кор-Кинг? Но он же в Ланасколе, а не в храме Орма! Ясно, что он оказался не там, где предполагал, и не тем. Он поднес руку к голове, не зная, зачем.

— Болит ли еще твоя рана, лорд Кор?

Это и в самом деле должен быть болезненный рубец от тяжелого удара, подумал Трапнел.

Рана на голове. При обмене тел субъективные ощущения отсутствовали. Значит, он попал в тело, которое превратилось в тело идиота из-за раны на голове? Если так — что ж, тогда у него, возможно, есть шанс. Конечно, это могло быть логическим объяснением ошибки, но почему же он все-таки не добрался до оракула?

— Болит... немного, — пробормотал он. — Я... я не могу вспомнить, что со мной произошло... — Таким объяснением можно было долго прикрываться, как плащом, — больше ему ничего не оставалось.

— Похоже, что у тебя треснул череп, лорд Кор, — сказал тот. — Ты блуждал во тьме много дней, не узнавал ни Кор-

Кинга, твоего отца, ни леди Яракому, самую близкую тебе. Тебя кормили с ложечки, и ты был слаб, как грудной младенец. А потом — когда ты начал бредить, — он покачал головой, — ты мог бы нанести себе вред, если бы мы...

— Если бы мы — что, Джирант? — позади человека появился второй. На его зеленой тунике не было символа. На нем был белый плащ без рукавов, с прорезями для рук. Края плаща были расшиты странными красными знаками.

Инструктаж Трапнела наконец-то сработал: второй человек был врачом или одним из ученых Валлека. Человек обошел Джиранта, приблизился к Трапнелу, сжал его запястье и пристально посмотрел ему в глаза.

— Хорошо, — сказал он, помолчав, и мягко ощупал заживающий шрам. — Лучше, чем мы могли надеяться, лорд Кор, — быстро высказал он свое мнение. — Скажи, что ты помнишь.

Трапнел покачал головой:

— Ничего. Я даже не помню ни твоего имени, ни его, — он показал на человека в синем.

Последний хотел было заговорить, но врач спокойно махнул ему рукой.

— Этого следовало ожидать. Хорошо уже то, что ты пришел в себя. В дальнейшем, возможно, память вернется, хотя бы частично. Для этого достаточно поговорить с тобой о прошлом — любой с удовольствием это сделает, — он смотрел очень спокойно, как будто последнее его замечание имело какой-то особый смысл.

— Ты, — он показал на Трапнела, — лорд Кор Кенрик, второй сын Кор-Кинга Герноута. Три месяца назад ты был в Вардене на юге в команде пограничной стражи. Кевин атаковал вас, и после битвы тебя нашли умирающим. Джирант старался сохранить твою жизнь до того, как сможет отвезти тебя домой, в Ланаскол. В твоем черепе была дыра, достаточная для того, чтобы мозг вытек наружу, и все это время ты вел себя так, словно именно это и произошло.

Его слова содержали мало уважения. Если лорд Кор был выше его рангом, то этот врач был не слишком вежлив. И Трапнел-Кенрик, который должен был думать о себе, как о Кенрике, нашел резкость ученого бодрящей.

— А кто ты?

— Аттикус, лекарь. Ты часто будешь видеть меня, куда чаще, чем до ранения, — он повернулся к Джиранту, — не лучше ли возвестить Кор-Кинга о том, что лорд Кор пришел в сознание?

— Конечно, — Джирант поспешно вышел. Аттикус, казалось, прислушивался к шагам за дверью, а затем снова взглянул на своего пациента.

— Имей в виду, не все будут рады тому, что твой разум снова прояснился.

«Ну, и попал же я, — подумал Трапнел, — похоже, здесь тоже какая-то заваруха!» — Но он надеялся получить какую-то помощь от Аттикуса.

— И кому же это может не понравиться? — торопливо спросил он.

— Главная — леди Яракома, — Аттикус сделал паузу, следя за произведенным эффектом. Видя, что его пациент не узнал этого имени, он нахмурился. — Если ты не можешь вспомнить ее, то ты на самом деле плывешь по течению, лорд Кор.

— Я не помню. Расскажи.

— Она главная наложница твоего брата Фолкварда, старшего сына твоего отца. Она хотела последовать старинному обычаю и обеспечить родословную, забравшись и в твою постель. Но ты отказался. Она боится, что ты возьмешь другую наложницу и таким образом подвергнешь опасности наследство ее господина. Останься ты без разума — и этот страх недолго будет мучать ее. Есть здесь и такие, которые хотели бы возвыситься, если бы она стала единственной супругой принцев. Таким образом она кровно заинтересована в том, чтобы ты никогда не выздоровел.

— А кто еще?

Врач пожал плечами.

— Так как пограничный Варден единственный город, который против всякого союза с Кевином, есть много таких, кто желает тебе всего, кроме здоровья.

— Так что мне придется побороться.

— Именно, лорд Кор. Мы живем в тревожное время. Хотя, собственно говоря, любое время имеет свои проблемы для тех, кто живет в нем. Кевин движется на юг, его глаза устремлены на Ланаскол, который он хотел бы смести со своего пути. И говорят, жрецы Червя кричат о каком-то страшном пророчестве. Они надеются, что этот взлелеянный ими дурак напроочит много неприятностей народу.

Трапнел ухватился за эти слова:

— Новое пророчество? Когда, по их мнению, оно будет произнесено?

— В течение пяти дней. Они отправили посла к Кинг-Кору с предложением приехать и послушать. Однако он не решается ответить на их приглашение. Вернее, я бы сказал — на их приказ. Надменность жрецов растет вместе с их влиятельностью с тех пор, как Пираты Дунта стали уважать и платить им дань. Будь я жрецом Червя, я бы внимательно приглядывался к дарам пиратов, чтобы кровь, капающая с этих даров, не запятнала моих рук. И я спросил бы себя, почему у кого-то

вдруг появляется нужда в Черве. В поведении пиратов нет благочестия. Еще одна проблема для Кир-Кинга.

Трапнел кивнул, не зная, что сказать.

— Это хорошо, лорд Кор, — сказал врач, — что сын, на которого Кор-Кинг может положиться, опять способен встать за его спиной. Ты очнулся очень своевременно: Кор-Кинг не должен соглашаться лезть в нору Червя.

— У тебя очень откровенная речь, Аттикус.

Врач мрачно улыбнулся.

— Скажи мне спасибо, лорд Кор. Я доказал свою правоту, говоря открыто, и буду впредь так делать.

Дверь открылась, и вошел Джирант.

— Кор-Кинг и леди Яракома, — возвестил он.

Глава 2

Ночью светили три луны, Лорд Кор вцепился в ограду балкона и смотрел на город. Насколько он помнил из своей неудачной инструкции, у него здесь было на кого опереться: здесь был постоянный агент. Проблема заключалась в том, чтобы найти эту квартиру. Будучи лордом Кором, только что вставшим со смертного одра, когда все думали, что ему не поправиться, Трапнел не предполагал, что его отпустят туда одного. Он боялся, что Аттикус следит за ним — для его же, лорда Кора, блага. Но ему нельзя было тратить время: в течение пяти дней оракул даст сигнал к восстанию, которое станет концом всего, что лежало теперь перед ним.

Значит, надо действовать немедленно, этой же ночью, хотя легко сбиться с дороги и вызвать подозрение у какого-нибудь стражника. Он раздумывал, как ему лучше незаметно выйти из здания, изучал дорогу. Балкон, на котором он стоял, был одним из трех на этом этаже. Он уже обшарил гардероб лорда Кора и надел самую неприметную одежду, какую только мог найти. Сапоги он связал и повесил на шею.

Добраться до следующего балкона было непросто. Стиснув зубы, он прыгнул и ухватился за перила. Подтянувшись, он нашел опору для ног. Тут ему помогли не только его прежние тренировки, но и то, что его новое тело было сильным.

Остальное было уже легко. Резьба на арке балкона послужила ему лестницей. Очутившись на мостовой, он огляделся кругом. Тусклый свет шел из окна третьего балкона, но в его комнате, да и во всех остальных было темно.

Он не опасался встретить часового. Он перелез через запертые ворота для торжественных выходов, не увидел никого и

заскользил по улице вдоль глухой стены — на эту улицу окна не могли выходить — это считалось бы оскорблением правителя.

Дойдя до магистрали, Трапнел, уже полностью свыкшийся со своей новой ролью лорда Кора, пошел, подражая походке других прохожих. Местная мода — носить ночью плащ с капюшоном — оказался как нельзя более кстати. Его нетерпение было так велико, что он еле сдерживался, чтобы не побежать. Так мало времени! Он должен сообщить, что произошла ошибка. У него был шанс, если он, конечно, доберется до оракула, завершить дело, для которого послан. В прошлом уже были случаи, когда посланный попадал в такой переплет, что посреднику приходилось добираться до него. Конечно, в этих случаях действия посредника были предусмотрены ЦАТом... Он оставил размышления и заторопился вперед, к своей прямой цели.

В этот час прохожих было мало, но ему дважды пришлось нырять в подъезд и ждать, пока пройдет стража. Затем он добрался до бокового тупика, и тут сработала часть его инструмента: мимо двух дверей, под тень навеса. Он быстро дошел до моста, ошупал стену. Поблизости не было фонаря. Он наткнулся пальцем на указанный паз, провел по нему до кнопки и трижды нажал. Послышался слабый звонок, он прижался к двери. Кто-то шел по переулку, стараясь не производить шума. Кто? Другой агент? Кто-то отслеживающий? Кенрик внезапно вспомнил женщину, приходившую с Кор-Кингом в его комнату. Он встречался во многих мирах с этим типом женщин, пользующихся своим телом, как оружием. Аттикус был прав: леди Яракома боялась. Она прекрасно играла свою роль, надеясь легко завоевать только что поправившегося лорда Кора. Если она следит за ним...

Его рука лежала на кобуре. Он не знал принципа действия этого оружия, но понял, что нажатие кнопки приводит оружие в действие.

Слабый звук, встревоживший его, не повторился. Он не видел ничего, кроме нескольких деревьев, растущих вдоль переулочка. Почему никто не отвечает на звонок? Лево́й рукой он ошупал дверь позади себя, в правой держал оружие. Может, позвонить еще раз?

Как раз в эту минуту дверь бесшумно отворилась.

— Семь-девять-два.

— Одиннадцать-десять-три, — донеслось до него из темноты. Чьи-то пальцы схватили его за руку, и он вошел. Дверь закрылась.

Его потянули вперед, он шел, не убирая оружия в кобур. Рядом слышалось шуршание ткани. Скоро он оказался в маленькой слабо освещенной комнате. Стены были увешаны длинными полосами ткани, видимо, маскирующими какой-то

вход. Ткань была черная, как ночь, с вытканными серебряными рунами. Комната освещалась шаром на подставке, стоящим точно в центре комнаты. Два стола из черного дерева стояли друг против друга по обеим сторонам лампы. Обо всем этом говорилось в его инструкции, и он тут же узнал женщину, которая привела его сюда. Она была молодой, высокой, скорее худощавой, с овальным лицом и четкими чертами. Кожа была красно-коричневой, как у людей Ланаскола, распущенные волосы темно-рыжими. На ее черном платье были такие же серебряные оккультные знаки, как и на занавесах. Руки были в черных перчатках, которые на кончиках пальцев заканчивались вышитыми серебром когтями.

— Николь, — сказал он.

— Правильно, — ответила она тихим контральто. — Но кто ты, похожий на лорда Кор Кенрика? Ты не тот, кому я могу дать убежище и провести через потайную дверь. Кроме того, меня не предупредили о твоём приходе.

Он расстегнул ворот плаща.

— Что-то произошло. Я был послан заменить оракула в храме Орма, а очутился в этом теле.

Она пристально посмотрела на него.

— Я должна верить тебе, так как здесь есть чем проверить твой рассказ, и это приспособление не отрицает твоих слов. Но раньше никогда не было, чтобы заброшенный агент попал не туда, куда его послали.

— Здесь был другой агент — из Первого отдела. Мы не получили от него ни слова.

— Правильно, но я ничего сказать тебе не могу. Я не могла следить за ним в храме, он закрыт для женщин, и жрецы охраняют его куда тщательней, чем можно себе представить, зная этот противный мир. Мне приходится действовать обходными путями, в основном, через это, — она показала на шар. — Я знаю многое только благодаря ему. Сейчас в храме собирается много чужих. Даже пираты из Дупта. Тот, с кем я мысленно контактирую, впрочем, он думает, что это он видит во сне, дает очень краткие ответы. Жена прислужника при храме приходила ко мне за предсказанием. Она — подходящий объект для зондирования во сне, но мало что знает. Однако я знаю, что у жрецов есть люди, готовые к перевороту. Их первая мишень — человек, тело которого ты носишь, а вторая — сам Кор-Кинг. Я тщательно проверила слухи. И я уверена, что лорд Кор Кенрик стал жертвой не противника, а предателя. Я предупредила лекаря Аттикуса о леди Яракома. Но все эти интриги не помогли мне добраться до оракула... — она положила руки в странных перчатках на шар, почти закрыв его. — Ты думаешь, что сможешь заменить его, если встретишься с ним?

— Такое случилось. Но у меня есть идея. Что, если я открыто приду в храм Орма? У меня будет шанс увидеть оракула, поскольку они приглашали Кор-Кинга. Если я опоздаю, этим планом больше нельзя будет воспользоваться.

— Но храм Орма охраняется. Твоя задача будет нелегка, — сказала она.

— Осталось всего несколько дней, Николь.

— Мы...

Кенрик так никогда и не услышал, что она собиралась сказать. Он откинулся назад, хватаясь за ткань на стене. Кенрик упал и увидел, что Николь тоже оседает на пол. Его последней мыслью было, что они подверглись неизвестной мозговой атаке.

Сознание возвращалось медленно, как будто человека вырвали из глубокого сна и теперь требуют решить задачу, пока он еще не очухался. Кенрик встревожился, почувствовав боль. Его избитое тело перекатывалось с места на место по неустойчивой поднимающейся и опускающейся поверхности. В ушах шумело. Когда он попытался встать, то почувствовал, что его руки и ноги связаны. Для прочности узлы соединялись дополнительной веревкой. На голову был надет мешок, заменяющий и повязку на глазах и кляп.

Кенрик заставил себя вспомнить: он был у агента Николь, и их обоих как будто ударило лучом стоннера. Но такое оружие здесь неизвестно, оно существует только в далеком будущем! Личность передать можно: Служба занималась этим много лет. Хотя такая замена была сложной операцией, лучи-разведчики справлялись с этим относительно просто. Но передавать оружие — это невозможно! Разве что Годдард решил проверить свои предположения о какой-то параллельной силе... с разрешения Службы.

Но если такое оружие можно транспортировать, значит, они здорово опередили ЦАТ. Кенрик нашел эту мысль достаточно страшной.

Николь упоминала о сборищах чужих в храме Орма: не было ли среди них путешественников из другого времени и пространства? Возможно, они узнали о появлении Кенрика. Глупо недооценивать противника. Участвовала ли Яракома в игре, которую они вели? Она даже могла быть их агентом, как Николь. Но какой толк думать об этом сейчас? Он напрягся, оценивая прочность пут. Они оказались тугими и прочными. Он никак не мог придумать, с помощью какой хитрости можно освободиться. Мешок на его голове частично просвечивал, и можно было определить, что сейчас день. Кенрику было жарко, как под палящим солнцем, и он мечтал о воде. Поверхность под ним наклонилась вперед.

Он сполз вниз и ударился о стену. Послышались приглушенные крики, по ним и по тряске он определил, что везший его экипаж вышел из-под контроля.

Внезапно он почувствовал под собой что-то мягкое. Оно яростно вертелось, пытаясь скинуть его с себя. Затем повозка затряслась, загрохотала и, наконец, резко остановилась.

Он услышал глухой стон. Николь? Он попытался откатиться, но кто-то толкнул его и вцепился в его плечи. Он завертелся на неровной поверхности, скатился на землю и головой, на которую был надет мешок, ударился о гравий. От неожиданного падения у него перехватило дыхание.

Он задыхался. Чьи-то руки взяли его под мышки, проволокли по гравию и, наконец, усадили спиной к камню. Связанные ноги нестерпимо болели. Камень излучал тепло. У его горла заработали чьи-то пальцы, мешок слетел, и Кенрик чуть не ослеп от пылающего солнца. Сощурившись, он увидел троих мужчин в грубой одежде. Крутом лежал рыжий песок, как видно, это была пустыня. Дрожание жаркого воздуха походило на то, что показывал ему Годдард на обзорном экране.

Один из троих сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Ему ответили тем же манером откуда-то поблизости. Тем временем Кенрик повернул голову и увидел черное платье Николь. Смятое и разорванное, оно казалось темным пятном рядом со скалой. Николь была в такой же скрюченной позе, что и он, голова упала на грудь, волосы скрывали лицо. Нельзя было сказать, в сознании ли она.

— Мы доставили их, — сказал тот, что свистнул, и требовательно протянул руку, но в его поведении чувствовалась неуверенность. Два его товарища подошли к нему, и было похоже, что все трое мечтают удрать, как можно скорее, как только закончат дело.

— Мы доставили их, — повторил мужчина. — Платите!

Может, он и был встревожен, но зато был полон решимости получить то, что ему причиталось. Скала мешала Кенрику видеть того, к кому тот обращался.

Оттуда вылетел кошелек, мужчина поймал его на лету, взвесил в руке, будто подсчитывая содержимое по весу, затем спрятал кошелек в свою тунику, повернулся и пошел в сопровождении своих товарищей. Но тот, кто платил, остался вне поля зрения пленников.

Кенрик прикрыл глаза от солнца. Он чувствовал себя так, словно сидел в печке. Неужели он так и останется связанным в этой раскаленной пустыне?

Кто-то дотронулся до него, и он чуть не вскрикнул, так потрясло его это прикосновение. Ясно было, что они использовали мозговой зонд! Как и то оружие, с помощью которого

их захватили, этот зонд был чужим. Это не было зондированием эспера, а имело механическую природу. Излучение было настолько чужое, что только изредка попадало на его полосу частот и напоминало слабое покалывание.

Мозг Трапнела был, конечно, экранирован, агента не отравили бы без такой защиты. Надо думать, Николь тоже была защищена. Любое вторжение в их мысли показало бы только несомненное сходство этих людей. Однако этот зонд действовал очень неровно. И тот, кто пользовался им, вероятно, не мог нащупать правильную частоту.

Тем не менее он продолжал свои попытки. Наконец, покалывание прекратилось. Полный провал! Кенрик напрягся, ожидая появления того, кто заплатил за их похищение. Но минуты шли, никто не показывался и не было слышно никаких звуков.

Николь задвигалась, и он увидел ее щеку.

— Он ушел, — сказала она, с трудом произнося слова пересохшим ртом.

Она говорила так уверенно, что Кенрик немного расслабился. Но если их оставили здесь, в пустыне...

— Да, — возможно, она читала его мысли, как это пытались сделать похитители, — они просто-напросто бросили нас. Если это так, мы умрем до ночи — здешнее солнце убивает быстро.

— Как... — начал он.

— Подожди! Может, решение тут, — она указала подбородком на ямку в земле. Это было круглое отверстие в палец шириной, вокруг него валялись кусочки гравия и песок. Из отверстия показался красноватый шар, это была голова членистого существа, которое теперь вылезло и поднялось на плоские суставчатые ноги. В передней части головы размещались три глаза, а под ними болталась бахрома щупальцев, как жесткая борода. Ниже растянулся грубый нарост из черных, похожих на волосы, волокон.

— Огненный червь, — объяснила Николь. Ее голос ослабел и стал тягучим. — Они обожают соль. Взгляни на наши оковы.

Кенрик посмотрел. Узы были из ткани, пропитанной потом. Пот... соль...

Инструкция ничего не говорила об огненных червях, но Николь, похоже, кое-что знала. Кенрик, извиваясь, задвигал ногами, оттолкнулся от поддерживающего его камня и стукнулся о землю. Продолжая извиваться, он подобрался к отверстию, куда юркнул огненный червь при первом же движении Кенрика.

В конце концов, Кенрик перестал двигаться, одну щеку

он ободрал о гравий, солнце нещадно жгло его. Он боролся с паникой, надеясь, что предположение Николь окажется правильным.

Руки онемели от болезненных уколов, и он догадался, что огненный червь нашел соль не только на веревках. Кенрик с трудом сдержался, чтобы не откатиться назад. Боль усилилась, и его воображение нарисовало картину, как его мучитель поедает его тело.

Лежать было трудно еще и потому, что он не был уверен, принесет ли это какую-нибудь пользу. Но он все-таки терпел, и конец наступил, когда резкая боль заставила его откинуться. Его руки были свободны. Натянутой между ними веревки больше не было. Он мог распрямиться.

Кенрик откатился в тень, обдирая онемевшие кровоточащие руки. Кое-как он добрался до высокого валуна и некоторое время неподвижно лежал.

Вокруг дыры, от которой он отполз, несколько червей сновали туда и сюда, поднимая головы, будто старались увидеть или унюхать исчезнувшую жертву. Кенрик освободил ноги от пут. Теперь он мог ясно разглядеть Николь. Она дремала, и только скала за ее спиной удерживала ее от падения. Он подполз и перевернул ее, чтобы освободить от веревок. Она не двигалась, хотя он думал, что, пока он будет развязывать узлы, она придет в чувство.

Наконец, он освободил ее, прислонил безвольное тело к своему плечу и откинул назад ее волосы. Ее глаза были закрыты, потрескавшиеся губы приоткрыты, Николь едва-едва дышала.

— Николь!

Он слегка встряхнул ее, похлопал по щекам обкусанными руками, оставлявшими на ее лице пятна крови.

Она глубоко вздохнула и приоткрыла глаза. Ободренный, он втянул ее в тень от камня, подальше от гнезда огненного червя, из которого все лезли и лезли его обитатели. Надо было торопиться, потому что черви могли напасть.

— Что... — девушка повернула голову.

— Все в порядке. Мы свободны.

Она с видимым усилием открыла глаза, подняла руки и посмотрела на свои распухшие кисти.

— Огненные черви?

— Да, но им понравился вкус моей крови и они хотят еще.

— Мы... — она перешла на шопот, облизала пересохшие губы. — Нам лучше бы уйти...

Он сделал усилие, чтобы справиться со своими ногами. Камни вокруг стояли, как стволы деревьев в лесу, но не было ни листьев, ни веток, которые могли бы служить убежищем

от солнца. Он ничего не видел вокруг и начал опасаться, что, хотя они и освободились от пут, все равно умрут в этой огненной печи.

Николь постаралась встать. Он наклонился, чтобы помочь ей. Она прислонилась к нему, подняла руки и небрежно откинула волосы назад.

— Пошли.

Он поддержал ее, и они обошли сначала один камень, потом другой...

Вдруг она вскрикнула и показала на что-то распухшей рукой.

Он думал, что камни были всего лишь капризом природы, но здесь оказалось что-то другое: из твердой, высушенной земли, несомненно, выростала арка, но поддерживающие ее столбы так осели, что попасть в тень под аркой можно было только ползком. Но и это все-таки давало возможность выйти. Кенрик, шатаясь, направился туда, таща за собой девушку.

Они на коленях проползли в отверстие вдоль изъеденного камня. Если они переждут здесь день, ночью, может быть, идти будет легче.

Кенрик полз, как слепой: после яркого света глаза не сразу привыкли к темноте. Вдруг поверхность под ними заколебалась. Они провалились вниз, зарывшись в глиняную пыль, гравий и обломки камня. Они кашляли и задыхались, пока, наконец, пыль не улеглась, почти похоронив их.

— Николь! — Кенрик шарил вокруг рукой, ища ее, и наконец пальцы нащупали ее волосы. — Николь!

В ответ он услышал лишь грохот катящихся камней. Он принялся яростно откапываться, боясь, что новая лавина окончательно похоронит их.

Освободившись, он снова стал искать девушку и вскоре нашел ее среди камней. Он тут же стал вытаскивать ее из-под обломков, а вытащив девушку, решил исследовать яму, в которую они упали.

Но это была не яма, отверстие пропускало немного света, и при этом свете с помощью вытянутых рук Кенрик обнаружил, что они очутились в чем-то вроде коридора. Видимо, арка была входом, заваленным землей и камнями.

Здесь было прохладнее. Он вспомнил, что в естественных пещерах температура тем ниже, чем глубже в них погружаешься. Видимо, подобный принцип действовал и здесь. Его следующее открытие было более серьезным: когда он попытался снова взобраться на склон, тот наклонился под ним. Поверхность склона была такой подвижной, что с нее все скатывалось.

— Где мы?

Ее шепот подбодрил его, и он с благодарностью протянул к ней руку.

— Мы в каком-то коридоре.

— Темно... прохладно... — удивилась она. — Но как мы выберемся отсюда?

— Обратно подняться нельзя, — откровенно ответил он. — Мы должны идти другой дорогой. Но хватит ли нам воздуха? И как идти в темноте?

Она подвинулась к нему, и в ее руке внезапно мягко вспыхнул свет шара. Она рассмеялась тихим смехом.

— Я же колдунья, которая дает добрым людям советы в Ланасколе, — ее голос окреп, — я знаю кое-какие приемы, друг. Это помогает мне проникать в мозг, человека, а здесь поможет даже больше. Сейчас узнаем точно, где мы находимся.

Света от шара было немного, но как бы в ответ на стенах засветились яркие точки. Кенрик услышал ее восклицание, она качнулась вперед, и он быстро поддержал ее. Она поднесла шар к одной из светящихся точек. Ножиданно шар загорелся ярче. На его вопрошающий взгляд она ответила:

— Они влияют друг на друга. Этот шар лишь один из многих таких же, он поможет нам связаться с владельцами подобных шаров. Он загорается от моего прикосновения. Похоже, что те, кто создал это место, имели неограниченные запасы руды орма. Это ее вкрапления в стене дают нам свет. Не думаю, что мы окажемся в темноте.

Они пошли вперед тем шагом, на какой были способны их избитые тела. Точки на стенах загорались, давая им возможность лучше видеть.

Сначала вкрапления руды орма располагались без всякого порядка. Они шли дальше, по наклонной, спускаясь все ниже и ниже. Здесь на стенах была резьба, и световые точки загорались на глазах, клыках, мечях и копыях изображений. Были здесь и изображения огненных червей, только они не были двухдюймовой толщины: напротив, художник изобразил их ужасными чудовищами с волосатыми спинами, на которых ехал верхом человек, или гуманоид, похожий на человека. И этот всадник сражался не просто с другим человеком — его преследовала большая крылатая рептилия.

Николь показала на кожистое крыло и змеиную шею существа:

— Ядовитые зубы Дупта! Возможно, они принадлежали пиратам Дупта! Они живы и поднимаются сегодня... — А эти огненные черви! Взгляни на них. Ты не знаешь, подобные разновидности существуют или нет?

— Не знаю. Но, насколько мне известно, у жрецов Орма есть свои секреты. Они сажают своего оракула в то место, которое они называют Дорогой Червя. Так что, возможно, это единственный огненный червь большого размера. И если ядовитые клыки Дупта известны в наши дни...

— Неужели существует такой чудовищный огненный червь. Трудно поверить...

Воздух, к удивлению Кенрика, все еще был вполне пригоден для дыхания. Он думал, что этим путем, вероятно, уже много лет никто не ходил. Сцены битв по-прежнему покрывали стены. Прохлада постепенно превращалась в холод.

Они не могли сказать, далеко ли ушли. Шли они медленно, часто останавливались, чтобы дать отдых ноющим телам, а муки жажды становились все сильнее.

Во время одного из таких привалов Кенрик сделал первую многообещающую находку. Он приложил ладонь к стене и тут же отдернул: в одной из впадин на ноге червя его пальцы ощутили влагу. Он снова поднес руку к углублению в стене и попросил Николь поднести свет поближе. Там они обнаружили воду, которая едва сочилась из камня. Затем Кенрик заторопился вперед: может, в дальнейшем им повезет еще больше. Они начали спуск по ступенькам мимо темных стен, не имеющих вкраплений руды орма.

Спуск казался бесконечным, но они торопились, потому что чувствовали, что поблизости есть вода. Когда они дошли до конца лестницы, свет шара отразился от поверхности воды. Это был круглый искусственный бассейн с водой. Они жадно погрузили в нее руки и вдоволь напились. Утолив жажду, Николь вздохнула и села, стряхивая капли воды с подбородка и ворота разорванного и испачканного землей платья.

— Как ты думаешь, Судьба пошлет нам еще и пищу? — спросила она, как бы надеясь на чудо в самое ближайшее время.

Ее вопрос напомнил Кенрику о том, что он очень голоден. Много времени прошло с тех пор, как он ел вместе с Кор-Кингом во дворце Ланаскола. Он встал и наклонился, чтобы взять шар, оставленный Николь на земле. Здесь было так темно, что даже этот свет не мог рассеять мрак. Он позволял видеть лишь на шаг в глубину пещеры, остальное скрывалось в крошечной тьме. Теперь, когда мучительная жажда была утолена, он ощутил острый запах. Пахло не сыростью, а скорее едким дымом, принесенным откуда-то ветром.

Он боялся уйти от воды, поскольку не был уверен, что они найдут ее в этой норе. Они, должно быть, находились глубоко под поверхностью пустыни, но куда они шли — на север, юг, восток или запад, — он не мог сказать.

Когда он высказал свои мысли вслух, девушка кивнула. Она оторвала подол своего платья, скрутила его в жгут и подпоясалась им, заткнув концы подола под этот пояс.

— У нас нет выбора, — сказала она. — Этот подземный ход сделан с какой-то целью, следовательно, впереди должна быть другая дверь, вход, выход или еще что-нибудь такое.

Она была так же спокойна, как и в их первую встречу, будто была полностью уверена в себе и в их будущем. Кенрик хотел бы чувствовать то же самое. Он протянул руку и отдал ей шар. Они пошли вдоль стены.

Пол здесь был ровным, без уклона. На стенах не было резьбы, но были следы, как будто кто-то часто ходил тут и терся о камень, оставляя гладкие полосы как раз посередине стены.

Когда справа замаячила другая стена, им показалось, что они вошли в другой коридор. Кенрик обрадовался: вдоль основания стены бежал в каменном ложе ручеек — возможно, из того бассейна, где они пили.

Николь осветила ручей и засмеялась:

— Высшие силы благосклонны к нам. Вода у нас есть, по крайней мере, сейчас.

Но было и кое-что еще: в лицо им ударил тот же сильный и резкий запах. Кенрик схватил Николь за руку, заставляя остановиться, и стал внимательно прислушиваться.

Раны, оставленные огненными червями на его руках, сильно болели. Он подумал о резьбе в верхнем коридоре — об огненном черве таких размеров, что на нем можно было ехать...

Никаких звуков не было слышно — только запах. Они осторожно пошли. В стене слева от них было отверстие, из которого выходило зловоние — там явно разлагался труп. Кенрик притянул Николь к себе, стараясь быть как можно дальше от зловещего прохода. Вдруг девушка вскрикнула и вырвалась от него: она увидела что-то на полу.

Это была виноградная лоза толщиной в руку, с кистью бледно-зеленых ягод. Две ягоды были раздавлены и из них выделялась белая мякоть, но остальные были целы. Николь схватила ветку.

— Столовый виноград! — ее голос был таким ликующим, будто она наткнулась на сказочное сокровище. — Вот и пища!

Они оборвали ягоды, каждая из которых была с кулак Кенрика. Он откусил от ягоды кусок, удивляясь, откуда здесь взялся виноград. Николь съела один плод, а другой сунула за пазуху и подошла к входу в зловонное место. Кенрик счел своей обязанностью последовать за ней и был поражен, когда шар осветил то, что там лежало. Насколько он мог видеть,

все пространство было забито увядшими и гниющими растениями. Плоды винограда были перемешаны с другими фруктами и выглядели так, словно их сбрасывали туда каждый день. Кенрик не мог понять, кто и зачем это делает.

— Пошли! — Николь поставила шар на пол, отстегнула на плечах пряжки, скрепляющие платье, сбросила пояс из подола, который только недавно сделала, и через минуту осталась в одном белье. Она поспешно расправила сброшенное платье и начала складывать в него свежие фрукты, отбрасывая помятые и подгнившие плоды. Кенрик стал помогать ей. В конце концов, у них оказался узел с пищей, завязанный ее тряпичным поясом, и они вышли в коридор на более чистый воздух.

— Как ты думаешь, кто сюда приходит? — спросил Кенрик, пристраивая узел с помощью лямки на плечо.

— Это помещение для огненного червя, — ответила она. — Их природа требует подземного местопребывания и растительной пищи, которая должна сгнить и забродить, прежде чем они станут ее есть. Но...

— Сколько пищи — вот это да! — он уже обратил внимание на это.

— Ни один из маленьких червей пустыни не мог бы откатить такую крупную виноградину под землю или разрыть эту груды.

Кенрик почти поверил, что черви в этой норе — гиганты. На резьбе было изображение человека, едущего на черве. Но эта резьба могла быть очень древней. Такое сотрудничество человека и червя, наверное, кончилось много веков назад, раз Николь никогда не слышала об этом. Тем не менее...

— А мы не рядом с храмом Орма? — спросил он.

— Хотела бы я это знать. Но я не думаю, что нас похитили жрецы Червя: зондирование мозга не их дело. У них своя магия.

— Они хотят начать войну, по сведениям ЦАТ. Предположим, что они готовят армию всадников на огненных червях. Что могут сделать люди Ланаскола? А если к жрецам еще присоединятся пираты...

— Тогда Кор-Кингу не собрать армию. Но при таком отряде зачем им пророчество?

— Возможно, они сами верят в него. Скажи-ка, что ты знаешь о жрецах Орма?

— Только то, что узнала с помощью луча-разведчика, собирающего информацию для ЦАТ, да еще кое-что услышала от своего помощника. Насколько я понимаю, при зарождении их иерархии они не выходили за пределы храма. Потом низший класс ордена отважился выйти. Они держа-

лись в стороне от простого народа и имели дело исключительно с Кор-Кингом и его высшими придворными. Время от времени жрецы посылали послания, вызывая кого-нибудь из знати — или самого короля — в храм, услышать о новом пророчестве. Обычно Кор-Кинг ходил, но рассказывают, что однажды двое отказались и их немедленно покарала судьба. Какую-либо связь между жрецами и последовавшими бедствиями доказать не удалось. Нынешнего короля еще ни разу не приглашали. Я слышала, что ЦАТ узнал чуть больше.

— Ты говорила, что у них есть тайны и есть особая защита...

— Да. Один из Кор-Кингов, отказавшись им повиноваться, исчез после того, как послал отряд на штурм храма. Вернулись немногие, да и те в состоянии шока. Это было двести лет назад, но по некоторым деталям этой истории можно предположить, что у жрецов были тогда гигантские огненные черви.

— Таким образом, вся ответственность легла на того, кого приглашали жрецы, — прокомментировал Кенрик. — Такой урок должен был произвести эффект. Однако мы отделились от сути. Часть этих растений свежая, так что тот, кто клал их, имеет доступ к внешнему миру, и, уж конечно, не к пустыне.

— Пожалуй, это было бы самое лучшее, — сказала она и подтянула повыше нижнюю юбку. — Пойдем.

Надежда на освобождение, плюс запас пищи воодушевили их настолько, что они пошли быстрее. Они прошли мимо второй дыры в стене, где воняло еще хуже — видимо, гниение там было сильнее. Затем туннель раздвоился. Хотя обе дороги казались одинаковыми и шли вроде бы в одном направлении, видимо, вели они в разные места.

Они пошли по левому пути, считая шаги и предполагая вернуться, если через двести шагов не увидят выход. Кенрик очень торопился: он вспомнил об этой виноградной лозе и подумал, что тот, кто приносит сюда фрукты, может вернуться с новым грузом, а встреча с гигантским червем означала бы для них скорый конец.

Туннель шел ровно. Свет шара упал на дверь, откуда зловоние не исходило. Они осторожно пробрались туда и увидели высоко над головой слабый свет. Над ними стена имела выступ, на котором стояло высокое кресло с подлокотниками, вырезанное из цельного куска камня. На подлокотниках играл свет. По ним шли металлические полосы и такие же полосы шли внизу кресла.

Ниже выступа располагалась площадка, от которой на равном расстоянии друг от друга шли два туннеля, похожие

на тот, через который они прошли. Не было слышно ничего, что указывало бы на чье-то присутствие в этих туннелях.

Как только Кенрик увидел кресло, его инструкция сработала: это было место, где оставляли привязанного оракула, для получения пророчества.

Глава 3

— Кенрик!

Руки пытались удержать его. Это было похоже на пробуждение от сна. Он стоял у стены, пытаясь вскарабкаться на выступ и сесть в ожидающее его кресло, в то время как девушка упорно цеплялась за него, удерживая внизу. Он лягался, вырываясь из ее рук. Вдруг власть инструктажа нарушилась. Он разжал руку, державшуюся за выступ, и упал, увлекая за собой Николь.

— Я бы влез! — он боялся взглянуть наверх, чтобы кресло опять не загипнотизировало его.

— Нет, — у Николь была жесткая хватка. — Ты не оракул. Ты лорд Кор Кенрик и ты должен это помнить!

— Но инструкция...

— Да, — ее шепот действовал сильнее крика, — я знаю. Ты назначен сидеть там, наверху, однако передатчик ошибся и ты должен играть по другим правилам в совершенно другой пьесе. Но что совершенно точно — мы уже не под пустыней! — мы в храме Орма и может быть, сумеем удрать.

Николь была права. Она спасла его от помутнения рассудка. Он не был оракулом. И они, похоже, действительно достигли определенной точки.

Девушка хрипло рассмеялась:

— Удрать — да, но попробуй убеги, если нападут огненные черви! Это наиболее секретная часть храма Орма и наиболее охраняемая. Допустим, мы пойдем наверх по дороге, известной тебе по инструктажу, и наткнемся на оракула. Что тогда?

— Может, меня трансформируют?

По странному повороту судьбы он находился на расстоянии вытянутой руки от того места, где должен был быть по первоначальному плану. Если бы он мог трансформироваться, его миссия не пропала бы зря. Эта мысль дала ему новую энергию, и он еще раз осмотрел стены.

— Прекрасно! — ее голос был таким же низким, как тогда, в пустыне. — Но до тех пор, пока ты не найдешь его, ты должен быть целиком Кенриком. Иначе стража быстро и легко убьет тебя.

Кенрик услышал впереди какие-то звуки, схватил Николь за талию и оттащил к одному из туннелей. Они прижались к стене и стали ждать.

Она спрятала шар. Они стояли в темноте, но слабого света здесь хватало, чтобы увидеть выплывающее из туннеля существо. Это был огненный червь, но гигант, именно такой, как они и предполагали. Маленькие черви пустыни были просто букашками по сравнению с этим чудовищем. Он был как раз такой, как на резьбе, на нем вполне можно было ехать.

Ногти Николь впились в его руку, но она молчала. На спине у червя было привязано широкое сидение или седло, слишком широкое для одного всадника, как прикинул Кенрик. К заостренному переднему концу сидения были привязаны вожжи, другой конец которых терялся в бахроме щупальцев животного. Натягивая вожжи, всадник мог управлять им.

Червь полностью вышел из туннеля и остановился на открытом месте. Его три глаза тупо осматривали помещение. Видел ли он двух беглецов? Во всяком случае, интереса к ним он не проявлял, а стоял в задумчивости, и только двигающиеся щупальца, из которых тянулись нити слюны, показывали, что он жив.

Поскольку он стоял неподвижно, Кенрик шагнул вперед, стараясь получше разглядеть снаряжение червя. Перед седлом были прикреплены ножны, так чтобы всадник легко мог достать до них.

У Кенрика перехватило дух: он видел то, что просто не могло существовать в этом месте и времени. Там, в штабе, его тело, вернее, тело Трапнела, было теперь упаковано в защитное устройство, сохраняющее его живым, до возвращения разума Трапнела.

Но здесь он был человеком, носившим, если так можно выразиться, другую покрывку из костей и мяса.

В этих ножнах было оружие, знакомое ему по собственному времени, — бластер. Неодушевленные предметы транспортировать через камеру нельзя, а здесь никто не мог сделать бластер. Его производство требует высокой технологии, а здесь не было таких возможностей и специалистов.

Вмешательство в мозг Кенрика проводил чужак, по крайней мере, не знавший его частоту. Нельзя ли предположить, что здесь действует другая Служба, развивающаяся параллельно его собственной, но сделавшая важное открытие в транспортировке? И действительно ли этот бластер был точно таким, какие он знал? Ему очень хотелось взять его в руки и удостовериться.

На этом огненном черве ездили верхом, но может ли Кенрик подойти к нему? Пока он раздумывал, огненный червь

поднял голову, повернулся к туннелю, из которого вышел, и снова поплелся обратно к отверстию. Николь спросила:

— Ты видел, что в этих ножнах?

— Похоже на бластер.

— Если не брать во внимание, что его нельзя передать сюда и никакой кузнец в Валлеке не может его сделать. Возможно, мы ошибаемся, думая только о передаче: что, если он был доставлен из другого мира? Четыреста-пятьсот лет...

Кенрик хотел было сказать «назад», заканчивая ее фразу, но вспомнил, что они и сами сейчас в прошлом.

— Люди не пионеры в глубоком космосе, — продолжала Николь, — многие были на этих трассах до нас.

Все это так, но бластер! Он мог тут оказаться, если был привезен из мира, подобного нашему. Эта информация с Валлеки могла бы иметь для Службы большую ценность, чем любая другая. Он готов был уже протянуть руку к этому оружию, но Николь, как бы угадывая его мысли, подскочила к нему.

— Зверя послали с помощью ультразвука. Мы его не слышим, но можем почувствовать.

Он кивнул.

— Я ощущаю.

Она снова засмеялась.

— Ты не знаешь, есть ли в жилищах жрецов женщины? Если не знаешь, напяржи воображение и представь себе их. Я предпочла бы покончить с собой, чем жить со жрецами, уверяю тебя. Кстати, защитные приспособления могли уже сигнализировать о нашем присутствии.

— Я не думаю, что охрана осмелится прийти к креслу оракула.

— Может, это всего лишь легенда, и жрецы хотят, чтобы посторонние в нее верили. Кто тут подскажет оракулу, каково должно быть пророчество? Огненный червь? Нет, жрецы хорошо знают эти проходы.

И они пошли за огненным червем. Кенрик шел мягко, неслышно. Руки сжимались и разжимались, словно тоскуя по оружию. Как привыкший к опасностям, он чувствовал себя голым, если не имел оружия. И густой, терпкий запах червя говорил ему, что впереди опасность.

Пол постепенно пошел вверх, и далеко впереди показался дневной свет. Значит, они выходили на поверхность земли. Они шли медленно, держась поближе к стене и прислушиваясь...

Холод нижних коридоров отступал. Наконец, они дошли до конца туннеля.

Они стояли на открытом месте и оглядывались вокруг, пока не увидели ловушку, замыкавшую дорогу. Это действительно была ловушка.

Из стен узкого желоба, как с их стороны, так и с противоположной, выступали столбы, поддерживающие металлическую сетку. Она полностью окружала огороженный земляным валом карман, в который выходило несколько туннелей, предназначенный для того, чтобы огненные черви не расползались. В дальнем конце кармана находилась платформа, на которой лежала куча растений, видимо, брошенная сюда со скалы. Несколько огненных червей копошилось тут же, забирая еду своими роговыми щупальцами и унося ее затем в туннели.

Кроме этих, были и другие черви, побольше, покрытые густой черной шерстью. На каждом было седло, так что Кенрик не мог с уверенностью сказать, который из них только что прополз мимо них.

— Внизу, — прошептала ему на ухо Николь.

И правда, прямо под ними был один из ездовых монстров. Он низко присел, и его плоское брюхо лежало на земле. Тот ли это был — Кенрик не мог сказать, но в седельной сумке лежало оружие.

Кенрик спустил мешок с плеч. Голова животного была опущена, щупальца свернулись в плотный узел. Возможно, оно уснуло.

Камень здесь был шершавый, в глубоких выбоинах, которыми, возможно, пользовались черви. Выбоины были достаточно глубоки для того, чтобы воспользоваться стеной, как лестницей. Кенрик спускался лицом к стене и боялся, как бы червь не проснулся и не бросился на него. Весь в поту, он, наконец, стал у подножья скалы.

Теперь он шел по окружности, поглядывая на червя и прикидывая, успеет ли он схватить горсть песка и ослепить зверя. Но животное лежало спокойно. Кенрик видел, как мерно поднимались бока червя от дыхания. Червь так распластался, что Кенрик без труда достал у него из чехла бластер, сам не веря своей удаче.

Бластер был странно легким, совершенно непохожим на привычное оружие. Кенрик сунул его за ремень, чтобы освободить руки для обратного пути, который он проделал со всей скоростью, на которую был способен.

По виду оружие походило на бластер: у него были барабан, ствол, две рукоятки, одна из которых выдвигалась, прицельное устройство — телескопическое и такой дальности, какой не имело знакомое Кенрику оружие.

Сделано оно было из какого-то очень легкого и твердого сплава. Кенрик не смог поцарапать его ни камнем, ни пряжкой ремня. Видимо, он был со звездолета — из тех, что скинулись по Галактике задолго до того, как раса Кенрика обратила свой взор к луне, спутнице ее мира.

— Это сделано для гуманоида. — сказала Николь.

Да. Рукоятка и баланс предназначались для человеческой руки. Испытать его Кенрик не решился, отложив это на крайний случай. Зато теперь часть его задачи была решена.

— Ты когда-нибудь пользовалась бластером?

— До транспортировки сюда? — она улыбнулась. — Нет. Некоторые виды оружия я изучала, например, стоннер, но тяжелое оружие мне не нужно. С тех пор, как я стала постоянным агентом, мои знаниягодились мне, как колдунье. В этом знании мне не надо прибегать к материальному оружию. Я предпочитаю полагаться на другие методы.

— Почему ты выбрала постоянное назначение? Очень многие женщины идут на это.

— Разве тебя не предупредили, что такие вопросы никогда не следует задавать? Я сделала свой единственный выбор. Конечно, и у тебя был хотя бы один посыл туда, где ты хотел бы остаться, когда тебя отзывали.

Раньше это была добровольная ссылка. Жизнь колдуньи в Ланасколе меня вполне устраивает. Однако сейчас не время для подобных дискуссий. Ты о чем думаешь?

— Тренировалась ты или нет — неважно. Это простое оружие. Одна кнопка относится к контролю вспышки луча. А прицел — безопасный. Вооруженная, ты сможешь защищаться...

— Значит, ты собираешься выслеживать оракула?

— У меня есть выбор?

— Может, и не было бы, будь ты в своем теле. Но ты находишься в теле человека, считающегося здравомыслящим руководителем, а главным образом, победителем в сражениях.

— В последний раз, кажется, ему не слишком повезло.

— Удачи и предательство рядом не ходят. Леди Яракома знает об этом больше, чем следует, — и можно кое-что узнать, если сумеешь вытянуть язык из ее кривого рта.

Кенрик удивленно посмотрел на Николь. Она, видимо, заметила его удивление и продолжила:

— Я много слышала о леди Яракоме, поэтому не могу хорошо о ней отзываться. Она — зло, гниль в сердце Ланаскола, источник больших неприятностей для Валлека. Она хуже, чем жрецы Орма. Ну, если ты отдаешь мне это, — она сжала приклад оружия, — тебе пора идти в разведку. Ладно, не буду отговаривать тебя. Я спрячусь неподалеку от комнаты с креслом и буду ждать...

Они закусили и она спросила, пока он готовился к подъему на стену:

— Ты представляешь, куда идти?

— Я знаю, где кресло. Может, инструктаж подскажет дальнейшее. Луч-разведчик обрисовал все достаточно хорошо — пока не заглох.

— А что, если инструктаж затемнит твой разум как раз тогда, когда он тебе понадобится?

— Не знаю. Но другого гида у меня нет. Я должен найти оракула, А если сюда заманивают Кор-Кинга, значит, готовится какое-то предательство...

— И ты думаешь в одиночку выступить в его защиту? Не забывай о том, давнишнем Кинге, и его исчезновении.

Она, видимо, увлеклась своим мрачным пророчеством. Ее голос, — возможно, потому, что это была ее работа — предсказывать будущее, — произвел на него сильное впечатление. Но на Кенрика внушение не действовало. С бластером она сможет защитить себя, а ему надо делать дела.

Он забрался на выступ, где было кресло. Он не оглянулся, потому что должен был выкинуть из головы Николь и думать только об одном. Задание — прежде всего.

Кресло было как раз таким, как описывала инструкция, с металлическими обручами на подлокотниках и спинкой для поддержки безмозглого существа, когда жрецы оставляют его здесь на всю ночь. Но жертва получала от кого-то сигнал настолько сильный, что он мог остаться в мозгу, не способном командовать телом, и мог заставить тело произносить разумные слова. Как это делалось? Безусловно, даже самой основательной тренировкой от идиота не добьешься связной фразы, не говоря уже о взразумительном пророчестве. Что же тут — фокус или тайна? Как он сможет раскрыть это и построить планы жрецов, не играя роли оракула.

Кенрик осторожно сел в кресло и коснулся спинки — она была холодной. Откинуться на нее он не мог, не положив руки на подлокотники — мешали металлические обручи. Охваченный ими, сидящий попадал в тиски и не мог двигаться.

Когда Кенрик откинул голову на каменный выступ, у него появилось ощущение, сходное с ударом мозгового зонда. Он повернулся, провел кончиками пальцев по изнанке спинки и нащупал какой-то квадратный предмет.

Из него исходила горячая пульсация, бьющая в пальцы, как будто тут был источник энергии. Он отдернул руку: от этого потока исходило что-то тревожное.

Человек, посаженный здесь, как оракул, вынужден прижимать голову к спинке как раз напротив этого предмета и оставаться так до тех пор, пока его не освободят. Что это давало? Какую-то форму инструктажа, действующего достаточно сильно, чтобы оставить отпечаток в мозгу идиота. Или же — это было важным пунктом — только пустой мозг идиота мог полностью воспринять этот инструктаж. А ведь именно так передаточная камера впечатывала инструкцию в мозг агента.

Но ведь эти оракулы действовали на протяжении столетий, это не новое устройство, оно никак не могло быть результатом предательства в Службе или вмешательства какого-то другого мира. Если бы инопланетяне посетили Валлек на любом отрезке времени, какие-то намеки на это событие должны были существовать — хотя бы просто как легенда. Эксперты инструктажа в Службе дали бы эти сведения в ЦАТ, и компьютер немедленно отметил бы важность такой информации.

В кресле была какая-то форма энергии. Кенрик обошел вокруг спинки, которая была так высока, что представляла собой чуть ли не стену. Он еще раз осмотрел камень с лицевой стороны, но ничего не ощутил, кроме естественного холода. Во всяком случае, он узнал, каким образом можно организовать пророчество, не знал только — через кого. А это было важно.

Перед ним был выход, и он знал из своей мнемोगраммы, что оракула вводили через него. Что ж, теперь этой дорогой пойдет и он.

Проход был темным и узким, стены гладкими. Скоро ему пришлось подниматься по ступенькам. Он считал их — в темноте это полезно.

Он насчитал двадцать ступенек, когда его вытянутая вперед рука ударилась обо что-то твердое. Он нащупал тяжелые металлические полосы поперек двери. Наконец, его пальцы нашли что-то вроде щеколды, какие обычно встречались в Валлеке.

Кенрик быстро потянул засов. Если дверь заперта на замок — все пропало. Но засов пошел. «Может, я и самый большой дурак на свете, — подумал Кенрик, — но я войду, выбора у меня нет». Он открыл дверь и шагнул в неизвестность.

Глава 4

Свет исходил от небольших вкраплений руды орма, но здесь они не составляли рисунка. Ровный проход напоминал обычный туннель.

Кенрик огляделся и никого не увидел. Он закрыл глаза. Помнит ли он, где находится кресло оракула? Найдет ли он сразу путь к нему? Если его инструктаж опять выйдет из строя, ему не выжить в этой неудачной транспортировке. Его жизнь находится в зависимости от его интуиции, от самого слабого ее импульса. Размышляя так, он шел по пыльному туннелю и настороженно прислушивался.

Освещение было таким тусклым, что, оглянувшись, он увидел только контуры двери. Коридор перед ним заворачивал вправо и выходил на лестницу. Он обрадовался, поскольку знал, что главная часть храма находилась наверху.

Скоро вкрапления руды исчезли, и он опять должен был полагаться более на осязание, чем на зрение.

Ему попалась еще одна дверь, тоже окованная металлом, будто обе они были предназначены для защиты. Однако, как он ни ощупывал дверь, щеколды не находил.

Расстроенный, Кенрик прислонился к стене. Похоже, что дверь открывалась только с той стороны. Но он не собирался сдаваться: он снова начал обшаривать поверхность двери, начав с верхней части. Металлические полосы были плотно подогнаны и по краям имели зазубрины вроде бахромы. Он вспомнил червей. Николь внизу... Но у нее бластер...

Он ощупал пальцами уже три полосы, но никакого намека на задвижку или ручку не обнаружил. Четвертая полоса оказалась сломанной. Он ухватился за нее и дернул. Раздался отчетливый щелчок. Но открылась не вся дверь, а только узкая панель, такая узкая, что он с трудом в нее протиснулся. Как только он оказался по ту сторону двери, панель со стуком встала на место, и он нашел признаки того, что когда-то дверь была запечатана. Дальше была еще одна лестница. Снова появился свет руды орма. Лестница так сузилась, что Кенрик задевал плечами стены. Теперь он слышал бормотание голов, доносившихся, казалось, из-за правой стены. Кенрик остановился, чтобы осмотреть стену поближе. Там оказался металлический кружок, открывающий смотровое отверстие. Кенрик заглянул в него. Он увидел длинный холл, потолок которого поддерживался рядами столбов, покрытых резьбой и раскрашенных, напоминающих поднявшихся на хвост червей. Они не были полностью похожи на живых, так как были ужасающе разукрашены, что делало их еще более зловными на вид.

Они были сильно попорчены, кое-где у них были отломаны ноги, не хватало щупальцев, трещины шли поперек нарисованной брони. По всему было видно, что столбы очень древние. Между ними двигались люди — жрецы. В инструктаже Кенрика говорилось о их красной мантии с большим воротником и когтевидным орнаментом, который то ли был сделан из высушенных щупальцев червей, то ли прекрасно имитировал их. Большинство жрецов были в капюшонах, скрывающих лицо. Но у двух из них, стоящих как раз перед отверстием, капюшоны были откинuty. Их безволосые головы блестели, и, похоже, это были молодые люди.

Кевин? Нельзя было ошибиться в племенной татуировке

на щеках. Часть Кенрика в этом заимствованном теле откликнулась на эту маркировку: он слышал свое шипящее дыхание, сознавал, что его руки хватаются за ножны, в которых не было оружия.

Разговаривающий с Кевином был ниже ростом, почти карликом. Мантии на нем не было. Он стоял с голым торсом, на нем были лишь штаны, соединенные с сапогами. Они были сделаны из жесткого материала, похожего на кожу. Штаны переливчато блестели при движении, будто были покрыты опаловой чешуей. Его широкие плечи и выпуклая грудь густо заросли грубыми черными волосами, и пучок таких же волос свисал странной прядью с кончика подбородка, хотя все лицо было гладким. Волосы на голове были причесаны и удерживались чем-то вроде гребня. Волосы на теле наполовину скрывали изобилие драгоценностей, оправленных в металл.

Пират? Значит, правда, что люди Дупта пришли в храм Орма. Одного взгляда на эту трехстороннюю партию было достаточно, чтобы удостовериться в затеваемом здесь ужасном бедствии для Ланаскола.

До Кенрика доносилось лишь бормотание, слов он не мог разобрать, как ни старался. Не стоило задерживаться у этого глазка, поскольку цель его поисков была еще впереди. Он отошел, размышляя о значении виденного.

Союз пиратов с любым племенем был сам по себе сенсацией. Пираты всегда были врагами для всех. Причины, по которым они исключили себя из человеческой расы, были давным-давно забыты, но они были настолько чужды всем другим, что могли рассматриваться лишь как особый вид. Место, где они обитали, хранилось в тайне, все их набеги совершались с воздуха, и никто не мог выследить их. Технический уровень Валлека не позволял им путешествовать по воздуху, и, значит, пираты были неуязвимы.

Они летали на громадных крылатых рептилиях, в какой-то мере напоминавших древних ящеров родного мира Кенрика, живших до возникновения человека. Эти звери, сами по себе, были страшными противниками в сражении. Управляемые людьми, они были опасны вдвойне. Число пилотов, как и животных, намеренно было незначительным: отряд, совершающий набег, никогда не содержал более десяти человек, но и столь малым числом они устрашали. Пока они грабили только фермерские общины, рыбацьи поселки на побережье, караваны торговцев, глупо было рисковать людьми ради такой незначительной добычи.

Кенрик подумал, что, видимо, он находится как раз над холлом. Его рука нащупала глазок, на этот раз слева. Он посмотрел в него и увидел небольшую комнату. Там стоял

массивный стол со столешницей из сверкающего камня киффа, на толстых тумбах-ножках. Во главе стола, почти под самым глазком, стоял стул с высокой резной спинкой, на другом конце — второй, а вдоль стола шли скамьи. Все стены, за исключением той, где было отверстие, были увешены полосами красной ткани, создающими неприятное впечатление ловушки, которая вот-вот схватит и задушит сидящих за столом. Однако четверо мужчин, бывших там, казалось, чувствовали себя спокойно.

Они сидели на скамьях попарно, друг против друга, и гладкая поверхность стола отражала всех четверых. Все они были разными: один был жрецом в красной мантии, одного цвета с драпировками стен, так что временами его майтия сливалась с ними, тем более что его капюшон скрывал лицо и двигались только его руки. Рядом с ним сидел один из пиратов, очень похожий на того, которого Кенрик только что видел. Он играл чем-то — судя по звуку, металлическим, — что было приложено к его руке и было снабжено страшными когтями, в которые он сунул руку, как в перчатку.

Напротив них, направо от Кенрика, сидели двое других. Один был в одежде придворного из Ланаскола, и на груди его туники была вышита эмблема. Кенрик машинально коснулся своей, сравнивая. Королевский герб! Неужели Кор-Кинг уже здесь? Однако нельзя было предположить, чтобы кто-то из его людей так по-приятельски сидел с пиратом.

Мог быть только один ответ: это леди Яракома. Движимся своим неумным аппетитом, она могла сделать последний шаг — связаться с врагами Кор-Кинга и послать сюда своего представителя. Трапнелу очень хотелось, чтобы в эту минуту в нем появилась собственная память Кенрика.

Четвертый человек был одет, как горожанин низшего класса. Он выглядел довольным тем, что сидит со знатью, что жрец и пират слушают его. Говорил он так тихо, что Кенрик улавливал только повышенные тона.

Четвертый человек достал палочку для письма и стал быстро чертить на столе, но ему не удалось закончить то, что он хотел изобразить; занавеси на левой стороне сдвинулись в сторону, чтобы пропустить еще одного жреца. Он остановился в проходе, давая дорогу невысокому человеку, закутанному в мантию, явно слишком широкую для его худого тела.

Мантия была окаймлена на уровне плеч перекрещивающимися ржаво-оранжевыми полосами, воротник был сделан более тщательно, чем у других. Сидящие за столом переглянулись, и жрец, придворный и тот, что рисовал, встали. Только пират, усмехнувшись, остался сидеть. Он явно подчеркивал свое нежелание быть вежливым.

Жрец предложил руку для опоры своему маленькому спутнику, тот раздраженно оттолкнул ее, но его продвижение к цели — стулу во главе стола — было таким колеблющимся и нерешительным, что жрец подошел поближе, готовый помочь в случае надобности.

Усевшись, маленький человек поднял обе руки в перчатках, похожих на лапы с когтями, вроде той, с которой все еще играл пират. Руки тряслись, когда он откидывал мантию назад.

— Ты просил слова... — высокий старческий голос жреца звучал пронзительно. — Пользуйся случаем и говори! Сейчас самое подходящее время. Если ты нарушишь церемониал — не страшно. Давай, говори. Человек с палочкой для письма заговорил, возвысив голос так, что Кенрик мог слышать его слова.

— Конечно, не следовало бы тревожить Светлейших Орма, когда они готовятся к великому дню, но дело в том, что наш брат по сердцу и надежде, Мастер Меча Совард принес новости: похоже, что трижды проклятого Кенрика и ясновидящей не оказалось там, где они были оставлены, хотя их надежно связали. Когда его люди пришли на место Древних камней, их там уже не было, они исчезли. Пираты искали их с неба, но тоже безрезультатно.

— Дурачье, — зашипел старик на стуле. Совард отшатнулся, как будто древний жрец изрыгал смертельный яд, а не слова, — место Древних камней проклято, как всем известно. Если Орм увидел, что может взять их сам, то, естественно, вы не найдете и следов их. Это и есть твои великие новости?

— О, Верховный жрец Орма, а что, если Орм с его бесконечной мудростью не ответственен за их исчезновение? Вдруг они ухитрились сбежать? Не могут ли они добраться до Ланаскола со своими рассказами?

Пират грубо и презрительно захохотал и заговорил с таким акцентом, что Кенрик с трудом понимал его.

— Их нет. Наши люди сделали все, как надо. Пустыню легко обыскать с высоты.

— Правильно, — кивнул тот, кто писал. — Однако если Кор-Кинг придет, а Совард уверил нас, что король собирается прийти, — есть какой-нибудь шанс, что наши беглецы встретятся с его разведчиками?

Верховный Жрец завертелся и взглянул на придворного.

— Зачем Кор-Кингу идти с разведчиками? Что ты знаешь об этом? Ему было послано Великое Слово Орма. Он не пойдет против Орма с армией, — жрец сделал паузу и издал высокий хихикающий звук, отвратительный для слуха. — Разве он не помнит, что один из Кор-Кингов поднял оружие против Орма и до сих пор не вернулся? Нет, не-е-ет, ха-ха хи-хи-ии...

Его хихикание усилилось, хилое тело затряслось от смеха. Его провожатый придвинулся ближе, нерешительно протягивая руку. Однако его господин справился со своим злобным весельем. Он откинулся на спинку стула и вытер рукавом мантии белые морщинистые губы.

— Теперь, — его голос окреп, — ответь мне, идет ли Кор-Кинг с разведчиками и почему?

— Из-за лорда Кор Кенрика, — ответил Совард. — Любой из шпионов Короля мог начертить ему путь к дому колдуньи. Шпионов много и есть такие, о которых не знает даже на следник. Именно они обнаружили там следы борьбы. Кроме того, в докладе Хранителя Ворот упоминается о проезжавшей недавно повозке, завязанной сверху. Но когда это дошло до ушей моей леди, она уже ничего не могла изменить. Она поспешила облить беглецов грязью, намекая на отношения Кенрика и колдуньи и на неестественное стремление мужчин ко злу. Но эта грязь не пристанет к Кенрику: он вел себя очень осторожно, и многие помнят, почему она ненавидит его — пусть Тысяча Зубов Намура обглаживают его плоть с костей.

Жрец, сидевший на скамье, впервые заговорил:

— Светлейший, вспомните то, что вы говорили сами: примешивать к таким важным делам женщину не только оскорбление Орму, но еще и величайшая глупость.

Возможно, его тон сильнее оскорбительных слов задел придворного.

— Говорить так о леди — это...

— Прекратить твяканье! — снова заговорил Верховный Жрец. — Женщина служила нам, как могла. Она доводила до наших ушей многие тайные дела, хотя этот захват лорда Кора был произведен скверно. Самое главное — чтобы Кор-Кинг повиновался Слову, но, похоже, он действует скорее, как враг, чем как слуга. А он — слуга, и он поймет это! Орм давно намекал, что наступят новые времена, когда он ясно произнесет свои Слова — и они будут законом не только для храма Орма, но и для всего Валлека! Долгим, долгим было ожидание в ночи, теперь наступает рассвет. Даже Кор-Кинг, когда услышит истинные слова Орма от оракула, не сможет противоречить им. А если он свалит дурака и попытается спорить — среди его народа достаточно правоверных, которые его прикончат. Итак — еще несколько дней — и мы станем пальцами и руками Орма, достаточно крепкими, чтобы держать мир!

На его губах выступили капли слюны, и он вытер их рукавом. Двое жрецов склонили головы. Совард и светлый незнакомец кивнули. Только пират оскалился, выказывая Орму не больше почтения, чем его последователям.

— Многие еще надо сделать, — твердые нотки исчезли из

голоса Верховного Жреца, он снова стал ворчливым. — Не беспокойте нас более — слишком многое надо сделать. Нужно подготовить оракула...

Ноги его не слушались, и два жреца подошли, чтобы помочь ему встать. На этот раз он не оттолкнул их, а потащился между ними. Остальные молча ждали.

Когда шелкнула задвижка, пират засмеялся:

— Удивительно — у него еще достаточно разума, у этого старика. Он многое спланировал, и спланировал правильно, — пират сделал паузу и, сузив глаза, взглянул на Соварда, а потом на незнакомца. — Значит, он главный теоретик? Очень неплохо. Но он зря так верит в свои божественные сказки — что этот самый Орм придет на гигантском огненном черве завоевывать мир. Такие сказки для тупоголовых. Теперь вот что хочет знать Всеобщая Мать Дупта, — он стукнул когтями по столу перед незнакомцем, — что ты выигрываешь от этого? Люди Кевина — всем известно, чего они хотят. Люди Ярокомы хотят, чтобы ее муж стал Кор-Кингом и не имел такого соперника, как Кенрик — хорошего бойца и любимца горожан. А жрецы кричат об Орме и пророчестве, полученном из уст безумного дурака, что Орм идет править миром. Три причины для клятвенного сотрудничества — по крайней мере, на короткое время, пока не скинут Кор-Кинга. Но ты не назвал причин, по которым предлагаешь свою помощь. Должен сказать, незнакомец, что ты хорошо говоришь, когда речь идет о войне и о способах перехитрить врага, — он плюнул, и капли слюны оказались на столе. Он протянул к ним коготь и провел мокрую черту, накрест перечеркнувшую ту, что была сделана палочкой для письма. — Нам обещали хорошую добычу и шанс испытать наши южные фланги. Ну, а какова же твоя доля? Я слышал странные слухи, что ты не из этого мира, что ты принес необычное оружие и кое-что из него дал нашим людям. Чего ты добиваешься? Всеобщая Мать хотела бы знать это.

— Все правильно. Ты видел это оружие и его действие. В будущем его будет больше, и оно будет мощнее. Что касается моего выигрыша — это очень простая вещь, пират, куда меньше твоей доли. Мне нужна руда орма. Ты прав: я не из этого мира, а руда орма есть только в Валлеке. Мы не можем купить ее у храма, потому что жрецы считают ее потом Орма. Но если мы поможем Верховному Жрецу достичь цели, тогда Орм улыбнется и осыпет нас милостями.

— И вы возьмете свое. Когда это гнездо червей в таком возбуждении, никто не осмелится отказать тебе.

Совард дернулся и бросил быстрый взгляд на чужеземца, но тот и ухом не повел.

— Возьмем, — согласился он. — Это тебе встал поперек горла или смущает твою Всеобщую Мать?

— Отнюдь нет. Игра нам нравится, а до руды Орма нам нет дела. Горожанин, — он взглянул на Соварда, — добывай для своей девицы трон, если сможешь. Усидит ли она на нем — это уже другой вопрос. Нам понятно — важен настоящий момент.

Он соскользнул со скамьи, повернулся и, не попрощавшись, тяжело вышел из комнаты. Совард нервно провел рукой по краю стола.

— Не доверяю я пиратам.

Его собеседник пожал плечами.

— А кто доверяет? Жаль, что приходится использовать их, но у них есть то, в чем мы больше всего нуждаемся сейчас, — путь по воздуху. И они сильны в сражении. Разве у вас в прошлом не было доказательств тому?

— Да. Но они не держат клятвы...

— Не обращай внимания. Он разговаривает нагло, как и все его собратья. Но потом мы сумеем от них отделаться.

— Не мы, а ты, — Совард снова взглянул на него. — Ты показывал нам чертежи ваших приспособлений, с помощью которых вы нашли их вонючее гнездо. Ты уверял нас, что некоторые ваши люди с огненным оружием держат его под контролем, но что об этом здесь никто не знает.

— Не сомневайся, это правда. Пираты буду служить нам до тех пор, пока им это выгодно. Когда необходимость отпадет, они захотят изменить нам, и тогда... — он разломил надвое палочку для письма. — А теперь, как говорил его Светлость, час поздний.

— Интересно знать, выполнит ли оракул то, что задумано? — Совард стал подниматься. Он, видимо, ждал ответа — по крайней мере, так показалось Кенрику.

— А разве не всегда так бывало раньше? Да, я думаю, идиот произнесет пророчество. И если это не подействует на Кор-Кинга — есть средства разъяснить ему, что для Валлека наступают другие времена.

— Если он придет...

Чужак повернулся лицом к Соварду.

— Разве кто-нибудь в этом сомневается? — резко спросил он.

— Он может и не явиться по вызову Орма. Но если он будет думать, что идет освободить Кенрика... у Малтуса есть плащ, который мы взяли у Кенрика, и другие его вещи, и леди Яракома сделает все, что может. Если он не послушается зова Орма, то послушается другого...

— Если бы Кенрик все еще был в наших руках, мы бы его крепко прижали.

Совард засмеялся.

— Если его тело не валяется где-нибудь в Древних камнях, то его сожгло солнце в пустыне. Никто не может пройти через пустыню пешком и без воды, даже если идти плечом к плечу с колдуньей. Здесь граница ее могущества.

— Тебе надо будет, друг мой, удостовериться, что Король действительно готовит поход.

Совард кивнул.

— Разве я не понимаю? Будь уверен, он придет.

— Надеюсь, — инопланетянин резко встал.

Кенрик закрыл отверстие. Он слышал достаточно. Если жрецы Червя, Яракома, Кевин, пираты и загадочный иноземец заключили столь необычный союз, то все же оставалась маленькая надежда. Чужак и Совард договорились уничтожить пиратов, как только в них не будет нужды, и Кенрик не сомневался, что пираты тоже вынашивают планы против союзников.

Но как бы ни был ненадежен этот союз, если он поможет разбить Кор-Кинга, это будет означать гибель Валлека. Так ли уж важен теперь оракул? Жрецы Орма, нуждавшиеся в оракуле, как в запале, будут держать слово, но другие уже потихоньку готовят отход назад — их планы зависят от того, захватят ли они Кенрика. Поэтому приоритет переместился. Главное теперь — не разыскивать оракула, а предупредить Кор-Кинга. Враги не смогли поймать его в ловушку в пустыне, потому что они зависят друг от друга и каждый гнет в свою сторону. Возникнет хаос, который пойдет на пользу Кор-Кингу.

Возможно, не такая уж и ошибка, что он попал в это тело. Кор-Кинг мог не поддаться влиянию какого-то там пророчества, но он послушает своего сына. И, хотя инструктаж довлел над ним, Кенрик решил нарушить его. Теперь он должен был найти Кор-Кинга и известить его о том, что тут затевается, должен подготовить Ланаскол до того, как все это выплеснется наружу.

Пока Кенрик спускался по ступенькам, он уже все спланировал. Заговорщики были правы: путешествие через пустыню нельзя проделать пешком, да еще при разведке с воздуха со стороны пиратов. Кроме того, надо унести с собой воду и пищу.

Оставалось одно — огненные черви! Некоторые из них были оседланы — значит, на них ездили. И коль кто-то мог ездить на них, сможет и Кенрик.

Дойдя до выступа, где было кресло, Кенрик остановился. У него появилась еще одна идея: он был уверен, как если бы об этом было сказано в инструктаже, что пластина, против

которой находится голова оракула, как-то связана с пророчеством. Нельзя ли ее испортить и тем самым замедлить ход событий?

Он решил, что есть только один путь: пусть поломка сразу бросится в глаза жрецам. И еще, если неисправность укажет на одного из союзников... Он усмехнулся. Хороший фокус. Это может дать двойной результат: провалить дело с оружием и посеять раздор среди врагов. Он быстро спустился вниз и побежал к туннелю, где должна была ждать его Николь. Она бросилась ему навстречу.

— Дай-ка... — он выхватил из ее рук оружие и повернулся.

— Они идут за тобой?

Не отвечая, он прицелился в высокую спинку кресла и нажал на кнопку. Луч яркого света пронзил воздух и ударил в цель. На мгновение он застыл, ошеломленный результатом. Кресло взорвалось, извергая каменные обломки, как будто под пластинкой была заложена взрывчатка.

Кенрик на минуту оглох, потом испугался за девушку и попытался заслонить ее, отталкивая назад, к туннелю. К счастью, каменный дождь не задел их.

— Этот грохот привлечет охрану. Мы должны действовать быстро, — он коротко объяснил ей, зачем взорвал кресло и что предполагает делать дальше. — Хотел бы я знать, как управляют ездовыми червями, — закончил он.

Она опять достала свой шар из руды орма.

— Этот шар дает контроль над человеческим мозгом, облегчает гипнотическое внушение. Подействует ли он на червя — не знаю, но могу попробовать.

— Если на них ездят, значит, как-то можно добраться до них. Давай, поищем ход.

— Допустим, что мы найдем его. А что будет потом, когда мы на них сядем?

— Будем искать Кор-Кинга, — он быстро обрисовал ситуацию. — Если его предупредить...

— Когда заговорщики спросят, кто их предал, каждый будет подозревать другого. Новый путь к победе на войне! — засмеялась она.

— Если это только сработает, — он погасил в себе возбуждение. — Все легко может развалиться.

— А вот, что нам нужно!

Кенрик поднял глаза. В проходе показалась громадная голова с тремя глазами. Ротовые щупальца судорожно подергивались, как будто животное боялось. Вероятно, его напугал взрыв. Вылезающий из туннеля червь был настолько страшным, что Кенрик крепче сжал бластер. Охваченный

страхом и яростью, червь мог броситься на людей, которые собирались сесть на него.

Николь поднесла шар к губам и подышала на него. Затем пристально посмотрела сквозь шар и подбросила его вверх. Шар взлетел и слабой искоркой света приземлился перед червем.

Животное сразу остановилось, мотая безобразной головой, затем опустило ее, как бы обнюхивая шар, и замерло. Его щупальца обвисли.

Николь быстро дотронулась до руки Кенрика и шагнула вперед, а он остался на месте, но на всякий случай прицелился в средний глаз червя. Она стояла против животного, и между ними лежал шар. Ее руки двигались в слабом свете, рисуя что-то в воздухе, как будто плели сеть. Кенрик догадался, что Николь старается загипнотизировать животное.

Наконец, она опустила руки, подошла ближе к червю и хлопнула в ладоши. Вялые щупальца ожили и свернулись в клубок под подбородком червя. Он тяжело присел, сгибая суставчатые ноги, пока его брюхо не легло на землю. Николь наклонилась и взяла шар. Кенрик посадил ее в седло, сам сел перед ней и взял поводья. Видимо, это было сигналом для червя, потому что он тут же поднялся.

Кенрик правил им, как лошадью, послав гигантского червя вперед по коридору, которым они первоначально шли.

Червь вез их быстро и точно. Случалось, он задевал боком за стену и процарапывал поверхность, уже и так расчерченную поколениями червей. Когда они доехали до черной лужи перед лестницей, то спешили и напились. Но взять воды впрок было не во что.

На лестницу они поднялись пешком. Николь шла впереди и несла шар, как маяк. Кенрик шел за ней, намотав поводья червя на руку. Червь шел, тяжело вздыхал — видимо, подъем давался ему нелегко. Груз усталости давил и на Кенрика. А каково. — думал он, — девушке? С тех пор, как они пришли в себя в пустыне после покищения, они так и не спали. В сущности, тут, под землей, нельзя было сказать, сколько времени они здесь и что сейчас — день или ночь. У Кенрика так отяжелели ноги, будто он брел в пустыне по щиколотку в песке.

Девушка качнулась вперед и хотя уперлась рукой в стену, все-таки упала. Кенрик помог ей встать и усадил в седло, но сам не сел, а взялся за край пластинчатых доспехов червя, одновременно направляя животное. Последние ступени отняли остатки его сил.

Резные стены уходили назад, как сон, и Кенрик впослед-

ствии не был уверен: спал ли он на ходу, как спят усталые солдаты, или нет. Он полностью очнулся, когда огромный червь остановился.

Кенрик огляделся. Не было резных светящихся стен, только тусклый сероватый свет над ними. А впереди барьер из обломков камня.

Они стояли у осыпавшейся ямы в пустыне, через которую попали в туннель.

Кенрик потянул девушку, лежавшую в седле и хрипло окликнул ее.

Она зашевелилась, забормотала что-то и попыталась оттолкнуть его. Червь хрюкнул и присел, видимо, полагая, что его неподвижный всадник сейчас слезет. Она скатилась с червя и довольно долго лежала неподвижно, но глаза все-таки приоткрыла. Вероятно, она страдала от жажды, как и Кенрик. Вода. Когда они ее получают? В отчаянии он ударил по плоскому боку червя.

Где был его разум? Они должны вернуться назад, в нору, попытаться найти другую дорогу... Кенрик покачнулся и упал на песок. Глаза девушки снова закрылись. Гигантский червь слабо шевельнулся.

Мужчина, женщина и чудовище спали.

Он медленно просыпался. Его голова билась о камни, потому что кто-то тряс его за плечи и окликал, чтобы разбудить. Он был ослеплен, попытался поднять руку и защитить глаза.

Из зияющего отверстия лился ослепительный свет.

Кенрик увидел склонившуюся над ним Николь. Она облегченно вздохнула и выпустила его плечи, а затем подняла что-то и протянула ему. Это была половинка плода. Его сок брызнул Кенрику в лицо, и тут Кенрик проснулся окончательно. Он вцепился зубами в мякоть плода и жевал, утоляя одновременно и голод, и жажду.

Съев плод, он огляделся в поисках добавки, но Николь покачала головой:

— Осталось мало. Червя тоже нужно есть. Пища была для него стимулом, чтобы продолжить наш путь, — она показала на отверстие в стене.

— Пища? А не шар? Она скривилась в подобии улыбки.

— Некоторые плоды не годятся для нас.

Она собрала остатки плодов в мешок, сделанный из ее платья, откладывая в сторону те, что уже заплесневели или загнили. Их она завязала в обрывок тряпки, и, приподнявшись, швырнула зловонную массу в отверстие.

— Я вскарабкалась и засунула приманку в щель. Червь пробил барьер, чтобы достать ее, — она заглянула в отверстие. — Теперь он доедает остатки своего обеда.

На редкость простое решение. Кенрик глубоко вздохнул. Он был поглощен своими заботами и так устал, что даже забыл про мешок с пищей.

— Нам нечего бояться, что червь убежит, — сказала Николь. — Он питается тем, что для нас уже не годится. Я думаю, что эти черви уже с давних пор привыкли, что человек их кормит.

— Долго ли я спал?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Я тоже спала. Но когда проснулась, была ночь, а сейчас день. Ночь скроет нас, пока мы едем, так что мы вполне можем стартовать сейчас.

Он кивнул. Они пролезли в отверстие и оказались в пустыне. Червь неторопливо жевал то, что ему бросила Николь. Увидев их, он подогнул ноги, и они снова сели в седло. Николь показала на голубую скалу вдаль, острой вершиной уходящую в небо.

— Это я помню. Люди, оставившие нас, повернули туда, когда уходили. Вопрос в том, куда они пошли: в Ланаскол или храм Орма? Как бы нам не ошибиться в направлении. Когда появится звезда, я вполне смогу найти дорогу. Читать по звездам — часть моего колдовства, поэтому я знаю, какие из них находятся над Ланасколом. Но сейчас я не знаю, куда идти.

Червь тяжело задвигался, как бы собираясь пуститься в путь. Кенрик колебался: здесь было множество ориентиров — фантастическое обнажение породы — они уберегут их от хождения по кругу. Но какой путь избрать?

— Судьба долго была благосклонна к нам, — наконец, сказала она. — Я не вижу лучшего пути, чем идти наугад. Давай поверим, что выбранный нами путь приведет нас в Ланаскол.

Он натянул поводья, и червь тронулся.

Верховое животное было настоящим кораблем пустыни. Несмотря на то, что этот червь не ходил по песку с тех пор, как вылупился из яйца, он явно был предназначен для таких путешествий.

Руины остались далеко позади. Они пробирались вдоль скал, пока не выбрались на участок, состоявший в основном из песчаных дюн. Но скальные обнажения встречались и тут, похожие на сломанные зубы в челюсти выбеленного солнцем черепа. Солнце, так мучавшее их в начале путешествия, теперь теряло силу. Начало смеркаться.

Кенрик правил к подножью скал и думал о прямой линии, по которой они до сих пор двигались. Он наметил другую цель впереди и надеялся, что скоро появятся звезды.

Скоро так стемнело, что трудно было следить за направлением. Поднялся холодный ветер, и Кенрик пожалел об отсутствии плаща: он помнил, что Николь пожертвовала верхним платьем и, конечно, мерзнет больше, чем он.

— Прижмись ко мне, — посоветовал он. — вдвоем нам будет теплее.

Она прильнула к нему, но ее глаза обшаривали небо, где замерпали первые звезды.

— Звезда-ориентир! Мы были правы, что доверились судьбе. Возьми мы немного левее — и мы не увидели бы этого яркого отблеска. Это вершина треугольника с двумя менее блестящими точками в основании. Созвездие было видно достаточно ясно.

— Стрела Атту, — продолжала Николь, — она приведет нас в Ланаскол.

Ветер стих. Им недолго пришлось дышать пылью. Червь неугомонно шел вперед. Временами он поворачивал вправо и влево, обходя острые скалы, но тут же выпрямлял путь, повинувшись поводьям. Николь задремала, прислонившись к Кенрику.

Он не знал, когда настанет рассвет, но уже стало значительно теплее. Наконец, червь замедлил ход.

— Дай зверю поесть, — хрипло сказала Николь. Она была права. Если зверя не накормить, он может отказаться везти их дальше.

Кенрик бросил поводья. Червь немедленно присел и начал хрюкать, что Кенрик воспринял, как выпрашивание еды.

Они быстро сошли на землю. Николь чуть-чуть отошла и, встав на колени, развязала узел с пищей. Вонь из него шла страшная. Голова червя повернулась, щупальца раскрутились и задвигались в предвкушении гнилых фруктов.

Девушка порылась в мешке, выбрала один плод, разрешила его острым краем камня и обнажила перезревшую мякоть. Кенрик не прочь был и сам поест, но Николь бросила большую часть червя, оставив себе лишь немного.

— Все остальное в мешке испортилось, — мрачно сказала она. — Мы оставим немного для следующей кормежки червя, но для нас...

— Подожди! — он выкинул вперед руку, призывая Николь обернуться.

Здесь не было никакого убежища, даже скалы достаточного размера, а точка, замеченная Кенриком в небе, росла и ширилась с каждой секундой — не пираты ли?

Вдали виднелся гребень скалы. Успеют ли они достичь его?

— Садись! — он схватил Николь за плечи и толкнул к червя.

Глава 5

Животное протестовало кашляющим хрюканьем, но покорно согнуло ноги и повиновалось приказу двинуться вперед. Заставить его идти быстрее было невозможно до тех пор, пока с неба не прозвучал пронзительный визг. Чешуйчатое тело сжалось на секунду от испуга, затем вытянулось, и червь пустился раскачивающимся галопом, так что всадники вынуждены были ухватиться за седло. Визг повторился — громче и ближе. Да, это был патруль пиратов. Кенрик мог теперь разглядеть летящих ящеров с маленькими фигурками людей между широкими крыльями. Первый из них снижался.

— Бери поводья! — Кенрик бросил их Николь, а сам выхватил оружие и выстрелил.

Из бластера вылетел ослепительно сияющий луч. Летящий ящер исчез в огненной вспышке. Вторая рептилия, которая была недалеко от первой, метнулась вверх, и Кенрик снова выстрелил, но промахнулся из-за внезапного рывка. С пронзительным визгом ящер увернулся, но его все-таки задело, и он тяжело взмахивая крыльями, ушел вверх.

Кенрик не имел представления о дальнбойности своего оружия и выстрелил еще раз, но расстояние было слишком велико. Впереди слева и спереди взлетел гейзер из песка и гравия. Ослепленные, они не могли добраться до спасительных скал. Червь вертелся, мотал головой, затем вдруг остановился и так встряхнулся, что они вылетели из седла.

Кенрик метнулся к червю, едва заметному в поднимавшейся туче песка. И вцепился одной рукой в его пластину. Трехглазая голова была погружена в песок и Кенрик почувствовал, как двигаются ноги червя — животное закапывалось в землю! Потянуть за поводья? Но их у Кенрика не было! Он передал их Николь! Неужели червь зароется в песок и оставит их пиратам?

— Николь! — его рот был забит песком, но все-таки его зов был услышан.

— Я здесь!

Он разглядел Николь, согнувшуюся с другой стороны червя. Ее тело напряглось, потому что она изо всех сил тянула поводья. Он пробрался к ней и стал вместе с ней тянуть, удерживая червя. Несколько раз ему пришлось поднимать оружие и стрелять в небо по пиратам. Это научило Николь осторожности. Атака прекратилась, а с ней и песчаный шторм, вызванный выстрелами пиратов. Кенрик все еще видел их, но они кружились высоко, вне пределов досягаемости.

Солнце взошло и принесло с собой зной. Червь со своим инстинктом самосохранения сильно подвел их. Теперь они останутся здесь и, скорее всего, умрут к концу дня. Врагам достаточно не дать им двигаться дальше, и победа в этой неравной битве им обеспечена. Когда успокоившийся червь снова высунул половину тела, Кенрик слегка расслабился.

— Помочь тебе? — спросил он девушку.

— Если он так и останется лежать, тогда... Что ты хочешь делать?

— Хочу посмотреть, чем они взбили песок.

С бластером под мышкой он пробрался к куче земли и песка, из которого поднимался мини-смерч. Там он увидел яму без единой песчинки, и солнце отражалось в этой блестящей воронке. Кенрик подошел к краю и прикладом бластера перевернул лежащий там предмет, чтобы лучше рассмотреть его.

Он мог бы поклясться, что это сделано не в Валлеке. Это был тонкий диск, один конец которого был закруглен, а другой загибался вверх. На нем был гибкий круг из маленьких лопастей, который вращался, когда предмет двигали. Кенрик слышал, что где-то в галактике есть такое оружие. Кажется, его называли оvoidом.

Эти сияющие лопасти должны быть невероятно прочными, чтобы при вращении поднимать такой объем песка и земли. Кенрик нахмурился. Значит, у пиратов было такое оружие, которое производило смятение среди путешествующих в пустыне, в то время как атакующие держались на безопасном расстоянии.

То, чем они хотели запугать двух всадников на черве, свободно можно было использовать против армии в этой пустыне. Что, если такую штуку сбросят рядом с отрядом Кор-Кинга, а то и прямо на отряд, чтобы разметать ослепленных людей во все стороны, а самим ждать, когда можно будет перехватывать всех поодиночке?

Оvoid упал набок, его лопасти мгновенно завертелись, врубаясь в кучу песка. Он поднял столько пыли, что Кенрик отскочил и прикрыл рукой глаза.

— Что это? — закричала Николь.

Кенрик, окруженный клубами пыли, повернул назад, наткнулся на червя и пригнулся, так как песок продолжал фонтанировать. Похоже, что оvoid крутился там, где мог врезаться в землю. Заслонив глаза, Кенрик оглянулся. Теперь уже было два фонтана, но оба стали ниже. Неизвестно, долго ли это будет продолжаться.

Кенрик подполз к Николь, лежавшей под защитой полужасыпанного червя, и быстро рассказал о своей находке.

— Стало быть, пираты вооружены изобретением чужого мира.

— Если они и вправду из чужого мира.

Но сомневаться не приходилось. Это было оружие чужого мира с высоким технологическим уровнем, насколько он мог судить.

Песчаная струя стала тоньше и, наконец, прекратилась совсем. Но от солнца не было защиты. Пираты все еще кружили наверху, однако их стало меньше — только три рептилии. Пиратам надо было всего лишь подождать, а все остальное сделает пустыня. Кенрик не видел выхода. Вдруг он услышал восклицание Николь:

— Посмотри-ка!

Она отгребла песок от тела червя. В воздухе распространился сильный запах. Из-под нижних пластин тела животного сочилась липкая жидкость и капала на песок. Смоченные частички песка затвердели, как раковина, и образовали стенку. Кенрик поспешно стал копать со своей стороны и обнаружил стенку по всей длине червя. Было совершенно очевидно, что червь способен построить себе защитный туннель, когда захочет. А может быть, удастся каким-нибудь образом контролировать его продвижение под землей...

— Шар! — Николь достала самое драгоценное, что у нее было, — но даже если он выкопает дорогу, можем ли мы быть уверенными, что она пойдет в правильном направлении?

— Нет, не можем, но мы хоть будем укрыты от солнца и пиратов. И выиграем время.

Его воодушевила эта мысль.

С шаром в руке девушка подползла к голове червя. Он перестал закапываться, раковина дошла до уровня его глаз. Но эти три тусклых глаза, находившихся еще над поверхностью песка, увидели то, что держала Николь. Она поставила шар. Удастся ли ей снова подчинить зверя себе?

Наконец, она подняла шар и повернулась к Кенрику.

— Не знаю... — начала она, но тут червь принялся за дело почти с такой же силой, что была у овоида.

Кенрик вытащил Николь из песчаного смерча. Червь работал, что надо, с куда большей скоростью, чем обычно, как будто вся его энергия была направлена на то, чтобы уйти под землю как можно скорее. Песок и земля разлетались во все стороны. Червь уже скрылся из глаз, лишь струйка земли выходила спиралью и ложилась холмом над отверстием, отмечая ход животного. Видели ли пираты, что происходит? Может, они захотят проверить... Кенрик сжал бластер, нагнулся над холмом и заглянул в яму. Внизу он обнаружил туннель с гладкими песчаными стенами. Итак, червь сделал

для них потайную нору, защищающую от солнца и наблюдений сверху. Кенрик позвал Николь, спустился в яму и поднял руки, чтобы помочь девушке спуститься. Вход в туннель был не шире тела червя, но червь, покрутившись, сделал для них нечто вроде комнаты. Оказавшись в тени, они облегченно вздохнули.

Кенрик протиснулся туда, чтобы взглянуть на туннель, и осторожно выбрался обратно, чтобы червь не стал продвигаться дальше и не задушил их выбрасываемой землей. Они выиграли время, но надолго ли? Воды у них нет, нет и фруктов, поддерживавших их раньше.

— Он больше не зарывается? — спросила Николь.

— Нет. Наверное, спит. Ночью мы сможем...

— Если доживем, — без выражения ответила она.

— У нас есть шанс. Потеряв нас из виду, пираты могут снизиться. Если мы встретим их, когда они будут близко к поверхности...

Ее глаза закрылись. Дыхание было поверхностное, слабое, и Кенрик решил, что она либо не слышит, либо не хочет слышать его слов. Однако она ответила, не открывая глаз.

— Говорят, утро вечера мудренее, Лорд Кор Кенрик, и иногда это оказывается правдой. Так что давай спать.

Но если она могла позволить себе уснуть, то ему оставалась роль часового. Не то, чтобы он ожидал чьего-то появления — врага или, что маловероятно, друга, — но все-таки он хотел быть готовым. Трудно было бороться с оцепенением, навалившимся на него, трудно было связно мыслить. Он старался вспомнить все, что произошло с ним с тех пор, как он появился в Валлеке. Те, в штабе, давно должны были узнать, что он не оракул. Но знают ли они, кто он? Если да, то почему не организовали возвращение?

Насколько он знал, отправка агента не в то место могла произойти разве что в самые первые экспериментальные дни. Теперь, конечно, это будет отмечено в секретных сведениях, получаемых ЦАТ. Пытались ли они, промахнувшись с ним, послать другого агента? Если так, то не было ли это ошибкой, поскольку кресло на Дороге Червя разрушено? Не могли ли жрецы использовать ту пластинку как-нибудь иначе? Как?..

Кенрик проснулся. Он увидел, что именно вывело его из сонного состояния: в яму сыпался песок. Кто-то подошел к вершине холма. Кенрик придвинулся к Николь и прикрыл рукой ее рот, чтобы она не издала никакого звука, а другой рукой потряс ее, чтобы разбудить. Увидев, что ее глаза открылись и смотрят разумно, он показал вверх. Песок перестал сыпаться: возможно, тот, кто стоял там, прислушивался.

В яму неожиданно влетел овоид. Его лопасти взбили землю,

не склеенную выделениями червя. Поднявшееся облако пыли не дошло до туннеля, но зато могло служить завесой для другой формы атаки. Кенрик мрачно ждал с бластером наготове. Ожидание закончилось тем, что в яму прыгнула темная фигура, отшвырнув с дороги вращающийся овоид. Из оружия незнакомца вылетела струя огня, но Кенрик выстрелил одновременно с ним — и более успешно. Незнакомец разлетелся на куски. Николь вскрикнула и стала стряхивать с плеча Кенрика тлеющие лоскуты туники. Луч нападающего поджег ее и опалил кожу, но Кенрик был жив, а его противник умер.

Попытку напасть на них могли возобновить. Кенрик поспешил к отверстию и смахнул вершину холма, проведя бластером, как веером. Это спасло его: раздался вопль боли, и Кенрик увидел над отверстием человека, который отшатнулся, закрыв лицо руками. Кенрик узнал в нем пирата. Но тот, кто лежал сгоревшей массой в яме, не был пиратом. Кенрик подошел к нему. Лицо было снесено выстрелом, но было видно, что этот человек не из Кевинов и не из Ланаскола. У него была слегка зеленоватая кожа, а немногие сохранившиеся волосы были пятнисто-серые. Гуманоид, но инопланетянин. Остатки одежды напоминали космическую униформу. Кенрик, подавляя тошноту, обыскал тело. Он мало что мог найти, только обгоревшие остатки ремня с различными инструментами. Большая часть их расплавилась. Ничто не указывало на происхождение человека. Его смерть, кстати сказать, сохранившая им жизнь, дала им оружие, тяжелое, с коротким стволом, но без телескопического прицела. Кенрик взял его, чтобы отнести Николь.

Его интересовало, каким образом этот человек добрался до них. Это могло быть только в том случае, если пират приземлился поблизости и, возможно, эта летающая тварь подала тревожный сигнал кому-нибудь наверху.

Единственным разумным решением было перейти от обороны к атаке. Сила его веерного выстрела, которым он прошел по холму, сплывила песок в гладкую поверхность, по которой было трудно взобраться. Он сказал Николь, осматривавшей тяжелый бластер:

— Стреляй сюда.... и сюда...

Она повиновалась. Вспышка прожгла глубокие дыры для рук и ног. Затем девушка оставалась внизу, следя за краем ямы, пока Кенрик поднимался. Он распластался на холме, держа бластер наготове, и как раз в этот момент увидел рептилию пиратов, неуклюже переваливавшуюся для взлета. В седле между крыльями сидел человек, его тело слабо качалось туда и сюда.

Кенрик выстрелил, но вспышка была короткой, хотя он

не снимал пальца с кнопки. Он нажал снова, но вспышки больше не было. Заряд кончился в самое неподходящее время. Он не задел змееподобную голову, а лишь напугал рептилию и привел ее в ярость. Она перевернулась, сбросила наездника и убила его двумя-тремя ударами своего большого клюва. Затем она развернулась и, не успев Кенрик опомниться, как она неслась прямо на него. Он бросился назад и нырнул в яму. Чудовищный ящер взобрался на холм, и взмахи его громадных крыльев подняли почти такую же пыль, какую поднимал овоид. Кенрик и Николь согнулись в туннеле. Стенки ямы тресали под ударами огромных лап, когда ящер балансировал на краю, вытягивая длинную шею и стараясь добраться до людей. Николь выстрелила. Языки пламени вызвали у рептилии глухой крик. Она метнулась вперед, упала в яму и закупорила ее своим телом. В этот миг земля вздрогнула. Червь, притихший так давно, что про него совсем забыли, вдруг зашевелился и начал снова зарываться. На людей посыпались земля и песок. Они прижались к стене. С другой стороны визжал и бился летающий зверь, блокировав выход. Теперь они будут быстро похоронены. Затем последовал мощный толчок, как при землетрясении. Рептилия раскидала землю вокруг входа в туннель и просунула туда клюв. Им осталось лишь податься назад, в свежевырытый червем туннель. На этот раз ящер в кровь расцарапал плечо Николь. Кенрик кое-как затолкал девушку к себе за спину и приготовился к атаке, но тут земля снова затряслась, и нападение, которого он ждал без всякой надежды на спасение, не состоялось. Ящер дико кричал и вертелся, видимо, пытаясь встать. Кенрик воспользовался минутой отсрочки и протиснулся дальше. Вдруг Николь дернула его:

— Смотри!

Глава 6

Ворвавшийся в туннель солнечный свет доказывал, что червь как зарылся, так и решил снова выбраться на поверхность. Кенрик и Николь последовали за ним, ползком пробираясь по рыхлой земле.

Неожиданно они оказались в туче песка, такой же густой, какую поднимал овоид. Сквозь нее они увидели бой: громадный огненный червь добрался до похороненного в яме ящера. По всем признакам черви не были плотоядными, а вот летающие рептилии, возможно, были таковыми, и в черве проснулась старая ненависть к врагу.

В конце концов, песчаная буря утихла. Теперь они ясно видели, как червь согнулся, склонив голову с яростно двигавшимися щупальцами. Он следил за слабым движением под густым песчаным покровом.

Кенрик первым делом взглянул вверх. Пиратов в небе не было. Вполне могло быть, что приземлившийся пират остался на страже, а остальные куда-нибудь улетели. Куда? Применять свою тактику бомбежки против отряда Кор-Кинга?

Пока он так думал, Николь достала шар.

— Сможем ли мы ехать...

— Должны! — сказал Кенрик, хотя совсем не был уверен, что им удастся контролировать червя после его сражения с ящером. Движение в яме стихло, холм был теперь молчалив и спокоен, но червь все еще стоял над могилой врага.

Кенрик взял поводья, и червь поднял голову. Его щупальца снова свернулись в подобие бороды, и животное подогнуло ноги, чтобы люди могли сесть. С помощью поводьев Кенрик указал червю направление, которое он наметил перед тем, как их атаквали. Ровное шлеп-шлеп качающейся походки червя возобновилось. Кенрик подумал, что жара играет дурную шутку с его глазами, и он просто бредит, но, прищурившись, понял, что это, пожалуй, не обман зрения: справа, рядом с вершиной одной из остроконечных скал, появились вспышки света. От основания скал поднимался смерч, с которым Кенрик уже достаточно познакомился, но наверху не было видно летающих рептилий.

— Сигнал! — Николь вцепилась пальцами в плечо Кенрика.

— Похоже на то, — буркнул он.

— Ты не понимаешь — это же сигнал Ланаскола!

— Может, изменники, — сказал он, хотя ему не хотелось этому верить.

Как хотелось бы ему держать на всякий случай бластер, бесполезно лежавший теперь в седельных ножнах. Увы, его желание не совпадало с его возможностями. Он повернул червя и поехал туда, где мигал свет.

Песчаный шторм у подножья скалы прекратился. По-видимому, овоиды крутились только какое-то определенное время. Теперь можно было разглядеть лица людей, выскочивших из-за скалы.

— Лорд Кор!

Человек с трудом шел по песку. Он смотрел на Кенрика и гигантского червя и, кажется, не верил своим глазам.

— Говорят, что в пустыне люди иной раз видят мираж, — начал он. — Но я не верю, что ты иллюзия.

— Это действительно я, — Кенрик опустил поводья, и

червь присел. — Скажи, Джирант, Кор-Кинг идет этим путем?

— Да. Он позади. Мы — разведчики. Но здесь, наверху, пираты, и они могут поднимать песок, чтобы он сражался за них. Они захватили нас, а потом улетели. Мы надеялись только на наше говорящее зеркало, чтобы передать предупреждение людям Кор-Кинга. Но где ты был, лорд Кор? Что за чудовище везет тебя? Шпионы Кор-Кинга открыли в городе, что ты был обманут колдуньей... — тут он впервые взглянул на девушку.

— Нет, леди Николь не обманывала меня, — поправил его Кенрик, — ее взяли в плен вместе со мной. В Ланасколе есть предатели, это точно, но они не зовутся колдуньями. У вас есть лошади?

— Были. Когда поднялась песчаная буря, они разбежались.

— Мне необходимо доехать до Кор-Кинга. Но как оставить вас тут?

— У нас хорошая крепость в этих скалах. Она выдержит атаку пиратов, если они нападут. А если кто-нибудь придет пешком — добро пожаловать.

— У тех, кто с пиратами, новое и смертельное оружие, — предупредил Кенрик. — Они издалика бросают огонь. Если вы увидите похожее на это, — он достал оружие из седельной сумки, — вам лучше всего укрыться за скалами.

Джирант кивнул.

— Может быть, они тоже приедут на таком чудовище, как у тебя?

— Наверняка. Мы едем из их конюшни. Я пришлю помощь, как только смогу...

— В таком обещании нет надобности, лорд Кор. Мы и так знаем человека, которому служим, — Джирант поднес два пальца ко лбу. — Да сопутствует тебе удача!

— В какую сторону ехать? Я поеду быстро, но куда?

— Видишь каменную стену на юге? Двойной проход с выступом в середине? Держись ее, лорд Кор. Наш последний ночной привал был под ней.

Червь начал свой неутомимый шаг. Кенрик несколько раз поглядывал на небо с холодком в спине, как бы предчувствуя нападение. Однако пираты все еще не показывались. Песок впереди выглядел спокойным и непотревоженным. Если пираты и бомбили людей Кор-Кинга, следов этого пока еще не было видно. Жара начала спадать. Кенрик мечтал о воде, пище, но мог ли он просить о них Джиранта? Николь прижалась к нему и положила голову на его плечо. «Как она, наверное, страдает от жажды», — думал он. Кенрик быстро

убедился, насколько обманчивы расстояния в пустыне. Теперь ему казалось, что чем дольше они едут, тем дальше до холма, на который указал Джирант. Может, их заслоняет пыльный туман?

Он слышал тяжелое дыхание Николь. Внезапно поверхность песка перед ними заволновалась, закружилась, и появилось множество червей. Как их ездовой червь вылезал на свободу из-под земли, так и другие взламывали свои туннели, по которым шли под землей.

И каждый нес на себе всадника в полном вооружении. Кенрик пытался остановиться, но не смог: их червь намеревался присоединиться к товарищам. Стоит хоть одному всаднику взглянуть на них, и они превратятся в обгоревшие трупы, — подумал Кенрик, но, осторожно скосив глаза, увидел, что ни у одного всадника нет бластера. У них было обычное вооружение Валлека: черные трубки, стреляющие парализующими дротиками, длинные пики, боевые мечи. Где же бластеры? Возможно, их было слишком мало, чтобы вооружить такой отряд, или хозяева не доверяли союзникам? Вероятно, одного вида этих червей было достаточно, чтобы деморализовать силы Ланаскола. Их червь не показывал никаких признаков усталости. Наоборот, он пробивался вперед, в авангард отряда. Поскольку отряд ехал спокойно, один червь вполне мог обогнать своих собратьев. На новоприбывшего никто не обратил внимания.

— Наклонись как можно ниже, — обратился Кенрик к Николь и сам согнулся чуть ли не пополам над краем седла. Грубая шерсть червя хлестала по его лицу, от запаха щипало глаза и ноздри, но это можно было выдержать. Червь, явно возбужденный обществом себе подобных, пустился в раскачивающийся галоп, кидая своих пассажиров из стороны в сторону, хлеща своей длинной и твердой, как сталь, шерстью. Кенрик не решался поднять голову и посмотреть на окружающих всадников. Ему оставалась лишь одна надежда, что судьба будет благосклонна к ним ради важности и неотложности их дела. Червь затрясся. Кенрик услышал крики, и около них яростно закрутился песок. Они оказались в зоне атаки. Он закрыл глаза и крепче ухватился за свое ненадежное сидение. Червь так резко затормозил, что они вылетели из седла. Николь все еще держалась за Кенрика, а вокруг них поднимался песок. Кенрик выпустил из рук поводья и отполз вместе с Николь, смутно соображая, что червь опять станет зарываться в землю и может засыпать их. Они кое-как добрались до скалы, единственного убежища в этом мире крутящегося песка. Он уцепился за камень, девушка прижалась к нему, и так они лежали, закрыв глаза. Долго ли это продол-

жалось, он не знал. Он слышал крики, некоторые из которых были военным кличем Ланаскола. Кто-то взял его за плечо, стараясь оттащить от скалы. Кенрик хотел встать сам, не выпуская девушку, но не смог и снова упал. Он почувствовал, что песчаная буря прекратилась, и открыл глаза. Он узнал знаки на груди человека — стража Кор-Кинга. Он хотел заговорить, но издал только хрип. Кто-то поднес к его губам чашу с водой, и Кенрик начал жадно пить. Его руки слабо повисли. Где девушка? Мысль, что она умерла, пронзила его мозг. Он выпрямился с помощью одного из стражников.

— Где Николь?

— Она здесь, лорд Кор, посмотри... — они расступились. Она лежала на земле, и один из стражников осторожно лил ей в рот воду. Он кивнул Кенрику:

— Она жива, лорд Кор. Она просто в обмороке.

— Где Кор-Кинг? — спросил Кенрик. — У меня важное сообщение...

— Он здесь, лорд Кор.

Они помогли ему повернуться, и он увидел перед собой высокого человека в броне и шлеме с эмблемой из драгоценных камней...

Последний песчаный смерч осел. Солнце заходило. У скалы было много выступов, которые легко можно было отколоть и использовать, как сидения, Кенрик прислонился к скале и взглянул направо, где усаживался Кор-Кинг. Повсюду виднелись холмы, отмечающие местопребывание червей, которые, видимо, спокойно отдыхали под землей. Их бывшие наездники были либо убиты в сражении, либо захвачены, когда их ездовые животные начали зарываться. И теперь допрашивались офицерами Кор-Кинга.

— Похоже на то, — заметил Кор-Кинг, — что они бросились в битву, совершенно не зная, что их животные склонны искать под землей защиты от песчаных штормов. Плохо спланировано. Естественный результат того, что ты рассказал о их подозрительности. И этот провал не послужит укреплению их взаимных симпатий.

— Когда я сжег трон оракула оружием, принадлежавшим чужестранцам, у них, конечно, возникли подозрения. А поскольку другое новое оружие — овоиды — принесло поражение вместо победы, я думаю, что всякое доверие к этим чужестранцам подорвано. Тем не менее мы должны опасаться этого оружия.

— И измены в наших рядах, — Кор-Кинг снял шлем и потер виски, как будто шлем давил ему на голову. Он был того же типа, что и все в Ланасколе: красно-коричневая кожа, темно-рыжие волосы. Только возле ушей шли серебряные

полоски в два пальца толщиной, но они не были признаком старости, поскольку правильные черты лица Кор-Кинга носили лишь следы деятельной жизни и большой ответственности.

Король разглядывал пустыню, а Кенрик изучал его лицо. Он выглядел моложе своих лет, этот Кор-Кинг, чье правление поможет Валеку выжить, не стать грудой пепла в будущем, таком далеком, что просчитать его можно только на машинах из другого мира и другого времени. Кор-Кинг принял фантастический рассказ Кенрика со спокойным вниманием, однако у него наверняка были сомнения. Он мог подумать, что сын, так долго лежавший без разума, болтает теперь невесть что в полупомрачении. Очевидно, настоящий Кенрик не баловал его откровенностью и не был склонен к ней.

— Люди из другого мира желают иметь дело со жрецами ради руды. Мы давно знаем, что у руды исключительные свойства. Ею пользуются колдуны. И суеверные Кевинны готовы истолочь ее в бесполезный порошок, лишь бы она не обернулась против них. Говоря о колдунях, Кенрик, я имею в виду эту Николь, которая хорошо поработала для нас. Спроси-ка ее от моего имени, чего бы она хотела. Если это в нашей власти...

— Я не думаю, что она потребует вознаграждения.

— Возможно, — Кор-Кинг мягко рассмеялся. — Но награда ее ждет в конце. Есть еще одна женщина, которая тоже работала, вертелась и выкручивалась, как умела. Ты ничего не сказал о леди Яракоме, кроме того, что ее человек был на совете жрецов. Удивительная у тебя сдержанность. Она столько говорила о тебе в последнее время...

— Ничуть не удивляюсь.

— Да, я полагаю. Она, между прочим, говорила, что ты все еще не в своем уме из-за раны. И что во время болезни ты попал под чары колдуни, которая пользуется тобой для своих грязных целей.

— И этому поверили?

Кенрик ничего не мог прочесть на бесстрастном лице Кор-Кинга. Может, Яракома все еще пользуется некоторым влиянием?

— Это выглядело логичным. Мои агенты докладывали о некоторых фактах, по-видимому, подтверждающих это. Но у меня есть еще более тайные агенты. Одного из них я пустил по определенному следу, когда впервые получил сведения о том, что ты тяжело пострадал в пограничной стычке. Оказывается, что я иной раз бывал более слеп, чем мне было предназначено богами. Леди Яракома в прошлом была тебе ненадежным другом. Не поэтому ли она так стремилась ухажи-

вать за тобой, когда ты лежал бездыханным? Однако она никогда не оставалась с тобой наедине.

Кенрик улыбнулся.

— За это я, вероятно, должен быть искренне благодарным.

Он услышал смехок Кор-Кинга, но лица его уже не видел в темноте.

— Твой брат никогда ничего не видел, кроме хорошенького личика, когда дело касалось ухаживания. Поэтому я не сержусь на него. Вообще-то, он храбрый человек и достойный сын. Но если он наденет это, — Кор-Кинг поднял шлем, — я боюсь за Ланаскол. Леди Яракому нельзя обвинить открыто, иначе она расколет королевский двор сверху донизу. Многие рады будут послушать, как она станет произносить тщательно подобранные слова. Но может случиться, что твой брат будет послан выполнять задание: охранять западные границы и вести торговые дела с приморскими жителями. Он поедет почти на два года в опасную страну и не сможет взять с собой свою любимую. Она выразит горячее желание удалиться на это время в башню Семи Молчаливых и найти у Мудрых Женщин утешение и поддержку.

Кенрик ничего не знал об этом месте, но ничуть не сомневался в том, что Кор-Кинг станет тщательно наблюдать за вероломной невесткой.

— Этого для леди достаточно. А как насчет жрецов, чужеземцев и их союза с пиратами и Кевин? — спросил Кенрик.

— Будем надеяться, что семена раздора, что ты посеял, взойдут. Моим послушным агентам дан приказ мутить воду, подливать масла в огонь и извлекать из всего этого пользу. Пираты могут решиться на штурм Ланаскола, но я в этом сомневаюсь. Жрецы Червя без своего оракула на некоторое время парализованы. И твой детальный отчет будет широко распространен, так что больше никто не сможет внушать оракулу предсказания. В самом деле, твой рассказ станет сагой, которая возвеличит наш дом и его правление. Что касается иноземцев — надо больше узнать о них. Мои агенты займутся этим. Мы узнали, что черви им служат. Мы никогда не были за пределами пустыни: этому препятствует наша природа и природа пустыни. Если же мы посадим наших разведчиков на червей, это препятствие будет устранено.

Кенрик кивнул. Кор-Кинг продолжил:

— Не скажу, что все пойдет гладко, и одна стычка не решает исход войны. Ты достаточно закаленный боец и понимаешь это. Но я думаю, что их союз теперь развалится, а поодиночке мы возьмем их голыми руками. Теперь мы можем вернуться в Ланаскол. Спасибо Джиранту, что предупредил нас сигнальными вспышками, спасибо и тебе за сообщение.

Храбрые люди всегда так поступают, — по крайней мере, я так считаю.

Теперь мы вернемся, оставим только разведчиков и, может быть, посадим их на червей. Дома мы подождем возвращения агентов, подготовленных к набегам пиратов или иноземцев. Всегда ведь было так: человек думает о том, что лежит далеко, а мудрый ищет рядом. Поэтому я снова подумал о твоей колдунье. Таких надо иметь рядом. — Кенрику показалось, что Кор-Кинг многозначительно взглянул на него. Но ему вдруг расхотелось искать скрытый смысл слов. Не в его власти было выполнить свою миссию так, как предполагала Служба, но все равно, Ланаскол был крепко защищен и была уверенность в том, что Кор-Кинг будет править.

Кенрик стоял между драпировками. Эта комната была, пожалуй, пошире той, в которой Николь принимала своих клиентов, но не длиннее. От ткани исходил запах трав.

— Нам остается только вынырнуть, — сказал он, не глядя на Николь. — Кор-Кинг заслуживает лучшего. Он рассматривает меня, как партнера в своих планах. Если меня отзовут и ему достанется только безмозглый олух или мертвое тело, это вызовет подозрение у достаточно умных людей. Так и доложи. Это встряхнет даже ЦАТ.

— Для него это не новость, — ответила она.

— Да? Для него это не новость? — он обернулся, но она стояла в темном углу комнаты, и он плохо видел выражение ее лица. Может, она преподносила ему такую же гладкую маску, с которой принимала своих клиентов?

— ЦАТ признался, если можно так выразиться.

— Признался в чем?

— В том, что в последнюю минуту переключатель в передаточной камере действовал по собственной инициативе ЦАТ.

Кенрик шагнул вперед.

— Ты понимаешь, что говоришь? — Кенрик не хотел верить, в глубине его мозга таился страх — страх, что в один прекрасный день компьютер не послушается приказа человека и станет действовать по-своему.

— ЦАТ пришел к заключению, что оракул не главная фигура в этой игре, что Кор-Кинг нуждается в поддержке, которую могла дать наша операция, и подготовил совершенно другой посыл...

— Поэтому и выбрал меня. Годвард знал?

— Никто не знал, пока тебя не переслали. А потом узнали, что ЦАТ запланировал перелет только в один конец.

— Как?!

— Замена не прошла по цепи, которую они все еще не

могут проследить. Так что ты не можешь вернуться, не рискуя. Попытка может закончиться неудачей. Не думаю, что ты захочешь рисковать.

— Конечно, нет, — ответил Кенрик, почти рассеянно, пытаясь сообразить, что с ним сделал ЦАТ. Вполне возможно, что они очень не скоро найдут эту цепь. Цат запросто скроет ее.

— Еще одно, — сказала она. — ЦАТ прервал со мной связь, когда я спросила, как идут дела. Теперь контакт возобновится по другой линии, если ЦАТ опять прервет связь.

Первый шок прошел, и Кенрик мог уже мыслить спокойно.

— Значит, я вроде бы как стал добровольным ПОСТОЯННЫМ АГЕНТОМ. Думаю, что теперь мне не отвертеться.

— Это тебе очень подходит.

Она подошла к окну. Следы их пребывания в пустыне полностью исчезли с ее лица.

— Не призывай гнев богов Валлека на ЦАТ... — он засмеялся. — Ладно, я более не Трапнел, а настоящий Лорд Кор Кенрик. Ну, что ж, пора выступать под этим именем.

— Что ты хочешь сказать?

— Кор-Кинг хочет видеть тебя членом своей семьи. Прошлой ночью он откровенно разговаривал со мной. Я понимаю его заботы. Яракома едва ли делает честь клану. Ему хотелось бы самому выбрать женщину для брачных уз с родом Кор.

Кенрик усмехнулся. Его лицо оставалось спокойным, но глаза напоминали руду орма. Он подошел к Николь и сказал:

— Он хитрый, но он прав. Я думаю, что помогу ему высидеться, даже если ЦАТ воспротивится!

Затем он замолчал. У него были на то причины.

СОДЕРЖАНИЕ

Операция «Поиск во времени»	<i>пер. Т.Романовой</i> 5
Поиск на перекрестке времен	<i>пер. Т.Романовой</i> 169
Да здравствует лорд Кор	<i>пер. Т.Романовой</i> 307

Н 82 Поиск во времени. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1992. —
368 с. (Фантастические романы)
ISBN 5-87012-025 - 2

Ответственный за выпуск
Макаренков С.М.

Подписано в печать 3.06.93. Формат 84×108/32. Бумага газетная
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ.п.л. 11,5
Усл.п.л. 19,32. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 650. Переплет 7Б
Цена договорная

Издательство РИПОЛ, "Джокер"
123000 Москва, а/я 21

Арендное предприятие Республиканская ордена «Знак Почета»
типография им. П. Ф. Анохина. 185005. г. Петрозаводск,
ул. «Правды», 4.

Три интереснейших романа известной писательницы Андре Нортон посвящены путешествиям во времени. В них моделируются и оживают удивительные экзотические миры: Атлантида, Империя ацтеков, миры, существующие в других временах. И везде герои-путешественники преодолевают трудности, обретают новых друзей, сражаются с врагами.

Романы написаны в традициях фантастики Андре Нортон, где добро всегда побеждает зло.

АНДРЕ НОРТОН

